Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный юридический университет»

На правах рукописи

РУДИЧ
Валерий Владимирович

МЕХАНИЗМ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

12.00.09 – Уголовный процесс

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
Зайцев Олег Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации

Екатеринбург – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ……. 4

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. Сущностно-феноменологический (онтологический) анализ механизма применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве……..26

§ 2. Детерминированность правовой организации применения мер пресечения типом уголовного процесса……..77

§ 3. Проблемы современной правовой организации формирования оснований и выработки решения о применении мер пресечения в уголовном процессе……120

Глава 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕХАНИЗМА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. Понятие и система правовых стандартов применения мер пресечения в уголовном процессе ……168

§ 2. Проблемы правовой организации участия в применении мер пресечения лиц, заинтересованных в исходе этой процедуры правоприменения…….……..…… ……215

§ 3. Понятие и сущность механизма применения мер пресечения в уголовном процессе …….....261

Глава 3. ПЕРСПЕКТИВЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. Исходное определение механизма применения мер пресечения в составе современной уголовной политики ……..…….302

§ 2. Характеристика современной уголовно-процессуальной политики применения мер пресечения: основные тенденции и их воплощение в механизме правоприменения…….……329

§ 3. Перспективы смены существующей модели механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства……364

ЗАКЛЮЧЕНИЕ …….……..381

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ...……...……..394

Приложение № 1 ……..502

Приложение № 2 ……..512

Приложение № 3 ……..522

Приложение № 4……...531

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена существенными конструктивными недостатками механизма применения мер пресечения по уголовным делам. Репрессивный характер уголовной политики, обвинительный уклон уголовной юстиции с избыточным применением мер правового принуждения в виде лишения свободы и заключения под стражу противоречат международно-правовым стандартам обеспечения прав и свобод человека и гражданина, что признается одним из структурных ограничителей социально-экономического развития страны.

Практика применения мер пресечения традиционно носит антигуманный характер. В частности, в 2018 году судами рассмотрено 113 141 ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых 102 165 было удовлетворено (90,3 %)[1]. За первое полугодие 2019 года – 52 836 ходатайств, из которых удовлетворено 47 951 (90,8 %)[2].

Для сравнения: в 2017 году судами удовлетворено 113 269 ходатайств следственных органов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в 2016 году – 121 796, в 2015 году – 140 457, в 2014 году – 133 755, в 2013 году – 133 111, в 2012 году – 132 923, в 2011 году – 135 850[3].

---

[1] Процент рассчитан автором диссертации как соотношение числа удовлетворенных судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу к числу рассмотренных ходатайств, производство по которым окончено. См. подробнее: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 28.09.2019).

[2] Процент рассчитан автором диссертации как соотношение числа удовлетворенных судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу к числу рассмотренных ходатайств, производство по которым окончено. См. подробнее: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 6 месяцев 2019 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-1-2019.xls (дата обращения: 29.12.2019).

[3] См. подробнее: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 г. // Официальный сайт Судебного департамента при

Ходатайства о применении домашнего ареста поступили в суды в 2018 году только в количестве 7 170, что составляет 6,3 % от общего количества ходатайств о заключении под стражу[4]. За первое полугодие 2019 года поступило 3481 ходатайство о применении домашнего ареста (6,6 % от общего количества ходатайств о заключении под стражу)[5].

Для сравнения: в 2017 году судами удовлетворено 6 442 ходатайства следственных органов об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста,

---

Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/F1-svod_1-2017.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/F1-svod-2016.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2015 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/F1-ug_pr-vo_1_inst-2015.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2014 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2014/f__N__1_2014.xls (дата обращения 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2013 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2013/f_1-ugolovnoe_pr-vo_po_1_instantsii_za_2013.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2012 г. Раздел 4. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/forma_1_-_2012_god.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2011 г. Раздел 4. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/F_stat_2011.zip (дата обращения: 28.09.2019).

[4] Процент рассчитан автором диссертации на основании сведений о рассмотрении судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. См. подробнее: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 28.09.2019).

[5] Процент рассчитан автором диссертации на основании сведений о рассмотрении судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. См. подробнее: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 6 месяцев 2019 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-1-2019.xls (дата обращения: 29.12.2019).

в 2016 году – 6 056, в 2015 году – 4 676, в 2014 году – 3 333, в 2013 году – 3 086, в 2012 году – 2 714, в 2011 году – 1 346[6].

Что касается применения в качестве меры пресечения залога в 2018 году, то судами рассмотрено всего лишь 122 ходатайства[7]. За первое полугодие 2019 года – 43 ходатайства[8].

Несмотря на решения Европейского Суда по правам человека[9] в отношении России, в которых указывалось на не отвечающую требованиям «о разумном сроке» продолжительность производства по уголовному делу и, как следствие, длительное содержание под стражей обвиняемых, за последние пять лет количество освобожденных из следственных изоляторов в период

---

[6] См. подробнее: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/F1-svod_1-2017.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/F1-svod-2016.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2015 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/F1-ug_pr-vo_1_inst-2015.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2014 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2014/f__N__1_2014.xls (дата обращения 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2013 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2013/f_1-ugolovnoe_pr-vo_po_1_instantsii_za_2013.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2012 г. Раздел 4. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/forma_1_-_2012_god.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2011 г. Раздел 4. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/F_stat_2011.zip (дата обращения: 28.09.2019).

[7] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 28.09.2019).

[8] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 6 месяцев 2019 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-1-2019.xls (дата обращения: 29.12.2019).

[9] Далее – Европейский Суд, ЕСПЧ.

предварительного следствия и судебного разбирательства увеличилось совершенно незначительно (только на 0,4 %)[10].

К сожалению, непоследовательные изменения и дополнения российского уголовно-процессуального законодательства добавляют к имеющимся недостаткам механизма применения мер пресечения новые проблемы. Сложилась тенденция к созданию особых правовых стандартов применения мер пресечения в отношении ряда категорий граждан: «спецсубъектов», «предпринимателей». В последние годы в данном направлении появляются новые инициативы, которые подрывают основу правового регулирования: принцип равенства всех перед законом и судом. По данному поводу заместитель председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Совета Федерации Федерального Собрания РФ А. Карлин особо отметил, что данная проблема избрания и продления заключения под стражу является достаточно острой и актуальной, в силу чего вызывает озабоченность у общественности и требует серьезного комплексного изучения[11].

Путь к решению проблемы репрессивности уголовно-процессуальной политики применения мер пресечения по уголовным делам и к ее гуманизации лежит через своевременное осознание того, что частичными изменениями механизма применения мер пресечения ее не решить. Во-первых, надо понять, что данная проблема носит институциональный характер. Она порождена переходным типом российского уголовного процесса, который сложился из-за незавершенности судебной реформы. Уголовно-процессуальная система, включающая судебный контроль за применением мер пресечения в ходе досудебного производства, остается, в сущности, модернизированной советской моделью. Введение судебного контроля за применением мер пресечения в стадии предварительного расследования, будучи, безусловно, положительной мерой,

---

[10] См.: Статистическая информация // Официальный сайт ФСИН России. URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/ (дата обращения: 01.03.2019).

[11] См.: Совершенствование механизма избрания и продления заключения под стражу, залога и иных мер пресечения: круглый стол. 18.07.2019 г. // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ. URL: http://council.gov.ru/events/committees/106639/ (дата обращения: 02.08.2019).

априори не могло привести к формированию состязательных правовых стандартов применения мер пресечения в несостязательном предварительном расследовании. Во-вторых, существует и цивилизационный аспект этой проблемы: Россия, как и другие страны, стоит на пороге очередной информационно-технологической революции (цифрового мира), но сохраняет правовой инструментарий, созданный еще в прошлые века.

Необходим новый концептуальный проект реорганизации института применения мер пресечения во взаимосвязи с реформой предварительного расследования и структурной перестройкой всего уголовного судопроизводства по состязательному типу. Однако этому мешает следственная доктрина, способная выполнять по отношению к существующему уголовно-процессуальному строю только охранительную функцию и функцию консервации правовой модели применения мер пресечения. Отсутствует надежная научная основа для выработки правовой политики в этой критически важной для общества сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Для выхода на качественно новый уровень понимания перспектив развития уголовной юстиции и такого ее важнейшего элемента, как мера пресечения, необходимо отказаться от догматов советской правовой школы и тех заблуждений, которыми они обросли в переходный период. Именно сейчас злободневен критический анализ и пересмотр концептуальных основ российского правоведения, на которых традиционно строилось учение о механизме правового регулирования применения мер пресечения.

Таким образом, исключительная важность разрешения существующих проблем, связанных с функционированием действующего механизма применения мер пресечения, наглядно свидетельствует об актуальности избранной темы исследования и требует надлежащей комплексной теоретической разработки.

Степень научной разработанности темы исследования, с одной стороны, достаточно велика. С другой стороны, наблюдается догматическое, одностороннее освещение имеющихся проблем, что обусловлено господством нормативистского подхода.

Особую роль в разработке темы исследования сыграли такие ученые русского уголовного процесса, как А. Ф. Кистяковский, В. Д. Кузьмин-Караваев, П. И. Люблинский, П. В. Макалинский, В. В. Микляшеский, В. К. Случевский, С. В. Познышев, Д. Н. Стефановский, И. Я. Фойницкий и др.

Среди ученых, которые внесли важный вклад в разработку проблематики мер пресечения в советском процессе, следует назвать А. Д. Бойкова, В. И. Громова, Ю. М. Грошевого, К. Ф. Гуценко, П. М. Давыдова, В. Г. Даева, З. Д. Еникеева, З. Ф. Ковригу, Л. Д. Кокорева, Ф. М. Кудина, Э. Ф. Куцову, А. М. Ларина, Ю. Д. Лившица, В. З. Лукашевича, П. А. Лупинскую, И. Л. Петрухина, Н. Н. Полянского, В. М. Савицкого, М. С. Строговича, М. А. Чельцова, Ю. К. Якимовича, М. Л. Якуба и др.

В постсоветский период значимые результаты в исследовании данной проблематики достигнуты А. С. Александровым, О. И. Андреевой, В. С. Балакшиным, Б. Т. Безлепкиным, В. П. Божьевым, Б. Б. Булатовым, В. М. Бозровым, С. И. Вершининой, А. Г. Волеводз, Б. Я. Гавриловым, В. Н. Григорьевым, А. В. Гриненко, Ю. В. Деришевым, С. М. Даровских, В. В. Дорошковым, А. Ю. Епихиным, О. А. Зайцевым, З. З. Зинатуллиным, К. Б. Калиновским, Н. И. Капинус, В. М. Корнуковым, Э. А. Кутуевым, Л. А. Лазутиным, Н. С. Мановой, И. В. Масловым, В. Ю. Мельниковым, В. А. Михайловым, Т. Г. Морщаковой, К. В. Муравьевым, В. В. Николюком, А. Д. Прошляковым, Л. К. Труновой, В. Т. Томиным, А. Г. Халиулиным, Г. П. Химичевой, О. И. Цоколовой, С. П. Щербой и др.

Отдельный корпус знаний о мерах пресечения составляют многочисленные исследования института судебного контроля, которые проводили такие ученые-процессуалисты, как В. А. Азаров, А. А. Давлетов, Н. Н. Ковтун, Н. А. Колоколов, В. А. Лазарева, Н. С. Манова, Е. Б. Мизулина, Н. Г. Муратова, А. В. Смирнов, Т. В. Трубникова, И. Ю. Таричко и др.

Различным аспектам мер пресечения в уголовном процессе посвятили свои докторские диссертации Н. И. Капинус (Москва, 2001); Л. К. Трунова (Санкт-Петербург, 2002); Б. Б. Булатов (Н. Новгород, 2003); Э. К. Кутуев (Санкт-

Петербург, 2004); О. И. Цоколова (Москва, 2007); В. Ю. Мельников (Москва, 2014), С. И. Вершинина (Самара, 2017), К. В. Муравьев (Омск, 2018).

Кроме того, по данной проблематике защитили кандидатские диссертации А. В. Величко (Москва, 2001); М. И. Селин (Санкт-Петербург, 2002); Н. Г. Нарбикова (Оренбург, 2005); Н. В. Бушная (Волгоград, 2006); Е. В. Салтыков (Екатеринбург, 2007); Р. В. Орлов (Иркутск, 2008); А. Е. Григорьева (Красноярск, 2009); А. В. Струков (Н. Новгород, 2009); В. А. Светочев (Калининград, 2009); А. А. Чуниха (Ставрополь, 2009); Д. А. Долгушин (Владимир, 2010); С. В. Колоскова (Москва, 2014); Л. М. Фетищева (Н. Новгород, 2016); А. О. Зайцев (Москва, 2017); Ю. В. Царёва (Н. Новгород, 2018) и др.

Таким образом, российской уголовно-процессуальной наукой накоплен значительный объем знаний по избранной теме, что требует всестороннего теоретического осмысления для реализации поставленной цели исследования.

Целью диссертационного исследования является создание авторской теоретической модели механизма применения мер пресечения, а также обоснование системного подхода к конструированию новой модели правоприменения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства, обеспечивающему эффективную судебную процедуру применения мер пресечения на основе равенства и состязательности сторон.

Указанная цель исследования обусловила постановку следующих **основных задач:**

- осуществить сравнительный анализ комплекса научных представлений о сущности мер пресечения, их цели, системе мер пресечения, их соотношении с другими мерами правового принуждения;

- раскрыть системную связь механизма применения мер пресечения с типом уголовного процесса, направлением развития уголовно-процессуальной политики и уголовной политики государства в целом, господствующей правовой доктриной, государственным строем и организацией ветвей власти, а также с существующей

организацией предварительного расследования, технологией доказывания, порядком предъявления обвинения;

- провести анализ отечественной традиционной доктрины об институте мер пресечения и механизме их применения;

- изучить состояние современного механизма применения мер пресечения в рамках существующего судебного контроля;

- рассмотреть проблемы реализации прав участников судебной процедуры принятия решения о применении меры пресечения;

- изучить особенности регулирования применения мер пресечения нормами международного права в контексте положений Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, решений ЕСПЧ;

- провести анализ правовых стандартов, связанных с механизмом применения мер пресечения;

- изучить теоретические разработки и предложения по реформированию отечественного уголовного судопроизводства и процедуры применения мер пресечения;

- обосновать авторскую теоретическую модель механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства;

- определить содержательные элементы и условия функционирования обосновываемой авторской теоретической модели механизма применения мер пресечения;

- разработать конкретные меры по реорганизации уголовно-процессуального механизма применения мер пресечения;

- разработать предложения по изменению и дополнению российского уголовно-процессуального законодательства.

Объектом исследования является совокупность правоотношений, возникающих между участниками судебной процедуры принятия решения о применении, продлении, изменении, отмены меры пресечения, и реализации ими

своих прав и обязанностей в существующем отечественном типе уголовного процесса.

Предметом исследования выступают нормы национального, зарубежного и международного права, регулирующие порядок применения мер пресечения; судебная практика Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, ЕСПЧ, практика областных, городских и районных судов общей юрисдикции по вопросам применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве; теоретические представления о понятии, содержании, значении правовой организации применения мер пресечения в современном уголовном процессе; данные статистики.

Методологическая основа диссертационного исследования представлена общими и частнонаучными методами научного познания: диалектическим, системным, историческим, индуктивным, дедуктивным, анализом, синтезом, аналогией; юридико-техническим, историко-правовым, сравнительно-правовым, структурно-функциональным, социологическим, статистическим и др.

Использование указанных методов дало возможность в полной мере обосновать необходимость реформирования судебной системы и органов предварительного расследования, сконструировать авторскую теоретическую модель механизма применения мер пресечения в уголовном процессе.

Метод дедукции позволил определить сущность мер пресечения, их роль и значение в институте мер процессуального принуждения, выявить критерии отграничения мер пресечения от иных мер процессуального принуждения.

Благодаря системно-структурному методу были выделены знаковые элементы механизма применения мер пресечения.

Путем анкетирования судей, прокуроров, следователей и адвокатов были получены необходимые данные по исследуемым вопросам.

При этом для обработки эмпирического материала использовался статистический метод.

С помощью юридико-технического метода анализировались нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие порядок избрания мер пресечения.

Сравнительно-правовой метод позволил выделить основные черты современного механизма применения мер пресечения.

С использованием аналитического метода были установлены особенности применения норм процессуального права при решении вопроса о применении меры пресечения. Анализ судебной практики и других юридических документов дал возможность изучить судебно-правовые стандарты, применяемые при принятии решения об избрании меры пресечения.

При помощи метода прогнозирования были обоснованы выводы и предложения о реформировании судебной системы, органов предварительного расследования, переход к состязательному типу уголовного процесса. В настоящей работе уголовно-процессуальные явления исследованы во взаимосвязи, историческом развитии, с учетом единства и конкуренции сложившихся научных воззрений.

Историческое исследование служило для выявления закономерностей развития мер пресечения, их соотношения с уголовной ответственностью и наказанием и не носило описательного характера.

Нормативную базу исследования составили Конституция РФ, международно-правовые акты, федеральные конституционные законы, уголовное, уголовно-процессуальное и иное действующее федеральное законодательство, уголовно-процессуальное законодательство ряда зарубежных стран, акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Европейского Суда по проблемным вопросам, связанным с темой диссертационного исследования.

Эмпирической базой исследования являются:

- результаты анкетирования 63 судей, 78 прокуроров, 193 следователей и дознавателей, а также 82 адвокатов;

- 125 кассационных определений Верховного Суда РФ и 68 надзорных определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ,

вынесенных в 2009-2019 гг. и размещенных на официальном сайте Верховного Суда РФ;

- 212 кассационных определений, апелляционных постановлений и определений Московского городского суда; апелляционных постановлений Свердловского, Тверского, Нижегородского, Липецкого, Самарского, Ростовского областных судов, Краснодарского и Приморского краевых судов, Верховного суда Удмуртской Республики, Суда апелляционной инстанции по уголовным делам Верховного суда Республики Дагестан, Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики; постановлений Ленинского, Орджоникидзевского, Железнодорожного, Октябрьского, Верх-Исетского, Чкаловского районных судов г. Екатеринбурга;

- 237 материалов уголовных дел;

- статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции, опубликованные на официальных сайтах Верховного Суда РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Сбор эмпирического материала осуществлялся в Приволжском, Северо-Кавказском, Уральском, Центральном, Южном федеральном округах в период с 2013 по 2019 гг.

Теоретической основой исследования являются научные работы ученых-процессуалистов, связанные с механизмом применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве. Также в процессе исследования применялись результаты, относящиеся к теме диссертации и полученные в следующих отраслях юридических наук: теория государства и права, уголовное право, теория оперативно-розыскной деятельности и других.

Научная новизна исследования заключается в разработке и обосновании концептуально новой теоретической модели механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства, реформирования предварительного расследования и структурного преобразования уголовного судопроизводства в целом.

Предложена и обоснована новая трактовка понятия универсальной цели применения мер пресечения, проведен пересмотр понятийного аппарата, объясняющего правовую природу механизма применения мер пресечения.

Концептуальное отличие и новизна авторского подхода состоит также в понимании системной связи механизма применения мер пресечения с типом уголовного процесса, уголовно-процессуальной политикой, уголовной политикой государства в целом, господствующей правовой доктриной, государственным строем и организацией ветвей власти. Раскрыта и обоснована взаимосвязь механизма применения мер пресечения с институтом обвинения и институтом уголовно-процессуального доказывания.

В ходе проведенного исследования диссертантом впервые предложен системный подход к изменению основных элементов и условий, определяющих правовую организацию применения мер пресечения. Реорганизация механизма применения мер пресечения увязана: с переходом на стандарты применения мер пресечения состязательного типа уголовного процесса, состязательную технологию формирования доказательств; с организацией деятельности правоохранительных органов в форме полицейского дознания; введением искового порядка приведения в действие судебного механизма применения мер пресечения; наделением прокурора исключительным полномочием искового правопритязания на применение мер пресечения; введением института следственных судей и наделением следственных судей дискреционной властью на применение мер пресечения в ходе досудебного производства; с возможностью комбинирования нескольких мер пресечения и применения их с согласия обвиняемого и без его согласия.

Научная новизна результатов диссертационного исследования нашла отражение **в основных положениях, выносимых на защиту:**

1. Меры пресечения – это самостоятельный институт государственно-правового принуждения, который составляет единое целое с общей правовой организацией противодействия преступности, оказываемого государством. Общая правовая организация антикриминальной деятельности государства воплощена

в механизме выработки и принятия решений о применении норм уголовного и уголовно-процессуального закона, включая установление основания для правоприменительного акта. В этот механизм встроен и механизм применения мер пресечения, который находится в системной связи не только с другими элементами системы противодействия преступности, но и вообще с типом уголовного процесса, с уголовно-процессуальной политикой и уголовной политикой государства в целом, с господствующей правовой доктриной, с формой государственного устройства и внутригосударственной организацией ветвей власти.

2. Соотношение института наказания (его исполнения) и института мер пресечения выводится из постулатов о процессуальности механизма правоприменения, процедурности оснований правоприменения и отрицания «материального детерминизма». Прямую родственную связь уголовное наказание и процессуальное пресечение сохраняют только при автократии, где власть на применение насилия монополизирована. В правовом государстве, где власть разделена, происходит дифференциация механизмов государственно-правового принуждения, в результате чего прямой родственной связи между уголовным наказанием и процессуальным принуждением не сохраняется, и в процессе реализации каждый из этих видов принуждения имеет свои собственные, конкретные цели. В этом есть принципиальное разграничение мер уголовно-правовой ответственности преступника и мер уголовно-процессуального пресечения обвиняемого, вина которого ещё не установлена.

3. Надлежащее поведение – это внешнее проявление свободной воли человека, ограниченной его моральными установками, которые являются внутренним регулятором – ограничителем самого человека. Меры пресечения являются внешним воздействием – внешним ограничителем. Внешнее воздействие на волю человека невозможно в принципе. Возможно подчинить власти других физическую и вообще внешнюю сторону человека, но свободная воля сама по себе не может быть принуждена. При применении меры пресечения подменяется внутренний ограничитель свободной воли обвиняемого (подозреваемого) – мораль,

внешним ограничителем физической свободы (свободы действий) – мерой пресечения, и тем самым лишь симулируется надлежащее поведение, но не гарантируется, не обеспечивается оное. Поскольку меры пресечения не обеспечивают надлежащее поведение, его обеспечение не может выступать в качестве цели их применения. Универсальной целью применения мер пресечения является ограничение физической свободы действий обвиняемого (подозреваемого), направленное на пресечение его уклонения от следствия и суда на всём этапе производства по уголовному делу.

4. Сложившаяся ситуация в вопросе применения мер пресечения отражает системный кризис, порождаемый главным противоречием современного российского уголовно-процессуального права: между следственной моделью, лежащей в основе правовой организации досудебного производства, и собственно судопроизводством. Создание института судебного контроля за применением мер пресечения не было последовательным и не сопровождалось другими мерами по структурному преобразованию российского уголовного судопроизводства. Суд так и не превратился из номинального субъекта правоприменения в реальный, что свидетельствует об отсутствии качественного перехода властных полномочий к судебной власти от власти следственной при решении основных вопросов правоприменения. Необходимо становление самостоятельной и независимой судебной власти, и это ключевая задача. Ее решение предусматривает принципиальное изменение процессуальных отношений (в плане их формы и содержания) между властью обвинительной и властью судебной, более последовательную реализацию принципа разделения властей, создание полноценной системы сдержек и противовесов.

5. Существующий сегодня механизм применения мер пресечения является продуктом следственной правовой организации уголовно-процессуальной деятельности и основан на том, что следователь применяет меры пресечения под контролем суда. Несмотря на общую тенденцию усиления судебной власти, окончательного освобождения ее от следственно-обвинительной направленности не произошло. Пороки современного механизма применения мер пресечения

коренятся в следственном порядке привлечения к уголовной ответственности, следственном обвинении, следственном уголовно-процессуальном доказывании. Институт предъявления обвинения, институт протокола следственного действия объективно детерминируют форму и работу механизма превентивного судебного контроля. Несправедливость механизма применения мер пресечения, присущий ему «обвинительный уклон» предопределены следственным строем процесса, следственными стандартами принятия процессуальных решений.

6. Объективная историческая тенденция развития уголовно-процессуальных систем государств, принадлежащих к романо-германской правовой семье, такова: от частно-искового к инквизиционному (следственному), затем к смешанному типу, в котором судебные стадии реализуются в состязательной форме, и далее от смешанного типа – к состязательному (что иллюстрируется примером стран Латинской Америки). Эта объективная тенденция проявляется в перераспределении властных полномочий по применению мер пресечения в такой исторической последовательности: полиция → судебный следователь → прокурор → последующий судебный контроль за применением мер пресечения → превентивный судебный контроль → состязательный процессуальный механизм применения мер пресечения, реализуемый в том числе и через институт следственных судей. Однако в современном российском смешанном типе уголовного процесса перехода от верховенства следственной власти к верховенству власти судебной не произошло, в этом состоит причина конструктивного недостатка механизма применения мер пресечения. Ориентируясь на исторический опыт, допускаем возможность сознательного целенаправленного перехода от одного типа процесса к другому (в нашем случае – от смешанного к состязательному) и, соответственно, к иному типу правовой организации применения мер пресечения. Состязательная модель рассмотрения и разрешения судом правового спора является лучшей гарантией справедливого применения мер пресечения.

7. Переход к состязательному типу уголовного процесса включает в себя отказ от следственной организации досудебного производства. Качественное

преобразование судебного контроля за применением мер пресечения в состязательный судебный механизм применения мер пресечения возможно лишь в сочетании с проведением реформы досудебного производства. Нужно отказаться от следственного правового механизма применения уголовно-процессуальных норм, посредством которого реализуется уголовная ответственность. Предварительное расследование как следственную форму правоприменения следует заменить системой судебных производств, а деятельность правоохранительных органов должна быть организована в форме полицейского дознания. Правовая организация механизма применения мер пресечения должна быть избавлена от давления следственных институтов и стать максимально состязательной.

8. Институт мер пресечения взаимосвязан с другими уголовно-процессуальными институтами (институтом обвинения и институтом уголовно-процессуального доказывания). Институциональное изменение механизма применения мер пресечения предполагает пересмотр порядка предъявления обвинения. Обвинение должно предъявляться в судебном порядке, и в суде оно должно быть доказано; это кардинально отразится на применении мер пресечения. Предъявление обвинения и применение меры пресечения должны рассматриваться исключительно судебным органом – следственным судьёй.

Качественные институциональные изменения в механизме применения мер пресечения связаны и с переменами в процедуре доказывания. Необходимо отказаться от следственной технологии уголовно-процессуального доказывания обоснованности подозрения и оснований применения меры пресечения. Способ формирования доказательств должен быть судебным, а не следственным. При этом в обоснование своих доводов стороны должны предоставлять в суд сведения (фактические данные), которые не могут являться доказательствами до исследования их в суде. И только после исследования в суде в состязательной процедуре через придание им процессуальной формы сведения (фактические данные) могут быть признаны доказательствами. Доказывание, производимое в судебном заседании с участием сторон, должно стать единственным уголовно-

процессуальным способом доказывания обоснованности подозрения и оснований, с наличием которых закон связывает возможность прибегнуть к мерам пресечения.

9. Правовой стандарт представляет собой укоренившуюся в правосознании судей, прокуроров, адвокатов, других профессиональных участников правоприменительного процесса привычную схему выработки решений, в том числе и по вопросам применения мер пресечения. Значительная часть стандарта представляет собой когнитивную модель мышления правоприменителя (судьи). Это превращает правовые стандарты в «мягкое право», сила которого в убеждении, привычке, стереотипе.

Правовой стандарт является комплексной правовой конструкцией, включающей в себя не только национальный, но и международно-правовой компонент (общепризнанные международно-правовые нормы, принципы, судебные прецеденты, правовые обычаи и пр.).

О наличии стандарта свидетельствует то, насколько он стал реальным средством определения поведения судей и участников процесса применения мер пресечения. «Мягкое» средство правового регулирования позволяет судебной системе в сфере применения мер пресечения достигать единообразия, правовой определенности, причем с учетом самобытности национальной правовой системы.

10. Обосновываемая теоретическая модель механизма применения мер пресечения и есть система сдержек и противовесов между обвинительной и судебной властью, которая определяет состязательную правовую организацию деятельности всех участников правоприменительного процесса. При такой организации механизма применения мер пресечения достигается цель разделения исполнительной и судебной власти и создание независимого суда. Гарантией независимости судебной власти в лице судебного органа, уполномоченного на применение меры пресечения в ходе досудебного производства, является создание в системе судов особого судебного органа – процессуальной фигуры следственного судьи, наделенного исключительными полномочиями на применение меры пресечения в ходе досудебного производства. Следственному

судье необходимо отвести центральное место между субъектами обвинительной власти, с одной стороны, и стороной защиты, с другой, при решении вопроса о применении мер пресечения.

11. Обращение обвинительной власти к судебной с правопритязанием на применение к обвиняемому, подозреваемому меры пресечения должно предъявляться путём подачи в суд уголовного иска. Уголовный иск обеспечивает состязательную плоскость рассмотрения возникающего спора в суде между стороной обвинения и стороной защиты. Сама судебная процедура принятия решения о применении меры пресечения должна проходить в порядке гл. 37 УПК РФ.

12. В уголовно-процессуальном отношении прокурор, представляющий в суде государство (его обвинительную власть), должен являться субъектом полномочия на обращение к судебному органу для решения вопроса о применении меры пресечения к преследуемому в уголовном порядке лицу (подозреваемому, обвиняемому). Это полномочие производно от общего полномочия обращаться за применением уголовного закона к лицу, совершившему преступление. Из права обвинять вытекает право обращаться к суду за применением к обвиняемому, подозреваемому меры пресечения. Орган предварительного расследования – уголовного преследования – не должен самостоятельно вступать в процессуальные отношения с судебным органом по поводу применения мер пресечения. Его полномочия следует ограничить сбором и передачей материала (сведений, фактических данных), подтверждающего необходимость применения меры пресечения, прокурору, который обращается в суд с уголовным иском о применении меры пресечения к обвиняемому (подозреваемому). Базовое уголовно-процессуальное отношение между правоохранительными органами, судом и стороной защиты должно возникать по схеме: «полиция (следователь, дознаватель) → прокурор → следственный судья ↔ сторона защиты». Знак обоюдного взаимодействия (↔), указанный между следственным судьёй и стороной защиты, обозначает, что сторона защиты, привлекаемая в суд на основании обращения прокурора, имеет право в суде

выдвинуть свои требования. Этим знаком демонстрируется необходимое наличие равенства и состязательности сторон.

13. Не факт совершения преступления, а процессуальный факт – соответствующее уведомление о подозрении в совершении преступления или постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого – порождает уголовно-процессуальные отношения и, соответственно, возможность применения мер пресечения. Меры пресечения, которые применяются к подозреваемому (обвиняемому), никак не связаны с уголовной ответственностью и не служат ее реализации. Решения о применении мер пресечения как промежуточные процессуальные решения являются средством обеспечения уголовного преследования, а при рассмотрении уголовного дела судом – средством обеспечения правосудия и принятия правомерного окончательного решения по уголовному делу.

14. Правовое отношение, возникающее между органом уголовного преследования (полицией) и обвиняемым (подозреваемым), требует процессуальной охраны от рисков и угроз, порождаемых поведением преследуемого лица. Меры пресечения и выступают средством обеспечения развития этого отношения, инструментом, обеспечивающим реализацию этого отношения; ради него и развивается процесс. Основанием правоприменения – применения мер пресечения – выступает «процессуальное знание», т. е. знание, достоверность которого определена благодаря соблюдению правовых стандартов определённой законом процедуры.

15. Существует органическая связь между тем или иным типом уголовной политики, государственно-правовым устройством и правовой организацией применения закона, регулирующего применение мер пресечения. Уголовно-процессуальный механизм применения уголовного законодательства и механизм применения мер пресечения однотипны, т. е. основаны на одном принципе действия: или разделения властей и их процессуальных функций, или единства следственно-судебной власти. Следственному и состязательному типу процесса соответствуют принципиально разные модели механизма применения мер

пресечения. Эти модели коррелируют с двумя типами уголовной политики: состязательная – с гуманистической (либеральной) уголовной политикой правового государства, следственная – с репрессивной (карательной) уголовной политикой авторитарного (авторитарно-тоталитарного) государства.

16. Уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения в Российской Федерации, воплощенная в правовых стандартах применения законодательства, является отражением противоречивости современного российского уголовно-процессуального права: противоречия между следственной моделью, лежащей в основе правовой организации досудебного производства, и собственно судопроизводством. Противоречивость современной уголовно-процессуальной политики проявляется и в сочетании разных правовых стандартов применения мер пресечения как по уголовным делам различных категорий, так и в отношении обвиняемых (подозреваемых) различных категорий.

17. Следует закрепить в УПК РФ в качестве мер пресечения, применяемых по решению судебного органа: залог, домашний арест, запрет определённых действий – с согласия и без согласия обвиняемого. При наличии согласия обвиняемого на применение требуемой обвинителем меры пресечения судебный орган должен иметь право принять решение о применении меры пресечения в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

18. В УПК РФ необходимо предусмотреть возможность комбинирования мер пресечения, применяемых по решению судебного органа, таких как залог, запрет определённых действий, домашний арест, с другими мерами пресечения в качестве альтернатив заключению под стражу. При этом по степени тяжести эти меры пресечения могут быть простыми или квалифицированными, то есть отягощенными дополнительными ограничениями и (или) обязательствами для обвиняемого или нет.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена принципиально новым подходом к решению ряда проблем, касающихся понимания природы правового принуждения, взаимосвязи и различия наказания и мер пресечения, правовой организации досудебной правоприменительной

деятельности, включая применение мер пресечения, формирования оснований для принятия решения о применении мер пресечения, а также созданием авторской теоретической модели механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному уголовному судопроизводству.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в выработке рекомендаций по устранению недостатков в существующем механизме применения мер пресечения, а также деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда по принятию решений о применении мер пресечения. Анализ результатов обобщения правоприменительной практики и разработанные в связи с этим рекомендации могут быть использованы при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства с целью соблюдения стандартов справедливого судебного разбирательства при рассмотрении вопроса о применении меры пресечения.

Содержащиеся в диссертации выводы могут быть использованы в лекционных курсах, а также при составлении учебных программ и спецкурсов в образовательных организациях.

Степень достоверности полученных результатов исследования обеспечена применением широкого арсенала методов научного познания, составляющих методологическую основу диссертационной работы, анализом значительного объема научной литературы, действующего законодательства, статистических данных, следственной и судебной практики, а также иных эмпирических материалов, включая анкетирование судей, прокуроров, следователей, дознавателей и адвокатов (в период с января 2017 г. по январь 2019 г. опрошены 416 человек).

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре уголовного процесса федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет», где она прошла рецензирование, обсуждение и была рекомендована к защите.

Основные теоретические положения, выводы, рекомендации и предложения, изложенные в диссертации, отражены в 80 научных работах: в 2 монографиях, а также в 78 научных статьях общим объёмом 54,75 п.л., из них 2 – в Web of Science Core Collection, 1 – в Web Of Science (ESCI), 35 – в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Итоговые положения работы и предложения автора докладывались и обсуждались на 28 международных научно-практических конференциях в период с 2012 года по 2019 год. Также итоговые положения работы и предложения соискателя докладывались и обсуждались на 15 всероссийских и межвузовских конференциях и других научных форумах с 2012 года по 2019 год.

Основные положения и выводы исследования внедрены в учебный процесс Казанского (Приволжского) федерального университета, Пермского государственного национального исследовательского университета, Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, Ульяновского государственного университета, Уральского государственного юридического университета, Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), а также в практическую деятельность Верховного Суда Республики Татарстан, Ставропольского краевого суда, прокуратуры Самарской области.

Структура диссертации обусловлена объектом, предметом, целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в себя девять параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1 Сущностно-феноменологический (онтологический) анализ механизма применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве

Вопрос о правовом принуждении, составной частью которого является применение мер пресечения, относится к числу важных вопросов уголовно-процессуального права. Ему посвящено множество научных трудов. Они, несомненно, полезны для дальнейшего развития института применения мер пресечения. Однако эти труды основаны на анализе существующей следственно-правовой модели, которая не воспринималась их авторами критически, а рассматривалась как единственно разумная и возможная[12]. Поэтому обычно вся «новизна» проведенных исследований зачастую сводилась к изменению и доработке сложившегося правового механизма следственной модели. Это касается и механизма применения мер пресечения[13].

---

[12] Если проанализировать наиболее значимые исследования последнего времени, посвященные нашей проблематике (С. И. Вершининой, М. Ю. Мельникова, К. В. Муравьева и др.), становится очевидно, что круг обсуждаемых тем является примерно одним и тем же. Более того, они и раскрываются одинаково: высказывания ученых-процессуалистов о мерах пресечения цитируются, комментируются, наслаиваются друг на друга, т. е. догматически переосмысливаются. Мы считаем, что корпус знания о мерах пресечения выражает сложившуюся традицию; это одно мировоззрение, единая парадигма. Современное учение об уголовно-процессуальном принуждении, мерах пресечения является частью системного уголовно-процессуального знания о следственном (смешанном) уголовном процессе.

[13] Заметим, что «пенитенциарная традиция», оказавшая и продолжающая оказывать сильное влияние на учение о мерах пресечения, связана в первую очередь с позитивным пониманием уголовного, уголовно-процессуального права. В русле этой юридической традиции установленный государством закон есть основной источник права. Меняется закон, меняется и наука, этот закон объясняющая. При этом сколько-нибудь значительного влияния на принятие закона такая наука не оказывает. Обычно юридический позитивизм противопоставляется естественно-правовой школе и другим неклассическим школам права, которые предполагают, что право существует и вне установленного государством закона. В этом состоит креативный потенциал переосмысления догмы науки права и буквы закона. Подробнее см.: Постклассическая онтология права / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016. С. 561–568.

Мы понимаем, что нельзя пересмотреть теоретико-методологические основы следственной идеологии и догматического правоведения, не порвав со следственной догмой. И в то же время признаем, что любое новое произрастает из старого. Поэтому для того, чтобы предложить и обосновать новый подход к правовой организации применения мер пресечения в уголовном процессе, надо знать, каким образом исторически развивалось учение о мерах пресечения как о самостоятельном институте мер принуждения. Как формировался механизм применения мер пресечения в русском уголовном процессе, проследить генезис знаний о нем[14], и, разумеется, оценить его современное состояние. В связи с этим не случаен и наш выбор метода исследования, обозначенный в названии настоящего параграфа. Он позволяет изучать механизм применения мер пресечения во взаимосвязи с другими элементами системы мер правового принуждения.

Исходя из этого, наши дальнейшие рассуждения мы будем проводить, обращаясь к основам юридического учения о мерах правового принуждения. Это учение в разные эпохи по-разному раскрывает содержание феномена принуждения и то, как его должно применять для достижения значимых для власти и общества целей. Представление о принуждении прямо или косвенно заложено в содержании целого ряда понятий одного порядка, применяемых юристами различных специальностей для обозначения тех юридических средств, которые государство использует для противодействия преступности. Поэтому полагаем верным придерживаться идеи о том, что принуждение – это исходная категория для выстраивания любой концепции о мерах пресечения. В свете этого понятия в концептуальном плане попытаемся проследить связь между различными юридическими формами применения принуждения: от наказания до уголовно-процессуального принуждения.

---

[14] Предполагается непредвзято провести ревизию основ уголовно-процессуального знания о применении мер пресечения. Для этого, на наш взгляд, необходимо обратиться к ключевым понятиям: «форма», «тип», «механизм», «право», «правоприменение», «принуждение», «уголовная ответственность» и пр. Это поможет определить, почему дела не идут так, как было задумано.

Известный итальянский гуманист XVIII века Ч. Беккариа в своей знаменитой работе «О преступлениях и наказаниях» по поводу заключения под стражу отмечал, что «тюремное заключение является наказанием, которое по необходимости, в отличие от всех других наказаний, должно предшествовать установлению преступления»[15]. В данном суждении явно усматривается, что наказание в виде тюремного заключения, предшествующее установлению преступления, это не что иное, как мера пресечения. Несомненно и то, что учение о мерах пресечения претерпело кардинальные изменения под влиянием развития учения о наказании. Так, по мнению М. Фуко: «Гуманность наказаний есть правило для режима наказаний, устанавливающее их пределы для обеих сторон: государства и человека. «Человек», которого должно уважать в наказании, является юридической и моральной формой, придаваемой этому двустороннему установлению пределов»[16]. Но то же самое, как отмечается у Беккариа, можно сказать и о некоторых мерах пресечения (заключение под стражу, прежде всего)[17].

Следует отметить, что и на современном этапе представление о том, что меры пресечения и наказания родственны в своем сущностном, исходном начале, определенным образом взаимосвязаны, испытывают влияние общих детерминант и в стратегическом плане укладываются в некую общую систему, составляет одну из основ учения об уголовно-процессуальном принуждении[18].

Диалектическое развитие отечественного уголовно-процессуального права и науки о нем на очередном повороте истории заставляет вновь и вновь, обращаться к отношениям человека и государства в наиболее чувствительных вопросах правоприменения. «Именно здесь проявляется конфликт общественных и индивидуальных интересов. Поэтому и спор о допустимых средствах и методах

---

[15] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 311.

[16] Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 2016. С. 129.

[17] См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 314–333.

[18] Новую авторскую трактовку этой вечной темы предложил в 2017 году К. В. Муравьев. То, что он принципиально поставил вопрос о единстве наказания и мер пресечения, неслучайно. Это говорит о том, что мы снова вступили в период переоценки ценностей на пороге нового этапа правового развития, а механизм применения мер пресечения является ключевой темой. См.: Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. С. 226.

ограничения прав личности для обеспечения публичных интересов становится более острым. На уровне юридической техники его подчас разрешить невозможно – он решается только путем достижения временного консенсуса на уровне уголовно-процессуальной политики»[19]. При этом всегда остается ключевая проблема, по поводу которой правовая доктрина испытывает колебания, – это проблема о соотношении наказания и мер пресечения и, соответственно, – о механизмах их применения. От ее решения зависит ответ на важный вопрос о цели (целях) применения принуждения. Принуждение в открытом или завуалированном виде является неотъемлемым атрибутом общества и государства. Философы от Платона[20] до Маркса[21], Фрейда[22], Фуко[23] утверждали, что власть и принуждение служат необходимым условием существования общества как социальной системы, которой угрожает распадом хаос, антисистемные – антисоциальные явления, элементы и процессы. В качестве примера можно привести высказывание Н. Макиавелли: «Государь, … учинив несколько расправ, … проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государством, страдают лишь отдельные лица»[24].

Аналогично высказывался Т. Гоббс, который утверждал, что: «Величайшие стеснения, которые может иногда испытывать народ при той или иной форме правления, едва чувствительны по сравнению с теми бедствиями и ужасающими

---

[19] Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М., 2015. С. 56.

[20] См.: Платон. Законы // Собрание сочинений: в 4 т. М., 1994. Т. 4. С. 306–340, 341–373.

[21] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М., 1959. Т. 13. С. 6–7; М., 1961. Т. 19. С. 26; М., 1961. Т. 25. Ч. 1. С. 422; Арьянова Д. А. Концепция власти Карла Маркса // Молодой учёный. 2010. № 12 (23). С.69; Дементьев В. В. Экономика как система власти. Донецк, 2003. С. 14.

[22] См.: Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М., СПб., 2005. С. 849; Карабанов А. Б. Политико-правовые взгляды Зигмунда Фрейда: дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 70–123.

[23] См.: Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 2016. С. 34–36, 37–38, 262–263; Его же. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. С. 118–119, 232–233, 369.

[24] Макиавелли Н. Государь // Жизнь Николо Макиавелли / сост. Ю. В. Артемьева. СПб., 1993. С. 288.

несчастьями, которые являются спутниками гражданской войны, или с тем разнузданным состоянием безвластия, когда люди не подчиняются законам и не признают над собой никакой принудительной власти, удерживающей их от грабежей и мести»[25].

Основываясь на приведённых высказываниях, можно сказать, что государственно-правовое принуждение является тем необходимым злом, которое минимизирует большее (криминальное) зло, и потому правовое принуждение (средство) в определенной мере полезно и более того – необходимо. Следовательно, правовая определенность, как состояние упорядоченности общественных отношений (отношений между отдельными людьми и их группами), в своей основе имеет принуждение. Безусловно, общество нуждается в управлении, в удержании его от разрушительных противоречий, природа которых различна: от классовых до психических. Право на такое управление (в том числе путем применения принуждения, насилия)[26] – это феномен власти. «Ибо…каждый подчиняет свою волю воле государства таким образом, что последнее безнаказанно может делать все, что ему угодно, а именно устанавливать законы, разрешать судебные споры, налагать наказания, пользоваться по своему усмотрению силами и средствами всех граждан, – и всё это по праву; ясно, что государству сообщается высшая возможная власть»[27]. Но без создания механизма, обеспечивающего исполнение государственной воли, существование и развитие государства, гражданского общества становится невозможным.

Поэтому могущество государственной власти концентрируется в аппарате, обладающем инструментами навязывания воли властвующих, прежде всего, инструментами принуждения, а также институтами, способными придать воле

---

[25] Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 208.

[26] Современный учёный А. Р. Белкин задаётся риторическим вопросом: «Чем иным, как не насилием, может считаться применение любой меры пресечения?» (Белкин А. Р. Допустимость насилия в уголовном судопроизводстве // Международная ассоциация содействия правосудию. URL: https://www.iuaj.net/node/973 (дата обращения: 01.01.2019).

[27] Гоббс Т. Указ. соч. С. 350.

властвующих общеобязательный характер (законы, судебные органы, иные институты позитивного права).

Государственная власть по своей природе предназначена для того, чтобы через систему правоохранительных учреждений, институтов, юрисдикции обеспечивать строгую и своевременную реализацию юридических норм и принципов.

Эта правообеспечительная деятельность государства реализуется через систему государственных органов, наделенных специальными полномочиями на применение государственного принуждения, которые, в свою очередь, составляют государственный аппарат принуждения[28].

Пока имеются причины конфликтов, антиобщественных деяний и преступлений, как наиболее опасных из них, всегда будет востребован государственный аппарат принуждения. Закон (право) и есть проводник этого принуждения.

Идеи о государственном правовом принуждении присутствуют практически при любой форме правления государством. «Принуждение – это один из необходимых существенных признаков любой власти, элемент её содержания»[29]. Конечно, стоит признать, что совершенных правовых институций не бывает. Весь вопрос в том, как организован механизм применения мер принуждения, какую юридическую оболочку он приобретает. Существуют различные подходы к раскрытию сущности и содержания государственного принуждения: психологический (волевой), социальный (управленческий), юридический (правовой). «В совокупности перечисленные подходы дают возможность глубже понять содержание государственного принуждения как вида социального принуждения и правового явления, его социальную роль и назначение

[28] Государственный аппарат принуждения // Электронное хранилище учебных материалов. URL: http://edu.tltsu.ru/er/book_view.php?book_id=1fe6&page_id=25951 (дата обращения: 01.01.2018).

[29] Байтин М. И. Государство и политическая власть. Саратов, 1972. С. 113.

в демократическом правовом государстве»[30]. На основе указанных подходов развивалась концепция о мерах государственного принуждения.

Так Н. А. Беляев и В. Г. Смирнов выделяли государственное и общественное принуждение[31]. На методы убеждения и принуждения указывал И. А. Сперанский[32]. А. И. Каплунов отстаивал метод применение установленных законом правовых ограничений[33].

Распространенным в отечественной литературе является подход, в соответствии с которым принуждение рассматривается, прежде всего, как метод, средство воздействия на людей, их поведение[34].

С развитием взглядов о построении правового государства менялась и риторика суждений о мерах государственного принуждения. Так В. К. Баев отмечал, что в правовом государстве государственное принуждение «является вспомогательным дополнительным методом управления обществом»[35]. Н. В. Макарейко указывает: «Необходимо на всех этапах действия механизма государственно принудительного воздействия добиться соблюдения соответствия между мерой государственного принуждения и соответствующим основанием её применения. Наличие фактического основания требует соблюдения процессуального порядка применения государственного принуждения, что в свою очередь является гарантией законности…»[36]. А. Яковлев в отношении применения государственного принуждения поставил ряд закономерных

---

[30] См.: Юткина С. М. О сущности государственного принуждения // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 1 (68). С. 130.

[31] См.: Беляев Н. А., Смирнов В. Г. В. И. Ленин об убеждении и принуждении в социалистическом обществе // Научная сессия, посвященная 90-летию со дня рождения В. И. Ленина: тезисы докладов сессии юридических наук. Л., 1960. С. 18.

[32] См.: Сперанский И. А. Содержание и реализация принципов исправительно-трудового права. Волгоград, 1969. С. 56.

[33] См.: Каплунов А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 17.

[34] См.: Штода И. С. Государственно-правовое принуждение в контексте модернизации системы социального управления в современной России: теоретико-методологическое измерение // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 3. С. 118.

[35] Бабаев В. К. Право и государственное принуждение // Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. М., 2003. С. 207.

[36] Макарейко Н. В. К вопросу о соотношении насилия и государственного принуждения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 227–231.

вопросов: «Видим ли мы различие между правом силы и силой права? Понимаем ли, что насилие должно быть исключительно только слугой закона, а не его господином? Что во имя любой, самой святой цели нельзя использовать противоправные – а значит бесчестные и бесчеловечные средства?»[37]. Полагаем, что такие рассуждения в свете рассматриваемой нами темы являются знаковыми, ибо они позволяют задумываться над решением вопроса о соотношении понятий «государственное принуждение» и «правовое государство», что приводит к необходимости искать наиболее удачные примеры, в том числе в законодательстве других государств. Так, анализ зарубежных правовых актов позволяет говорить о том, что общее правило о принуждении удачно сформулировано в Конституции Федеративной Республики Бразилия: «Никто не может быть принужден делать или воздержаться делать что-либо иначе, как только на основании закона» (ст. 5 п. II)[38].

Анализ соотношения государственного принуждения и правового государства приводит к пониманию, что социальная природа государства и права в обязательном порядке предполагает государственное принуждение, направленное на борьбу с преступностью. Оно в определенной мере полезно и более того – необходимо, но осуществляться должно исключительно в рамках права – в этом и есть предназначение правового государства.

Говоря о необходимости принуждения, полагаем, что принуждение, и в частности меры пресечения, имеют наиболее интенсивное использование именно в уголовно-процессуальном праве.

Главным аргументом в пользу указанного суждения и тезиса о необходимости использования широкого арсенала принудительных средств (мер пресечения) выступает то обстоятельство, что уголовный процесс, как и уголовное право, является средством противодействия преступности. Из тесной взаимосвязи уголовного процесса с уголовным правом, особенно из

---

[37] Яковлев А. От права Силы к силе Права // Наше наследие. 1990. № IV. С. 1.

[38] Конституция Федеративной Республики Бразилия от 5 октября 1988 г. // Бразилия сегодня. URL: http://brasil-russia.ru/wp-content/uploads/2014/01/конституция-Бразилии-на-русском.pdf (дата обращения: 01.01.2019).

представления о том, что уголовный процесс служит формой применения уголовного права[39], так или иначе обслуживает реализацию уголовно-правовых норм, выводится довод в пользу того, что меры пресечения нужны для обеспечения достижения целей уголовно-правового регулирования, для обеспечения применения уголовного законодательства. Рассматривая вопрос о применении мер принуждения (мер пресечения), мы приходим ещё к одному важному критерию – соразмерности применения мер пресечения. По данному вопросу О. И. Андреева отмечает: «соразмерность ограничения вытекает из самой природы основных прав, которые представляют собой определенную меру свободы, требуя ограничений лишь настолько, насколько это нужно для защиты публичных интересов»[40]. С данным суждением следует согласиться. Действительно, будет ли оправдано чрезмерное ограничение прав и свобод человека? По нашему мнению, нет. Более того, чрезмерное ограничение ещё и опасно, ибо и лицо, в отношении которого данное чрезмерное принуждение применяется, и общество в целом могут воспринимать это не только как неправовой метод, но и как тиранию, способную породить гражданские волнения. Поэтому не понимать всей значимости соблюдения соразмерности по меньшей мере недальновидно.

Условия о соблюдении соразмерности имеют и своё правовое регулирование. Так, нормы, регулирующие соразмерность ограничений прав и свобод, содержатся в Декларации прав и свобод человека и гражданина[41]. В ней предусмотрено, что права и свободы человека и гражданина могут быть

---

[39] См.: Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 4; Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1911. С. 2; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 4; Мотовиловкер Я. О. Предмет советского уголовного процесса: учебное пособие. Ярославль, 1974. С. 5; Строгович М. С. Соотношение и взаимосвязь уголовно-процессуального и уголовного закона // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 49 и др.

[40] Андреева О. И. Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 48.

[41] Декларация прав и свобод человека и гражданина: принята Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52, ст. 1865.

ограничены законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, законных прав и интересов других людей в демократическом обществе.

Согласно статье 52 Хартии основных прав Европейского союза от 7 декабря 2000 г.: «Всякое ограничение на осуществление прав и свобод, признанных в настоящей Хартии, должно быть предусмотрено законом и должно уважать сущность названных прав и свобод. При соблюдении принципа пропорциональности ограничения могут налагаться лишь тогда, когда они являются необходимыми и действительно служат общим интересам, признанным Союзом, или потребности в защите прав и свобод других лиц»[42].

Нормы о соразмерности ограничения прав содержатся в Конституциях некоторых стран. В частности, в Федеральной Конституции Швейцарской Конфедерации указано, что любые ограничения основных прав должны быть пропорциональны намеченной цели (ст. 36)[43].

Пределы ограничения прав и свобод человека и гражданина устанавливаются ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая предусматривает допустимость ограничения «в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»[44]. Аналогичные положения содержатся и в ряде международных правовых актах[45].

---

[42] Хартия основных прав Европейского Союза: принята в г. Ницце 07.12.2000 // Система ГАРАНТ: информ.-правовое обеспечение. URL: https://base.garant.ru/2564518/ (дата обращения: 21.12.2019).

[43] Федеральная Конституция Швейцарской Конфедерации // Официальный сайт Правительства Швейцарии. URL: https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19995395/201809230000/101.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

[44] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.12.2019).

[45] См.: Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

Несмотря на имеющееся правовое регулирование, проблема соразмерности при применении мер пресечения остаётся актуальной: «порок состоит не в наличии каких-либо ограничений, а в отсутствии определения их (по сути)»[46].

Н. А. Колоколов считает, что «в обеспечении частных и публичных интересов … заключается правозащитная функция суда»[47]. М. В. Баглай обращает внимание на то, что конструкция ч. 3 ст. 55 Конституции РФ может широко трактоваться, что вызывает беспокойство[48]. Т. Г. Гаджиев указывает на важность определения точки равновесия между правами человека и их ограничением[49]. Д. И. Дедов выделяет ряд требований к сбалансированному ограничению прав человека[50]. В. Т. Томин отмечает, что «законные интересы личностей... не должны ущемляться ни на йоту больше, чем это требуется для достижения цели уголовного преследования (назначения уголовного судопроизводства)»[51]. В. В. Лопаева считает, что «применение Конституционным Судом РФ принципа соразмерности при разрешении дел, связанных с ограничением прав, позволяет избежать чрезмерных ограничений этих прав федеральным законом»[52].

Соглашаясь с суждениями вышеуказанных учёных, отметим мнение Р. В. Ярцева, который справедливо указывает: «степень ограничения прав и свобод личности должна быть соразмерной целям уголовного судопроизводства, ради которых вводится данное ограничение»[53].

---

[46] См.: Ярцев Р. В. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в сфере применения мер пресечения: реалии и тенденции // Вестник ОГУ. 2011. № 3 (122). С. 170.

[47] Колоколов Н. А. Правозащитная роль суда в уголовном процессе России и Европы: общее и особенное // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2003. С. 402.

[48] См.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2001. С. 167.

[49] См.: Гаджиев Г. А. Непосредственное применение судами конституционных норм // Российская юстиция. 1995. № 12. С. 27.

[50] См.: Дедов Д. И. Соразмерность ограничения свободы предпринимательства. М., 2002. С. 31, 148, 183.

[51] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. И. Радченко. М., 2006. С. 37.

[52] Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 13–23.

[53] Ярцев Р. В. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в сфере применения мер пресечения: реалии и тенденции // Вестник ОГУ. 2011. № 3 (122). С. 172.

К сказанному можно добавить, что даже в самом понятии «мера пресечения» скрыт смысл не только «средства», но и соразмерности этого средства. Необходимо помнить, что «на этой мере всего лучше отразился тот исторический закон, что меры пресечения находятся в связи с развитием гражданской свободы»[54], «строгость мер принуждения находится в зависимости не только от организации процесса и развития самого права, но и от большего или меньшего уважения личности и свободы человека»[55].

Следует отметить, что государство и право включают организацию принуждения в обществе как вынужденное средство для поддержания порядка, как средство предупреждения, пресечения и противодействия антисоциальным действиям. Исходя из этого, некоторые ученые-процессуалисты сходились во мнении, что весь уголовный процесс в широком понимании является системой принуждения. Хотя это является не самоцелью, а средством для решения задач уголовного судопроизводства[56], поэтому в негативном плане стоит проблема недопустимости применения только лишь «незаконных мер»[57]. По данному вопросу приведём суждение отечественного учёного-процессуалиста И. Л. Петрухина, который утверждал, что «уголовный процесс, как правило, – это насилие, это принуждение, основанное на законе. Нет никакой другой отрасли права, где принуждение было бы так сильно развито, как в уголовном процессе»[58]. И поскольку меры процессуального принуждения применяются к лицу, в силу

---

[54] Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 324.

[55] Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1905. С. 263.

[56] Обсуждение природы мер пресечения составляло одну из главных тем теории уголовного процесса и других наук антикриминального цикла. Подробнейший анализ этих точек зрения приведен в последних работах, посвященных телеологии мер пресечения, на которой мы остановимся в конце данного параграфа. См., напр.: Вершинина С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения: монография. М., 2017; Мельников М. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: монография. М., 2014; Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017.

[57] Такого рода рассуждения проходят красной нитью через многочисленные труды процессуалистов, посвященных проблемам применения мер процессуального принуждения и защите прав личности. См., например: Мельников М. Ю. Указ.соч. С. 20 и след.

[58] Цит. по: Белкин А. Р. Допустимость насилия в уголовном судопроизводстве // Международная ассоциация содействия правосудию. URL: https://www.iuaj.net/node/973 (дата обращения: 01.01.2019).

закона презюмируемому невиновным, постольку не уголовному праву, а именно уголовному процессу в наибольшей мере свойственны возможность нарушений и неосновательное ограничение прав и свобод личности. Отсюда и наличие специальной системы процессуальных гарантий от неправомерного уголовно-процессуального принуждения[59].

Несмотря на столь серьёзные и отчасти противопоставляемые друг другу вопросы, возникающие в процессе исследования темы государственного принуждения, будет справедливым отметить, что в любой правовой системе есть институт мер принуждения[60], включая уголовно-процессуальные меры пресечения. Этот институт есть в любом типе уголовного процесса: и инквизиционном, и состязательном, и в их смешанном варианте. Его можно считать типичным, первичным признаком уголовно-процессуальной деятельности, которая обеспечивает применение норм уголовного права, а также применение наказания[61]. Это обусловлено не только самой уголовно-процессуальной деятельностью, но и тем, что в учении о мерах пресечения прочно засела презумпция о присутствии у обвиняемого (подозреваемого) желания уклониться от применения к нему уголовного закона. Так называемое упредительное принуждение по отношению к обвиняемому оправдано обоснованностью угрозы в виде противоправного поведения со стороны лица, который привлекается к уголовной ответственности. П. И. Люблинский по этому поводу писал, что «не всегда обвиняемый готов подчиниться требованию судебной власти о явке для исполнения, предписываемого судом действия», поэтому «в процесс вводится особая категория мер, рассчитанных на

---

[59] Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М., 2016. С. 56.

[60] См. об этом, например: Юридическая конфликтология / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1995. С. 4.

[61] Эта генетическая связь между всеми видами правового принуждения периодически порождает искушение констатировать их единство, что, однако, возможно не всегда. При авторитарной правовой политике и следственном процессе это, очевидно, возможно. Но в правовом государстве – нет.

принудительное исполнение этой обязанности»[62]. Очевидно, при любой правовой организации применения мер пресечения эта фактическая презумпция имеет место[63].

Отсюда вытекает вывод о том, что обвиняемый, в отношении которого ведётся уголовное преследование, чаще всего отнюдь не склонен добровольно претерпевать те ограничения своего правового статуса, которые сопряжены как с привлечением к уголовной ответственности, так и с уголовным преследованием (явка в орган следствия и суда). Это предположение составляет один из краеугольных камней института мер пресечения.

Исходя из данного предположения, законодатель в различные эпохи выстраивал правовые механизмы, посредством которых по решению правоприменителя реализуется принуждение к тем, кто его заслуживает. Именно это разнообразие организации правовых механизмов применения мер пресечения в уголовном процессе не может не интересовать исследователя, который действительно хочет добраться до природы изучаемого объекта[64].

С уверенностью можно утверждать, что за современной моделью применения мер пресечения кроется многовековое развитие доктрины о правовых мерах воздействия, к которым государство, в лице того или иного властно-уполномоченного правоприменителя, прибегает через ту или иную процессуальную форму правоприменения.

Исходя из дошедших до нашего времени документов, можно говорить, что в России меры пресечения и механизмы их применения изначально выражались в поручительстве родовой общины за своего члена[65]. Поручительство применялось и в период действия Судебников 1497 и 1550 гг., когда в качестве

---

[62] Люблинский П. И. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия // Устав уголовного судопроизводства: систематизированный комментарий / под ред. М. Н. Гернета. М., 1914. С. 797.

[63] В развитых уголовно-процессуальных системах эта презумпция становится юридической презумпцией, как, например, это имело место в ст. 89 УПК РСФСР или сейчас – в ст. 97 УПК РФ.

[64] Очевидно, что презумпция невиновности является важным показателем правовой организации применения мер пресечения. Хотя и не она одна, конечно, заложена в эту правовую организацию.

[65] См.: Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 64.

поручителя мог выступать уважаемый гражданин, обратившийся с челобитной и поручившийся своей головой[66]. Сказанное даёт нам основание полагать, что такой механизм применения мер пресечения основывался на традиционных позициях естественного права и соответствовал состязательному (обвинительному) принципу; в принятии решения помимо органов власти участвовали представители общества. По мере усиления государственной власти в 1649 году в период действия Соборного уложения в качестве меры пресечения появляется тюремное заключение – «заключение до порук», которое не являлось наказанием[67].

Окончательное усиление государственной власти произошло в период правления Петра I, издавшего Указ от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» (дополненный Указом от 16 марта 1697 г.). Согласно данному документу, состязательный принцип рассмотрения дел (в том числе и применение мер пресечения) был заменён следственным, инквизиционным, а содержание под стражей стало основной мерой пресечения[68]. Дальнейшее закрепление следственного принципа было утверждено в «Кратком изображении процесса или судебных тяжб» и в «Артикуле воинском», которые были изданы 25 апреля 1715 г.[69].

Последующее развитие в России институт применения мер пресечения получил уже при Екатерине II. И хотя во времена её правления меры пресечения

---

[66] См.: Кистяковский А. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1868. С. 32; Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 54–62, 97–129.

[67] См.: Есипов В. В. Очерк русского уголовного права: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Часть общая. СПб., 1898. С. 374–382; Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов. М., 1985. С. 83–257.

[68] См. подробнее: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 397–399; Ткачёва Н. В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России. Челябинск, 2004.

[69] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 327–365, 408–425.

ещё не стали самостоятельным институтом принуждения, тем не менее они чётко отграничивались от наказания.

Так, согласно ст. 168 Наказа Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 года, следует, что содержание под стражей не должно быть строже той меры, которая необходима, и не должно быть долгим. В соответствии со ст. 172 «Быть под стражею не должно признавать за наказание, но за средство хранить опасно особу обвиняемого, которое хранение обнадеживает его вместе и о свободе, когда он невиновен»[70].

Несмотря на прогрессивные взгляды самой императрицы[71], розыскная основа уголовного процесса не изменилась, а сам уголовный процесс оставался ориентированным на приоритет государственных целей[72]. В судах, учрежденных в результате губернской реформы, господствовала розыскная форма судопроизводства. Процессы проходили при закрытых дверях. Принцип письменности предполагал, что суд, решая дело, опирался на письменные материалы, полученные во время следствия. Широко применялась пытка, формально запрещенная в 1801 году, но на практике существовавшая на протяжении всей первой половины XIX века. О презумпции невиновности не было и речи[73].

С введением в действие Свода законов Российской Империи 1832 года можно говорить о мерах пресечения как об институте уголовного процесса и о возникновении системных знаний о них. Свод законов (1832 и 1857 гг.) включал следующие меры пресечения: содержание в тюрьме и при полиции; домашний

---

[70] Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения, с принадлежащими к тому приложениями. М.: Печатан при Сенате, 1767. С. 38. URL: https://www.prlib.ru/item/428545 (дата обращения: 10.10.2017).

[71] Источниками Наказов Екатерины II были: Трактат Шарля Монтескье «О духе закона»; Трактат Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях»; различные публикации Дени Дидро и Жана Д' Аламбера.

[72] См.: Исаев И. А. История России: правовые традиции. М., 1995. С. 109–111.

[73] См.: Макарин А. В., Стребков А. И. Теория и история политических институтов // Электронная библиотека Textbooks.studio. СПб., 2008. URL: https://textbooks.studio/teoriya-politiki-uchebnik/teoriya-istoriya-politicheskih.html (дата обращения: 01.01.2018).

арест; полицейский надзор; отдача на поруки[74]. Однако судебная система, созданная при Екатерине II, не изменилась и существовала до Судебной реформы 1864 года, которая явилась выразителем прогрессивных либеральных правовых идей общества и ознаменовала становление в России европейского публичного права. А. Ф. Кони писал: «Реформа внесла новые начала в нашу народную жизнь. Она пробудила в обществе силы, не находившие себе дотоле достаточного применения, она послужила нравственной школой народу и с систематической настойчивостью стала взывать в обществе стремление к истинному правосудию и уважение к человеческому достоинству»[75].

Подобные настроения в обществе оказали влияние и на формирование научных взглядов на роль уголовного процесса. Поэтому в трудах русских процессуалистов дореволюционного периода тезис о карательном аспекте уголовного судопроизводства не был превалирующим. В их представлениях уголовный процесс служит не только и не столько средством реализации государством своей карательной власти по отношению к преступникам, сколько средством ограждения невиновного от произвольного и несправедливого уголовного преследования, гарантирования его свободы, других прав личности[76].

Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС), принятый 20 ноября 1864 г.[77], трактовался, прежде всего, как свод прав, предоставляемых гражданам по отношению к деятельности судебной власти. Уголовный суд был призван отстаивать интересы подсудимых, поскольку ему ставилась задача защитить от уголовной кары невиновного и оградить виновного от наказания сверх того, которое необходимо за содеянное[78].

---

[74] См.: Свод Законов Российской Империи // КонсультантПлюс: Классика российского права. URL: http://civil.consultant.ru/code/ (дата обращения: 01.01.2018).

[75] Кони А. Ф. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1968. Т. 6. С. 159.

[76] См.: Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. СПб., 1906. С. 8–11.

[77] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8: Судебная реформа. М., 1991. С. 120–252.

[78] См.: Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1911. С. 2; Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1905. С. 7, 9; Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. С. 8–11;

В уголовном процессе усматривали систему гарантий прав личности или систему сдержек для ограничения активности обвинительной власти[79]. По словам П. И. Люблинского, «главным отличием современного процесса от старого (розыскного) является положение личности обвиняемого, в то время как последний видел в обвиняемом еще не изобличенного, скрытого преступника, современный процесс до момента осуждения видит в обвиняемом сторону, т. е. участника судебного производства, который не может быть произвольно лишаем своих гражданских прав. Нормы уголовного процесса установлены преимущественно для ограждения людей невинных от возможных судебных ошибок, нежели для более успешного обличения виновных; последняя цель не требует судебной деятельности и легко могла бы осуществляться в административном порядке»[80].

Мы видим ещё одно не менее важное положение этого учения о правовой сущности уголовного процесса: карательного полномочия государства до судебного приговора не существует, данное полномочие является эвентуальным[81]. Судебный приговор порождает это право по отношению к конкретному лицу лишь тогда, когда его виновность установлена вступившим в законную силу обвинительным приговором суда[82].

Отечественные процессуалисты подчеркивали служебную роль уголовного процесса, выступающего инструментом, посредством которого применяется содержащаяся в уголовном законе карательная норма inconcreto и тем самым

Его же. Неприкосновенность личности. М., 1917. С. 5; Его же. Основания судейского усмотрения в уголовных делах. СПб., 1904. С. 8–9.

[79] См., например: Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование. Томск, 1905. С. 93.

[80] Люблинский П. И. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия. С. 797.

[81] «Эвентуальный» значит «возможный при благоприятных обстоятельствах». Получается, право на применение меры пресечения возникает у государства только после того, как суд удовлетворил правопритязание стороны обвинения, в котором обосновывается наличие у государства такого права, и вынес постановление об избрании этой меры пресечения.

[82] См.: Люблинский П. И. Новая теория уголовного процесса. Петроград, 1916. С. 36, 41.

осуществляется карательная власть государства[83]. Только судебный приговор порождает право государства на наказание преступника[84].

Необходимо также отметить, что каждой из уголовно-процессуальных мер пресечения (по терминологии Устава уголовного судопроизводства – «мер представления» и «мер обеспечения») согласно дореволюционному учению присущ элемент принудительности. Однако эта принудительность иного рода, чем у наказания. Было сформулировано следующее принципиальное положение: «разрешение вопроса о применении мер принуждения является производным от разрешения основного вопроса уголовного дела, но имеет самостоятельное процессуальное значение»[85]. Большинство ученых того времени придерживалось мнения о том, что «применение принудительных мер по уголовному делу хотя и осуществляется в видах возможного наказания виновного, но в первую очередь направлено на обеспечение уголовного процесса и решение его задач»[86].

Однако были и такие, кто высказывался о наличии связи между мерами пресечения и наказанием. К примеру, известный русский процессуалист Л. Е. Владимиров признавал взаимосвязь мер пресечения и возможного наказания, грозящего обвиняемому в случае осуждения[87]. А. А. Жижиленко высказывал мнение о том, что для уголовно-процессуальных мер пресечения является чуждым элемент оценки совершенного преступного деяния; он пришел к выводу, что в уголовном процессе нет места наказанию, поскольку в случае последующего оправдания лица, оно считалось бы наказанным[88]. В то же время

---

[83] См., например: Щегловитов И. Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 9. С. 96.

[84] Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. С. 41.

[85] Люблинский П. И. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия. С. 797.

[86] Там же. С. 797.

[87] См.: Владимиров Л. Е. Уголовный законодатель, как воспитатель народа. М., 1903. С. 95.

[88] Жижиленко А. А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств: [Дис.] / А. А. Жижиленко. Петроград, 1914. С. 4–5, 60–61.

он полагал, что «по этому моменту – наказуемости – отличаем преступное деяние от других недозволенных деяний»[89].

Мы полагаем, что эти точки зрения не входят в прямое противоречие с исходным положением о том, что уголовно-процессуальное принуждение (меры пресечения) основывается на презумпциях: 1) совершения обвиняемым, подозреваемым преступления; 2) наличия у него естественного желания избежать ответственности за содеянное.

Более конкретно данный аспект применения мер пресечения рассмотрен П. И. Люблинским, который отмечал, что «хотя принудительные меры принимаются в предположении виновности лица и при наличности серьезных улик виновности, они не должны переходить в меры наказания. Объектом их является еще гражданин, пользующийся совокупностью гражданских прав, а не осужденный преступник»[90].

Русская дореволюционная школа процессуалистов проводила различие между мерами пресечения в процессе и мерами наказания по следующим критериям: 1) принятие их только в случае крайней процессуальной необходимости и отпадение их в случае ее устранения; 2) такой характер этих мер, при котором они причиняли бы возможно меньше стеснений и неприятностей обвиняемому, подвергаемому их действию[91]. Вышесказанные

---

[89] Жижиленко А. А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств: [Дис.] / А. А. Жижиленко. Петроград, 1914. С. 5.

[90] Люблинский П. И. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия. С. 797, 798.

[91] Осуществление обоих этих условий достигается различными средствами. Сообразование принятия принудительных мер с крайней лишь в том необходимостью достигается: 1) устранением случаев установления обязательности принятия таких мер в законе на основании одних только общих презумпций (например, непременного требования взятия под стражу при преступлениях известной тяжести); 2) подробным установлением оснований, послуживших к принятию этой меры, и частой проверкой этих оснований. Так, каждый орган, применяющий арест, обязан составить о том мотивированное постановление, и в течение процесса, в различных стадиях (при заключении следствия, при предании суду, после постановления приговора, а по жалобе обвиняемого – в течение всего производства дела), проверяются эти основания и ставится вопрос, должна ли быть сохранена принятая мера обеспечения; 3) установлением более строгих правил надзора и усиленной ответственности за напрасное стеснение свободы. Прекращение действия этих мер наступает не только при отмене их судебной властью, но и в случае вынесения оправдательного приговора с момента его

рассуждения позволяют нам окончательно сделать вывод о самостоятельном процессуальном значении мер пресечения и о служебной роли института мер пресечения. Причем эта роль служебная вдвойне: ведь меры пресечения обслуживают сам ход процесса выявления, раскрытия, расследования предполагаемого факта преступления и установления основания для применения уголовного закона.

По вопросу применения мер пресечения дореволюционные процессуалисты считали, что применение принуждения в правовом государстве допустимо при соблюдении двух условий: 1) чтобы это принуждение применялось не иначе как судебным органом; 2) чтобы оно применялось не иначе как в предположении виновности лица в известном преступлении. Так, согласно мнению П. И. Люблинского, исключительно судом должны разрешаться вопросы как о самой возможности правоограничения лица, подвергнувшегося обвинению, так и о пределах такого правоограничения[92]. Он подчеркивал, что органом применения мер пресечения (ст. 77, 416 УУС), равно как и мер представления обвиняемого (ст. 377 УУС), является суд. Полагаем очевидным, что при этом он понимал под судом не современный ему институт судебного следователя, а некий идеальный орган судебной власти правового государства.

На наш взгляд, именно в воззрениях представителей данной позиции содержатся предпосылки для правильного понимания правового механизма применения мер пресечения. В них говорится о судебной деятельности, о судебном споре, о судопроизводстве как базовой уголовно-процессуальной модели правоприменения[93]. Из сказанного можно заключить, что уголовное

провозглашения (а не вступления в законную силу). См.: Кузьмин-Караваев В. Д. Пресечение способов уклонения от следствия и от суда. СПб., 1902.

[92] См.: Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия; Его же. Неприкосновенность личности. М., 1917.

[93] В других учениях о цели уголовного процесса данный момент «затушевывается». В первую очередь это касается карательно-репрессивной трактовки цели уголовного судопроизводства, которая вытекает из понимания двуединства уголовного и уголовно-процессуального права как средства противодействия преступности (хотя защита прав личности на словах может приветствоваться). Трудно говорить о правах личности, если механизм правоприменения полностью контролируется единой и неделимой государственной

судопроизводство дореволюционными процессуалистами совершенно верно отождествлялось с судебной деятельностью, а потому, естественно, любое правоограничение, любое принуждение должно было реализоваться с участием суда.

Судя по работам П. И. Люблинского и ряда авторов того периода времени, «меры представления» и «меры обеспечения» считались вполне допустимыми только в период ведения судебным следователем предварительного следствия[94]. В этом виделся идеал законности, хотя законы и правоприменительная практика того времени знали много исключений из данного общего положения[95]. Одним из таких важных исключений является то, что согласно ст. 257 УУС полиция могла применять все те же меры пресечения, которые закон позволял применять судебным следователям, и должна была руководствоваться теми же правилами[96]. В соответствии со ст. 261 УУС эти же правила распространялись на волостных и сельских начальников, исполняющих полицейские обязанности. Основным должностным лицом, расследовавшим преступление и уполномоченным применять меры пресечения в соответствии со ст. 264 УУС, был судебный

властью. Большинство опрошенных нами адвокатов разделяют это мнение (см.: приложение № 4).

[94] См.: Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. С. 282.

[95] Оба эти требования, по оценке П. И. Люблинского, в целом были реализованы в Уставе, хотя и с некоторыми исключениями в виде ст. 257, 420^1, 1035, разрешающих принятие мер обеспечения несудебным органам (общей и жандармской полиции) и без возбуждения предварительного следствия в период дознания. П. И. Люблинский писал: «В области мер представления в Суд изъятие сделано для мировой юстиции в виде ст. 51, 51^1–51^2 Устава (в ред. Закона 1912 года), где полиции предоставлено право ареста с целью представления к судье. Признание права за несудебными органами принимать меры обеспечения является ненормальностью, неизвестною другим западноевропейским законодательствам и проскользнувшею в наш Устав вследствие недостаточно отчетливого представления о различиях между „полицейским арестом“ (мерою представления обвиняемого в суд) и „мерами пресечения“». По словам П. И. Люблинского, «признание права предварительного ареста (ст.ст. 51, 51^1–51^2) есть изъятие, признаваемое повсюду. Оно покоится на признании необходимости дать полиции, заинтересованной в поддержании порядка и действительности правосудия, возможность представления обвиняемого судебной власти, если имеются основания предполагать, что иначе это не явится возможным». Речь в данном случае идет не о мере пресечения, а о задержании подозреваемого по смыслу современной юридической терминологии. См.: Люблинский П. И. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия. С. 797.

[96] См.: Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 276.

следователь. Права и обязанности данного должностного лица подробно регламентировались в утверждённых 8 июня 1860 г. «Учреждении судебных следователей», «Наказе судебным следователям», а также принятых 20 ноября 1864 г. «Учреждении судебных установлений» и «Уставе уголовного судопроизводства»[97]. В системе мер принуждения «меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от следствия», собственно, и составляли меры пресечения. Согласно ст. 416 УУС к ним относились: отобрание вида на жительство или обязание их подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства; отдача под особый надзор полиции; отдача на поруки; взятие залога; домашний арест и взятие под стражу[98]. Задачей «мер обеспечения» было поставление обвиняемого в такое положение, при котором он мог бы легко быть представлен или явиться к следствию, суду или наказанию каждый раз, когда в этом имеется надобность.

Применение мер пресечения, реализуемое аппаратом государственного принуждения, было в целом репрессивным. Так, в 1898 году содержание под стражей применялось в отношении 16 836 осужденных (что составляло 34,5 %); отдача под надзор полиции – 11 578 осужденных (23,7 %); отдача на поруки – 2240 осужденных (4,6 %); залог – 452 осужденных (0,9 %); домашний арест – всего 2 осужденных (фактически приближается к 0 %)[99].

В 1899 году под стражей содержалось 3399 человек, которые в дальнейшем были оправданы (и это составило 14,3 % от общего числа заключенных) и 1505 человек, в отношении которых дело было прекращено до суда (что составило 6,7 %)[100].

---

[97] См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Том XXXV. Отделение первое. 1860 г. СПб., 1862. С. 711–727; Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8: Судебная реформа. М., 1991. С. 32–83, 120–252.

[98] Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X - XX веков. В 9-ти томах. Т. 8 : Судебная реформа / под общ. ред. Чистякова О. И. М., 1991 С. 120−252.

[99] См.: Кузьмин-Караваев В. Д. Пресечение способов уклонения от следствия и от суда. СПб., 1902. С. 23–24.

[100] Прив. по: Хапаев И. М. История становления и развития законодательства и практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу (XIX–XX вв.) // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2311.

Механизм применения мер пресечения заключался в единоличном принятии решения об избрании конкретной меры пресечения судебным следователем с последующим сообщением об этом прокурору (ст.ст. 283, 284 УУС).

Из проведённого нами анализа можно утверждать, что учение о мерах пресечения развивалось в духе завоеваний Судебной реформы 1864 года. Это позволило создать учение о мерах пресечения в дореволюционный период, которое впоследствии стало классическим и заложило теоретико-методологическую основу для формирования правильного знания о применении мер пресечения в уголовном судопроизводстве. Имеется в виду, во-первых, то, что мера пресечения в виде заключения под стражу носит исключительный характер и должна применяться судебным органом в качестве крайнего средства. Во-вторых, они являются мерами обеспечительного характера и служат для достижения целей уголовного процесса, благодаря этому достигаются цели применения норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. В-третьих, меры пресечения носят предупредительный и пресекательный характер. Но главное в том, что процессуалисты того времени заняли верную позицию, согласно которой при несомненном родстве всех мер правового принуждения нельзя не видеть глубокого различия между мерами пресечения и наказанием.

В советское время учение о мерах пресечения, сложившееся в конце царского периода государственно-правового развития России, претерпело некоторые изменения. Сразу после революции произошел перерыв в традиционном правовом развитии института мер пресечения. Изначально система мер пресечения, оставшаяся от дореволюционного периода, не была отменена. Из п. 5 Декрета о суде от 24 ноября 1917 г. № 1 следовало: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и

революционному правосознанию»[101]. В то же время в первые годы «советского строительства» наблюдалось пренебрежительное отношение ко всем наработкам отечественной юриспруденции как к пережиткам, которые утратили актуальность. Со временем государство пришло к необходимости обустраивать жизнь правовыми средствами, ученые вернулись к обсуждению вечных тем уголовного процесса[102]. Изменения, произошедшие в стране, не могли не сказаться на учении о мерах пресечения. Оно стало развиваться в новом весьма специфичном контексте коммунистической идеологии и марксистско-ленинского учения о государстве и праве.

Проявление нового подхода к пониманию сущности мер уголовно-процессуального принуждения и их назначения нашло свое отражение в научных трудах З. З. Еникеева, З. Ф. Ковриги, В. М. Коркунова, Ф. М. Кудина, И. Л. Петрухина и ряда других ученых, наиболее полно выразивших позднесоветское учение о мерах пресечения. Оно уже было проникнуто заботой о правах личности, но вобрало в себя достижения советского правоведения[103].

В этой связи полагаем важным отметить, что советское учение о мерах пресечения выводило феномен процессуального принуждения (и пресекательности как крайней формы ее проявления[104]) из публично-правовой

---

[101] Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

[102] В новом виде реанимирована и дискуссия о соотношении наказания и мер пресечения, а вместе с тем и о целях применения мер пресечения, на которых мы остановимся далее.

[103] См.: Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение М., 1985. С. 38–39.

[104] Вполне можно считать правовым стандартом следующую формулировку нормативно-правового содержания: меры пресечения применяются только в случаях необходимости, когда имеются достаточные основания. Например, «фактические обстоятельства» или презумпции, предусмотренные ст. 89, 91 УПК РСФСР (Уголовный процесс: учебник / под ред. М. А. Чельцова. М., 1969. С. 171). «Прибегают к ним при действительной необходимости, наличии веских оснований и в установленном законом порядке» (Уголовный процесс: учеб. для иностранных слушателей вузов МВД СССР / под ред. В. П. Божьева. М., 1989. С. 129). Знаком перемен можно считать формулировку: «Важно, чтобы не только обеспечивалось выполнение целей мер пресечения, но и чтобы допущенное ограничение прав гражданина соответствовало действительно необходимому его ограничению» (Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. П. А. Лупинской. М., 1995. С. 207).

природы уголовного судопроизводства, а также из приоритетности императивного метода в механизме уголовно-процессуального регулирования[105].

В трудах специалистов, занимавшихся этой проблемой, широкое распространение получило представление о том, что уголовно-процессуальное право характеризуется как охранительное, обеспечивающее правопорядок в сфере применения норм уголовного законодательства[106].

Считалось, что достижение необходимого правового результата в уголовно-процессуальном опосредовании уголовно-правовых отношений требует обеспечения их правовым (уголовно-процессуальным) принуждением[107]. Поэтому по вопросу развития института мер пресечения следовало исходить из того, что пока существует преступность и ведётся борьба с ней правовыми средствами, есть необходимость в мерах процессуального принуждения[108].

Принципиальное методологическое влияние на уголовно-процессуальную мысль имел понятийный аппарат. Советская школа создала теорию механизма правового регулирования, в которой нашло отражение развернутое обоснование особой принудительности, характеризующей метод уголовно-процессуального права[109].

Характерной чертой советского учения об особой принудительности метода уголовно-процессуального права была привязка проблематики института мер

---

[105] См.: Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 79–92; Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 41; Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962. С. 42–43, 56; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 97.

[106] См., например: Галкин Б. А. Указ. соч. С. 42–43, 56; Кудин Ф. М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 1985. С. 43–51.

[107] См.: Еникеев З. Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты по уголовным делам: учебное пособие. Уфа, 1978. С. 16.

[108] См.: Каминская В. И. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве // Советское государство и право. 1968. № 10. С. 28.

[109] По Ф. М. Кудину, принуждение есть неотъемлемая черта метода уголовно-процессуального регулирования – императивного, публично-правового с ярко выраженной принудительностью. Эта черта проявляется в наличии развитой системы мер пресечения. См.: Кудин Ф. М. Принуждение – черта метода уголовно-процессуального регулирования // Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 1985. С. 31–40.

уголовно-процессуального принуждения к диалектической оппозиции методов убеждения / принуждения[110].

Как отмечалось в юридической литературе, было бы ошибочным прийти к заключению, что осуществление уголовно-процессуальных норм базируется прежде всего на принуждении. «Подобная оценка не отражает в полной мере действительного назначения уголовно-процессуального права и находится в противоречии с содержанием его регулятивной и охранительной функций»[111].

Ф. М. Кудин по этому поводу утверждал, что: «изменения в социально-экономических условиях на определенных этапах развития государства находят отражение в системе уголовно-процессуального права; эти изменения присущи и институту принуждения в уголовном судопроизводстве как органически неразрывной части права государственно-правового принуждения»[112].

Сущностные признаки мер пресечения выводились советской уголовно-процессуальной школой из главного положения, характеризующего этот институт как правовое средство принудительного воздействия на поведение участников уголовного судопроизводства, чьё упречное поведение создает или может создать препятствие для достижения цели (решения задач) уголовного процесса[113]; как средство обеспечения реализации «центрального» (уголовно-правового) правоотношения[114], возникающего между государством и лицом, совершившим преступление; как меры принуждения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого к соблюдению установленных законом правил поведения (не скрываться, не воспрепятствовать предварительному расследованию и пр.)[115].

---

[110] См., например: Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 155; Савгирова Н. М. Меры пресечения и иные меры процессуального принуждения: Лекция по уголовному процессу для студентов вечернего и очного обучения / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак-т. М., 1960. С. 2.

[111] Кудин Ф. М. Указ. соч. С. 82.

[112] Там же. С. 89.

[113] См., например: Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 9.

[114] См.: Еникеев З. Д. Применение мер пресечения по уголовным делам (в стадии предварительного расследования). Уфа, 1988. С. 23.

[115] См.: Демидов И. Ф. Меры пресечения // Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 505.

Классик советской уголовно-процессуальной школы М. С. Строгович определял меры пресечения как такие принудительные меры, которые ограничивают свободу обвиняемого в целях предупреждения его уклонения от следствия и суда[116]. К этой точке зрения (о служебном, специальном процессуальном назначении мер пресечения) присоединились и другие советские процессуалисты[117].

Наряду с указанной выше точкой зрения учёные исходили из того, что меры пресечения регламентированы законом; их правомерность гарантируется процессуальным порядком их применения и установлением объективной истины[118]. Также считалось, что институт мер пресечения оказывает регулятивное воздействие на поведение участников на всех стадиях процесса[119].

Советскими процессуалистами отмечалось, что выбор законодателем того или иного набора средств принуждения и механизма их реализации есть «следствие выбора определённого метода правового регулирования правовых отношений»[120].

Полагаем, что именно поэтому советский законодатель отказался от домашнего ареста, создав новый вид меры пресечения, основанный на поручительстве – общественное поручительство. Впрочем, эксперимент по введению этой новой меры пресечения уже в советской уголовно-процессуальной литературе был признан неудачным[121].

Ещё одним важным моментом является то, что учение о мерах пресечения в советский период развивалось под влиянием аксиом, согласно которым уголовный процесс играет служебную роль по отношению к уголовному праву и уголовное судопроизводство является урегулированной УПК деятельностью

---

[116] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 150.

[117] См., например: Лившиц Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 6; Советский уголовный процесс: учеб. / Галкин Б. А. [и др.]; под ред. Д. С. Карева. М., 1968. С. 165–166.

[118] См.: Кудин Ф. М. Указ. соч. С. 90.

[119] См.: Демидов И. Ф. Указ. соч. С. 505.

[120] Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 28–29.

[121] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 153, 154; Советский уголовный процесс: учебник / Галкин Б.А. [и др.]; под ред. Д. С. Карева. М., 1968. С. 167.

компетентных государственных органов, направленной на борьбу с преступностью[122].

Это воплотилось в правовом догмате (стандарте, стереотипе), согласно которому субъектами, применяющими меры пресечения, в ходе предварительного расследования являются следователь, дознаватель, прокурор, в судебных стадиях – суд[123].

Прокурор превратился в «хозяина предварительного расследования», поскольку господствовало положение о том, что именно он осуществляет высший надзор за применением мер пресечения. Это проявлялось в санкционировании прокурором меры пресечения в виде заключения под стражу. Таким образом, в советский период сохранялся механизм применения мер пресечения аналогичный механизму дореволюционного периода.

Отметим, что для советского периода были характерны неоднократные изменения института мер пресечения. Так, 30 сентября 1919 г. приказом Реввоенсовета Республики № 1595 было утверждено «Положение о военных следователях», в нем впервые был изложен перечень мер пресечения: письменное обязательство о явке к следователю и неотлучке с места службы или жительства, отдачу на поруки, представление залога, отдачу под ближайший надзор начальства, арест[124]. УПК РСФСР 1922 года[125] ввел: подписку о невыезде, личное и имущественное поручительство, залог, домашний арест, заключение под стражу. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик

---

[122] И в наше время некоторые авторы, не оспаривая формулировок ст. 6 УПК РФ, по-прежнему утверждают, что противодействие преступности составляет одну из основных целей уголовного судопроизводства, а значит таковой является и главная цель применения мер пресечения. Показательно высказывание С. В. Колосковой о том, что «принуждение необходимо для создания нормальных условий производства по делу, принятию правильного решения» (Колоскова С. В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014. С. 73).

[123] Нет нужды в цитировании советских текстов по этому вопросу – они повторяют друг друга. Различие имеется только в незначительных смысловых нюансах.

[124] Положение о военных следователях: утв. приказом Реввоенсовета Республики от 30 сентября 1919 г. № 1595 // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. Сборник документов. М., 1955. С. 109.

[125] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25.05.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 20–21, ст. 230.

предусматривали следующие меры пресечения: подписку о невыезде, личное поручительство, поручительство общественных организаций, заключение под стражу[126]. По УПК РСФСР 1960 года[127] в систему мер пресечения входили: подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, залог, заключение под стражу.

Склонная к рассуждениям о приоритете метода убеждения, о правах личности, законности и пр., советская правовая школа умалчивала о реалиях карательной уголовной политики и о частом применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Удовлетворение ходатайств об избрании меры пресечения прокурором в виде содержания под стражей в СССР составляло 70–75 % случаев[128]. Даже после принятия УПК РСФСР 27 октября 1960 г., согласно которому содержание под стражей применялось с соблюдением ст. 11 «Неприкосновенность личности», репрессивность применения данной меры не изменилась.

Так, в 1970-е гг. по каждому второму уголовному делу, производство по которому вели следователи, избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу[129]. В 1980-е гг. заключение под стражу избиралось в 53 % случаев; в 1981 году – в 51 %; в 1982 году – 46,4 %; в 1983 году – в 45,6 %; в 1984 году – в 42,1 %; в 1985 году – в 36 %; в 1992–1995 гг. – до 30–40 %[130].

Данная статистика свидетельствует о том, что «тоталитарный режим государственной власти, пренебрежение правами личности, безоглядная вера законодателя в чудодейственность жестокой уголовной репрессии привели, по

---

[126] Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: утв. законом СССР от 25.12.1958 // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1, ст. 15.

[127] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

[128] См. подробнее: Верните прокурора / Паничева А. [и др.] // Рос. газ. 2008. 20 мая; Конин В. В. Избрание и продление срока содержания под стражей в российском уголовном судопроизводстве и стандарты Европейского Суда // Адвокат. 2010. № 12. С. 23–30.

[129] См.: Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981. С. 76–81.

[130] См.: Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 118.

сути дела, к кризисному состоянию уголовной юстиции»[131], уголовная политика была «стабильно жесткой, репрессивной»[132], а мера пресечения в виде заключения под стражу применялась в качестве рядовой меры.

На основе приведенных рассуждений можно прийти к заключению о том, что соотношение методов убеждения и принуждения в уголовно-процессуальной сфере изменчиво. Оно меняется и в пределах конкретного типа уголовного судопроизводства, но еще более – при переходе к иному типу организации уголовно-процессуальной деятельности.

Тема о различии мер пресечения и наказании стала пиком развития советского учения о мерах уголовно-процессуального принуждения. В частности, Ф. М. Кудин писал, что ярко выраженный принудительный характер уголовного права иногда автоматически переносят и на процессуальное право, несмотря на то, что механизмы, обеспечивающие реализацию норм указанных отраслей, далеко не равнозначны[133].

Даже те советские процессуалисты, которые не признавали презумпцию невиновности (например, М. А. Чельцов, В. Т. Томин[134]) и были скептически настроены по отношению к состязательности, тем не менее настаивали на необходимости разграничения наказания и мер пресечения, их разведения и недопущения использования мер пресечения в качестве наказания обвиняемого или для достижения еще каких-то прямо не указанных в законе целей.

«Некоторые из мер пресечения, – писал М. А. Чельцов, – проявляются внешним образом в таком же ограничении правовых благ гражданина, как и наказание (например, заключение под стражу), но это не дает права отождествлять их»[135].

---

[131] Ляхов Ю. А. Новая уголовно-процессуальная политика. Ростов н/Д, 1992. С. 12.

[132] Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография. М., 2009. С. 47.

[133] См.: Кудин Ф. М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. С. 83.

[134] Они считали, что социалистической законности достаточно, а буржуазные изобретения вроде презумпции невиновности только искажают представления о должной организации уголовно-процессуальной деятельности.

[135] Советский уголовный процесс: учебник для юридических институтов / Чельцов М. А. М., 1962. С. 222.

Аналогичной позиции придерживались и другие представители советской процессуалистики[136]. Если проанализировать советские учебники по уголовному процессу, то в подавляющем их большинстве данное положение или подразумевалось, или вполне отчетливо высказывалось[137].

Авторы одного из советских учебников особо отмечали: «Меры пресечения сами по себе не являются наказанием за преступление и не содержат элемент кары за противоправное деяние»[138]. Ранее те же авторы более подробно объяснили свою позицию: «При внешнем сходстве такой меры пресечения, как заключение под стражу, и такой меры наказания, как лишение свободы, несмотря на то, что время нахождения под стражей во время предварительного следствия засчитывается в срок отбытия наказания, меры пресечения не являются мерами наказания. Уголовное наказание назначается только судом от имени государства в результате рассмотрения дела и признания лица виновным в совершении преступления. Уголовное наказание – это мера государственного принуждения, сочетающая кару и воспитание, причиняющая лишения преступнику или ограничивающая его права и выражающая от имени социалистического государства отрицательную оценку преступному деянию и лицу, его совершившему. Меры же пресечения применяются не только судом, но и органом дознания, следователем, прокурором. Мера пресечения может быть отменена, а уголовное дело прекращено; мера пресечения может быть изменена»[139]. Были и такие работы, в которых допускалось если не полное, то частичное отождествление наказания и мер пресечения[140], но не они определяли господствовавшую доктрину.

---

[136] См., например: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 150; Лившиц Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. С. 10–11.

[137] См., например: Советский уголовный процесс: учебник / Блинов В. М [и др.]; под ред. Д. С. Карева. М., 1975. С. 168.

[138] Советский уголовный процесс / Белозеров Ю. Н. [и др.]; под ред. Б. А. Викторова. М., 1975. С. 163.

[139] Уголовный процесс: учебник / Белозеров Ю. Н. [и др.]; под общ. ред. Б. А. Викторова. М., 1970. С. 147.

[140] См., например: Уголовный процесс: учеб. для иностранных слушателей вузов МВД СССР / под ред. В. П. Божьева. М., 1989, С. 129–130.

В виде редкого исключения встречались утверждения такого рода: «Имеется вполне определенная зависимость между примененной мерой пресечения и назначаемым судом наказанием. Судебная практика свидетельствует о том, что содержание обвиняемого под стражей до суда во многих случаях предопределяет назначение виновному наказания в виде лишения свободы»[141]. Не случайно и другое высказывание этих авторов: процессуальное значение мер пресечения заключается в обеспечении неотвратимости наказания[142]. Возможно, основанием к таким суждениям были итоговые судебные решения – обвинительные приговоры.

На наш взгляд, наиболее полно возобладавшую в советском правоведении точку зрения на данную проблему выразил И. Ф. Демидов в фундаментальном научном труде, который завершил советский этап развития уголовно-процессуальной науки. Суть его суждения в том, что если бы применение меры пресечения к подозреваемому лицу означало реализацию уголовной ответственности, то она наступала бы до предъявления обвинения. Но даже привлечение лица к уголовной ответственности, осуществляемое в процессуальной форме привлечения в качестве обвиняемого, не означает начала реализации ответственности[143]. Для привлечения к уголовной ответственности необходимо процессуальное основание, для ее наступления – материально-правовое.

Поскольку материальным основанием уголовной ответственности является виновное совершение преступления, констатируемое приговором суда, то ее реализация происходит за пределами судебного разбирательства, после его завершения (по вступлении приговора в законную силу). Но именно с этого момента действие меры пресечения прекращается и, следовательно, она не может рассматриваться в качестве формы реализации уголовной ответственности. По общему правилу, меры пресечения являются мерами уголовно-процессуального

---

[141] Уголовный процесс: учеб. для иностранных слушателей вузов МВД СССР / под ред. В. П. Божьева. С. 130.

[142] Там же. С. 130.

[143] См.: Демидов И. Ф. Меры пресечения. С. 505.

принуждения превентивного и пресекательного характера и предназначены для предупреждения противозаконных действий обвиняемого или их пресечения. В последнем случае меры пресечения обоснованно рассматриваются как способ реализации уголовно-процессуальной (но не уголовной) ответственности[144].

При этом нельзя не заметить противоречия в рассуждениях И. Ф. Демидова. С одной стороны, он признает привлечение в качестве обвиняемого привлечением лица к уголовной ответственности, осуществляемым в процессуальной форме, но с другой – не считает это началом реализации ответственности. Именно такие двусмысленные формулировки, которыми изобилуют научные труды и по уголовному праву, и по уголовному процессу, порождают неоднозначные суждения по вопросу о соотношении мер пресечения и наказания.

Анализируемые нами основные положения учения о мерах пресечения советского периода приводят к пониманию того, что в учении о сущностных признаках мер пресечения позиция ведущих советских процессуалистов свелась к повторению того, что было сказано их дореволюционными предшественниками на пике развития русской уголовно-процессуальной мысли о природе мер пресечения.

Наряду с этим советские процессуалисты обошли своим вниманием важнейшее достижение дореволюционной юридической мысли о закреплении полномочий применения меры пресечения исключительно за судом. Поскольку в советском учении о государстве, понимавшемся как единый правовой механизм, работающий на благо всего народа, идея судебного контроля, какой-либо исключительности судебных полномочий (в том числе и в плане применения мер пресечения) была немыслима, особенно с учетом практиковавшегося в советской правовой мысли отрицания института правового государства с идеей разделения властей, предполагающей систему сдержек и противовесов[145]. Преобразование советской науки было направлено на изобретение новых смысловых «подпорок»

---

[144] Там же. С. 506.

[145] Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 45.

для более или менее сбалансированной уголовно-процессуальной конструкции, разработку разного рода гарантий «социалистической законности».

Во многих рассуждениях советских теоретиков о мерах пресечения есть резон. Следует признать их непреходящую ценность для реализации защиты прав личности; они будут уместны при любом развитом уголовно-процессуальном порядке. Но лишь с одной оговоркой: надо понимать, что советские представления о назначении, правовой природе мер пресечения создавались в определенную эпоху, они из другой правовой реальности, из другого государственного устройства как по форме правления, так и по форме организации государственной власти. Поэтому в них неизбежно будет присутствовать нечто, мешающее правильно осознать перспективы оптимизации механизма применения мер пресечения и создать иной проект по его преобразованию.

Переходя к анализу современного этапа развития учения о мерах пресечения, необходимо сказать, что, несмотря на заявленный основателями реформы УПК РФ курс на состязательность[146], советское учение о мерах пресечения продолжает оказывать определяющее влияние на современных исследователей[147].

Российское правоведение сохраняет приверженность континентальным ценностям XIX века с его кодексами и комментариями к ним[148], а сами процессуалисты упорно продолжают следовать канонам советской процессуальной школы. Представители этой школы верят в то, что «современное розыскное досудебное производство не только действует эффективно в плане раскрытия и расследования преступлений, но и создает достаточные условия для соблюдения прав и свобод личности. Поэтому нет никакой необходимости

---

[146] См.: Мизулина Е. Б. Технология власти: уголовный процесс. / Е. Б. Мизулина; отв. ред. М. Ю. Мизулин. Ярославль : [б. и.], 1992. С.25 и след.

[147] См.: Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск, 2003. С. 10.

[148] См.: Головко Л. В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений // Вестник гражданского права МГУ. 2010. № 6. С. 6–34.

перестраивать успешно работающий механизм в состязательную форму»[149]. По данной причине, если строго следовать исторической правовой традиции и логике рассуждений ученых-процессуалистов, то ни к какому другому выводу, кроме как к признанию существующей модели правовой организации применения мер пресечения единственно «разумной и действительной» (по Гегелю), прийти нельзя[150].

Появившийся в период перестройки правозащитный пафос позволил при существующей модели применения мер пресечения раскрывать проблематику их применения через тему о защите прав личности. Основоположником правозащитного дискурса стал И. Л. Петрухин[151]. Продолжателем правозащитного подхода к разработке тематики процессуального принуждения можно считать М. Ю. Мельникова. Его монографию, преисполненную правильных мыслей (о видах, классификациях мер пресечения, о различных точках зрения на меры пресечения и, разумеется, о необходимости обеспечения прав личности при их применении), характеризуют следующие выражения.

«Необходимость строгой регламентации уголовно-процессуальным законом круга лиц, имеющих право применять меры пресечения, оснований, условий, пределов и порядка их использования, обусловлена тем, что существенные ограничения прав и свобод лиц, вызванные применением мер пресечения, должны быть минимальными и действительно необходимыми»[152].

---

[149] См.: Давлетов А. А. О значении одного термина в судьбе современного уголовного процесса России // Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности: монография / В. С. Балакшин [и др.]; под общ. ред. В. М. Бозрова. М., 2016. С. 297.

[150] Критическое исследование современного учения о мерах пресечения необходимо, поскольку система государственного управления, система правового регулирования несовершенны в том смысле, что скорее имитируют правовые стандарты работы институтов демократии, чем реально соответствуют им. Отсюда и реалии судебного контроля за применением мер пресечения. Данные анкетирования правоприменителей подтверждают эту мысль (см.: приложения № 1–3).

[151] Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989.

[152] Мельников М. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: монография. С. 79.

«Правовая реформа должна развиваться в направлении господства права, которое, в частности, означает, что ограничение прав и свобод допустимо в исключительных случаях и только федеральным законом»[153].

«В нормах УПК РФ должны быть предусмотрены такие процессуальные нормы, которые в полном объеме позволят защищать ограничиваемые права участников уголовного судопроизводства. Нормативное регулирование в данной части должно отличаться четким соответствием сущности, содержания ограничиваемого права и процессуального права, предусмотренного для его защиты»[154].

Приведённые цитаты демонстрируют правильные суждения, наполненные смысловым содержанием, и по большей части заслуживают того, чтобы с ними стоило согласиться.

Однако реально правозащитные суждения не оказали должного влияния на положительные изменения в практике применения мер пресечения. История развития российского уголовно-процессуального права показывает, что, несмотря на смену уголовно-процессуального законодательства (от УУС до современного УПК РФ), проведение судебных реформ, начиная с Судебной реформы 1864 года и заканчивая реформой на современном этапе, правовой механизм применения мер пресечения остается по сути неизменным[155].

И только в отдельных случаях по наиболее обсуждаемой категории ходатайств в виде заключения под стражу и продления этой меры пресечения в законодательство вносятся коррективы[156]. Примером может являться ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ[157].

---

[153] Там же. С. 81.

[154] Там же. С. 382.

[155] См.: Волков В. Опыт судебных реформ в России: искусство оставить все, как было: лекция // Официальный сайт Европейского университета в Санкт-Петербурге. URL: https://eu.spb.ru/forthcoming-events/18084-opyt-sudebnykh-reform-v-rossii-iskusstvo-ostavit-vse-kak-bylo (дата обращения: 01.01.2018).

[156] Поздняков М. Л. Перспективы института следственных судей // Уголовный процесс. 2015. № 6. С. 22–29.

[157] Данной нормой введён запрет на применение мер пресечения в отношении предпринимателей, совершивших преступление в предпринимательской или иной экономической деятельности.

Диалектическое развитие отечественного уголовно-процессуального права и науки о нём заставляет вновь и вновь обращаться к переосмысливанию отношений человека и государства в наиболее чувствительных вопросах правоприменения. «Именно здесь проявляется конфликт общественных и индивидуальных интересов. Поэтому и спор о допустимых средствах и методах ограничения прав личности для обеспечения публичных интересов становится более острым»[158].

Не осталась в стороне от обсуждений и тема о назначении (цели) мер пресечения, и о том, что меры пресечения и наказания родственны в своём сущностном, исходном начале, как-то взаимосвязаны, испытывают влияние общих детерминант.

Обсуждения обозначенных вопросов подтверждаются научными трудами современных отечественных процессуалистов. В исследованиях М. Ю. Мельникова[159], С. В. Вершининой[160], К. В. Муравьева[161] приводится широкий спектр высказываний отечественных ученых[162] о целях применения мер пресечения. При этом из анализа текста приводимых суждений следует, что каждый автор вкладывает некое своё представление о целях применения мер пресечения. В частности, отмечается, что:

а) достижение целей мер пресечения должно осуществляться с предельно меньшей степенью стеснения прав, свобод и законных интересов обвиняемого[163];

---

[158] Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М., 2015. С. 56.

[159] См.: Мельников М. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: монография. М., 2014. С. 66–73, 8–93.

[160] См.: Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 278-303.

[161] См.: Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. С. 8–86.

[162] В их числе Л. М. Володина, К. Б. Калиновский, З. Ф. Коврига, В. М. Корнуков, В. А. Михайлов, И. Л. Петрухин, П. М. Давыдов, П. П. Якимов, А. В. Смирнов, М. С. Строгович, М. А. Чельцов, В. Н. Шпилев.

[163] См.: Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 74.

б) целью применения мер пресечения является: «необходимость достижения целей правосудия, обеспечение установленного порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора»[164];

в) меры пресечения направлены на предупреждение действий, способных воспрепятствовать каким-либо путем производству по уголовному делу или исполнению приговора[165];

г) цель применения мер пресечения – ограждение общества от преступников, пресечение преступной деятельности, недопущение продолжения преступной деятельности, злоупотребления[166];

д) меры пресечения «предназначены для урегулирования правовых отношений, возникающих в сфере уголовного судопроизводства, во всех случаях, когда необходимо исключить для подозреваемого, обвиняемого любую возможность скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, продолжить преступную деятельность, уничтожить доказательства или другим путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Мера пресечения может избираться также в целях обеспечения надлежащего исполнения приговора»[167].

В современной юридической литературе высказываются и суждения о том, что: «общая цель применения мер пресечения – содействие осуществлению задач уголовного судопроизводства …»[168].

В частности, С. И. Вершинина на такой подход к определению общей цели применения мер пресечения пишет, что «отождествление целей мер пресечения с решением задач всего уголовного процесса нивелирует специфическую направленность принудительной деятельности и приводит к размыванию границ

---

[164] Калиновский К. Б., Смирнов А. В. Уголовный процесс. СПб., 2008. С. 231-232.

[165] См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Я. Сухарева. М., 2002. С. 97.

[166] По выражению В. Н. Шпилева, не позволяют обвиняемым «злоупотреблять своими правами». См.: Шпилев В. Н. Участники уголовного процесса. Минск, 1970. С. 73.

[167] См.: Уголовный процесс: учебник / под ред. В. П. Божьева. М., 2002. С. 223.

[168] Мельников М. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: монография. М., 2014. С. 75.

между принуждением и собственно процессуальной деятельностью, обеспечивающей осуществление правосудия»[169]. Сама же С. И. Вершинина универсальной целью применения мер пресечения считает обеспечение надлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого в ходе производства по уголовному делу[170].

Приведённые нами различные суждения по вопросу цели применения мер пресечения дают основание считать, что хотя каждое из них имеет логичную обоснованность, всё же следует отметить, что на современном этапе развития института мер пресечения отсутствует единый подход к определению понятия назначения (цели) их применения.

По нашему мнению, нельзя согласиться и с приведённым утверждением С. И. Вершининой о том, что универсальной целью применения мер пресечения является обеспечение надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого в производстве по уголовному делу. Полагаем, что данное утверждение требует уточнения.

Определимся сначала с понятием «поведение человека». Поведение включает в себя как внешние проявления – действия, поступки, жесты и т. д., так и внутренние проявления – волевые[171]. Объектом уголовного права является поведение человека, под которым понимается внешнее проявление человеческой воли[172]. Значит, поведение человека есть внешнее проявление свободной воли, т. е. внешнее проявление некоего внутреннего компонента – воли. При этом надлежащее поведение рассматривается, прежде всего, как добросовестное[173]. Следовательно, надлежащее поведение – это внешнее проявление свободной воли человека, ограниченной его моральными установками, которые являются

---

[169] Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 284-285.

[170] Там же. С. 285.

[171] См.: Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учебник / М. И. Еникеев. М., 2005. С. 154–172.

[172] Там же. С. 173; См.: Игнатов А. Н., Красиков Ю. А. Курс российского уголовного права: в 2 т. Т. 1: Общая часть. М., 2001. С. 68.

[173] См.: Сергеев В. В. Профессиональные ошибки медицинских работников: проблемы правового обоснования // Медицинское право. 2004. № 4. С. 18.

внутренним регулятором, ограничителем самого человека. Меры же пресечения являются внешним воздействием – внешним ограничителем.

При этом, согласно теории Гегеля, внешнее воздействие на волю человека невозможно в принципе[174]. То есть возможно подчинить власти других физическую и вообще внешнюю сторону человека, но свободная воля сама по себе не может быть принуждена[175]. Как утверждает И. Л. Петрухин: «добровольного подчинения принуждению вообще не существует. Если обязанность в правоотношении с органом, ведущим процесс, выполняется гражданином действительно добровольно, по убеждению, то никакого принуждения здесь нет. Если же лицо подчиняется принуждению, внутренне противясь законным требованиям следователя и суда, то не приходится говорить о добровольности. Так что утверждение «добровольное подчинение принуждению» логически не состоятельно»[176]. Следовательно, применение меры пресечения, угроза применения более строгой меры пресечения свидетельствует не о свободной воле, а о принуждении, т.е. внешнем ограничителе, действие которого происходит против воли человека, однако надлежащее поведение, как уже было сказано, основано на воле свободной[177], ограниченной лишь моральными установками, которые являются внутренним регулятором, ограничителем самого человека, что свидетельствует о надлежащем поведении как добровольном.

Значит, применяя меры пресечения, мы подменяем внутренний ограничитель свободной воли обвиняемого, подозреваемого – мораль, внешним ограничителем физической свободы (свободы действий)[178] – мерой пресечения, и тем самым лишь симулируем надлежащее поведение, но не гарантируем, не обеспечиваем оное.

---

[174] См.: Гегель В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 141.

[175] Там же. С. 147.

[176] Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение: общ. концепция. Неприкосновенность личности / отв. ред. И. Б. Михайловская. М., 1985. С. 50.

[177] Там же. С. 147.

[178] В толковом словаре В. И. Даля свобода определяется как «своя воля, простор, возможность действовать по-своему, отсутствие стесненья, неволи, рабства, подчинения чужой воли» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Р — Я. М.: РИПОЛ классик, 2006. С. 156). В юридической научной литературе отмечается, что «физическая свобода человека выражается в способности действовать в соответствии со своим волеизъявлением, при условии отсутствия объективных факторов, ограничивающих его действия.

Исходя из приведённых рассуждений, можно сказать, что универсальной целью применения мер пресечения является ограничение физической свободы действий подозреваемого (обвиняемого), обеспечивающее его неуклонение от следствия и суда на всех этапах уголовного судопроизводства. С нашей точки зрения, это обоснование цели мер пресечения как раз и может быть положено в основу нового определения универсальной цели.

По вопросу о проблематике соотношения мер пресечения и наказания, о связи мер пресечения и наказания, о диалектическом отношении уголовно-правового и уголовно-процессуального элемента интерес представляет позиция К. В. Муравьёва. Он совершенно верно отметил, что существующая система мер процессуального принуждения не отвечает критериям эффективности и рациональности[179], а также выстроил свою концепцию мер процессуального принуждения как особых средств уголовно-правового воздействия.

Суть его концепции выражена в следующих положениях.

1. Процессуальное решение о применении к обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения представляет собой «акт предварительного применения уголовного закона» (в том числе и санкции уголовно-правовой нормы), который отражает этап индивидуализации уголовно-правового воздействия, а следовательно, и этап конкретизации содержания развивающегося уголовно-правового отношения, а именно: определяет объем субъективных прав и юридических обязанностей его участников[180].

Выделяется два критерия физической личной свободы человека: свободная независимая воля и отсутствие сдерживающих её реализацию преград» (Журкина О. В. Личная свобода как объект преступления, предусмотренного ст. 127 Уголовного кодекса Российской Федерации // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 6. С. 249). По данному вопросу см., например: Петров П. К. Похищение человека и захват заложника – вопросы квалификации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2008. № 18 С. 50–55; Клименко Ю. Г. Свобода как правовая категория: к вопросу о многообразии понятий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 4 (44). С. 456.

[179] См.: Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. С. 224.

[180] См.: Муравьев К. В. Указ. соч. С. 223.

2. Меры процессуального принуждения не превратились только лишь в средства обеспечения производства и продолжают оказывать уголовно-правовое воздействие[181].

3. Оказание уголовно-правового воздействия в ходе уголовного судопроизводства соответствует закреплённому в ст. 49 Конституции РФ принципу презумпции невиновности при соблюдении гарантий реализации данного принципа – условий законности и обоснованности применения мер процессуального принуждения: «а) наличие достаточных данных, указывающих на совершенное преступление; б) наличие обоснованных подозрений о причастности лица к преступлению[182]; в) наличие обстоятельств, дающих достаточные основания полагать совершение подозреваемым, обвиняемым деяний, препятствующих производству по уголовному делу; г) соразмерность характера и сроков ограничений мер процессуального принуждения грозящему наказанию»[183].

Свои суждения К. В. Муравьёв обосновал ссылками на работы В. Н. Баландина, А. В. Наумова, А. А. Павлушиной, А. Д. Прошлякова, в которых утверждалось об отсутствии принципиального разграничения уголовно-процессуального и уголовного права[184]. Это открывает простор для перенесения на процессуальные институты уголовно-правовых категорий, и даже подчинение первых вторым. Иными словами, в качестве главного теоретического довода К. В. Муравьевым используется уже указанный нами исторический факт включения в единый нормативный источник норм материального и формального права, который имел место в прошлом[185]. Кроме того, в своей монографии он

---

[181] См.: Муравьев К. В. Указ. соч. С. 61.

[182] Заметим, что условия «а» и «б» дублируют друг друга, но автор, очевидно, специально делает это, чтобы усилить уголовно-правовой, материальный эффект. На наш взгляд, о совершении преступления в ходе досудебного производства говорить неуместно, условие «а» работает в судебно-контрольных стадиях. Что же касается обоснованности подозрения (обвинения), то об этом стандарте мы скажем подробнее далее. Это действительно правообразующее условие для принятия решения о мере пресечения.

[183] См.: Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. С. 223.

[184] См.: Муравьев К. В. Указ. соч. С. 60-61.

[185] См.: Муравьев К. В. Указ. соч. С. 59.

ссылается на ряд положений, фигурирующих в работах таких процессуалистов, как Н. Н. Полянский, И. М. Гуткин, Ю. Д. Лившиц, Е. А. Малина, Ф. Н. Фаткуллин, М. С. Строгович, В. В. Сероштан, О. И. Цоколова, Б. Б. Булатов, В. В. Николюк, П. С. Элькинд, что придает его позиции достаточную убедительность.

Однако, по признанию самого автора обсуждаемой концепции, из анализа норм УК РФ и УПК РФ однозначно вытекает, что «меры пресечения не являются мерами наказания (их частью)»[186]. По его словам, подход, согласно которому меры пресечения оказывают уголовно-правовое воздействие, не имеет широкой поддержки в юридической литературе[187]. Тем не менее сам автор придерживается позиции, что меры пресечения могут рассматриваться как самостоятельное, особое средство уголовно-правового воздействия[188].

На наш взгляд, неверность таких суждений заключается в том, что в них оправдывается сущностное сходство наказания, уголовной ответственности и мер пресечения, а значит, оправдывается и карательный тип уголовного процесса, уголовной политики. Это отдаляет отечественную уголовно-процессуальную доктрину от стандартов справедливого применения к человеку принуждения. Необходимо отметить и специфический пенитенциарный уклон предложенной К. В. Муравьевым концепции мер пресечения.

Мы придерживаемся иного мнения и считаем, что уголовно-процессуальная «материя» присутствует там, где действуют судебный орган и стороны, а уголовно-исполнительная – везде, где исполнительная власть действует без участия суда (но исполняя его решения). В подтверждение этой позиции приведем формулировку из решения суда: «Избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, которую *постановлено отменить по вступлении приговора в законную силу* (выделено мной – *В. Р.*), взят под стражу в зале

---

[186] См.: Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. С. 62.

[187] Там же. С. 61.

[188] См.: Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. С. 84–85.

суда»[189]. В данном случае, как мы можем видеть, судья избирает меру пресечения единственно для того, чтобы обеспечить вступление приговора в силу, т. е. обеспечить проведение апелляционного производства, а не исполнение приговора, наказания.

Конечно, стоит признать, что назначение мер пресечения и назначение уголовного судопроизводства взаимосвязаны. А потому цели применения мер пресечения определяются господствующей правовой доктриной и уголовной политикой государств. В конечном итоге уголовно-процессуальная форма избрания мер пресечения, входящая в тип уголовного процесса, выступает средством разрешения основного вопроса уголовного дела о применении или неприменении уголовно-правовых норм (уголовного закона), обеспечивает принятие судебного решения о правоприменении (приговора), но не является средством исполнения приговора или тем более – наказания.

Все вышеприведённые рассуждения приводят нас к следующему заключению: наказание есть наказание, мера пресечения есть мера пресечения, и вместе им не сойтись. Соотношение между институтом наказания и институтом мер пресечения выводится из процессуальности механизма правоприменения, процедурности оснований правоприменения и отрицания «материального детерминизма». По нашему мнению, прямую родственную связь уголовное наказание и процессуальное пресечение могут сохранять только при автократии, где властные полномочия на применение насилия монополизированы. В правовом государстве происходит дифференциация механизмов государственно-правового принуждения, поскольку полномочия на применение принуждения разделены, в результате чего прямой родственной связи между уголовным наказанием и процессуальным принуждением не сохраняется, и в процессе реализации каждый из этих видов принуждения имеет свои собственные, конкретные цели. В этом есть принципиальное разграничение мер уголовно-правовой ответственности преступника и мер уголовно-процессуального пресечения

[189] Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 07 июля 2017 г. по делу № 22к-1012/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xYD7Pg4nSTJZ/ (дата обращения: 01.10.2018).

обвиняемого, презюмируемого невиновным. Слияние под тем или иным предлогом этих институтов ведет к отказу от прав и свобод личности, к тотальному государственному произволу, какой бы риторикой он не прикрывался. Следует придерживаться существующей в российском правовом учении о мерах пресечения позиции, которая отрицает прямую взаимосвязь между уголовно-процессуальным принуждением и наказанием. Меры процессуального принуждения (меры пресечения) – это самостоятельный институт уголовно-процессуального права, что соответствует Конституции Российской Федерации и общему смыслу отечественного уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

С учётом приведённых суждений полагаем возможным сформулировать трактовку понятия назначения применения мер пресечения, согласно которой назначением института мер пресечения является поддержание работы уголовно-правового механизма противодействия преступности, в конечном итоге их применение оправдывается исполнением наказания, назначенного преступнику судом. В широком смысле меры пресечения направлены на пресечение и предупреждение попыток обвиняемого избежать привлечения к уголовной ответственности. До вынесения итогового процессуального решения применение мер пресечения призвано обеспечить проведение полноценного следствия, устранение препятствий для судебного разбирательства, что будет способствовать объективному рассмотрению уголовного дела, справедливому решению суда и потенциально – исполнению приговора[190]. Та мера принуждения, которая воплощается в системе мер пресечения и механизме их применения, определяется общей уголовно-правовой стратегией и уголовно-процессуальным строем, в рамках которого она реализуется. Нельзя не признать и того, что система мер пресечения, форма их применения находятся в прямой связи с другими

[190] Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 61.

элементами системы противодействия преступности, с уголовной политикой[191] и формой государственного устройства. Сказанное полностью относится и к механизму применения мер пресечения.

Современное состояние механизма применения мер пресечения мы рассмотрим через анализ института судебного контроля за применением мер пресечения, который, как предполагалось, в первую очередь будет нацелен на соблюдение законности, обеспечение прав личности, в отношении которой разрешается вопрос о применении мер пресечения, а также на гуманизацию института применения мер пресечения.

Сейчас среди специалистов возобладало мнение о том, что этот институт, в рамках которого решается вопрос о применении мер пресечения в ходе предварительного расследования, не оправдал возлагавшихся на него надежд[192].

Многие исследователи указывают на наличие у отечественного уголовно-процессуального механизма обвинительного уклона[193], который проявляется в том, что «содержание под стражей как самая популярная мера пресечения в России не сдает своих позиций»[194]. Другие авторы видят обвинительный уклон в зависимости судебного следствия от предварительного расследования[195];

---

[191] См.: Майоров А. В. Противодействие преступности − приоритетное направление в уголовной политике государства // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 34. С. 128−132.

[192] См.: Барабаш А. С. Прокурорский надзор за предварительным следствием: возвращение к основам // Законность. 2011. № 4. С. 7.

[193] См. подробнее: Алексеева, Л. Б. Предупреждение судебных ошибок, обусловленных обвинительным уклоном, в деятельности судов первой и кассационной инстанций / Л. Б. Алексеева, Н. В. Радутная. М., 1989; Барщевский М. Сверим правописание. Как избавиться от обвинительного уклона в судах / М. Барщевский, Т. Морщакова // Рос. газ. 2013. 24 сент.; Морщакова Т. Г. Контрреформа: угроза и реальность // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 63–64. С. 65, 67; Шумилин С. Ф. Проблема обвинительного уклона в механизме реализации полномочия следователя на привлечение в качестве обвиняемого и способ ее решения // Российский следователь. 2010. № 6. С. 8–11 ; Фомин М. А. Обвинительный уклон судьи: способы противодействия // Уголовный процесс. 2011. № 10. С. 68–75; Поздняков М. Л. Смысл и двусмысленность обвинительного уклона // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. М., 2012. С. 54–106.

[194] Никонов М. А. Меры пресечения: 5 главных проблем и их решение // Legal.report. 2016. 29 марта. URL: https://legal.report/author/mery-presecheniya-5-glavnyh-problem-i-ih-reshenie (дата обращения: 01.01.2018).

[195] См. подробнее: Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М., 2008; Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография. М.,

в перекосе механизма выработки и принятия основных решений по применению закона в пользу следственной власти[196]; в отсутствии эффективного судебного контроля за досудебным уголовным преследованием и, соответственно, в слабой гарантированности прав личности, которая подвергается уголовному преследованию, включая применение мер пресечения[197].

Если обратиться к статистике, то можно отметить, что к 2009 году судами стало удовлетворяться до 99,2 % ходатайств органов предварительного расследования о взятии обвиняемых под стражу[198]. Стало очевидно, что механизм судебного контроля сам по себе не заработает. Только усилия Верховного Суда РФ[199] позволили хоть и незначительно, но снизить процент удовлетворенных ходатайств о применении меры пресечения в виде содержания под стражей. Так, применение меры пресечения в виде содержания под стражей в 2010 году составило 90,3 % случаев, в 2011 году – 89,4 %, в 2012 году – 90 %, в 2013 году – 91 %, в 2014 году – 91 %, в 2015 году – 91 %, в 2016 году – 90 %, в 2017 году –89,66 %, в 2018 году – 90,3 %, за первое полугодие 2019 года – 90,8 %[200].

2009; Колоколов Н. А. Актуальные проблемы защиты прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе: в призме результатов мониторинга 2008–2009 гг. М., 2009.

[196] См., например: Александров А. С. «Обвинительность» должна быть обвинительной, а «состязательность» состязательной // Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2013. С. 197–218.

[197] См., например: Смирнов А. В. Тезисы о программе судебной реформы // Международная ассоциация содействия правосудию. URL: http://www.iuaj.net/node/2023 (дата обращения: 01.01.2019); Трубникова Т. В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения заключения под стражу в современном уголовном судопроизводстве РФ // Вестник Томского государственного университета: Серия "Экономика. Юридические науки". 2003. № 279. С. 81–83.

[198] См.: Баранов В. М. Юридический отказ (теория, практика, техника): монография. / В. М. Баранов, М. В. Баранова, И. П. Гладышева. Н. Новгород, 2011. С. 262.

[199] См., например: Петроченков А. Я. (заместитель председателя Верховного Суда России) Доклад «Актуальные проблемы судебной защиты прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» // Всероссийская межведомственная научно-практическая конференция «Судебная защита прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» 25-26 ноября 2010 г. Н. Новгород, Нижегородский областной суд, 2010.

[200] Проценты рассчитаны автором диссертации как соотношение числа удовлетворенных судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу к числу рассмотренных ходатайств, производство по которым окончено. См. подробнее: Отчет о работе

Из приведённой статистики видно, что в вопросе применения мер пресечения значительных улучшений не наблюдается. Получается, что после того, как был введен полноценный судебный контроль, ситуация по вопросу применения меры пресечения в виде содержания под стражей изменилась в худшую сторону по сравнению с тем, когда вопрос о применении данной меры пресечения решался прокурором[201].

По нашему мнению, сложившееся положение вызывает недоверие общества к судебной системе и отражает системный кризис, порождаемый главным противоречием современного российского уголовно-процессуального права между следственной моделью, лежащей в основе правовой организации

судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 6 месяцев 2019 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-1-2019.xls (дата обращения: 29.12.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/F1-svod_1-2017.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/F1-svod-2016.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2015 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/F1-ug_pr-vo_1_inst-2015.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2014 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2014/f__N__1_2014.xls (дата обращения 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2013 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2013/f_1-ugolovnoe_pr-vo_po_1_instantsii_za_2013.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2012 г. Раздел 4. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/forma_1_-_2012_god.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2011 г. Раздел 4. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/F_stat_2011.zip (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2010 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/F-2010.zip (дата обращения: 28.09.2019).

[201] См. подробнее: Верните прокурора / Паничева А. [и др.] // Рос. газ. 2008. 20 мая.

досудебного производства, и собственно судопроизводством. В итоге, имеет место весьма далекая от идеала судебного механизма применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве модель – судебный контроль за применением мер пресечения в «оправе» следственного досудебного производства.

Это даёт основание утверждать, что создание института судебного контроля за применением мер пресечения не было последовательным и не сопровождалось другими мерами по структурному преобразованию российского уголовного судопроизводства. Суд так и не превратился из номинального субъекта правоприменения в реальный, что свидетельствует об отсутствии качественного перехода властных полномочий к судебной власти от власти следственной при решении основных вопросов правоприменения. Необходимо становление самостоятельной и независимой судебной власти, и это ключевая задача. Ее решение предусматривает принципиальное изменение процессуальных отношений (в плане их формы и содержания) между властью обвинительной и властью судебной, более последовательную реализацию принципа разделения властей, применение стандартов справедливого судебного разбирательства в правовой организации применения мер пресечения. Необходимо также создать полноценную систему сдержек и противовесов, которая «обеспечивает баланс, равновесие власти, нейтрализует возможность усиления (ослабления) каждой из них»[202]. И в итоге перейти к состязательному типу уголовного судопроизводства, что, по нашему мнению, позволит создать независимый суд и справедливый состязательный механизм применения мер пресечения. При этом порядок применения мер пресечения должен быть судебным; решение о применении меры пресечения должно приниматься по результатам судебного заседания с участием обеих сторон.

Мы стоим на позиции, исходя из которой можно сформулировать следующие ключевые моменты. Судебная и исполнительная власти вместе

---

[202] См.: Здоровцев А. А. Система сдержек и противовесов как непосредственный элемент принципа разделения властей / А. А. Здоровцев, К. А. Зуев // Учёные заметки ТОГУ. 2013. Т. 4. № 4. С. 1182. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2014/TGU_4_222.pdf (дата обращения: 01.01.2017).

соучаствуют в применении мер пресечения, но каждая из них независима друг от друга и выполняют различные функции. Исполнительная власть обращается к судебной власти для рассмотрения вопроса о применении меры пресечения и затем исполняет судебное решение. Судебная власть устанавливает основание для применения меры пресечения в рамках состязательной судебной процедуры и равенства сторон на основе сведений (фактических данных), представленных сторонами и ставших доказательствами в ходе их исследования в рамках судебного заседания, а также выносит постановление об удовлетворении требования и, соответственно, о применении меры пресечения или об отказе в таковой. Но пока нет перехода к состязательному типу уголовного процесса, нет независимого суда, нет и справедливого механизма применения мер пресечения.

С учетом указанного выше, можно прийти к следующим ключевым выводам.

Меры пресечения – это самостоятельный институт государственно-правового принуждения, механизм применения которых находится в системной связи не только с другими элементами системы противодействия преступности, но и с господствующей правовой доктриной, с формой государственного устройства и внутригосударственной организацией ветвей власти.

Назначением института мер пресечения является поддержание работы уголовно-правового механизма противодействия преступности. До вынесения итогового процессуального решения применение мер пресечения призвано обеспечить проведение качественного расследования и судебного разбирательства, а также принятие законного и справедливого решения по уголовному делу.

Универсальной целью применения мер пресечения является ограничение физической свободы действий подозреваемого, обвиняемого, направленное на пресечение его уклонения от следствия и суда на всём этапе производства по уголовному делу.

Соотношение между институтом наказания и институтом мер пресечения выводится из процессуальности механизма правоприменения, процедурности

оснований правоприменения и наличия у этих видов принуждения своих конкретных целей.

Современный механизм применения мер пресечения характеризуется тем, что имеет место системный кризис, порождаемый противоречием между следственной моделью, лежащей в основе правовой организации досудебного производства и собственно судопроизводством. В итоге возникла весьма далекая от идеала судебного механизма применения мер пресечения модель – судебный контроль за применением мер пресечения в «оправе» следственного досудебного производства.

Для решения создавшейся проблемы необходимо изменить процессуальные отношения (в плане их формы и содержания) между властью обвинительной и властью судебной, осуществив разделение этих властей, добиться независимости суда, выстроить эффективную систему сдержек и противовесов, осуществить переход к состязательному типу уголовного процесса, что позволит создать справедливый механизм применения мер пресечения.

§ 2 Детерминированность правовой организации применения мер пресечения типом уголовного процесса

В данном параграфе продолжим доктринально-правовой анализ организации применения мер пресечения в уголовном процессе в контексте проблематики правовой организации применения этой разновидности принуждения.

Для того чтобы решить поставленную задачу, необходимо изначально рассмотреть существующие научные мнения о типах уголовного процесса и определиться с пониманием российского типа. А далее провести свои исследования на основе модели (типа) отечественного уголовного процесса.

В научном мире имеется достаточно широкий круг суждений относительно типа уголовного судопроизводства.

Так, по мнению И. А. Чердынцевой, тип выражает общую правовую организацию уголовного процесса и систему отношений между его участниками[203].

С. Б. Россинский считает, что применительно ко всей процессуальной деятельности в целом существует общий порядок производства по уголовным делам, который обусловливается типом уголовного процесса[204].

А. В. Смирнов указывает, что «говоря о типе судопроизводства, мы имеем в виду не идеальный, а морфологический принцип типологизации и морфологическую систему типов»[205].

Учитывая мнение ряда ученых[206], мы приходим к выводу, что можно связать порядок судопроизводства с историко-культурными особенностями типа уголовного процесса, с менталитетом нации, формой ее бытия в конкретных геополитических реалиях[207].

Л. В. Головко выделяет три модели уголовного процесса: единую обвинительную – она же состязательная; архаичную инквизиционную модель – она же следственная; современную смешанную модель, заменившую инквизиционную. При этом он указывает, что каждая из перечисленных моделей имеет свою правовую организацию, характерные критерии и признаки, систему отношений участников[208].

---

[203] См.: Чердынцева И. А. Типы уголовного процесса: история и современность // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2005. № 3. С. 258–261.

[204] См.: Россинский С. Б. Уголовный процесс. М., 2009. С. 25.

[205] Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 10.

[206] См. об этом: Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005; Барабаш А. С. Метод российского уголовного процесса / А. С. Барабаш, А. А. Брестер. СПб., 2013; Головко Л. В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 9–16; Пиюк А. В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса. Томск, 2011. С. 18.

[207] Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 68.

[208] См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М., 2017. С. 126–140.

Кроме того, высказывается мнение о том, что есть англо-американский вариант некоей «чистой состязательности», который якобы когда-то сложился в Англии на основе частно-обвинительного (искового) уголовного процесса[209].

Имеется и иная модель уголовного процесса[210] и, соответственно, «состязательности»[211], которую называют еще континентальной (романо-германской), поскольку она присуща большинству стран континентальной Европы. Как отмечает А. А. Давлетов: «В таком уголовном процессе четко выделяются две части: а) досудебная (предварительное расследование), осуществляемая в инквизиционной форме (следователь и обвиняет, и защищает, и разрешает дело); б) судебная, проводимая в состязательной процедуре по материалам предварительного расследования. Данная модель получила название смешанного уголовного процесса. В нем судопроизводством признаются лишь судебные стадии, где действует суд и функционирует состязательность»[212].

Аналогичные суждения о различии смешанного романо-германского и состязательного англо-американского типа уголовного процесса высказывает О. Б. Семухина[213].

К. Б. Калиновский выделяет состязательный и следственный тип уголовного процесса, раскрывая их правовую организацию и сущность[214].

А. В. Пиюк отмечает принципиальные расхождения следственного и состязательного типа процесса, указывает на отличие используемой в них

---

[209] См.: Давлетов А. А. О значении одного термина в судьбе современного уголовного процесса России // Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности / В. С. Балакшин [и др.]; под общ. ред. В. М. Бозрова. М., 2016. С. 287–298.

[210] Там же. С. 293.

[211] Мнение о более «сдержанном» характере состязательности нашло поддержку у представителей российской уголовно-процессуальной науки. См., например: Головко Л. В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 9–16.

[212] См.: Давлетов А. А. Указ. соч. С. 287–298.

[213] См.: Семухина О. Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовых систем. Томск, 2002. С. 4–6.

[214] См.: Калиновский К. Б., Смирнов А. В. Уголовный процесс / под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2015. С. 66–82.

юридической техники, юридической лексики, терминологии[215]. Однако называя положительные критерии следственного типа, он тут же указывает: «Известно, что континентальный уголовный процесс, … имевший собственные исторические корни и традиции, оформился как процесс государства, уважающего права личности, на основе воспринятых им принципов и постулатов классического английского состязательного процесса»[216]. Тем самым А. В. Пиюк обращает внимание на то, что недостатки следственного типа процесса могут быть восполнены заимствованием из другой – состязательной системы. Также данным суждением отмечается возможность смешения и взаимопроникновения элементов различных типов уголовного процесса из одной систему в другую.

Высказывается мнение, что в теории судопроизводства в качестве идеальных типов фигурируют состязательный и розыскной процесс[217]. В то же время считается, что в реальном мире, где всё взаимосвязано и подлежит взаимному влиянию, нет состязательных или розыскных процедур в их чистом виде процесса[218].

По мнению А. А. Соловьёва, помимо типов уголовного процесса идеальной типологии (следственный и состязательный), есть смешанный тип. Основанием такой типологии служит наличие или отсутствие спора равноправных сторон перед независимым судом, и если такой спор имеется, то процесс принадлежит к состязательному типу, если спора нет, то к розыскному; соответственно, если спор присутствует лишь на некоторых этапах процесса или в его отдельных институтах, где объединяются отдельные черты розыскного и состязательного процесса, то такой тип судопроизводства является смешанным[219].

---

[215] См.: Пиюк А. В. Проблемы применения упрощённых форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса. Томск, 2011. С. 66.

[216] Там же. С. 42.

[217] См.: Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб, 2000. С. 14.

[218] Там же. С. 14.

[219] См.: Соловьёв А. А. Типология уголовного процесса РФ и её значение для формирования системы принципов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 1 (105). С. 249.

В юридической литературе одни авторы состязательную, следственную и смешанную формы уголовного судопроизводства относят к историческим формам уголовного процесса и увязывают их с типами уголовного процесса, отражающими классовую сущность государства и права[220].

Другие авторы полагают, что историческими базовыми формами уголовного процесса являются английская, французская, германская и шариатская модели[221].

Высказывается мнение о том, что типичность уголовного судопроизводства характеризуют три базовых компонента: целеполагание (цель и задачи), метод (публичный (императивный) или диспозитивный), форма (розыск – состязательность)[222].

Обобщая приведённые высказывания о типах (типе) уголовного процесса, полагаем верным вывод о том, что цель, задачи, метод, форма являются базовыми, сущностными компонентами типа уголовного процесса. Они выполняют системообразующую роль, выступая некой несущей конструкцией всего уголовного судопроизводства, выражают его сущность и образуют тип (модель) уголовного процесса[223].

Таким образом, на основе проведенного анализа нами установлено следующее. Существует два типа уголовного процесса, два способа правовой уголовно-процессуальной организации применения норм уголовного закона: инквизиционный (следственный) и состязательный (он же – обвинительный / исковой). Первый основан на доминировании «следственной

---

[220] См.: Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса. Калининград., 1977. С. 30-32; Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 21–24 и др.

[221] См.: Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 16.

[222] См.: Давлетов А. А. Об оптимальном типе современного российского уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2011. № 2. С. 98.

[223] См.: Колоколов Н. А. В поисках модели уголовного процесса: предварительное расследование – «новое», проблемы – «старые» // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 3–8; Лазарева В. А. Полицейское дознание как базовая модель упрощенного досудебного производства / В. А. Лазарева, Л. А. Ярыгина // Уголовное право. 2016. № 4. С. 101–109.; Давлетов А. А. Системообразующие элементы уголовного судопроизводства // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 114–123.

власти»[224], второй – на полновластии суда в принятии итоговых и ряда промежуточных решений[225] по делу и разработке оснований для таковых.

Между ними есть смешанные разновидности процесса, каждая с индивидуальным набором правовых стандартов, которые выражают распределение полномочий между исполнительной и судебной властью в правовом механизме правоприменения[226].

Каждый тип имеет свою особенность – свою правовую организацию и свою систему правоотношений между участниками конкретного типа процесса. Таким образом, тип уголовного процесса представляется некой правовой оболочкой, объединяющей, структурирующей, организующей на принципиальном уровне правоприменение, включая и применение уголовно-процессуальных норм, регулирующих меры пресечения. Можно также сказать, что тип процесса – это принцип систематизации отдельных процедур, в том числе процедуры применения мер пресечения, в единое целое. Это комплекс форм, определенным образом сложенных в систему, и вместе с тем работа их в том или ином режиме. Это максимально широкое представление о правовой организации уголовно-процессуальной деятельности.

В уголовно-процессуальной литературе существует признание того, что меры уголовно-процессуального принуждения (пресечения) организуются на базовой форме уголовно-процессуальной модели[227].

Такое суждение, по нашему мнению, является верным, поскольку организация мер уголовно-процессуального принуждения, безусловно, связана со

---

[224] См., например: Багмет А. М., Цветков Ю. А. Кому мешает следственная власть? // Российский следователь. 2016. № 23. С. 3–9.

[225] К таковым мы относим и решения о применении мер пресечения.

[226] Машовец А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография / А. О. Машовец; под ред. А. Д. Прошлякова. М., 2016. С. 44.

[227] См., например: Трубникова Т. В. Судебный контроль на досудебных стадиях судопроизводства: правовая природа и место в системе уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета: Серия «Экономика. Юридические науки». Приложение: «Материалы научных конференций, симпозиумов, школ, проводимых в ТГУ». 2003. № 4. С. 49–51.

всеми базовыми сущностными компонентами существующей модели уголовного процесса.

Считается, что в России исторически сложился смешанный тип уголовного процесса[228], согласно которому, как уже отмечалось, в досудебной стадии отсутствует состязательность, поскольку нет равенства сторон, а судебная стадия проходит по состязательному типу.

По нашему мнению, данная точка зрения требует уточнения. Есть все основания считать, что в российском уголовном процессе и судебная стадия не является состязательной в полном смысле значения этого слова. Поводом для такого утверждения является то, что для судьи и для других участников процесса протокол следственного действия служит стандартом уголовно-процессуального доказательства. А судебный допрос по-прежнему является вспомогательным, вторичным средством установления фактов по делу. Он легко заменяется процедурой оглашения протоколов следственных допросов, предусмотренной ст. 276, 281 УПК РФ[229]. В судебной практике встречаются случаи, когда суд, несмотря на требования ч. 3 ст. 240 УПК РФ, обосновывает обвинительный приговор материалами (вещественными доказательствами), которые в суд не передавались и судом в судебном заседании не исследовались. На запрос суда о предоставлении всех необходимых материалов (вещественных доказательств) в судебное заседание из следственных органов был получен ответ, что все документы (вещественные доказательства) утрачены ещё на предварительном следствии и место их нахождения неизвестно[230]. Суд для вынесения обвинительного приговора взял за основу следственный протокол осмотра не переданных в суд документов (вещественных доказательств), в итоге судебное исследование вещественных доказательств было заменено следственным

---

[228] См., например: Цветков Ю. А. «Улыбка без кота» или что останется от предварительного следствия? // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 18–23.

[229] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 1 апр. 2019 г.; с изм. и доп. от 17 апр. 2019 г.) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.12.2019).

[230] Ответы из следственных органов, что все материалы утрачены и место их нахождения неизвестно. См.: Уголовное дело № 1-17/2019. Том 19. Л. д. 122; Том 20. Л. д. 95–97. // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга за 2019 г.

протоколом осмотра вещественных доказательств[231]. Апелляционная инстанция с таким подходом суда первой инстанции согласилась, указав, что следственный протокол осмотра документов (вещественных доказательств) сам по себе признан доказательством, и этого достаточно для того, чтобы все указанные в этом протоколе документы могли быть указаны в приговоре суда[232].

Кроме этого, в российском уголовном процессе в судебной стадии не предусмотрено в полной мере состязательных процедур и состязательных процессуальных действий, например, таких как проведение перекрёстного допроса[233]. Хотя перекрестный допрос считается основным способом проверки показаний свидетеля. Безусловно, это относится и к иным участникам процесса[234]. Данный вид допроса был известен в России ещё в конце XIX века как один из самых надёжных способов получения судебной достоверности[235].

Таким образом, под смешанным типом российского уголовного процесса следует понимать уголовный процесс с элементами состязательности в судебных процедурах[236] на досудебных и в судебной стадии. При этом данные состязательные элементы не оказывают особого влияния на властные полномочия органа предварительного расследования, на доказывание и формирование доказательств, что делает процесс по факту следственным[237]. В этом видится

---

[231] На страницах 3–9 приговора перечисляются документы, которые в суде не были представлены. См.: Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга по уголовному делу № 1-17/2019 от 19.06.2019 г. С. 3–9. // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга за 2019 г.

[232] См.: Апелляционное определение Свердловского областного суда делу № 22-6723/2019 от 16.09.2019 г. на приговор Железнодорожного районного суда от 19.06.2019 г. по уголовному делу № 1-17/2019. С. 4. // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга за 2019 г.

[233] См.: Судебная власть. Научное издание / Абова Т. Е. [и др.]; отв. ред.: Петрухин И. Л. М., 2003. С. 270–271; Рудич В. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспект: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 163–177.

[234] См.: Лукаш Ю. А. Полный справочник подозреваемого в уголовном преступлении. М., 2009. С. 207

[235] См.: Рудич В. В. К вопросу о перекрёстном допросе // Вестник Уральского института экономики управления и права. 2018. № 2. С. 49–53.

[236] На досудебной стадии надо иметь в виду судебную процедуру принятия решения о применении меры пресечения, а также обжалования, осуществляемого в порядке, определенном ст. 125 УПК РФ.

[237] См.: Александров А. С. Перекрёстный допрос в суде: примеры успешной практики // Уголовный процесс. 2019. № 4. С. 22–31.

особенность современного российского типа уголовного процесса. Именно в таком его понимании мы будем проводить наше дальнейшее исследование.

Говоря о современном отечественном типе уголовного процесса, остановимся более подробно на том положении, что в российском уголовном процессе центральной фигурой был и остается следователь, компетентный во всестороннем, полном и объективном выяснении, исследовании всех обстоятельств уголовного дела, подлежащих установлению и доказыванию[238]. Безусловно, сюда относится и установление оснований для применения мер пресечения. Современные российские ученые-процессуалисты нашли возможным сочетание у следователя функций расследования и уголовного преследования[239].

Именно таким, «двуликим Янусом» – одновременно и субъектом уголовного преследования (преследователем), и объективным, независимым, процессуально самостоятельным исследователем обстоятельств дела – представлялась в методических рекомендациях и научных трудах процессуальная фигура следователя. Такой образ формируется в массовом сознании, особенно в представлении о том, что указанный субъект уголовно-процессуальных отношений может принять правильное решение (в том числе и о применении меры пресечения)[240]. В итоге в правоприменительной деятельности именно следователь является лицом, принимающим ключевые процессуальные решения, которые определяют судьбу уголовного дела[241].

---

[238] См.: Макарова З. В. Специальное назначение и роль следователя в уголовном процессе // Актуальные проблемы уголовного процесса в трудах профессора А. А. Чувилева. Омск, 2011. С. 68.

[239] См., например: Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск, 2002; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. М., 2014. С. 89.

[240] Характерные рассуждения такого рода можно встретить и в советской, и в постсоветской уголовно-процессуальной науке. См., например: Еникеев З. Д. Применение мер пресечения по уголовным делам (в стадии предварительного расследования). Уфа, 1988. С. 23 и след.; Цоколова О. И. Заключение под стражу и содержание под стражей на предварительном следствии: пособие. / С. И. Щерба, О. И. Цоколова. М., 1996. С. 91 и след.

[241] Следователь, дознаватель совершает процессуальные действия (задержание подозреваемого), принимает решения во всей цепочке последующих процессуальных действий, которыми модифицируется статус подозреваемого-обвиняемого-подсудимого (постановления о возбуждении уголовного дела, о привлечении лица в качестве обвиняемого, о применении меры пресечения и пр.). И именно эти решения следователя, дознавателя оказываются

Если продолжить данное рассуждение, то получается, что и в механизме применения мер пресечения также главную роль играет следственный аппарат. В этом ключе обращают на себя внимание суждения С. И. Вершининой. Она отмечает: «переложение на судебные органы полномочий по избранию меры пресечения на досудебном производстве, во-первых, нивелирует *самостоятельность органов предварительного расследования* (выделено мной – *В. Р.*) в применении меры пресечения, во-вторых – позволяет рассматривать суд (судью) в одной группе с участниками стороны обвинения; в-третьих – допускает дублирование полномочий по вынесению одного процессуального решения двумя должностными лицами»[242]. Данное рассуждение отражает существующий следственный подход к пониманию феномена применения мер пресечения.

Несмотря на вышесказанное, наша позиция такова, что только суд должен принимать решение о применении меры пресечения, так как он является главным в решении этого вопроса. Суд должен разрешать ходатайство (уголовный иск)[243] о применении меры пресечения и принимать соответствующее решение. При этом обвинительная власть ходатайствует о применении меры пресечения и осуществляет ее применение в случае удовлетворительного судебного решения. Следовательно, судебная и обвинительная власти совместно участвуют в процедуре применения мер пресечения, однако функции их различны[244]. При этом такая деятельность указанных государственных органов должна проходить с непосредственным, активным участием стороны защиты. Такова состязательная модель правоприменения.

Однако в существующей сегодня реальности ни о какой самостоятельности суда, активности стороны защиты, её равенстве со стороной обвинения и

окончательными. См.: Титаев К. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность: монография / К. Титаев, М. Шклярук. М., 2016. С. 147–148.

[242] Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 219.

[243] Тема об уголовном иске будет раскрыта во второй главе диссертации.

[244] Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 93-94.

состязательности при применении меры пресечения говорить не приходится. По сложившемуся правовому стандарту «следователь находится в центре уголовно-процессуальной системы досудебного производства, в которую встроены процедуры применения мер пресечения»[245]. «Это и есть общая следственная правовая организация процесса»[246], определяющая процесс правоприменения, а также детерминирующая процедуру применения мер пресечения.

В итоге вся риторика состязательной направленности оказывается бессильной перед лицом «реального уголовно-процессуального права»[247], которое остается следственным по своему содержанию. Уже сама формулировка «судебный контроль за применением мер пресечения» указывает на вторичность роли судебного органа в механизме применения уголовно-процессуального закона. Следователь применяет меру пресечения – суд контролирует следственный процесс правоприменения. Разумеется, формально в учении о судебном контроле главным субъектом является судебный орган, однако весь строй уголовного процесса навязывает судье следственное видение обстоятельств дела. В этом истоки обвинительного уклона, равно как и автоматического удовлетворения ходатайства следователя об избрании меры пресечения.

Отсюда становится понятным, почему у нас в принципе пока невозможно существование объективного, справедливого судебного формата правоприменения, каковым должен быть механизм судебного контроля за применением мер пресечения в ходе предварительного расследования.

Вывод о том, что в уголовно-процессуальной структуре следственная власть подчинила себе власть судебную, конечно, не нов. О доминировании досудебного расследования над судебным следствием писали и раньше[248]. В недавних

---

[245] Там же. С. 90.

[246] Там же. С. 111.

[247] Данного нам в виде устойчивых представлений о том, каким является (должен быть) уголовный процесс, т. е. в виде правовой традиции (доктрины).

[248] См.: Колоколов Н. А. Процессуальная самостоятельность следователя: взгляд судьи Верховного суда РФ // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. Вып. 6: сборник научно-практических трудов / под ред. А. И. Бастрыкина. М., 2014. С. 354.

диссертационных исследованиях А. О. Машовец[249], Т. В. Хмельницкой[250] констатируется, что это положение сохраняется. Это отмечали и авторы Концепции судебной реформы 1991 года[251], и разработчики проектов УПК РФ[252], но при этом они не ставили под сомнение ключевую роль предварительного следствия и включали его в состав структуры будущего уголовного процесса[253].

Тезис о ключевой роли предварительного следствия как института уголовного процесса, предопределяет следственную модель механизма применения мер пресечения, причем как в ходе предварительного расследования, так и в уголовном судопроизводстве в целом.

Признание типичным элементом уголовно-процессуальной системы «предварительного следствия» предполагает наличие следственной власти, обладающей исключительными полномочиями на раскрытие преступления и, соответственно, – на применение мер пресечения. Именно такая логика

---

[249] См.: Машовец А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография / А. О. Машовец; под ред. А. Д. Прошлякова. М., 2016. С. 41 и след.

[250] См.: Хмельницкая Т. В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

[251] См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.

[252] См., например: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. С. 30–32; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект, подготовленный Министерством юстиции Российской Федерации // Российская юстиция. 1994. № 11; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект, подготовленный Главным правовым управлением при Президенте Российской Федерации // Российская юстиция. 1994. № 9; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект, подготовленный Научно-исследовательским институтом укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации. М., 1994; Бабенко В. Н. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и этапы ее реализации // Судебная система России: история и современность. М., 2005; Бойков А. Д. Судебная реформа: обретения и просчеты // Государство и право. 1994. № 6. С. 15 и след.; Ларин А. М. Что будет с судебной реформой? (по поводу статьи А. Д. Бойкова «Судебная реформа – обретения и просчеты») // Государство и право. 1994. № 10. С. 140–141; Гриненко А. В. Конституционные основы досудебного уголовного процесса в Российской Федерации. М., 2000; Ларин А. М., Савицкий В. М. Каким быть следственному аппарату // Государство и право. 1991. № 1. С. 34–39; Савицкий В. М. Уголовный процесс РФ на новом витке демократизации // Государство и право. 1994. № 6. С. 97–98; Петрухин И. Л. Правосудие: время реформ. М., 1991; Сулейманов Б. Б. Судебная реформа в России (исторические и теоретические аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 2683–2689; Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа / А. К. Горбуз, М. А. Краснов, Е. А. Мишина, Г. А. Сатаров. СПб., 2010.

[253] Более того, предполагалось создание единого следственного комитета, т. е. воплощение в законе этого изобретения советской уголовно-процессуальной доктрины.

рассуждений усматривается в высказываниях современных процессуалистов. Так, С. И. Вершинина указывает, что «цель применения процессуального принуждения на досудебном производстве – это обеспечение органам расследования условий для оперативного и качественного раскрытия преступлений и изобличения виновных лиц»[254].

Подобный подход и предопределяет первичность института предварительного следствия в правовой организации досудебного производства и вторичность судебного контроля за применением мер пресечения органом следствия. В итоге следственная модель, особенно на досудебной стадии, исключает состязательность и равенство сторон, искажая тем самым механизм применения мер пресечения. В этой связи К. Б. Калиновский верно отмечает, что обвинительный уклон запрограммирован существующим типом российского уголовного процесса и, прежде всего, построением его досудебного производства[255].

Как мы уже ранее указывали, в российском уголовном процессе крайние черты следственности лишь смягчены элементами состязательности в судебной стадии, но они не стали доминирующими, не определяют его тип. Обуславливают тип процесса два момента: во-первых, кто осуществляет правоприменение, кто занимает центральное место в механизме правоприменения, кто принимает процессуальные решения, устанавливает факты – основания для правоприменения; во-вторых, каким образом осуществляется разделение властей – обвинительной и судебной, как это должно быть в правоприменительной деятельности правового государства.

Поэтому следует согласиться с мнением о том, что первичный признак, характеризующий тип процесса, определяется тем, у кого сосредоточена власть,

---

[254] Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 51-52.

[255] См.: Калиновский К. Б. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормативные предпосылки в действующем российском законодательстве // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст. / под ред. В. В. Волкова. М., 2015. С. 94.

кто принимает решения, порождающие юридические последствия. Уголовно-процессуальная система может быть основана или на власти следователя, или на власти суда. От этого зависит, кто – следователь или судья (суд) – формирует основание для уголовно-процессуального решения, промежуточного и итогового акта применения, включая решение о применении меры пресечения. Таким образом, организация власти в процессе прямо сказывается на организации принятия решений о применении мер пресечения в рамках судебного контроля[256].

Первичным типологическим признаком российского процесса является всевластие следователя, и в этом кроется первопричина несоответствия стандартам справедливого судебного разбирательства отечественной уголовно-процессуальной системы, включая систему принятия решений о применении мер пресечения. Это сказалось и на доктрине о судебном контроле за применением мер пресечения.

В контексте наших рассуждений нельзя не упомянуть о позиции сторонников наделения следователя судебной функцией. При этом делается ссылка на исторический опыт и предлагается восстановление института судебных следователей[257]. Сторонники данной идеи отождествляют судебного следователя с органом, осуществляющим судебный контроль[258]. Полагаем, что такое отождествление неверно. Для подтверждения нашего суждения ответим на вопрос: кто же такой судебный следователь? По данному вопросу И. Я. Фойницкий отмечал, что «судебные следователи … есть особые

---

[256] См.: Александров А. С. Институт следственной власти в России: краткая история возникновения, развития и дегенерации // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 405–407; Джамиев М. Р. Правовая форма и содержание досудебного производства по уголовному делу: образ желаемого будущего // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 186–190.

[257] До сих пор происходит путаница между понятиями «следственный судья» и «судебный следователь». В данном случае мы имеем в виду «судебного следователя» – орган предварительного расследования, но не судебного контроля.

[258] См., например: Азаров В. А. Функции судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография / В. А. Азаров, И. Ю. Таричко. Омск, 2004. С. 28, 74, 86.

должностные лица судебного ведомства, имеющие судейское звание с сопряжёнными с ним служебными преимуществами»[259].

В. К. Случевский писал, что судебными следователями являются «следователи, обязанные исследовать событие преступления, установить и охранить весь тот фактический материал, на основании которого должны затем разрешиться вопросы о предании суду, а также о виновности подсудимого»[260]. Их полномочия обусловлены целями, стоящими перед стадией предварительного расследования. В частности, установление виновного лица и решение вопроса о том, должно ли дело быть направлено в суд[261].

Исходя из приведённых суждений, деятельность судебного следователя имеет существенное отличие от существующей сегодня организации судебного контроля. Поэтому, как уже отмечалось ранее, отождествление судебного следователя с существующим сегодня судебным контролем – ошибочно. Кроме того, судебный следователь – это следственная организация правоприменения в досудебном производстве. Исторически уже пройден период деятельности судебного следователя. Возврат к нему – это откат назад, к тем же проблемам. Следователь в силу своей «функциональной ментальности» изначально нацелен на применение принуждения; ему чужда состязательность на пути достижения своих целей – как по вопросу расследования преступления в целом, так и по вопросу применения мер пресечения. Поэтому, на наш взгляд, институт судебного следователя как субъекта применения мер пресечения в ходе предварительного расследования восстановлению не подлежит. В подтверждение вышесказанного приведем общую оценку состояния института мер пресечения в период действия института судебного следователя: «В течение 50 лет существования Суд. Уставов в области постановки мер пресечения каких-либо улучшений произведено не было. Закон 15 июня 1912 г. ограничивается лишь микроскопическими поправками в этой области. Является, поэтому, весьма

---

[259] Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. С. 461.

[260] Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. 1. Судоустройство. М., 2008. С. 302.

[261] Там же.

желательным, чтобы при дальнейших законодательных работах было обращено на эту область больше внимания, так как положение свободы обвиняемого и прав его в процессе является лучшим показателем правового развития страны»[262].

По вопросу современного судебного контроля за применением мер пресечения А. А. Давлетов отмечает, что данный контроль не изменил сути досудебного производства. И хотя «суд вошел в досудебное производство, осуществляя судебную власть в тех ситуациях, когда требуется дополнительная (судебная) гарантия защиты прав, свобод и законных интересов личности»[263], тем не менее «современный следователь, дознаватель – полновластные «хозяева» дела, о равноправии правомочий следователя и адвоката-защитника не может быть и речи, а главное – над формально провозглашенными сторонами обвинения и защиты (следователем и адвокатом-защитником) нет суда, арбитра в их правовом споре»[264].

Выбор российского законодателя в пользу состязательности, сделанный в начале XXI века при создании УПК РФ, в итоге не доведен до логического завершения и не нашел своего закрепления в нормах закона. Полтора десятка лет действия УПК РФ свидетельствуют о том, что деятельность следователя (дознавателя) как и прежде не осуществляется в состязательной форме[265].

Но если уголовно-процессуальная система в целом внутренне противоречива, значит, она противоречива и в своих составных частях[266]. Поэтому это следует относить и к вопросу о применении мер пресечения.

---

[262] Люблинский П. И. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия // Устав уголовного судопроизводства: систематизированный комментарий / под ред. М. Н. Гернета. М., 1914. С. 797.

[263] Давлетов А. А. О значении одного термина в судьбе современного уголовного процесса России. С. 297.

[264] Там же.

[265] См.: Давлетов А. А. О значении одного термина в судьбе современного уголовного процесса России. С. 298–299.

[266] Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 98.

Таким образом, проблема создания нового механизма применения мер пресечения заложена в самой структуре правовой системы, а именно в противоречии двух процессуальных систем: состязательной и следственной[267].

Конечно, следует отметить, что создание института превентивного судебного контроля за применением мер пресечения на этапе досудебного производства (ст. 29, 108, 165 УПК РФ) стало важнейшим достижением судебной реформы 1991 года, и признать, что его введение изменило отечественный уголовно-процессуальный строй.

Несмотря на все указанные проблемы, существующий судебный контроль в настоящее время выступает в качестве единственного главного гаранта соблюдения прав участников процесса, законности, обоснованности и справедливого применения мер пресечения к обвиняемому (подозреваемому)[268].

В его создание значительный вклад внес Конституционный Суд РФ, неоднократно подчеркивавший, что каждому арестованному или задержанному по уголовному обвинению лицу должно быть обеспечено право на судебное разбирательство в течение разумного срока или право на освобождение; ограничение свободы и личной неприкосновенности в течение значительного времени вне судебного контроля не допускается[269]; в рамках судебного заседания обязательно должны быть исследованы доказательства и проведена проверка наличия или отсутствия оснований; сделано это должно быть с участием сторон и с соблюдением процедур, предусмотренных ст. 108 и 109 УПК РФ[270].

---

[267] Там же. С. 97.

[268] Основополагающей для этой формы проверки является ст. 108 УПК РФ, определяющая процессуальную форму контроля за законностью и обоснованностью применения и такой меры пресечения, как домашний арест (ст. 107 УПК РФ). Применительно к этой же норме урегулирован и порядок проверки ходатайства следователя (дознавателя) о продлении срока применения мер пресечения (ст. 109, 107 УПК РФ).

[269] См.: По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова: постановление Конституционного Суда РФ от 14 марта 2002 г. № 6–П // СЗ РФ. 2002. № 12, ст. 1178.

[270] См.: По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением

Именно поэтому в современной правовой доктрине о мерах пресечения институциональной основой является тезис об исключительности судебной процедуры применения тех из них, которые связаны с лишением свободы или наиболее серьезными ограничениями конституционных прав и свобод.

Аналогичный вывод можно сделать и с позиции общепризнанных принципов и норм международного права, согласно которой единственно приемлемой защитой от произвольного лишения свободы выступает судебный контроль. Так, положения п. 3 и 4 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[271] (далее – Конвенция) обязывают осуществлять эффективный судебный контроль в случаях ограничения властными структурами прав человека. В частности, любое ограничение свободы, согласно международно-правовым стандартам, предполагает ответственность государственных органов и контроль за их действиями со стороны независимого от них суда[272]. В ситуациях, связанных с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, гарантии судебной защиты приобретают особое значение[273]. В данном случае имеется в виду не только защита человека в плане ограничения его физической свободы, но и гарантии его личной безопасности, когда отсутствие таковых в ситуации задержания лишает его правовой защиты, что разрушает представление о верховенстве права и ставит под сомнение значимость декларируемых государством правовых принципов[274].

уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4–П // Рос. газ. 2005. 1 апр.

[271] См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом [№ 1] (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.

[272] Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 72.

[273] См.: По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова: постановление Конституционного Суда РФ от 14 марта 2002 г. № 6–П // СЗ РФ. 2002. № 12, ст. 1178.

[274] Дело «Курт (Kurt) против Турции»: Постановление ЕСПЧ от 25.05.1998 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 509–533; а также см.:

Судебная процедура является оптимальной правовой организацией реализации права личности на защиту как от обвинения, так и от правопритязания на избрание меры пресечения.

Но может ли реализоваться в действительности вся суть гарантий судебного контроля при существующем у нас следственном типе уголовного процесса? По нашему мнению, безусловно, нет. Учитывая длительное время существования следственного типа уголовного процесса, следует отметить, что учение о судебном контроле за применением мер пресечения[275] стало уже неотъемлемой частью доктрины современного уголовного процесса[276]. Механизм судебного контроля встроен в следственную структуру и работает в ней как единое целое с другими элементами следственного правового механизма. Это проявляется в частом удовлетворении ходатайств следователей или дознавателей о применении меры пресечения в виде содержания под стражей. Так, средний показатель удовлетворённых ходатайств об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей за период с 2010 по 2018 гг. составляет 90,3 %[277].

Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 73.

[275] Современное понятие «судебного контроля» произошло от законодательной дефиниции «судебная проверка законности и обоснованности ареста», содержавшейся в ст. 220^1 и 220^2 УПК РСФСР.

[276] См.: Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород, 2002; Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Казань, 2004; Колоколов Н. А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М., 2008; Судебный контроль в уголовном процессе / Давыдова И. А. [и др.]; под ред. Колоколова Н. А. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009; Смирнов А. В. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2008.

[277] Процент рассчитан автором диссертации как сумма соотношений количества удовлетворенных судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу к числу рассмотренных ходатайств, производство по которым окончено (за каждый год), разделенная на количество периодов (лет). См. подробнее: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/F1-svod_1-2017.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/F1-svod-2016.xls

Причина частого удовлетворения ходатайств органов предварительного расследования о применении меры пресечения, как представляется, заключается в следующем. Суть судебного контроля состоит в самостоятельном познании судом фактических обстоятельств дела с целью законного и обоснованного разрешения спора сторон и обеспечения на этой основе прав и законных интересов личности в уголовном процессе[278]. Назначением формы превентивного судебного контроля является уголовно-процессуальное доказывание[279], которое формируется предварительным следствием. В результате следственное досудебное производство детерминирует содержание института судебного контроля. Несмотря на наличие судебного контроля, все равно получается, что следователь (орган предварительного расследования) принимает решение об избрании меры пресечения, а суд лишь контролирует это правоприменение. Данное обстоятельство объясняет и то, что следователь может принять решение об отмене или изменении меры пресечения, избранной судом. Полагаем, что на

(дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2015 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/F1-ug_pr-vo_1_inst-2015.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2014 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2014/f__N__1_2014.xls (дата обращения 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2013 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL:http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2013/f_1-ugolovnoe_pr-vo_po_1_instantsii_za_2013.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2012 г. Раздел 4. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/forma_1_-_2012_god.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2011 г. Раздел 4. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/F_stat_2011.zip (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2010 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/F-2010.zip (дата обращения: 28.09.2019).

[278] См.: Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород, 2002. С. 39–40, 66–67; Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М., 2009. С. 115, 118–119, 131; Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 73-74.

[279] См.: Ковтун Н. Н. Указ. соч. С. 67, 74.

досудебном производстве проблема организации применения мер пресечения имеет свое основание именно в соотношении следственной власти и власти судебной в вопросе расследования (доказывания) обстоятельств, имеющих значение при решении вопроса об избрании меры пресечения[280].

Ещё одним важным моментом в рассуждениях о типе[281] уголовного процесса и о его влиянии на судебный контроль за применением мер пресечения, является тезис о его публичности. По нашему мнению, он традиционно используется для оправдания консервации следственных порядков. Для подтверждения данного утверждения приведём характерные примеры таких суждений. В частности, высказывается мнение, что «именно публичное начало лежит в основе абсолютного большинства мер уголовно-процессуального принуждения, допускаемых законом для достижения главной цели – установления истины в ходе расследования каждого уголовного дела»[282].

Также указывается, что публично-правовая природа уголовного процесса, включая досудебное производство, выражающаяся в обязанностях органа предварительного расследования возбуждать уголовное дело, вести расследование и пр., вытекает из публичной же обязанности государства вести борьбу с общественно-опасными деяниями – наказывать преступников[283].

А. А. Давлетов и Н. В. Азарёнок полагают, что публичность не что иное, как функция уголовного процесса[284].

А. С. Барабаш и А. А. Брестер видят публичность как «своеобразный «социальный заказ» на уголовный процесс»[285]. По их мнению, уголовно-

---

[280] Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 91–92.

[281] В смысле общей правовой организации его структурных элементов, составных частей, включая институт мер пресечения.

[282] Чашин А. Н. Уголовно-процессуальные меры принуждения. М., 2012. С. 27.

[283] Андреева О. И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект). / О. И. Андреева, И. Ю. Таричко; под ред. М. К. Свиридова. Томск, 2004.

[284] См.: Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Программа уголовного судопроизводства: монография. М., 2009. С. 31.

[285] См.: . Барабаш А. С. Метод российского уголовного процесса / А. С. Барабаш, А. А. Брестер. СПб., 2013. С. 38

процессуальное право, выполняя регулятивную функцию, должно включать в себя механизмы, необходимые и достаточные для успешной реализации функции публичности уголовного судопроизводства[286].

Суждения о публичности уголовного процесса высказывали и процессуалисты прошлых лет. Так, Н. Н. Полянский, отмечал, что «процесс организован в первую очередь в интересах общежития, а не в интересах участников процесса»[287]. М. С. Строгович усматривал в публичности условие и средство установления истины по уголовному делу[288].

Следует учитывать общепринятое мнение о том, что уголовно-процессуальный метод правового регулирования есть публично-правовой (императивно-правовой) метод правового регулирования[289]. Можно сказать, что под публично-правовым (императивно-правовым) методом следует понимать совокупность средств и способов юридической техники, призванных оказать единообразное регулятивное воздействие, проведение правовой стратегии на приоритетную защиту публичных интересов. По мнению И. Б. Тутынина, при осуществлении такой защиты главное, наиболее существенное в уголовном процессе – это активная, целенаправленная, запрограммированная уголовно-процессуальным законом, официальная деятельность компетентных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. В рамках указанной деятельности обязанность следователя, дознавателя, прокурора и суда должна быть ориентирована на предотвращение неблагоприятных последствий для публичных интересов (интересов государства). Это происходит посредством установления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, законного и обоснованного привлечения его к уголовной ответственности и применения

---

[286] Там же. С. 35.

[287] Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 51.

[288] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 140.

[289] См. об этом, например: Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2009. С. 12–30; Барабаш А. С. Метод российского уголовного процесса / А. С. Барабаш, А. А. Брестер. СПб., 2013. С. 7 и др.

к нему мер процессуального принуждения[290]. Поэтому уголовный процесс в целом носит публичный характер, т. е. обеспечен действиями и решениями государственной власти[291].

Но при таком подходе «идеальной» моделью императивно-правовых отношений, складывающихся в сфере применения мер пресечения, по нашему мнению, будет отношение: следователь → обвиняемый. Поскольку именно следователь как компетентный государственный орган в случаях, предусмотренных законом, вправе (уполномочен) применить меру пресечения к обвиняемому[292]. Таков советский подход к пониманию механизма применения мер пресечения, который продолжает напоминать о себе и в настоящее время.

Полагаем ошибочным мнение о том, что императивно-правовой метод, защита публичных интересов и публичность самого уголовного процесса определяются деятельностью компетентных органов[293]. Как отмечали еще дореволюционные процессуалисты, публичность уголовного процесса обусловлена не его материально-правовым – уголовно-правовым содержимым, а

---

[290] См.: Тутынин И. Б. Обеспечение прав и интересов при применении мер процессуального принуждения имущественного характера // Российская юстиция. 2014. № 9. С. 31.

[291] Там же. С. 29–32.

[292] В советских учебниках так и принято было писать об этом. «Применение мер пресечения является правом органов расследования, прокуратуры и суда, но только при наличии «достаточных оснований», указывающих на обстоятельства, предусмотренные ст. 89 УПК РСФСР)» (Уголовный процесс / Н. С. Алексеев [и др.]. М., 1972. С. 206). «Следователь, лицо, производящее дознание, вправе избрать в отношении обвиняемого меру пресечения. При наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 89, 91 УПК РСФСР» (Советский уголовный процесс: учебник / Блинов В. М [и др.]; под ред. Д. С. Карева. М., 1975. С. 168). «Меры пресечения применяются органами дознания, следователем, прокурором или судом» (Уголовный процесс: учебник / Белозеров Ю. Н. [и др.]; под общ. ред. Б. А. Викторова. М., 1970. С. 147). «Определяет наличие того или иного основания для избрания меры пресечения лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или суд. Они же решают вопрос и о том, какую меру пресечения наиболее целесообразно применить». (Уголовный процесс: учебник / под ред. М. А. Чельцова. М., 1969. С. 171). Эта же мысль проходит в исследованиях о мерах пресечения монографического характера. См., например: Еникеев З. Д. Применение мер пресечения по уголовным делам (в стадии предварительного расследования). Уфа, 1988. С. 23; Цоколова О. И. Заключение под стражу и содержание под стражей на предварительном следствии: пособие. / С. И. Щерба, О. И. Цоколова. М., 1996. С. 18 и др.

[293] См.: Тутынин И. Б. Обеспечение прав и интересов при применении мер процессуального принуждения имущественного характера // Российская юстиция. 2014. № 9. С. 29–32.

публичностью правосудия и характером базового правопритязания – уголовного иска[294].

Правовая организация процессуальных отношений может строиться как императивно-правовым, так и диспозитивно-правовым методом[295] при приоритете императивных начал. Следует также отметить, что существует теория конвергенции частного и публичного права, в том числе в уголовно-процессуальном и даже – уголовном праве. Конвергенция состоит в проникновении частного в публично-правовую материю; сочетании управомочивающего, запрещающего и обязывающего способов правового регулирования[296]. Кроме этого, имеет место взаимопроникновение, обмен элементами различных правовых систем как внутригосударственных, так и межгосударственных, происходит смешение публичного и частного начал как в уголовно-процессуальной системе, так и уголовно-правовой[297].

Следует полагать, что при наличии такого смешения положение о публично-правовой природе уголовного процесса и институтов, входящих в него, о приоритете публично-правового (императивно-правового) метода не может быть оправданием следственной правовой организации процессуальной деятельности и деятельности по применению мер пресечения. Более того, есть все основания полагать, что правовая организация механизма применения мер пресечения в уголовном процессе может быть проникнута диспозитивностью[298], состязательностью и даже договорными элементами. Так, по нашему мнению, возможно допущение своего рода сделки сторон при выборе меры пресечения.

---

[294] См.: Дикарев И. С Диспозитивность в уголовном процессе России / под ред. А. П. Кругликова. Волгоград, 2005. С. 90.

[295] Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: монография / А. С. Бахта. Хабаровск, 2010. С. 61–62.

[296] См. об этом подробнее: Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 41 и след.

[297] Там же. С. 34.

[298] См.: Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России. Волгоград, 2005. С. 37; Божьев В. П. Применение норм уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дел частного обвинения // Советская юстиция. 1992. № 22. С. 15–16; По жалобе гражданки Семеновой Лилии Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2004 г. № 119-О // СЗРФ. 2004. № 23, ст. 2333.

Такое суждение подтверждается позицией Верховного Суда РФ, согласно которой залог как мера пресечения по своей природе является двухсторонней и обоюдовыгодной сделкой[299].

В связи с вышесказанным полагаем небесспорным тезис об исключительности императивно-правового метода регулирования уголовно-процессуальных отношений, прежде всего по линии сторона обвинения → сторона защиты. Следует отметить, что такие меры процессуального принуждения, как залог, запрет определенных действий и домашний арест, имеют в своей основе элементы договора. Поэтому применение указанных мер пресечения нельзя считать проявлениями только императивно-правового метода. Полагаем, что в этом случае имеют место элементы диспозитивности. Сказанное позволяет сделать предложение о том, что в уголовно-процессуальном кодексе следует закрепить в качестве мер пресечения, применяемых по решению судебного органа: залог, домашний арест, запрет определённых действий – с согласия обвиняемого и без его согласия. При наличии согласия обвиняемого на применение требуемой обвинителем меры пресечения судебный орган должен иметь право принять решение о применении меры пресечения в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

Следует всё же отметить, что в настоящее время поддерживается мнение: уголовный процесс не может быть таким же диспозитивным и состязательным как гражданский процесс[300], поскольку уровень содержания частного начала в нем существенно меньше, чем в гражданском процессе, и это не может не сказываться в том числе и на правовом механизме применения мер пресечения. Для современных ученых-процессуалистов, отстаивающих «следственный тип», тезис о публично-правовой природе уголовного процесса равнозначен положению о необходимости сохранения следственной формы досудебного производства, в которую встроен институт судебного контроля за применением мер пресечения,

---

[299] См.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: в 2 ч. / В. М. Лебедев [и др.]; под ред. В. М. Лебедева. М., 2016. Ч. 1. С. 29.

[300] См.: Козлова А. Н. Публичность как принцип уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 12–13.

чтобы смягчить крайности следственной процессуально-правовой механики. Иного способа правовой организации правоохранительной деятельности[301], деятельности по применению мер пресечения в уголовном процессе данные исследователи не видят.

С нашей точки зрения, является неверным связывать состязательность с частным началом, а розыск – с публичным. Очень удобно выставлять себя сторонником публичности и защитником общественного блага и таким образом обосновывать следственный (розыскной) тип процесса, при котором механизм применения мер пресечения никогда не станет справедливым.

Мы также полагаем, что публично-правовые ценности могут защищаться состязательным процессом и, напротив, следственный процесс при всей его заостренности на публичный интерес подчас оказывается менее эффективным, поскольку не может организовать энергию частных сил на достижение публично-значимых целей.

В состязательном процессе досудебное расследование, проводимое полицией, есть деятельность, которая не имеет юридико-процессуальных последствий, хотя может их породить – через судебную процедуру. При подобной правовой организации досудебного производства судебная процедура становится единственно процессуальным элементом, который служит гарантией для правильного разрешения правового спора и принятия решения, в результате которого могут быть ограничены права и свободы человека.

Считаем, что императивно-правовой метод необходим для регуляции уголовно-процессуальных отношений, в том числе судебно-правовых отношений, по необходимости возникающих, когда встает вопрос об ограничении прав и интересов лиц. Под его воздействие должны подпадать отношения «орган уголовного преследования (полиция) – прокурор – суд (следственный судья)»[302]. Но подпадает ли под императивно-правовое воздействие полностью и

---

[301] См. об этом, например: Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: монография. М., 2004. С. 190, 206, 380–383; Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2009. С. 12–30.

[302] Подробнее об этом будет сказано в третьем параграфе второй главы настоящей работы.

бесповоротно адвокат-защитник или обвиняемый? Нет, конечно. Поэтому мы полагаем, что сам судебный механизм не может приводиться в действие только императивно-правовым средством. И считаем, что должно быть сочетание императивно-правового и диспозитивно-правого методов регулирования уголовно-процессуальных отношений. Для правовой организации судебного механизма применения мер пресечения необходимы и состязательность, и диспозитивность. Публичность уголовного процесса не исключает состязательности судебной процедуры разрешения вопроса о применении меры пресечения. Важность сохранения баланса публичного / частного, императивного / диспозитивного также осознана в современном правоведении – это и есть понимание необходимости дополнения императивно-правового метода диспозитивным[303].

Данная тема нашла официальное закрепление в правовых позициях Конституционного Суда РФ. В его решениях активно поднимаются вопросы:

- о «балансе конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных, с одной стороны, и прав и законных интересов других лиц, публичных интересов – с другой»[304],

- о «принципах справедливости, соразмерности и правовой безопасности»[305];

- о «балансе публичных и частных интересов»[306];

---

[303] См.: Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России / под ред. А. П. Кругликова. Волгоград, 2005. С. 59–61.

[304] По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // Рос. газ. 2005. 20 мая.

[305] По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // Рос. газ. 2005. 20 мая.

[306] По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // Рос. газ. 2005. 22 июля.

- о том, что необходим «справедливый баланс между интересами лица и необходимостью гарантировать эффективность системы уголовного правосудия»[307].

Правовая организация применения мер пресечения (прежде всего на стадии предварительного расследования) – есть определенное решение проблемы нахождения этого баланса. В настоящее время эта система балансировки имеет в качестве центра тяжести такую процессуальную фигуру, как следователь. По большому счету он (вместе с руководителем следственного органа), а не суд, отвечает на стадии предварительного расследования как за правильное применение закона, так и за обеспечение прав личности, в том числе и при применении мер пресечения.

Существующее положение не соответствует позиции Конституционного Суда РФ, который в качестве главного ответственного за «достижения стабильности правопорядка, правовой определенности, устойчивости сложившейся системы правоотношений»[308], сбалансированного состояния уголовно-процессуальной системы, включая, очевидно, и досудебное производство, видит не просто государство, но именно суд, правосудие, судебный контроль и прочие процессуальные производные от судебной власти[309].

---

[307] По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // Рос. газ. 2005. 20 мая.

[308] По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // Рос. газ. 2005. 22 июля.

[309] По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П // Рос. газ. 2005. 1 апр.; По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции

Именно на суд Конституционный Суд РФ возлагает обязанность обеспечить полное и всестороннее исследование всех обстоятельств дела в ходе досудебного производства[310]. На суд также возлагается право предпринимать комплекс мер в соответствии с принятыми процессуальными нормами для получения доказательств, которые либо подтверждают виновность лица в совершении противоправного деяния, либо опровергают ее[311].

К тому же Конституционный Суд РФ признает и право лица на судебную самозащиту своих прав и законных интересов[312], которое своими требованиями приводит в движение механизм судебного контроля.

Наши рассуждения с учетом позиции Конституционного Суда РФ приводят к следующему заключению: необязательно считать, что досудебное производство должно иметь следственную форму; такого рода деятельность может происходить при иной правовой организации досудебного производства. Это, в свою очередь, подводит нас к мысли о том, что необходимо заменить предварительное

и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // СЗ РФ. 2003. № 51, ст. 5026.

[310] См. об этом, например: п. 2 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью “Моноком”» // СЗ РФ. 1999. № 14, ст. 1749; п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2004 г. № 359-О «По жалобе гражданина Передерия Максима Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 47 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 52, ст. 5586.

[311] Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 82. См., напр.: п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234, и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2004. № 27, ст. 2804; п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2004 г. № 360-О «По жалобе гражданина на Краюшкина Евгения Васильевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ. 2004. № 52, ст. 5587.

[312] См.: п. 5 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива “Содействие”, общества с ограниченной ответственностью “Карелия” и ряда граждан» // Рос. газ. 2005. 20 мая.

расследование как институт, который образует следственный тип уголовного процесса, а вместе с тем образует и правовой механизм (судебного контроля) применения мер пресечения[313], на заслуживающий внимание институт полицейского дознания. В результате таких изменений деятельность органов предварительного расследования следует осуществлять в форме полицейского дознания. Необходимо отказаться от следственного правового механизма применения уголовно-процессуальных норм, посредством которых реализуется уголовная ответственность. Предварительное расследование как следственную форму правоприменения следует заменить системой судебных производств. В этом случае и механизм применения мер пресечения будет организован по-другому.

За превращение расследования в деформализованное дознание выступает А. В. Смирнов. Суть указанной им «деформализации» состоит в минимизации ограничений неотъемлемых прав личности на свободу, неприкосновенность жилища, частной жизни, с одной стороны, и повышении гибкости и оперативности действий в порядке расследования, с другой[314].

В этом же русле рассуждают А. С. Александров и М. П. Поздняков в своих совместных работах, посвященных институциональной реформе предварительного расследования[315].

---

[313] Парламентские слушания показали, что разработчики УПК РФ не видят его коренного порока и не считают своевременным разработку принципиально нового кодекса. См.: В Совете Федерации обсудили стратегию совершенствования уголовного правосудия // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://www.council.gov.ru/events/news/75374/ (дата обращения: 01.01.2018); Стенограмма парламентских слушаний на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия». 20 декабря 2016 г. URL: http://council.gov.ru/media/files/IHEoJTBnnXWxACFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf (дата обращения: 01.01.2018).

[314] См.: Смирнов А. В. О деформализации уголовного преследования на досудебной подготовке дела // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сб. материалов Всероссийского круглого стола (Санкт-Петербург, 3 ноября 2011 г.). СПб., 2012. С. 211–216; Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 356.

[315] См., например: Александров А. С. Путь институциональной реформы предварительного расследования / А. С. Александров, М. Л. Поздняков // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1. С. 78–82; Их же. Следственный комитет России и институциональная реформа предварительного

Положительный опыт работы института полицейского дознания уже имеется. Данный институт эффективно действовал в России, начиная с судебной реформы 1864 года, в соответствии с УУС, до конца XIX века.

Приведём ряд суждений учёных, наиболее ярко характеризующих этот вид деятельности полиции. Так, И. Я. Фойницкий о полицейском дознании писал следующее: «… оно не имеет дела с судебными формами и обрядами ... представляет деятельность не судебную… Успех дознания обеспечивается всего более возможностью производить его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия»[316]. Отметим, насколько верно И. Я. Фойницкий указал причины, почему дознание не проводится в процессуальных судебных формах.

Результаты деятельности полиции оформлялись в виде актов. Как правильно отмечает Г. В. Матусевич, полиция собирала не доказательства, а только сведения о них. В суде не рекомендовалось зачитывать акты дознания; а признание обвиняемого на дознании, если оно не подтверждалось в присутствии суда, не имело доказательственного значения. Доказательством могли являться только протоколы, составленные судебным следователем, являющимся представителем судебной власти[317]. Таким образом, мы видим, что собранные в досудебном порядке материалы принимали процессуальную форму и становились доказательствами только после исследования их в суде.

Следовательно, полицейское дознание, как досудебная не процессуальная деятельность правоохранительных органов, в наибольшей степени соответствует тому, чтобы стать достойной заменой существующему порядку деятельности указанных органов в контексте перехода к состязательному типу уголовного

расследования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1. С. 24–28.

[316] Цит. по: Коротков А. П. Закономерности исторического развития и современные проблемы модернизации форм предварительного расследования // Российский следователь. 2010. № 15. С. 27–29.

[317] См.: Матусевич Г. В. Институт возбуждения уголовного дела. История развития // Закон. 2003. № 9. С. 90–93.

процесса и реализации обосновываемого нами механизма применения мер пресечения.

Сказанное позволяет считать, что институт полицейского дознания является наиболее приемлемым вариантом досудебной (не процессуальной) деятельности правоохранительных органов, а судебный порядок формирования доказательств в полной мере соответствует реализации принципа состязательности, в том числе и при принятии решения о применении меры пресечения. Важным дополнением к предлагаемым изменениям будет введение института следственных судей[318].

В своей совокупности новая организация обвинительной власти и ее отношение с властью судебной в лице следственного судьи, по нашему глубокому убеждению, позволит создать принципиально новый по своей правовой природе правовой механизм применения мер пресечения (мер уголовно-процессуального принуждения) в уголовном судопроизводстве.

Эта идея, конечно, требует развернутого обоснования. Мы понимаем, что в отечественном правосознании пока не созрела решимость поменять существующий порядок. Нельзя не признать, что следственная власть исторически укоренена в наш правовой быт, правовое сознание. Получается, что вопросы, касающиеся предварительного применения мер пресечения к подлежащему наказанию лицу, решаются по традиции советского времени в следственном правовом формате. По этому поводу Безлепкин Б. Т. отмечает: «Отечественной истории было угодно распорядиться так, что в памяти поколений начисто стерлись простые истины: предварительное следствие по природе своей является деятельностью не прокурорской и не полицейской, а судебной, юстиционной: от судебного разбирательства оно отделено лишь для более тщательной проработки материала, а следователь – это судья, сошедший со своего места, чтобы такую проработку обеспечить»[319].

---

[318] В этом параграфе мы отмечаем необходимость введения института следственных судей, поскольку понимаем всю важность комплексных изменений. Подробно об институте следственных судей будет сказано в третьем параграфе второй главы.

[319] См.: Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М., 2008. С. 4.

Возможно поэтому идеологи судебной реформы 1991 года, сознательно или неосознанно допускавшие сохранение следственных основ процесса при создании УПК РФ, использовали технократический – технологический подход. В итоге не состоялась замена следственной модели на состязательную уголовно-процессуальную систему, которая, собственно, и отвечает конституционно-правовому стандарту правосудия в правовом государстве.

В результате возникла зависимость судебного доказывания от предварительного следственного доказывания, а потому и зависимость судебной власти от исполнительной (обвинительно-следственной) власти. Пороки современного механизма применения мер пресечения коренятся в следственном порядке привлечения к уголовной ответственности, следственном обвинении, следственном уголовно-процессуальном доказывании. Следственные институты, такие как институт обвинения, институт протокола следственного действия, объективно детерминируют форму и работу механизма превентивного судебного контроля.

Это данность современного российского «смешанного», а по сути, как мы уже отмечали, следственного типа уголовного процесса. Для позиции следственной идеологии характерно игнорирование различия между расследованием, которое проводится следователем, дознавателем, иными субъектами досудебного производства, и расследованием, проводимом судом в рамках судебного следствия[320].

Одним из таких средств следственной апологетики, на наш взгляд, стало «технологическое учение» об уголовном процессе, с которым выступила Е. Б. Мизулина[321]. По ее мнению, создателям УПК РФ удалось совершить переход

---

[320] См.: Давлетов А. А. Об оптимальном типе современного российского уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2011. № 2. С. 98–100; Азаров В. А. Предварительное и судебное следствие в контексте типологической характеристики уголовного процесса России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 2. С. 50–51.

[321] В своих работах Е. Б. Мизулина сравнивала уголовное судопроизводство с технологическим процессом – деятельностью, направленной на достижение определенного результата. Законодатель уподобляется технологу, проектирующему процесс производства определенных решений, который волен выбрать тот или иной тип уголовно-процессуальной

от «обвинительного» к новоизобретенному ею «правосудному» типу уголовного судопроизводства[322].

Однако есть все основания считать, что попытка изобретения «нового типа» – «правосудного уголовного процесса» – в полной мере показало свою несостоятельность. Частичная, боязливая, непоследовательная реформа привела к тому, что в настоящее время существует малоэффективная модель правоприменения, проявляющаяся и в правовом механизме применения мер пресечения.

Продолжая наши рассуждения, необходимо указать на то, что каждому типу уголовного процесса присуща своя технология доказывания оснований принятия процессуальных решений. Одни ученые-процессуалисты говорят об информационно-коммуникативной модели[323], встроенной в механизм правоприменения, другие – о матрице или познавательной модели, свойственной состязательному или следственному типу процесса[324].

В отечественном уголовном процессе, как нами уже отмечалось, традиционно проводится мысль о приоритетности именно предварительного расследования в плане установления объективной истины, раскрытия преступления, о его преимуществах по сравнению с судебным расследованием

технологии. По ее мнению, может быть технология производства обвинительных приговоров (в отношении любого лица) и может быть технология производства справедливых решений: обвинительный приговор в отношении лица, виновного в совершении преступления. От того, как эти вопросы разрешены на уровне уголовно-процессуального закона, зависит тип уголовно-процессуальной технологии – тип уголовного процесса, соответственно: «обвинительный» и «правосудный» тип (См.: Мизулина Е. Б. О технологической теории уголовного процесса // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): сб. ст. и материалов. М., 2006. С. 72; Ее же. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991; Ее же. Технология власти: уголовный процесс. Ярославль, 1992).

[322] См.: Мизулина Е. Б. О технологической теории уголовного процесса. С. 72, 73.

[323] См.: Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства. Н. Новгород, 2001. С. 73.

[324] См. об этом, например: Россинский С. Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2015. С. 41 и след.

(доказыванием), которое является повторением предварительного расследования[325].

Наши современники продолжают эту традицию, утверждая, что предварительное следствие является главным способом раскрытия преступления[326]; доказательственная база для правильного разрешения дела формируется на предварительном следствии[327]; предварительное следствие позволяет получать материал доказательственный, на основании которого уголовное дело разрешается в суде[328].

Вполне соответствует правовой действительности утверждение о сосуществовании двух важнейших этапов в расследовании дела – установлении фактических обстоятельств для осуществления правоприменения: предварительного следствия и судебного следствия.

Сам этот факт является принципиальной характеристикой структуры отечественного уголовного процесса[329]. Позиция советских ученых по данной проблематике выражается в том, что предварительное следствие должно носить всесторонний, объективный и полный характер[330]. Причем у следователя больше,

---

[325] См., например: Якубович Н. А. Теоретические основы предварительного следствия: учебное пособие. М., 1971. С. 19.

[326] См.: Шейфер С. А. Предварительное и судебное следствие по УПК РФ: проблемы соотношения // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Самара, 18–19 декабря 2002 г.). Самара, 2003. С. 31.

[327] Там же. С. 40.

[328] См., например: Азаров В. А. Соотношение предварительного и судебного следствия по УПК Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 102–104; Ковтун Н. Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса. // Государство и право. 1998. № 6. С. 59; Рыжаков А. П. Допрос: основания и порядок производства. М., 2014. С. 11.

[329] См.: Давлетов А. А. Об оптимальном типе современного российского уголовного процесса. С. 98–100; Азаров В. А. Предварительное и судебное следствие в контексте типологической характеристики уголовного процесса России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 2. С. 50–51.

[330] См., напр.: Колбая Г. Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. М., 1975. С. 5–6, 43–44, 74; Строгович М. С. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства и некоторые вопросы защиты в советском уголовном процессе // Вопросы защиты по уголовным делам: сб. ст. Ленинград, 1967. С. 61 и след.; Талинский Э. Г. Соотношение предварительного и судебного следствия. // Торжество ленинского учения о государстве и праве: Респ. науч. конф. 26-28 апр. 1971 г. Тезисы докл. и науч. сообщ. Львов, 1971. С. 251–253.

чем у суда, возможностей по раскрытию преступления[331], а значит и по установлению оснований применения меры пресечения. То есть, все сказанное о преимуществах следственного способа формирования доказательств можно отнести и к формированию оснований для применения мер пресечения как в формате судебного контроля на предварительном расследовании, так и в судебных стадиях, где основным источником информации для суда остаются материалы уголовного дела, представленные органом предварительного расследования.

На наш взгляд, влияние следственной правовой организации уголовно-процессуальной деятельности на принятие решений о применении мер пресечения проявилось в первую очередь и главным образом в технологии уголовно-процессуального доказывания – формирования оснований для этих решений.

На практике сложилось влияние на суд следственной формы, в результате которой судья так встроен в систему досудебного производства, что поставлен в зависимость от доказательств, сформированных следственным путем, а значит, он зависит от власти органа предварительного расследования в принятии решения о применении меры пресечения[332].

Существует проблема предрешенности внутреннего убеждения судей в вопросах исследования доказательств, служащих предметом проверки и оценки суда при рассмотрении и разрешении любого уголовно-процессуального спора. Суть ее в том, что у судьи, ознакомившегося со следственными материалами уголовного дела, складывается предубеждение в пользу доводов стороны обвинения (органа предварительного расследования). Об этом в свое время писал еще И. Я. Фойницкий[333]. Формирование предубеждений в пользу стороны

---

[331] См.: Миньковский Г. М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 29, 30.

[332] См.: Александров А. С. Институт следственной власти в России: краткая история возникновения, развития и дегенерации // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 405–411.

[333] См.: Ковтун Н. Н. О предрешенности внутреннего убеждения судей в судебно-контрольных производствах и стадиях уголовного судопроизводства России: вопрос тактики

обвинения после ознакомления с материалами дела подтверждают и данные проведённого нами социологического опроса, так как 68 % судей подтвердили факт формирования такого предубеждения[334].

По мнению Н. Н. Ковтуна, новые грани этой старой проблемы достаточно остро проявили себя в подходах уголовно-процессуальной доктрины и в ходе практического осуществления той или иной формы судебного контроля, реализуемой на досудебном этапе уголовного судопроизводства России[335].

Причем вполне очевидно, что информационная зависимость судебной власти от органа предварительного расследования не заканчивается досудебным производством, а носит глобальный характер. В судебных стадиях основным источником информации об обстоятельствах дела, включая те, которые служат основанием и условиями для применения мер пресечения, получаются судом также из материалов уголовного дела, сформированных следователем, дознавателем (и лишь частично установленных в ходе судебного следствия)[336].

Наши рассуждения позволяют сделать следующее заключение: в любой из двух базовых моделей правовой организации уголовно-процессуальной системы важным элементом является технология доказывания по уголовному делу. Достижение достоверного знания – истины – необходимо для принятия верного решения о применении меры пресечения, оправдания принуждения (меры пресечения), которое применяется к обвиняемому (подозреваемому). Но для получения достоверных знаний (установления истины) наиболее эффективным представляется именно состязательный процесс[337]. Из сказанного следует, что

или стратегии судебной проверки // Научные труды Московской академии экономики и права. Вып. № 24. М., 2009. С. 265–286.

[334] См. Приложение № 1 к диссертации.

[335] См.: Ковтун Н. Н. Указ. соч. С. 265–286.

[336] По данным архивов Железнодорожного, Ленинского, Октябрьского и Орджоникидзевского районных судов г. Екатеринбурга за первый квартал 2019 г. по указанному принципу в указанных районных судах удовлетворено 380 ходатайств об избрании меры пресечения.

[337] Реализация концепции, согласно которой мнение следователя соответствует объективной истине, приводит к ситуации, когда суд становится лишней надстройкой над следственными органами (досадной помехой). Поскольку точка зрения одна, и тем более предопределена заранее, то акта принятия решения нет как такового; в таком случае судья,

правовая организация применения мер пресечения должна быть максимально состязательной и, более того, она должна быть избавлена от давления следственных институтов: прежде всего следственной технологии формирования оснований уголовно-процессуальных решений. Ведь судья, каким бы независимым он себя не позиционировал, зависим в своих решениях от того доказательственного материала, на основании которого он принимает решение. В нашем случае – решение о применении меры пресечения.

Поскольку, как мы видим, под влиянием типа процесса находится и правовая организация применения мер пресечения, то от того, как в принципиальном виде устроен процесс, зависит и устройство механизма применения мер пресечения. И, соответственно, то, каким мы хотим видеть механизм применения мер пресечения, зависит от устройства существующего типа уголовного процесса. Следует признать, что объективная историческая тенденция развития уголовно-процессуальных систем государств, принадлежащих к романо-германской правовой семье, такова: от частно-искового к инквизиционному (следственному), затем к смешанному типу, в котором судебные стадии реализуются в состязательной форме, и далее от смешанного типа – к состязательному.

Эта объективная тенденция проявляется в перераспределении властных полномочий по применению мер пресечения в такой исторической последовательности: полиция → судебный следователь → прокурор → последующий судебный контроль за применением мер пресечения → превентивный судебный контроль → состязательный процессуальный механизм применения мер пресечения, реализуемый в том числе и через институт следственных судей. Однако в современном российском смешанном, а по факту следственном, типе уголовного процесса перехода от верховенства следственной

по сути, не выносит решения, суд превращается в фарс, а деятельность суда становится профанацией. Справедливое судебное решение может состояться только в ситуации выбора между альтернативными точками зрения. А это может быть реализовано исключительно в состязательном процессе, когда мнения сторон имеют равное значение для суда.

власти к верховенству власти судебной не произошло, в этом состоит причина конструктивного недостатка механизма применения мер пресечения. Но ориентируясь на исторический опыт, мы допускаем принципиальную возможность сознательного целенаправленного перехода от одного типа процесса к другому (в нашем случае – от смешанного к состязательному) и, соответственно, к иному типу правовой организации применения мер пресечения. Примером подобного перехода выступает общеизвестный факт так называемой «латиноамериканской уголовно-процессуальной революции», когда 14 государств в исторически короткие сроки сознательно перешли от смешанного типа уголовного процесса к типу состязательному.

Обратимся теперь к вопросу о современной отечественной системе мер пресечения, которая взаимосвязана с вопросом о типе уголовного процесса и принципиальном устройстве механизма правоприменения. Хотя существует утверждение о том, что мерами пресечения называются только «те принудительные меры, которые ограничивают свободу обвиняемого»[338], в то же время многие полагают, что «принудительное воздействие, которое оказывается мерами пресечения, может быть связано не только с лишением или ограничением свободы, но также поражением иных личных и имущественных прав»[339]. И с данными суждениями следует согласиться.

Между тем современная российская система уголовно-процессуальных мер пресечения остается модификацией советской системы. Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста»[340] дополнил

---

[338] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 150–151.

[339] См.: Уголовный процесс: в 2 ч. / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. М., 2016. Ч. 2. С. 145; цит. по: Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. С. 182.

[340] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федеральный закон РФ от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 17, ст. 2421.

эту систему новой мерой пресечения – запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ). Согласно данным пресс-службы ФСИН России на 1 декабря 2018 г. данная мера пресечения применялась в нашей стране в отношении 472 подследственных, при избрании залога только в 15 случаях применялись ограничения, установленные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. При этом на обвиняемых (подозреваемых), как правило, возлагается обязанность в определенные часы не покидать место жительства, запрет общаться с определенными лицами[341]. За первое полугодие 2019 года запрет определенных действий был применен в отношении 545 подследственных, а также было удовлетворено 963 ходатайства о возложении обязанности на подозреваемого (обвиняемого) по соблюдению запретов при избрании залога и домашнего ареста из 1001 рассмотренного[342].

Статистические данные свидетельствуют о том, что введенная в 2018 году мера пресечения в виде запрета определенных действий не улучшила ситуацию в плане снижения показателей по применению такой меры пресечения, как заключение под стражу[343].

В настоящее время мерами пресечения являются: подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за

---

[341] См.: Апостолова Н. Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 23–25; Ларкина Е. В. Запрет определенных действий и предусмотренные им запреты в сочетании с залогом и домашним арестом: первые полгода применения // Lex russica. 2019. № 4. С. 129–138; Ендольцева А. Г. Запреты, налагаемые на подозреваемого или обвиняемого в качестве меры пресечения: дискуссионные вопросы // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 64–67 и др.

[342] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 6 месяцев 2019 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-1-2019.xls (дата обращения: 29.12.2019).

[343] См. подробнее: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/F1-svod_1-2017.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 6 месяцев 2019 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-1-2019.xls (дата обращения: 29.12.2019).

несовершеннолетним обвиняемым, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу.

Новшеством является и то, что при избрании таких мер пресечения, как залог или домашний арест, суду предоставляется право устанавливать на подозреваемого (обвиняемого) дополнительно одно обязательство или несколько, указанных в перечне «запрещенных действий» (ч. 8.1. ст. 106, ч. 7 ст. 107 УПК РФ)[344]. Однако установление возможности применять комбинирование мер пресечения как альтернативу содержанию под стражей в УПК РФ не предусмотрено. Мы полагаем, что в УПК РФ следует закрепить возможность комбинирования мер пресечения, применяемых по решению судебного органа, таких как залог, запрет определённых действий, домашний арест, с другими мерами пресечения в качестве альтернатив заключению под стражу. Такие изменения поддерживают большинство сотрудников правоохранительных органов и суда[345].

В этом случае залог, запрет определённых действий и домашний арест могут быть по степени тяжести простыми или квалифицированными, то есть отягощёнными дополнительными ограничениями и (или) обязательствами для обвиняемого[346].

Полностью поддерживаем предложение о том, что меры уголовно-процессуального принуждения должны быть не взаимоисключающими, а взаимодополняющими[347]. Необходимо допустить возможность одновременного применения судами нескольких мер пресечения. Следует регламентировать систему дополнительных ограничений и обязательств, обеспечивающих неуклонение от следствия и суда лица, не взятого под стражу. По нашему мнению, это будет способствовать росту эффективности применения мер

---

[344] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 1 апр. 2019 г. ; с изм. и доп. от 17 апр. 2019 г.) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.12.2019).

[345] См. Приложения № 1–3 к диссертации.

[346] См.: Заключение под стражу и его альтернативы в уголовном судопроизводстве: монография / О. А. Зайцев, А. О. Зайцев, В. И. Качалов [и др.]. М., 2019. С. 53–97.

[347] Муравьев К. В. Указ.соч. С. 196–197.

пресечения, не связанных с лишением свободы, и снижению показателя применения самой строгой меры пресечения (содержания под стражей). Меры пресечения, ограничивающие конституционные права граждан, должны применяться только по решению суда. Остальные меры принуждения во время досудебного производства, как это и существует в настоящее время, могут применяться во внесудебном порядке по решению прокурора либо органа, который проводит предварительное расследование.

Обращает на себя внимание англосаксонский подход к разрешению проблемы системы мер пресечения, который достаточно освещен в российской уголовно-процессуальной науке[348].

В их системе имеется только две меры пресечения: заключение под стражу и залог[349]. По усмотрению суда задержанный по подозрению в совершении преступления либо освобождается при внесении залога, устанавливаемого «самим судом в каждом конкретном случае, исходя из обстоятельств дела»[350], либо в случае отказа от внесения залога содержится под стражей. По нашему мнению, такой подход основан на здравом смысле и мог бы применяться в России. Однако в отечественном уголовном судопроизводстве в порядке применения мер пресечения и системе мер пресечения реальных положительных изменений практически не происходит.

Наши рассуждения позволяют нам прийти к заключению о том, что система мер пресечения и система правовых стандартов их применения складывается сообразно существующему типу уголовного процесса. В свою очередь, тип процесса детерминирует правовой формат института мер пресечения и механизм их применения.

В завершение исследования в рамках данного параграфа можно сделать следующие выводы.

---

[348] См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М., 2015. С. 539–540.

[349] Под обобщенным понятием «bail» понимается любое оставление на свободе лица, в отношении которого есть основания для заключения под стражу. Цит. по: Муравьев К. В. Указ.соч. С. 183.

[350] Муравьев К. В. Указ.соч. С. 183.

Имеющиеся в отечественном правоведении предпосылки для положительных изменений, созданные русской правовой мыслью на пиках ее развития, пока не получили решающего перевеса и не стали господствующей доктриной. Мы имеем в виду учения, которые обосновывают состязательную модель привлечения к уголовной ответственности обвиняемого, применения норм уголовного законодательства, норм уголовно-процессуального права, предусматривающих применение меры пресечения. Мы хотим дополнить заложенные в этих учениях идеи собственными суждениями и выдвигаем следующий постулат: состязательная модель, ее правовая организация лучше, справедливее, эффективнее, чем следственная, и потому только она может служить формой применения мер пресечения.

В настоящее время российский тип уголовного процесса по факту является следственным и основан на том, что хотя следователь и применяет меры пресечения под контролем суда, однако следственные институты детерминируют форму и работу механизма превентивного судебного контроля. При таком типе процесса обвинительный уклон и несправедливость механизма применения мер пресечения в нём предопределены.

Для создания нового состязательного судебного механизма применения мер пресечения необходимы институциональные изменения, структурная перестройка уголовного процесса, реформа правовой организации досудебного производства. Переход к состязательному типу уголовного процесса включает в себя отказ от следственной организации досудебного производства. Предварительное расследование как следственную форму правоприменения следует заменить системой судебных производств, а деятельность органов предварительного расследования следует осуществлять в форме полицейского дознания.

В УПК РФ следует закрепить в качестве мер пресечения, применяемых по решению судебного органа: залог, домашний арест, запрет определённых действий – с согласия и без согласия обвиняемого. При наличии согласия обвиняемого на применение требуемой обвинителем меры пресечения судебный

орган должен иметь право принять решение о применении меры пресечения в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

В УПК РФ необходимо закрепить возможность комбинирования мер пресечения, применяемых по решению судебного органа, таких как залог, запрет определённых действий, домашний арест, с другими мерами пресечения в качестве альтернатив заключению под стражу. В этом случае залог, запрет определённых действий, домашний арест по степени тяжести могут быть простыми или квалифицированными, то есть отягощенными дополнительными ограничениями и (или) обязательствами для обвиняемого.

Ориентируясь на исторический опыт, допускаем принципиальную возможность сознательного целенаправленного перехода от существующего типа уголовного процесса к состязательному типу уголовного процесса и к состязательной организации механизма применения мер пресечения.

§ 3 Проблемы современной правовой организации формирования оснований и выработки решения о применении мер пресечения в уголовном процессе

В современной организации уголовно-процессуального доказывания кроется одна из внутренних, сущностных причин того, почему оказывается несостоятельным современный судебный контроль за применением мер пресечения в ходе предварительного расследования. В этом же и причина общего обвинительного уклона, которым, как было ранее замечено, отличается современная система уголовной юстиции России и практика применения мер пресечения. Но где, как не в технологии доказывания основания для принятия процессуального решения, наиболее ярко проявляется зависимость судьи в принятии решения о применении меры пресечения от деятельности органа предварительного расследования.

Поскольку нас интересует главным образом судебная технология установления оснований и принятия решений о применении мер пресечения, мы

ограничимся только краткой констатацией того, что в случае принятия решения о применении меры пресечения следователем, основания и условия для вынесения соответствующего постановления устанавливаются, разумеется, им самим.

В отечественной доктрине имеется целый ряд работ посвященных «механизму принятия процессуальных решений»[351]. Стоит согласиться с тем, что определяющими параметрами модели доказывания являются: субъекты доказывания, система отношений между ними, предмет доказывания, средства доказывания, генезис доказательства; эти параметры существенным образом отличаются в следственном и состязательном процессе, а равно в досудебном производстве и судебном производстве[352].

Основные параметры судебной процедуры принятия решения о применении меры пресечения, предусмотренные ст. 108–109 УПК РФ, а также включающие в себя общие правовые предписания к проведению судебного разбирательства (судебного следствия) и поддерживаемые международно-правовыми стандартами, следует считать универсальными для применения всех мер пресечения.

Рассмотрение судом вопроса о применении меры пресечения предполагает проведение судебного следствия, судебного доказывания, в ходе которого доказательства, подтверждающие наличие или отсутствие необходимости применения меры пресечения, должны исследоваться в порядке, определенном

---

[351] См.: Ищенко П. П., Ищенко Е. П. Ключевые проблемы уголовного судопроизводства // Lex russica. 2016. № 9. С. 230–241; Муравьев К. В. Точность предварительной юридической оценки содеянного и пределы судебного разбирательства в Уставе уголовного судопроизводства и современном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 906–913; Корма В. Д. Следственное познание как объект междисциплинарного исследования / В. Д. Корма, В. А. Образцов // Lex russica. 2018. № 12. С. 90–100; 2019. № 2. С. 92–106; Беляев М. В. О некоторых условиях принятия справедливых судебных решений в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2018. № 5. С. 33–39; Грошевой Ю. М. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие. Харьков, 1986; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976 и др.

[352] См.: Машовец А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография. С. 118, 123.

главой 37 УПК РФ, и должны проверяться и оцениваться с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности[353].

При проведении превентивного судебного контроля, когда необходимо судебное исследование доказательств, более широко допускается доказывание фактических обстоятельств дела, а также проверка наличия или отсутствия оснований для избрания меры пресечения[354].

Когда решаются вопросы, связанные с содержанием под стражей или домашним арестом в качестве меры пресечения, предполагается исследование судом фактических и правовых оснований для избрания или продления данной меры пресечения, чтобы суд основывался на самостоятельной оценке существенных для таких решений обстоятельств, приводимых как стороной обвинения, так и стороной защиты[355].

Мы исходим из того, что рассмотрение судом вопроса о применении меры пресечения всегда должно осуществляться в рамках судебного следствия (судебного доказывания). Все доказательства, на основании которых принимается

---

[353] См.: Гришин С. П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты). М., 2008. С. 47, 49; Ковтун Н. Н. Предмет судебного следствия в судебно-контрольных производствах // Уголовный процесс. 2007. № 3. С. 14–16; Миронова Е. В. Производство по решению вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу в судебных стадиях российского уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2010. С. 11.

[354] См.: п. 3.2, 3.3 Постановления Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Рос. газ. 2005. 1 апр.

[355] См., например: По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина: постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 г. № 14-П // СЗ РФ. 1996. № 26, ст. 3185; По делу о проверке конституционности частей четвертой, пятой и шестой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан П. В. Янчева, В. А. Жеребенкова и М. И. Сапронова: Определение Конституционного Суда РФ от 25.12.1998 № 167-О // СЗ РФ. 1999. № 1, ст. 230; По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2004 г. № 44-О // СЗ РФ. 2004. № 14, ст. 1341; По жалобе гражданина Горского Анатолия Вадимовича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 231 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2004 г. № 132-О // Рос. газ. 2004. 9 июня.

решение о применении меры пресечения, должны непосредственно исследоваться в судебном заседании. Именно непосредственное исследование доказательств в судебном разбирательстве может являться гарантией принятия законного и обоснованного решения о применении меры пресечения в отношении лица, которое еще не признано виновным на основе вступившего в законную силу приговора[356].

Между тем сразу необходимо констатировать, что проведение всестороннего судебного следствия в рамках судебного контроля при применении мер пресечения является пока ещё редким явлением в современной судебной практике[357]. Надо признать, что судебное следствие не выступает главным методом установления тех обстоятельств, которые составляют предмет доказывания при принятии решения о применении меры пресечения. Следственная информационно-коммуникативная модель установления фактов оказывает решающее влияние на принятие судом решения об избрании меры пресечения. Доминирующим способом представления доказательств является обозрение, оглашение протоколов следственных действий и иных процессуальных действий, которые прилагаются к ходатайству о применении меры пресечения. Данный факт был подтвержден и в рамках выполненного нами социологического исследования. Это подтвердили 86 % судей, 97 % прокуроров и 96 % следователей[358]. В этом случае непосредственно судебные следственные действия (прежде всего допросы лиц, на показаниях которых строится утверждение органа предварительного расследования о необходимости применения меры пресечения, допросы свидетелей стороны защиты), как правило, не проводятся. Решение судьи по большей части основывается на следственных материалах. Господство следственного стандарта доказывания обуславливает и обвинительную направленность решений судов об избрании мер

---

[356] См.: Миронова Е. В. Указ.соч. С. 209.

[357] См.: Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 9.

[358] См. Приложения № 1–3 к диссертации.

пресечения. Показательным является следующее утверждение в судебном постановлении о применении меры пресечения: «в представленных следователем материалах содержатся достаточные данные об имевшем место событии преступления и обоснованности подозрения в причастности Н. к совершению преступления»[359].

По вопросу обязательности судебных следственных действий хотелось бы уточнить следующее. Когда подозреваемый был задержан на месте преступления с поличным (что подтверждается протоколом задержания и показаниями сотрудников полиции, проводивших задержание), а также если подозреваемый (обвиняемый) не отрицает свою причастность к инкриминируемому ему преступлению, то суд может при наличии необходимой, достаточной и достоверной информации, содержащейся в представленных следствием материалах, не проводить каких-либо дополнительных судебных следственных действий, связанных с допросами иных лиц для установления оснований и обстоятельств применения меры пресечения.

А если обвиняемый (подозреваемый) не признает свою вину в совершении преступления, в котором он обвиняется (подозревается), и это преступление совершено в условиях неочевидности, то проверка обоснованности подозрения и установление оснований и обстоятельств для решения вопроса о применении мер пресечения должна проводиться в обязательном порядке с использованием судебных следственных действий. По нашему мнению, судебное доказывание в форме проведения следственных действий является единственным надежным способом установления существенных фактических обстоятельств, включая факты, дающие основание для принятия судом решения о применении меры пресечения.

В настоящее время ученые-процессуалисты признают отсутствие целостной доктрины (концепции) о предмете и пределах доказывания по вопросам,

---

[359] Апелляционное постановление Тульского областного суда от 23.11.2017 по делу № 22–2365. Документ опубликован не был. Доступ из системы «Гарант».

связанным с применением меры пресечения на досудебном этапе уголовного судопроизводства[360].

В уголовно-процессуальной литературе отмечается, что суд, реализуя свои контрольные полномочия, обязан проверить и оценить, насколько материалами дела[361] подтверждается, во-первых, инкриминируемая обвиняемому (подозреваемому) причастность к преступлению, а во-вторых, наличие одного или нескольких оснований, с которыми закон связывает возможность применения меры пресечения.

Рассмотрим более подробно два указанных структурных элемента предмета доказывания: предусмотренные УПК РФ основания применения мер пресечения и обоснованность подозрения / обвинения в причастности лица к совершенному преступлению.

Сразу надо сказать, что «основание» – это сложное, комплексное понятие, к тому же его содержание, как и отдельные содержательные элементы, и даже подходы к его определению, бывают совершенно различными. В процессуальных документах и в научной литературе для обозначения причин применения мер пресечения кроме термина «основание» используют такие термины, как «материально-правовое основание»[362], «обстоятельства», «фактические обстоятельства», «мотивы»[363], «условия», и, наконец, – «презумпции»[364].

---

[360] См.: Лазарева В. А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу: монография. М., 2010. С. 28 и след.; Колоколов Н. А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования. М., 2004. С. 7, 18 и след.; Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 300 и др.

[361] «Фактическими материалами», представленными стороной обвинения (но при случае также и стороной защиты) в суд в обоснование законности и обоснованности испрашиваемой меры.

[362] См.: Постановления суда о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей: методические рекомендации: утверждены Постановлением Президиума Свердловского областного суда от 06 августа 2014 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[363] В некоторых учебниках прямо оговаривается, что под «основаниями» надо понимать мотивы применения меры пресечения. См., например: Уголовный процесс Российской Федерации / отв. ред. А. П. Кругликов. М., 2010. С. 263.

Как мы видим, в теории нет чёткости и единства в определении понятия основания. Это понятие трактуется достаточно произвольно[365].

В формулировке, используемой в ст. 97 УПК РФ, на первый план в определении основания применения мер пресечения выводятся достаточные данные (сведения), свидетельствующие о том, что обвиняемый может совершить действия, предусмотренные ст. 97 УПК РФ.

Пленум Верховного Суда РФ неоднократно подчеркивал, что при избрании меры пресечения должны быть установлены (доказательствами) конкретные, фактические обстоятельства, на основе которых принимается соответствующее решение[366]. Согласно указанной правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, можно сказать, что основание – это доказываемое, подлежащее доказыванию фактическое обстоятельство; это элемент предмета доказывания. Поэтому главным образом именно с «доказательствами», подтверждающими негативные обстоятельства, подпадающими под понятие «основание», многие связывают причину применения меры пресечения[367].

Отметим, что для избрания или продления меры пресечения предполагается исследование судом как фактических, так и правовых оснований[368].

---

[364] См., например: Мельников М. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: монография. М., 2014. С. 82 и след.

[365] См.: Корнуков В. М., Вершинина С. И. Проблемы объективации оснований применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 19–23; Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001–2011 гг.: сб. науч. ст. / Л. Б. Алексеева, Г. Н. Ветрова, Л. М. Карнозова [и др.]; под ред. И. Б. Михайловской. М., 2012; Тарасов А. А. Основания процессуального принуждения и презумпция невиновности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 37–41 и др.

[366] См.: п. 21. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня.

[367] Под основаниями, как пишут некоторые авторы, следует понимать фактические данные (сведения), указывающие на обстоятельства в виде ненадлежащего поведения обвиняемого, создающие препятствия для производства по уголовному делу и достижения целей уголовного процесса, вытекающих из ст. 6 УПК РФ. См., например: Уголовный процесс Российской Федерации / отв. ред. А. П. Кругликов. М., 2009. С. 261.

[368] См., например: По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина: постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 г. № 14-П // СЗ РФ. 1996. № 26, ст. 3185; По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его

В практике под «основаниями»[369] принятия решения об избрании меры пресечения понимают или сами обстоятельства (факты), которые указывают на возможность совершения подозреваемым (обвиняемым) предусмотренных ст. 97 УПК РФ действий, или фактические данные (сведения)[370], доказывающие обстоятельства, перечисленные в ст. 97 УПК РФ[371].

Вот их и должен изложить суд при вынесении законного и обоснованного решения.

Термин «основания» используется в решениях ЕСПЧ, который констатировал, что «неспособность судов государства изложить *основания* (выделено мной – *В. Р.*) своих решений об оставлении заявителя под стражей, противоречит требованиям “законности”, установленной п. 1 ст. 5 Конвенции»[372].

При избрании меры пресечения, помимо «оснований», указанных в ст. 97 УПК РФ, следует учитывать и обстоятельства, предусмотренные ст. 99 УПК РФ. Следует отметить, что между обстоятельствами, указанными в ст. 99 УПК РФ, и основаниями, содержащимися в ст. 97 УПК РФ, существует тесная связь, особенности которой являются предметом научных дискуссий[373].

конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2004 г. № 44-О // СЗ РФ. 2004. № 14, ст. 1341.

[369] Иногда пишут «фактические основания», подчеркивая связь основания с фактами.

[370] См.: Андреева О. И. Проблемы избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу (по материалам Томской области) // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии: материалы круглого стола (Москва, 13 ноября 2003 г.). М., 2004. С. 157−161; Васильева Е. Г. Меры уголовно-процессуального принуждения: монография. Уфа, 2003. С. 62; Давыдов П. М. Меры пресечения в советском уголовно процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1953. С. 9–10; Мельников В. Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006. С. 301; Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 107.

[371] См.: Калиновский К. Б. Дискуссионные вопросы содержания уголовно-процессуальных норм о применении меры пресечения для исполнения приговора // Международная ассоциация содействия правосудию. URL: https://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Pages&go=page&pid=95 (дата обращения: 01.10.2018).

[372] Так, в Постановлении по делу «Фурсенко против России» от 24 апреля 2008 г. ЕСПЧ установил нарушение п. 1, 3, 4 ст. 5 Конвенции, выразившееся в длительном досудебном заключении заявителя // Обзор постановлений и решений Европейского Суда по правам человека по российским жалобам за апрель 2008 г. URL: http://www.echr.ru/documents/doc/2466517/2466517.htm (дата обращения: 01.01.2016).

[373] См.: Миронова Е. В. Указ. соч. С. 29.

В научном сообществе есть сторонники разграничения оснований на общие и специальные. По их мнению, под общим основанием понимают «наличие обвинения, сформулированного в отношении конкретного лица»[374], а к специальным основаниям эти авторы относят обстоятельства, предусмотренные ст. 89 УПК РСФСР (ст. 97 УПК РФ).

Есть и другое мнение, согласно которому, с учётом многообразия мер пресечения и специфичностью применения каждой из них, высказывается предложение, что общие основания – это фактические обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ[375]. А под специальными основаниями конкретных мер пресечения, по мнению С. И. Вершининой, следует понимать обстоятельства, которые обуславливают возможность выбора конкретной меры пресечения[376].

Учитывая наличие общих и специальных оснований, в доказывании можно выделить два аспекта, которые связаны с таким комплексным сложным понятием «основание применения меры пресечения». Во-первых, это то, что подтверждает наличие доказываемого факта, позволяет сделать вывод о том, что обвиняемый совершит действия, препятствующие нормальному производству по уголовному делу. Во-вторых, это то, чем доказывается «фактическое обстоятельство».

Есть сторонники широкого понятия «основания», которое включает в себя и обоснованное обвинение и основания, перечисленные в УПК РФ[377].

Так в понимании З. Ф. Ковриги, в основание применения меры пресечения входят: фактические данные, которые указывают на неправомерное поведение обвиняемого, а также на наличие признаков уголовного преступления, и уголовно-правовые отношения, которые развиваются в этой связи[378].

---

[374] Гуткин И. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 21.

[375] См.: Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 298.

[376] Там же. С. 298.

[377] См.: Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 16.

[378] См.: Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 104.

В науке также используют термины «основания» и «условия» для обозначения двоякого рода обстоятельств, которые понимаются под этими терминами.

Так, О. В. Химичева и Ю. Б. Плоткина указывают, что «избрание мер пресечения возможно лишь при наличии определенных оснований и условий, … потому что именно они являются теми требованиями, подтверждающими наличие у следователя, дознавателя процессуальных предпосылок для применения мер пресечения»[379].

Под основаниями принято понимать обстоятельства, порождающие необходимость применения меры пресечения[380]. Под условиями следует понимать наиболее значимые факторы[381], которые создают правовую предпосылку для применения мер пресечения[382]. Сочетание указанных оснований и условий выступает гарантом реализации прав и соблюдения законных интересов подозреваемого (обвиняемого)[383].

Как отмечал в свое время Н. Н. Ковтун, на сложность фактического состава основания и на сочетание оснований и условий указывают следующие требования к формулировкам в постановлениях судов: «указаны ли в данном постановлении основания для избрания данной меры и приведены ли мотивы, обосновывающие необходимость именно ее применения, учтены ли при этом обстоятельства, перечисленные в ст. 99 УПК РФ; предусмотрено ли статьей, по которой предъявлено обвинение данному лицу, наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, соблюдены ли дополнительные условия привлечения

---

[379] Химичева О. В. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда: монография. / О. В. Химичева, Ю. Б. Плоткина. М., 2012. С. 32.

[380] См.: Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 62.

[381] См.: Смирнов М. В. Условия применения мер процессуального принуждения на предварительном следствии // Российский следователь. 2003. № 4. С. 23–24.

[382] См.: Андреева О. И. Проблемы избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу (по материалам Томской области). С. 157−161; Халиулин А. Г. Заключение под стражу: законность и необходимость // Уголовный процесс. 2008. № 7. С. 61.

[383] Смирнов М. В. Указ.соч. С. 24.

к уголовной ответственности и применения названной меры к специальным субъектам»[384].

Ряд ученых отмечает, что существует различие между общими и специальными условиями применения меры пресечения, в содержание которых авторы включают различные «обстоятельства»[385].

Объяснив суть таких понятий, как основания и условия, полагаем, что споры о словах и терминологии (речь идёт о терминах «основание» и «условие») мало приближают нас к пониманию анализируемого явления, поэтому термином «условие» мы пользоваться не будем, поскольку его содержание, по нашему мнению, пересекается с содержанием термина «основание». Поэтому в ходе исследования мы будем использовать термин «основание».

Также стоит согласиться с тем, что имеются специальные основания применения мер пресечения, которые предусмотрены законодателем в нормах УПК РФ, регламентирующих их конкретные виды. Например, специальные основания есть для применения конкретных мер пресечения к отдельным категориям обвиняемых (несовершеннолетним, военнослужащим, предпринимателям и др.).

В современной научной литературе подчеркивается важность достоверного установления оснований для применения мер пресечения[386]. Так, С. И. Вершинина высказывает мнение, что «превентивный характер мер пресечения, применяемых к обвиняемому, подозреваемому, находится в тесной взаимосвязи с проблемой

---

[384] Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 227; цит. по: Шмыгалева П. В. Порядок избрания домашнего ареста как гарантия защиты прав человека и гражданина // Юридическая мысль. 2009. № 6. С. 149.

[385] См.: Еникеев З. Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения. Казань, 1982. С. 36; Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2007. С. 62; Михайлов В. А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. М., 1996. С. 109.

[386] См., например: Уголовный процесс / отв. ред. А. П. Кругликов. М., 2015. С. 260–261; Уголовно-процессуальное право / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2012. С. 123; Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции / под. ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2014. С. 373–380.

определения оснований их применения, вероятности или достоверности наступления событий, против которых эти меры применяются»[387].

Высказывается мнение, в соответствии с которым основания, вызывающие необходимость применения меры пресечения, «должны быть установлены достоверно»[388]. Логичным проявлением такой позиции является суждение о том, что основания мер пресечения возникают до их применения и впоследствии при ведении уголовного дела вызывают применение данных мер[389].

К мнению об объективном (достоверном) характере оснований для применения мер пресечения склонялось большинство исследователей этой проблемы[390]. Они исходили из того, что следователь, прокурор, суд должны установить объективную истину, использовать достоверные сведения (доказательства) о вероятном поведении обвиняемого, но не субъективные предположения. Нельзя применять меры пресечения, если нет уверенности, подкрепленной достоверными доказательствами[391].

В свое время была сформулирована еще более категоричная позиция, в соответствии с которой применение меры пресечения возможно только в случае нарушения обвиняемым (подозреваемым) требований ст. 89 УПК РСФСР[392] (ныне ст. 97 УПК РФ).

---

[387] См.: Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 293.

[388] Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 107; См. также: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 83–84.

[389] См., например: Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 282; Андреева О. И. Решение вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 36.

[390] См.: Лазарева В. Под стражу без оснований? // Юридическая газета. 2011. № 16; Карнеева Л. М., Миньковский Г. М. Особенности пределов доказывания при принятии некоторых процессуальных решений в стадии предварительного следствия // Вопросы предупреждения преступности. Вып. 4. М., 1966. С. 90.

[391] См.: Михайлов В. А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. М., 1996. С. 27.

[392] См.: Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 95.

Надо признать, что «такой подход крайне затруднил бы осуществление задач правосудия… Кроме того, при таком подходе происходит неправомерное слияние мер превентивного характера с мерами, пресекающими правонарушения, и мерами уголовно-процессуальной ответственности, имеющими иную правовую природу»[393].

Также полагаем необходимым отметить, что основания (как доказываемое) – это не то, чем они доказываются. Поэтому мы считаем неточной точку зрения, согласно которой основание (доказываемое) смешивается с доказывающим – доказательствами. Для логичности рассуждения эти понятия надо разграничивать. Очевидно, что неверно считать основаниями и собственно средства доказывания.

Но, к сожалению, указанную нами позицию разделяют не все исследователи, поскольку встречаются и иные утверждения[394]. Представители другой позиции настаивают на вероятностном характере вывода правоприменителя о возможном существовании обстоятельств, которые позволяют применить меру пресечения[395].

Так, по мнению В. М. Корнукова, «данные, служащие достаточными основаниями для применения мер пресечения, как правило, позволяют сделать лишь вероятный, а не достоверный вывод, обстоятельства, указанные в статье 97 УПК РФ (ст. 99 УПК РФ), дают возможность правильно определить степень вероятности совершения обвиняемым действий, для предотвращения которых

---

[393] Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 294.

[394] В процессуальной науке иногда встречаются и такого рода утверждения: «в качестве общих оснований применения мер пресечения выступают достаточные фактические данные, свидетельствующие: а) о доказанности самого общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом; б) об установлении лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении данного деяния; в) о том, что в случае неприменения той или иной меры пресечения, наступят неблагоприятные последствия, предусмотренные статьей 97 УПК РФ» (Колоскова С. В. Указ. соч. С. 42.).

[395] См., например: Еникеев З. Д. Социальная ценность и эффективность мер уголовно-процессуального пресечения. Уфа, 1979. С. 26; Корнуков Б. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 51; Мельников В. Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. С. 300, 304; Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 107; Цоколова О. И. Проблемы совершенствования оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2005. № 5. С. 9.

применяются меры пресечения»[396].

Развивая эту мысль, С. И. Вершинина приходит к выводу, что «меры пресечения предупреждают наступление негативных для уголовного судопроизводства последствий в будущем»[397]; вместе с тем, по ее мнению, «утверждать, что они возникнут, нельзя; вывод об их наступлении находится на уровне предположения, вероятности»[398]. У следователя, дознавателя может быть «опасение в том, что обвиняемый (подозреваемый) может скрыться, помешать установлению истины, продолжать преступные действия и так далее. Данное опасение основано на тех обстоятельствах, которые нашли свое отражение в материалах уголовного дела и являются основаниями для применения меры пресечения, но никак не могут указать *достоверно* (выделено мной – *В. Р.*) на будущее поведение обвиняемого»[399].

По нашему мнению, исходить только из вероятного, предположительного характера данных, служащих средствами доказывания «оснований», то есть доказываемых фактов, является неверным подходом. Поскольку использование данных в качестве доказательств, основанных на предположении, входит в противоречие с п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, которой установлена недопустимость доказательств, основанных на предположении.

В правовых позициях ЕСПЧ также неоднократно отмечалось, что доводы в пользу применения меры пресечения не могут быть «общими и абстрактными»[400]. Судам не следует использовать в своих решениях «общие

---

[396] См.: Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 56.

[397] Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 294.

[398] Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 294-295.

[399] Вершинина С. И Указ.соч. С. 295.

[400] См.: Дело «Смирновы (Smirnova) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 // Бизнес-адвокат. 2003. № 20.

фразы и стереотипные формулировки»[401]. Решения национальных судов в обязательном порядке «должны содержать ссылки на конкретные факты и обстоятельства личного характера, обосновывающие содержание лица под стражей»[402].

Говоря об имеющихся различных позициях, следует также отметить, что в качестве определений оснований применения мер пресечения в научной литературе используются следующие формулировки:

- «наличие данных, указывающих на необходимость ограничения свободы обвиняемого»[403];

- «фактические данные, полученные из предусмотренных законом источников и свидетельствующие о ненадлежащем поведении обвиняемого, нарушающего правомерные требования к нему следователя, суда»[404];

- «данные фактического характера, свидетельствующие о том, что обвиняемый может уклониться от следствия и суда, воспрепятствовать производству»[405] по уголовному делу;

- основания для применения мер пресечения представляют собой наличие такой совокупности достаточных данных, которая дает возможность обоснованно предположить, что без применения мер пресечения невозможно обеспечить нормальный ход уголовного судопроизводства[406];

---

[401] Дело «Мамедова (Mamedova) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 01.06.2006 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 12.

[402] Дело «Алексанян (Aleksanjan) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 22.12.2008 // Российская хроника Европейского Суда. 2011. № 1.

[403] См.: Гуткин И. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе: лекция. М., 1963. С. 21; цит. по: Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 296.

[404] См.: Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 104; цит. по: Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 296.

[405] См.: Корнуков Б. М. Указ. соч. С. 51; цит. по: Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 295.

[406] См.: Уголовный процесс / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. М., 2015. С. 116.

- основания – это фактические данные, сведения, указывающие на возможность нарушения обвиняемым порядка уголовного судопроизводства[407];

- основаниями являются указанные в законе и нашедшие подтверждение достаточными данными обстоятельства, характеризующие неправомерное поведение лица[408].

В уголовно-процессуальной литературе иногда высказывается мнение о том, что характер «достаточных данных», указанных в статье 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ, является уникальным. В частности, по мнению Е. А. Малиной, основания познаются не с помощью доказательств, а посредством иных сведений, именуемых в ст. 97 УПК РФ достаточными данными; «обстоятельства, которые требуют лишь положительного вероятного установления, не могут иметь в основе своей достаточные доказательства»[409].

Логику таких суждений можно понять, но согласиться с ней мы не можем, поскольку уже отмечали, что основания избрания меры пресечения должны доказываться доказательствами, в полной мере отвечающими требованиям закона, а также не должны противоречить ст. 75 УПК РФ.

Высказывается мнение о том, что «основания мер пресечения имеют двойственную природу: с одной стороны – это фактические обстоятельства, имеющие объективную природу, на основе которых орган расследования или суд могут делать предположения о будущем поведении обвиняемого; а с другой – это совокупность представленных и исследованных доказательств, подтверждающих наличие либо отсутствие указанных обстоятельств»[410].

Есть мнение, что основаниями принятия любых процессуальных решений следует «считать достаточную совокупность данных, подтверждающих, что могут

---

[407] См.: Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 296.

[408] Вершинина С. И Указ.соч. С. 296.

[409] См.: Малина Е. А. Заключение под стражу в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 100.

[410] Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 301.

наступить события, указанные в законе, то есть обвиняемый будет вести себя ненадлежащим образом»[411].

Такой подход, содержащийся в приведённых высказываниях, по нашему мнению, усложняет понимание обсуждаемого явления, поскольку не позволяет ответить на вопрос, что же является тем критерием позволяющим избрать меру пресечения – фактические обстоятельства, имеющие объективную природу? Совокупность представленных и исследованных доказательств? Достаточная совокупность данных? Или вообще все эти понятия вместе взятые?

Отдельно выделим мнение А. О. Зайцева, который указывает, что при разрешении судом вопросов о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, продления срока содержания под стражей необходимо устанавливать все основания и обстоятельства, указанные в ст. 97, 99 УПК РФ, представляющие предмет доказывания[412]. Следует согласиться с мнением указанного автора, поскольку установление всех элементов предмета доказывания, указанных в ст. 97, 99 УПК РФ, позволяет говорить о полном исследовании оснований и обстоятельств при решении вопроса об избрании или продлении меры пресечения.

Надо отметить ещё одно обстоятельство, которое имеется при разрешении вопроса о доказывании основания применения мер пресечения и о доказательствах. Это отождествление фактических данных с явлениями (обстоятельствами) реальной действительности. Такое отождествление является характерным моментом русской правовой традиции[413]. Это общий момент, характеризующий нашу доктрину уголовно-процессуальных доказательств, и он

---

[411] Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 297.

[412] См.: Зайцев А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 61.

[413] См. об этом, например: Александров А. С. О методологических следствиях, вызываемых терминологическими причинами (из опыта прочтения текста УПК РФ) // Правоведение. 2005. № 5. С. 6–18.

также имеет значение для понимания технологии формирования оснований для применения мер пресечения.

Анализ вышеприведённых суждений позволяет сделать вывод, что единый подход в формулировании понятия «основания применения меры пресечения» отсутствует. По нашему мнению, это связано с уже отмеченной нами путаницей по поводу соотношения оснований с доказывающими их средствами. Поэтому и используются разные формулировки и суждения, в которых, по сути, говорится о фактических данных (сведениях), под которыми понимаются основания для применения меры пресечения.

Обобщая проведённые нами исследования, правовые позиции и мнения, используемые в научной литературе относительно понятия «основания», мы приходим к заключению, что основания – это то, что подлежит доказыванию, это особый предмет доказывания, существующий в производстве о применении меры пресечения. Доказанность наличия «основания» – это то, что дает суду возможность обосновать свое решение о применении меры пресечения. Можно сказать, что под основаниями для избрания мер пресечения надо понимать «процессуальное знание», то есть знание, достоверность которого доказывается благодаря соблюдению закона и правовых стандартов определенной законом процедуры. При этом следует разграничивать основания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ, обстоятельства, предусмотренные ст. 99 УПК РФ, доказательства, подтверждающие и те, и другие, а также специальные основания применения мер пресечения, которые предусмотрены законодателем в нормах УПК РФ, регламентирующих их конкретные виды. Необходимо также отметить, что производство оснований для процессуальных решений, выступающих актами применения мер государственного принуждения, каковыми могут выступать и наказание, и меры пресечения, и иные ограничения правового статуса лица,

нарушившего уголовный закон, происходит в результате работы уголовно-процессуального механизма правоприменения[414].

Рассмотрим теперь второй структурный элемент – обоснованность подозрения, с которой правомерно увязывать применение мер пресечения. В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая2016 г. № 23[415] проверка судами обоснованности подозрения является необходимым условием при принятии решения о применении меры пресечения. Об этом свидетельствует и практика ЕСПЧ[416].

В научной литературе наличествует мнение, что первым условием для избрания меры пресечения является оценка обоснованности подозрения[417]. Обоснованность подозрения при решении вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу устанавливается посредством проверки законности и обоснованности осуществления уголовного преследования[418]. Вместе с тем «обоснованность подозрения, обвинения надо понимать в том смысле, что суд должен хотя бы частично входить в рассмотрение вопроса о виновности обвиняемого в совершении преступления»[419]. Под основанием для применения мер пресечения, как указывает Е. В. Миронова, следует понимать выявленную в процессе доказывания высокую степень вероятности совершения подозреваемым (обвиняемым) инкриминируемого ему преступления[420].

---

[414] См.: Рудич В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения // Общество и право. 2017. № 2. С. 161-165.

[415] О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 23 // Рос. газ. 2016. 1 июня.

[416] См., например: Дело «Ананьев и другие (Ananyev and others) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 10 января 2012 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 8. С. 7, 96–152; Дело «Величко (Velichko) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 15 января 2013 г. // Там же. 2013. № 12. С. 98–114.

[417] См.: Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под. ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 271.

[418] См.: Миронова Е. В. Указ.соч. С. 52.

[419] См.: Александров А. С. Залог как мера пресечения: условия и порядок применения // Уголовный процесс. 2010. № 6. С. 55; цит. по: Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 155.

[420] См.: Миронова Е. В. Указ.соч. С. 29.

Такие рассуждения нам представляются верными, поскольку следует исходить из того, что требование о применении меры пресечения производно от требования о привлечении к уголовной ответственности, от выдвижения обвинения. Поэтому правомерность решения об избрании меры пресечения связана с положительным решением судом вопроса об обоснованности этого правопритязания, а в итоге и обоснованности подозрения.

Непосредственно виновность лица в совершении преступления должна быть доказана вне разумных сомнений[421] в судебном разбирательстве уголовного дела по существу. Необходимо понимать, что судебная достоверность – это не только достоверность, истина, но также ещё справедливость и законность. Чтобы у общества не возникало разумных неустранимых сомнений в правомерности действий правоприменителя.

Аналогичный подход к обоснованности подозрения был и у ученых-процессуалистов дореволюционной России. Так, П. И. Люблинский полагал, что в правовом государстве меры представления обвиняемого к правосудию применяются при наличии значительных улик виновности (ст. 396 УУС) и не иначе как после начала предварительного следствия (ст. 416 УУС)[422]. Современные процессуалисты справедливо отмечают то, что: «если бы доказанность обвинения или обоснованность подозрения не принималась во внимание в качестве важнейшего фактора при изоляции обвиняемого, случаи избрания меры пресечения в виде заключения под стражу были бы слишком частыми»[423].

---

[421] «Исследовав представленные суду материалы дела, суд апелляционной инстанции приходит к выводу, что обоснованность подозрения в причастности ФИО 1 к совершенному преступлению сомнений не вызывает. Все доводы апелляционной жалобы адвоката Байдак Е. В. суд апелляционной инстанции расценивает как несостоятельные, не влияющие на законность, обоснованность постановления суда» (Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 07 июля 2017 г. по делу № 22-3799/17 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tzTfyB9Yck68/ (дата обращения: 01.01.2018).

[422] См.: Люблинский П. И. О пресечении обвиняемому способов уклонения от следствия // Устав уголовного судопроизводства: систематизированный комментарий / под ред. М. Н. Гернета. М., 1914. С. 797.

[423] Цоколова О. И. Проблемы совершенствования оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2005. № 5. С. 10.

Значимость обоснованности подозрения подтверждается и мнением о том, что для возбуждения уголовного преследования государственный орган должен убедиться в наличии достаточных к тому обоснованных подозрений[424]. Без такого подозрения невозможно уголовное преследование, а тем более принятие решения о применении меры правового принуждения[425].

Следует согласиться и с правильностью суждения о том, что обоснованность подозрения должна объективно подтверждаться фактами дела[426]. О правильности указанного суждения свидетельствует и судебная практика ЕСПЧ[427].

Также ЕСПЧ неоднократно указывал: «что согласно подп. “c” п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод обязательным условием заключения подозреваемого под стражу и неотъемлемой частью гарантий против произвольного применения этой меры пресечения выступает наличие обоснованного подозрения в совершении лицом преступления»[428]. Учитывая приведённую позицию ЕСПЧ, следует признать верным и мнение Т. В. Трубниковой о том, что порядок судебного контроля, при котором возможно применение самой строгой меры пресечения, когда доказательственной базы для обоснованного подозрения (и последующего обвинения) не хватает, является подменой той процедуры, которая создана в рамках Конвенции, на аналогичные, служащие лишь для соблюдения формального соответствия положениям Конвенции[429].

---

[424] См.: Таубер Л. Я. Иск, обвинение и состязательное начало. (Процессуальные параллели) // Вестник гражданского права. 1917. № 1. С. 93.

[425] См.: Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под. ред. Т. Г. Морщаковой. С. 271.

[426] См.: Качалова О. В. Механизм обеспечения обоснованности заключения под стражу: изменения продолжаются // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. М., 2019. № 5. С. 103–112.

[427] См.: Дело «Степуляк (Stepuleac) против Молдавии»: Постановление ЕСПЧ от 06.11.2007 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. № 5.

[428] Дело «Царьков (Tsarkov) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 16.07.2009 // Правосудие. URL: http://www.pravosudie.biz/342896 (дата обращения: 01.01.2016).

[429] См.: Трубникова Т. В. Право на защиту: правовые позиции ЕСПЧ и их отражение в постановлении Пленума ВС РФ. Часть 1 // Уголовный процесс. 2015. № 8. С. 34–45; Рудич В. В.

Обязательная проверка обоснованности подозрения подтверждается и отечественной правоприменительной практикой. Так, согласно методическим рекомендациям, утверждённым постановлением президиума Свердловского областного суда от 6 августа 2014 г., в случае первоначального заключения лица, подозреваемого в совершении преступления, под стражу, именно обоснованность подозрения выступает гарантом соблюдения принципа законности[430]. Схожие требования отражены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста»[431]. Такое же положение содержится и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»[432].

Важным условием, на которое следует обратить внимание, является то, что при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого (обвиняемого) суду следует проверять только обоснованность подозрения. Проверка обоснованности обвинения при решении вопроса о применении меры пресечения является грубым нарушением закона, поскольку на данной стадии суд не может вторгаться в вопросы виновности подозреваемого, обвиняемого.

Апелляционная инстанция при отмене решений нижестоящих судов, содержащих вышеуказанную ошибку, ссылается на п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41. В данном документе содержится

Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 156.

[430] Постановления суда о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей: методические рекомендации: утверждены Постановлением Президиума Свердловского областного суда от 06 августа 2014 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; цит. по: Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 157.

[431] О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 22 (утратило силу) // Рос. газ. 2009. 11 нояб.; 2014. 7 февр.

[432] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня.

положение, согласно которому в постановлении о рассмотрении ходатайства в порядке статьи 108 УПК РФ суд должен дать оценку:

а) обоснованности подозрения в совершении лицом преступления[433];

б) соблюдению порядка привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения, регламентированного главой 23 УПК РФ[434].

Таким образом, указывать формулировку «обоснованность обвинения» современным законодательством считается недопустимым.

Полагаем необходимым отметить и тот факт, что в интересах правосудия судья должен воздерживаться от высказывания любых оценок и выводов по существу рассматриваемого уголовного дела вплоть до удаления в совещательную комнату для принятия решения о применении меры пресечений или постановления приговора. Любое предвзятое отношение и необъективность суда должны быть исключены. Если же судья участвовал в рассмотрении дела об избрании меры пресечения, то последующее его участие в этом уголовном деле и рассмотрение данного уголовного дела по существу недопустимо[435].

В соответствии с судебной практикой судья не вправе участвовать в рассмотрении уголовного дела, если он ранее уже высказывался по предмету рассмотрения[436], иначе принимаемое им решение будет поставлено под сомнение на предмет его беспристрастности, объективности, законности.

«Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу обеспечения принципа беспристрастности судей в полной мере согласуются с доктриной беспристрастности суда, выработанной Европейским

---

[433] Там же.

[434] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня.

[435] См.: По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Торкова Андрея Авенировича частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2008 г. № 733-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 1.

[436] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из системы «Гарант».

Судом по правам человека»[437], согласно которой «к числу обстоятельств, достаточных для объективно обоснованного сомнения в беспристрастности судьи, относится рассмотрение судьей вопросов, относительно которых им ранее уже выносились соответствующие решения»[438].

Есть ещё одна особенность при доказывании обоснованного подозрения. Она связана с тем, что некоторые специалисты под «обоснованным подозрением» понимают «возможную причастность лица к преступлению» и считают это достаточным основанием для применения меры пресечения. Согласно указанной позиции, наличие косвенных улик является достаточным для применения меры пресечения, хотя их, естественно, будет недостаточно для вынесения обвинительного приговора[439]. Полагаем, что принимать решение, основываясь на одних лишь косвенных уликах и только на одной возможной причастности лица к преступлению, неверно. В своём суждении мы исходим из того, что наличие косвенных улик позволяет делать не утвердительный вывод, а вероятностный, что не соответствует требованиям, предъявляемым к доказательствам и доказыванию. Дело в том, что допустимость доказательства трактуется как аккумулирующая характеристика отдельно взятого доказательства, которой последнее должно отвечать не только с точки зрения соответствия требованиям закона,

---

[437] По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Торкова Андрея Авенировича частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2008 № 733-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 1.

[438] По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Торкова Андрея Авенировича частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2008 № 733-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 1. См. также: Дело «Пьерсак (Piersack) против Бельгии»: Постановление ЕСПЧ от 01.10.1982 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 1. С. 417–421; Дело «Фей (Fey) против Австрии»: Постановление ЕСПЧ от 24.02.1993 // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57808 (дата обращения: 01.01.2018); Дело «Томанн (Thomann) против Швейцарии»: Постановление ЕСПЧ от 10.06.1996 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57996 (дата обращения: 01.01.2018); Дело «Сан Леонард Бэнд Клаб (San Leonard Band Club) против Мальты»: Постановление ЕСПЧ от 29.07.2004. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[439] См.: Никонов М. А. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ // Уголовный процесс. 2014. № 4. С. 57.

регламентирующим способы и порядок собирания, закрепления и проверки фактических данных и их источников, но и с точки зрения достоверности[440] и относимости.

Также следует отметить ещё один, на наш взгляд, важный момент – обоснованность подозрения, опирающаяся на «доказательства, убедительные на первый взгляд», проверяется «здесь и сейчас», позволяет принять решение по результатам проверки таких доказательств, но не предрешает последующих выводов. Если при избрании (продлении) меры пресечения в виде заключения под стражу суд установил отсутствие обоснованности подозрения, то это не может являться препятствием для продолжения расследования и привлечения впоследствии к уголовной ответственности обвиняемого[441].

Анализируя доказательства и доказывание, следует согласится с тем, что вся согласующаяся совокупность свойств доказательств образует некий уровень доказывания, который образует единение с уголовно-процессуальной формой, а также определяет модель познания – технологию доказывания в уголовном процессе[442]. В рамках такого уголовно-процессуального познания доказательство выступает как некое целостное понятие, включающее в себя единство фактических данных и источников их получения[443]. Следовательно, обоснованность подозрения при принятии решения о применении меры пресечения подтверждается доказательствами, включающими в себя фактические данные и источники, из которых они получены. Разумеется, в стадии принятия решения о применении меры пресечения эти данные еще не являются доказательством вины подозреваемого (обвиняемого), поэтому представленная в них информация нуждается в проверке и оценке судом в ходе судебного разбирательства по существу наряду с иными доказательствами,

---

[440] См.: Балакшин В. С. Оценка допустимости доказательств в Российском уголовном процессе: монография. М., 2016. С. 233–234.

[441] См.: Никонов М. А. Указ.соч. С. 57, 58.

[442] Терехин В. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты): дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 146.

[443]См.: Балакшин В. С. Оценка допустимости доказательств в Российском уголовном процессе: монография. М., 2016. С. 80; Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск, 1991. С. 29.

представленными по уголовному делу. Доказанность обоснованности подозрения в причастности подозреваемого (обвиняемого) к инкриминируемому ему преступлению может следовать из заявления потерпевшего о привлечении данного лица к уголовной ответственности; из протокола допроса потерпевшего, где он указывает на обвиняемого (подозреваемого) как на лицо, совершившее преступление при конкретных обстоятельствах; из копии протокола обыска, в ходе которого в месте проживания обвиняемого (подозреваемого) было обнаружено и изъято имущество потерпевшего и др.[444]

Значит, судья в постановлении об избрании меры пресечения, мотивируя обоснованность подозрения, должен ссылаться на конкретную информацию, доказывающую обоснованность подозрения, и на документы, исследованные судом в судебном заседании, содержащиеся в материалах судебно-контрольного производства, в которых эта информация имеется. В качестве примера можно привести следующую формулировку из судебного решения: «потерпевший в судебном заседании также высказал мнение, что Е. С. Д. причастен к совершению преступления, сослался на протокол своего допроса и

---

[444] См.: Постановление Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 30.01.2019 по делу № 3/1-0014/2019 (об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого М. А. Г.) // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/dorogomilovskij/services/cases/criminal-materials/details/a8eb991e-5394-4c59-a153-abf9acd68a06 (дата обращения: 01.09.2019); Апелляционное постановление Московского городского суда от 28.02.2019 № 10-3776/2019. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Тимирязевского районного суда г. Москвы от 06.02.2019 № 3/1-0016/2019 (об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого С.) // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/timiryazevskij/services/cases/criminal-materials/details/0de0910b-bb4b-403a-b6b3-a3dcd6524b93 (дата обращения: 01.09.2019); Апелляционное постановление Московского городского суда от 28.02.2019 № 10-3998/2019. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Бабушкинского районного суда г. Москвы от 14.02.2019 №3/2-0126/2019 (о продлении срока содержания под стражей в отношении обвиняемого Д.) // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/services/cases/criminal-materials/details/d233542e-6607-4e95-9d6a-66ee6b4fce01 (дата обращения: 01.09.2019); Апелляционное постановление Московского городского суда от 28.02.2019 по делу № 10-3993/2019. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ходатайствовал об оставлении Е. С. Д. под стражей»[445].

Обоснованное подозрение, судя по сложившемуся правовому стандарту, есть существенный и необходимый признак, своего рода фильтр, который позволяет избежать необоснованного заключения под стражу[446]. Исходя из указанных суждений, можно прийти к выводу о том, что суд не вправе применять меру пресечения, если наличествуют разумные сомнения в совершении подозреваемым, обвиняемым инкриминируемого ему преступления, и есть данные, которые свидетельствуют о его непричастности к данному преступлению.

Основываясь на вышесказанном, можно считать, что в отечественной уголовно-процессуальной доктрине сложились твердые представления относительно обязательной проверки обоснованности подозрения.

Наши исследования приводят к пониманию того, что решение о применении любой меры пресечения базируется в первую очередь на обоснованном подозрении. В то же время следует обратить внимание ещё на одну проблему. Она состоит в отсутствии судебного контроля за предварительной квалификацией вмененного обвиняемому состава преступления при решении вопроса о применении мер пресечения.

По нашему мнению, такая необходимость обусловлена тем, что для обоснования применения меры пресечения правоохранительные органы нередко используют квалификацию с «запасом»[447].

---

[445] Постановление Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 20 мая 2015 г. об отказе в ходатайстве об изменении меры пресечения в отношении Е. С. Д. // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга. 2015. См. также: Рудич В. В. Участие потерпевшего в судебной процедуре принятия решения об избрании меры пресечения как гарантия законности и обоснованности постановления судьи // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. С. 98; Его же. Реализация международно-правового стандарта обоснованности подозрения при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 25. С. 117

[446] См.: Зайцев А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводства. С. 8, 56, 58 и др.

[447] См.: Колосовский В. В. О соотношении квалификации «с запасом», обвинительного уклона и квалификационных ошибок // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 186–190; Марковичева Е. В. Критерии определения предпринимательской деятельности при применении ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ // Уголовное право. 2015. № 5. С. 135–137; Трефилов А. А.

Поводом применения квалификации с «запасом» при решении вопроса о применении меры пресечения, на наш взгляд, послужило усиление акцента на то, что тяжесть преступления на первоначальном этапе производства по уголовному делу может служить основанием применения меры пресечения, а не только обстоятельством, учитываемым при избрании меры пресечения[448].

В результате на практике при решении вопроса о применении меры пресечения зачастую применяется данный способ квалификации с «запасом»[449]. То есть обосновывается применение меры пресечения не через основания, подтверждённые достоверными доказательствами, а через основания «сформированные» путём «подмены» квалификации преступления на более тяжкий состав.

О необходимости судебного анализа предварительной квалификации вменённого преступления и подтверждения вменённой квалификации хотя бы доказательствами, убедительными на первый взгляд, высказывается и М. А. Никонов. По его мнению, такой анализ не будет противоречить запрету на вхождение в обсуждение вопроса о виновности лица до вынесения итогового

Соотношение принципов in dubio pro reo и in dubio pro duriore в уголовном процессе Швейцарии и России // Закон. 2016. № 3. С. 117–123.

[448] См.: п. 21. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня.

[449] Обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ (дача взятки), избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Апелляционным судом постановление отменено, материал направлен в суд на новое судебное рассмотрение. По делу имеет место квалификация с запасом. Следствие вменяло Х. максимально тяжкое преступление из всех возможных в данном случае. См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 18.04.2018 по делу № 10-6958/2018 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/26f2eb1b-bf88-45dc-8cbd-5b9f6aeb9095 (дата обращения: 27.09.2019). По другому делу объективная сторона преступления, указанная в постановлении, полностью соответствует ст. 160 УК РФ (наличие трудовых отношений в качестве бухгалтера, наличие права на распоряжение денежными средствами, доверенность на управление расчётным счётом). Однако была вменена ч. 4 ст. 159 УК РФ, что было установлено при направлении материалов в суд для решения вопроса о применении меры пресечения. В итоге избрана подписка о невыезде и надлежащем поведении. См.: Постановление Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 15 августа 2018 г. по делу № 1-17/0017 // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга. 2017.

решения по делу, поскольку никаких выводов, имеющих преюдициальное значение для приговора, здесь сделано не будет[450].

Проблему отсутствия судебного контроля за предварительной квалификацией при решении вопроса о применении меры пресечения и необходимость проведения такого судебного контроля отмечают и другие процессуалисты[451].

Высказывается предложение о возможном решении указанной проблемы путём предоставления суду доказательств в «закрытом конверте», где будут храниться материалы, составляющие тайну следствия, с которыми будут ознакомлены только прокурор и судья[452], но не сторона защиты. Что, по мнению авторов указанного предложения, даст возможность суду провести соответствующий контроль квалификации преступления и позволит сохранить тайну следствия[453].

Логику рассуждений о сохранении тайны следствия можно понять, но согласиться с предложенным способом предоставления доказательств, по нашему мнению, нельзя. Указанным предложением нивелируется роль защитника – он лишается элементарной возможности на адекватные возражения, равно как и сам обвиняемый. Кроме этого, хотелось бы отметить, что в определении Конституционного Суда РФ от 12 мая 2003 г. указано следующее: «Положения пункта 12 части четвертой статьи 47 и пункта 7 части первой статьи 53 УПК Российской Федерации – по конституционно-правовому смыслу, выявленному в настоящем Определении на основе правовых позиций, выраженных в

---

[450] См.: Никонов М. А. Меры пресечения: 5 главных проблем и их решение // LEGAL.REPORT. 2016. URL: https://legal.report/author/mery-presecheniya-5-glavnyh-problem-i-ih-reshenie (дата обращения: 01.01.2017).

[451] См.: Азаренок Н. В. Должен ли судья при решении вопроса об избрании меры пресечения проверять квалификацию преступления? / Н. В. Азаренок, А. А. Давлетов // Российский судья. 2017. № 1. С. 33–37; Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки при заключении под стражу // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 39–43; Соловьев А. Б. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России. / А. Б. Соловьев, М. Е. Токарева. М., 2010. С. 258–259.

[452] См.: Азаренок Н. В., Давлетов А. А. Указ. соч. С. 35.

[453] См.: Азаренок Н. В., Давлетов А. А. Пределы ознакомления защиты с материалами, представленными в суд для решения вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2016. № 15. С. 8–12.

сохраняющих свою силу постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, не препятствуют обвиняемым, права и свободы которых затрагиваются судебными решениями об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, и их защитникам в ознакомлении с материалами, на основании которых принимаются эти решения»[454].

Сказанное позволяет выразить собственную позицию о том, что судебный контроль за квалификацией предъявленного обвинения при принятии решения о применении меры пресечения необходим.

Обязанность обоснования и доказывания обоснованного подозрения и квалификации предъявленного обвинения лежит на стороне обвинения, для чего сторона обвинения должна представить достоверные сведения (фактические данные), подтверждающие их выводы. Указанные условия, по нашему мнению, позволят избежать такого явления, как квалификация с «запасом».

Сторона защиты вправе представить свои сведения (фактические данные), опровергающие доводы следствия или обосновывающие избрание иной, более мягкой, меры пресечения. Обе стороны имеют право на ознакомление с предъявленными ими в суде материалами, обосновывающими их позиции. Также у них имеется возможность опровержения оснований (фактических данных), предоставляемых стороной-оппонентом, вплоть до признания их недопустимыми, и возможность ходатайствовать об их исключении в соответствии со ст. 75 УПК РФ.

Ни одна из сторон не должна быть поставлена в неравные условия или ограничена в своих процессуальных правах. Такова логика и смысл судебного производства. Любые попытки лишить сторону защиты равенства или состязательности в судебном рассмотрении делают профанацией весь смысл судебной процедуры принятия решения о применении меры пресечения.

---

[454] По жалобе гражданина Коваля Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 47 и 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2003 г. № 173-О // Рос. газ. 2003. 10 июля.

Рассматривая тему доказывания и доказательств, нельзя не затронуть вопросы о сущности средств доказывания (средствах доказывания), о характере информации, позволяющей правоприменителю убедиться в наличии обстоятельств, дающих основание для принятия решения о применении меры пресечения. Чем и с помощью каких средств доказываются основания для применения меры пресечения в виде заключения под стражу?

Наиболее остро стоит вопрос о том, может ли мера пресечения применяться на основании данных, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности. Единого мнения по данному вопросу нет. Для подтверждения такого вывода приведём позиции, указанные в судебной практике и высказываемые учёными.

В частности, ЕСПЧ указывает, что ссылка на ничем не подтверждённую оперативную информацию не может являться обоснованным подозрением[455].

Также ЕСПЧ отмечает, что если сведения, а также оперативные данные о том, что на свидетелей (потерпевших) оказывается давление со стороны подозреваемого (обвиняемого), не подтверждаются конкретными фактическими данными, то они не могут выступать основанием для вынесения решения о применении меры пресечения. В этом случае правоохранительные органы должны провести проверку на предмет подтверждения оказания давления на участников процесса, результаты такой проверки должны быть представлены суду[456].

Однако ряд отечественных авторов считают возможным использовать при избрании меры пресечения в качестве доказательств результаты оперативно-

---

[455] См.: Дело «Лазороски (Lazoroski) против бывшей югославской Республики Македония»: Постановление ЕСПЧ от 08.10.2009 // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-94861 (дата обращения: 01.01.2018); Дело «Лабита (Labita) против Италии»: Постановление ЕСПЧ от 06.04.2000. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[456] См.: Дело «Александр Макаров (Aleksandr Makarov) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 12.03.2009 // Российская хроника Европейского Суда. 2010. № 1; Дело «Панченко (Panchenko) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 08.02.2005 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 9.

розыскной деятельности[457]. В качестве примера реализации данной позиции на практике можно привести рекомендации Свердловского областного суда: «Допустимо использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в обоснование ходатайств о заключении под стражу или продлении срока содержания под стражей. Поскольку виновность лица не оценивается судом при решении вопроса о мере пресечения, результаты оперативно-розыскной деятельности могут обосновывать соответствующие ходатайства органов расследования и постановления (определения) судов. Несмотря на то, что проверка их в судебном заседании затруднительна, нет причин исключать их из числа данных, подтверждающих причастность лица к совершению преступления, как основание заключения под стражу»[458].

Н. И. Капинус полагает, что «при существующем доктринальном различении настоящих уголовно-процессуальных доказательств и «неполноценных» результатов ОРД (ст. 89 УПК РФ) следует считать, что второго рода сведения должны быть преобразованы (следственным путем) и получить процессуальную форму доказательств, и только после этого могут быть использованы для обоснования применения меры пресечения»[459].

Другие исследователи считают недопустимым при избрании меры пресечения в качестве доказательств использовать результаты оперативно-розыскной деятельности[460].

В частности, М. А. Никонов полагает, что обстоятельства, которые используются как основания для применения меры пресечения или ее продления,

---

[457] См., например: Мельников В. Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006. С. 229, 386; Нарбикова Н. Г. Меры пресечения, связанные с ограничением свободы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 13; Цоколова О. И. Проблемы совершенствования оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2005. № 5. С. 9.

[458] Постановления суда о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей: методические рекомендации: утверждены Постановлением Президиума Свердловского областного суда от 06 августа 2014 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[459] Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2007. С. 48–49.

[460] См., например: Андреева О. И. Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе // Вестник ТГУ. Серия «Экономика. Юридические науки». 2012. № 358. С. 46–50.

должны доказываться стороной обвинения конкретными доказательствами с указанием их источников, а не абстрактными, предположительными и общими утверждениями[461].

Конституционный Суд РФ подчеркивает необходимость наличия именно достаточных доказательств, на основании которых принимается решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу[462], и указывает, что по своему конституционно-правовому смыслу положения, содержащиеся в нормах закона, «не предполагают возможность принятия судом решения без исследования представленных сторонами обвинения и защиты доказательств, подтверждающих наличие или отсутствие оснований для применения данной меры пресечения»[463].

К настоящему времени преобладает позиция, согласно которой обстоятельства, свидетельствующие о возможном упречном поведении подозреваемого (обвиняемого), для предупреждения которого и применяются меры пресечения, должны быть установлены с помощью доказательств, полученных именно уголовно-процессуальным путем[464].

По нашему мнению, данные, которые получены оперативно-розыскным путем, не являются содержанием уголовно-процессуального доказательства и

---

[461] См.: Никонов М. А. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ // Уголовный процесс. 2014. № 4. С. 60.

[462] См., например: По делу о проверке конституционности частей четвертой, пятой и шестой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан П. В. Янчева, В. А. Жеребенкова и М. И. Сапронова: Определение Конституционного Суда РФ от 25 декабря 1998 г. № 167-О // СЗ РФ. 1999. № 1, ст. 230.

[463] По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П // Рос. газ. 2005. 1 апр.

[464] См.: Андреева О. И. Решение вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 73–76; Белоусов А. Е. Вопросы теории и практики применения мер уголовно-процессуального принуждения по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 1995. С. 11; Давыдов П. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1953. С. 10–11; Мельников В. Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006. С. 301; Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 107–108.

поэтому не должны влиять на решение суда об удовлетворении или неудовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, согласно ч. 1 ст. 108 УПК РФ, фактическими обстоятельствами, на основании которых судья принимает решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности, результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований ст. 89 УПК РФ. В соответствии со ст. 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Соответственно, органы предварительного расследования должны представить суду достаточную совокупность убедительных сведений, отвечающих признакам уголовно-процессуальных доказательств, для обоснования своего ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу[465].

С учетом всего вышесказанного, мы приходим к заключению о том, что ходатайства органов предварительного расследования о применении мер пресечения в отношении подозреваемых (обвиняемых) не могут обосновываться результатами оперативно-розыскной деятельности, представленными с нарушениями положений ст. 75, ст. 89, ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

В то же время, в контексте нашего предложения о том, что досудебное производство должно проводиться в форме полицейского дознания, отметим, что орган уголовного преследования в обоснование своего ходатайства о применении меры пресечения вправе представить в качестве сведений (фактических данных) результаты, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий; однако, чтобы данные результаты могли быть использованы для обоснования применения меры пресечения: во-первых, они должны быть исследованы и получить процессуальную форму доказательств в судебном заседании с участием

[465] См.: Постановление Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 9 ноября 2016 г. Уголовное дело №161319014 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. 2016.

сторон; во-вторых, сторона защиты должна иметь возможность полностью ознакомиться с ними и дать по ним свои комментарии.

Следующий момент, который мы считаем необходимым рассмотреть, это существующее мнение о вероятностном характере выводов относительно «упречного» поведения обвиняемого[466], а также о том, что обоснованность решения о применении меры пресечения может подтверждаться любыми сведениями, в числе которых должны быть не только процессуальные доказательства[467], но также и сведения, представленные в иных источниках. По нашему мнению, такое суждение не в полной мере отвечает требованиям, предъявляемым к доказательствам и доказыванию в уголовно-процессуальном законодательстве.

Беря во внимание нормы ст. 73–89 УПК РФ, следует полагать, что наиболее убедительными для суда являются доказательства, отвечающие всем требованиям закона, полученные из источников, указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Суд должен указать конкретные документы, представленные в материалах судебно-контрольного дела и подтверждающие обоснованность подозрения, которые были непосредственно исследованы им в судебном заседании и проверены на предмет их относимости, допустимости, достоверности и достаточности[468].

Однако в некоторых решениях Конституционного Суда РФ можно найти аргументы в пользу менее формализованного стандарта допустимости средств доказывания оснований для применения мер пресечения. В них указывается, что принимать решения по вопросу избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (ее отмены, изменения или продления срока содержания под стражей) суд должен учитывая, имеются ли достаточные данные, подтверждающие основания применения требуемой стороной обвинения меры пресечения. При этом именно суд обязан оценить, насколько доказательства, которые представлены сторонами

---

[466] См.: Миронова Е. В. Указ. соч. С. 29.

[467] Там же. С. 28.

[468] См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня.

в обоснование своих позиций, соответствуют критерию достаточности для вынесения законного и обоснованного решения[469].

В этом выводе Конституционного Суда РФ, по нашему мнению, остаётся открытым вопрос: «Что значит достаточные данные и достаточность представленных сторонами материалов»? Полагаем, что в разъяснениях высших судебных инстанций, особенно по таким вопросам, как ограничение конституционных прав граждан, не должно оставаться оценочных категорий, которые в итоге отдаются «на откуп» судам нижестоящих инстанций. Тем более что следственная доктрина доказательственного права, воплощенная в законе, в правосознании правоприменителей, определяет технологию доказывания и применение доказательств не только органом предварительного расследования, но и судом[470]. И наличие в судебной практике Конституционного Суда РФ формулировок, в которых отсутствует чёткая определённость, не ведёт, по нашему мнению, к формированию устойчивых судебных стандартов и устойчивой судебной практике.

Следующий момент, на котором необходимо остановиться, это то, что имеется прямая взаимосвязь между формированием доказательств и уголовно-процессуальной формой; в результате такой взаимосвязи происходит становление первичной информации в качестве доказательства в процессе приобретения ею процессуальной формы.

В уголовно-процессуальной науке есть не подлежащие оспариванию положения, например о том, что уголовно-процессуальное доказывание весьма специфично, прежде всего благодаря правовой форме, в которой оно производится[471]; доказыванию придается определенного рода правовая форма[472];

---

[469] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Березовского городского суда Свердловской области о проверке конституционности части 2 статьи 91, части 3 и пункта 3 части 7 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 417-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 2. С. 97.

[470] См.: Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: учебное пособие: в 2 ч. М., 2019. Ч. 1. С.12.

[471] См.: Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 63.

познание реализуется в соответствии с уголовно-процессуальным законом, регламентирующим все его стороны[473]; законодательство определяет способы достижения истины по уголовному делу[474]. В основах, сложившейся еще в советские времена теории уголовно-процессуальных доказательств, лежат следующие постулаты: следователь является субъектом доказывания; он собирает, фиксирует, проверяет и оценивает доказательства на стадии предварительного расследования; протоколы следственных действий служат для суда доказательствами[475].

Само доказывание – это ядро уголовно-процессуальной деятельности; весь существующий российский уголовный процесс сводится к определенному (следственно-судебному) способу формирования и использования доказательств для установления (объективной) истины[476], установлению фактической стороны дела, необходимой для правильного применения уголовного закона[477]; суть

---

[472] См., например: Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 18; Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 113–186; Соловьев А. Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии): науч.-практ. пособие. М., 2003; Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В. А. Власихина. М., 2000. С. 234–236, 258–259; Кудрявцева А. В. Теория доказывания в юридическом процессе: учебное пособие. Челябинск, 2006. С. 33; Уголовно-процессуальное право / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2012. С. 87.

[473] См., например: Уголовный процесс / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. М., 2011. С. 221; Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник. М., 2010. С. 142; Алиев Т. Т. Уголовно-процессуальное доказывание: участие обвиняемого и защитника; собирание, проверка и оценка доказательств; ходатайства и жалобы / Т. Т. Алиев, Н. А. Громов, Л. В. Макаров. М., 2002. С. 51.

[474] См., напр.: Бойков А. Д. Проблемы уголовно-процессуального доказывания в свете задач координации научных исследований // Проблемы надежности доказывания в советском уголовном процессе. М., 1984. С. 47.

[475] См.: Машовец А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография М., 2016. С. 88-89; Доля Е. А. О собирании и формировании доказательств по УПК РФ // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии: материалы круглого стола. 13 ноября 2003 года. М., 2004 С. 125.

[476] См.: Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000. С. 22; Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 27; Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2014. С. 5.

[477] См. об этом, например: Боруленков Ю. П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): монография / под науч. ред. проф. В. Н. Карташова. М., 2014. С. 6–13 и др.; Новицкий В. А. Теория российского

правосудия – в управлении доказательствами, использовании доказательств[478], установлении фактов (фактических обстоятельств). Таким образом, есть все основания считать, что процессуальная форма (правовая форма) существующего российского уголовного процесса ограничивает доказывание совокупностью средств и субъектов, которые допущены к доказательственной деятельности. Следовательно, процессуальная форма оказывает непосредственное влияние не только на «юридические факты», но и на установление судебной истины и достижение справедливости. По нашему мнению, это всё верно и применительно к процессуальной деятельности для достижения результата – решения публичного вопроса о применении меры пресечения к подозреваемому (обвиняемому). Совершенно очевидно, что каждому типу уголовного процесса (состязательному или следственному) свойственна своя технология уголовно-процессуального доказывания, в том числе и при решении вопроса об избрании меры пресечения, т. е. свой архетип правосознания[479].

Советская процессуальная наука утверждала, что благодаря процессуальной форме обеспечивается объективное, полное и всестороннее исследование обстоятельств по уголовному делу, в результате чего устанавливается объективная истина[480].

Этой же позиции придерживаются и наши современники, которые утверждают следующее:

процессуального доказывания и правоприменения. Ставрополь, 2002. С. 41–46, 62, 78, 154–161; Павлушина А. А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития / под ред. В. М. Ведяхина. Самара, 2005. С. 221–222.

[478] См., например: Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 6–7, 10; Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 92.

[479] См.: Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе: монография. Н. Новгород, 2009. С. 151 и след.

[480] См., например: Горский Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд. Воронеж, 1978. С. 198–200; Николайчик Н. И., Матвиенко Е. А. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования. / Н. И. Николайчик, Е. А. Матвиенко. Минск, 1969. С. 5 и др.

- сбор, фиксация, проверка и оценка доказательств происходит в ходе предварительного расследования[481];

- следователь является субъектом доказывания[482];

- приобретение первичной информацией процессуальной формы осуществляется путем составления протоколов следственных действий следователем (дознавателем) в соответствии с требованиями закона[483];

- следственные действия также представляют собой способ проверки и оценки доказательств[484]; т. е. приводят к формированию «готовых» доказательств – в виде протоколов следственных действий.

Институт протоколов следственных действий имеет системообразующее значение для российского доказательственного права[485]. Протокол следственного действия – следственный стандарт надлежащей (допустимой) формы доказательственной информации, который детерминирует понимание и поведение всех участников уголовно-процессуальной системы, включая судей, принимающих решения о применении мер пресечения исходя из следственного материала рассматриваемого уголовного дела. Задача следователя состоит в том, чтобы информацию запротоколировать[486], а затем содержание протокола встроить в формат шаблонного постановления о возбуждении ходатайства об избрании

---

[481] См., например: Боруленков Ю. П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): монография / под науч. ред. проф. В. Н. Карташова. М., 2014; Соловьев А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса: науч.-практ. пособие для следователей. М., 2002.

[482] См., например: Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: монография. М., 2004. С. 23 и след.; Доля Е. А. О собирании и формировании доказательств по УПК РФ // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии: материалы «круглого стола». 13 ноября 2003 года. М., 2004 С. 125.

[483] См., например: Соловьев А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса: науч.-практ. пособие для следователей. М., 2002; Костенко Р. В. Новое понимание сущности доказательств в науке российского уголовного процесса // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4. С. 177.

[484] См.: Семенцов В. А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 10.

[485] См. об этом, например: Смирнов А. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета // РАПСИ. 2014. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html (дата обращения: 01.01.2017).

[486] См.: Титаев К. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность: монография / К. Титаев, М. Шклярук. М., 2016. С. 151–175.

меры пресечения. Правоприменитель (следователь, прокурор, судья) ориентируются на следственную форму – протокол следственных действий, а не на протокол судебного следствия. Именно такая модель доказывания является общепринятой для современной уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой по любому юридически значимому вопросу, включая, разумеется, и вопрос о применении меры пресечения.

Необходимо также отметить, что неотъемлемой частью господствующей доктрины являются представления об универсальности доказывания как в досудебном, так и судебном формате[487]. Некоторые отечественные процессуалисты считают, что формирование доказательства – это совместная деятельность правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование, и суда, в результате которой достигаются общие цели[488].

Таким образом, подтверждается позиция о монополии государства в лице следователя и суда на осуществление уголовно-процессуального доказывания. Этот «тандем» судебно-следственной власти весьма опасная для личности и общества конструкция, которой трудно стать «гуманной», правозащитной, как ни старайся законодатель. Это в полной мере касается и процедуры рассмотрения ходатайства следователя о применении меры пресечения. Именно в следственной технологии уголовно-процессуального доказывания кроется причина наличия обвинительной (несправедливой) модели формирования оснований применения мер пресечения и несостоятельность судебного контроля за применением мер пресечения.

Учение об объективной истине доминировало в советское время[489], однако оно имеет крепкие корни и в современном уголовно-процессуальном праве у ученых, которые настаивают на том, что правовое требование об установлении

---

[487] См., например: Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 12 и след.

[488] См.: Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск, 1991. С. 17.

[489] См., например: Горский Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд. Воронеж, 1978. С. 198.

объективной истины обеспечивает гарантии конституционного права на справедливое судопроизводство[490].

При таком видении модели «правильного познания» невольно возникает мнение, что следственный способ является наилучшей технологией[491], в том числе и доказывания оснований применения мер пресечения.

Справедливо отметим, что доказывание оснований применения меры пресечения является частным случаем данной модели, где господствует следственная власть, а власть судебная принимает решения о мере пресечения, исходя главным образом из материалов, представляемых органом предварительного расследования, которыми доказывается правомерность правопритязания на применение меры пресечения к лицу, подозреваемому (обвиняемому) в совершении преступления.

Учеными-процессуалистами допускается то, что формирование доказательств производится органами предварительного расследования, а суд их проверяет, оценивает и выносит решение; при этом ученые считают, что доказывание – это солидарная по своей сути познавательная деятельность органов предварительного расследования и суда, целью которой является установление «объективной истины»[492]. Однако, такое допущение о формировании самим следователем (органом предварительного расследования) уголовно-процессуальных доказательств в ходе досудебного производства означает

---

[490] Эти ученые предлагают считать следователя независимым, самостоятельным субъектом доказывания объективной истины, из чего вытекает вывод о его беспристрастности и объективности, а потому приоритетности его функции и положения в уголовно-процессуальной системе. См., например: Смирнов Г. К. О необходимости восстановления в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 18–20.

[491] Следует помнить, что такой способ расследования присущ инквизиционному (следственному) типу процесса, уходящему корнями в средние века, где инквизитор озабочен совсем не поиском истины, поскольку убежден, что априори обладает ей, а поиском виновного. Подобный способ расследования, являясь проявлением фанатизма и глупости, привел к массовому убийству невинных людей. Такое массовое уничтожение человеческих жизней нашло весьма специфическое объяснение у наших современников. Как выразился Папа Иоанн Павел II (Кароль Юзеф Войтыла), инквизиция полагала, что: «истина ярче воссияет в свете костров!». Цит. по: Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М., 2012. С. 222.

[492] См.: Хорошев Я. Е. Подготовка государственных обвинителей к введению суда присяжных в районных судах // Законность. 2017. № 1. С. 3–5; Соломатина Е. А. Материалы оперативно-розыскной деятельности как доказательства, проблемы их использования / Е. А. Соломатина, А. В. Трощанович // Российский следователь. 2018. № 2. С. 57–61 и др.

оправдание и защиту следственного типа доказательственного права. Что, по нашему мнению, является ошибкой. Ведь материалы уголовного дела, подготовленные (сформированные) органом предварительного расследования, содержат ту историю, которую судья узнает при прочтении в ходе подготовки к судебному заседанию по рассмотрению вопроса о применении меры пресечения; в этот момент у него и возникает внутреннее убеждение.

Данная организация процедуры доказывания в лучшем случае приводит к тому, что следственные органы и суд вместе осуществляют доказывание, а в худшем варианте – суд становится вторичным по отношению к органам предварительного расследования в вопросе установления оснований для применения мер пресечения.

Учитывая вышесказанное и существующий в нашей стране тип уголовного процесса, можно выделить следующие аксиомы, на которых стоит следственная доктрина уголовно-процессуального доказывания:

1. Основными органами, формирующими уголовно-процессуальные доказательства путём придания им уголовно-процессуальной – следственной – формы и осуществляющими доказывание, являются органы предварительного расследования.

2. Сформированные органами предварительного расследования доказательства имеют следственную форму.

3. Органы судебно-следственной власти одинаково обязаны устанавливать объективную истину. Это касается установления всех фактических обстоятельств, на которых строятся уголовно-процессуальные решения, включая решения о применении мер пресечения.

В силу такой солидарности компетентных государственных органов, уполномоченных на применение мер пресечения, исключается критический подход суда (столь принципиальный для справедливого решения вопроса) к утверждениям, формулируемым в ходатайстве органа предварительного расследования, и средствам их обоснования; не срабатывает элемент системы

«сдержек и противовесов»[493], что выражается в отсутствии независимого суда. «К этому надо добавить в целом ничтожную (по своим ресурсам) роль защитника в обосновании альтернативной позиции по вопросу о применении меры пресечения»[494].

Это реально существующая общая схема доказывания, объясняющая принятие как окончательного, так и промежуточного уголовно-процессуального решения о мере пресечения. При такой следственной правовой организации досудебного производства нет и не может быть равенства прав сторон в доказывании[495], равно как и будет отсутствовать независимость суда, поскольку наоборот имеется полная зависимость судебного доказывания от результатов доказывания, проведённого следователем.

Наша позиция заключается в том, что уголовно-процессуальное доказывание должно быть исключительно судебным. Доказательства должны формироваться в суде в условиях равных процессуальных возможностей и состязательности сторон из представленных сторонами сведений, обосновывающих их доводы. Поскольку, как отмечается в отечественной уголовно-процессуальной литературе, в состязательной системе каждая сторона самостоятельно получает свои «доказательства»[496], которые до исследования их в суде представляют собой сведения (фактические данные). Соответственно, процесс представления указанных сведений (фактических данных) в судебном заседании можно разделить на две стадии, в этих стадиях стороны поочерёдно представляют имеющиеся у них сведения; противоположная сторона их критически исследует, обращая внимание суда на их недостатки или полную

---

[493] См.: Здоровцев А. А. Система сдержек и противовесов как непосредственный элемент принципа разделения властей / А. А. Здоровцев, К. А. Зуев // Учёные заметки ТОГУ. 2013. Т. 4. № 4. С. 1182. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2014/TGU_4_222.pdf (дата обращения: 01.01.2017).

[494] Давлетов А. А. О значении одного термина в судьбе современного уголовного процесса России. С. 293.

[495] См.: Давлетов А. А. О значении одного термина в судьбе современного уголовного процесса России. С. 290–292.

[496] См.: Глотова С. В. Особенности международного уголовного судопроизводства (на примере Международного уголовного суда) // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 106.

несостоятельность (недопустимость) для использования[497]. И только после такого исследования в суде в состязательной процедуре через придание им процессуальной формы сведения (фактические данные) могут быть признаны доказательствами. По нашему мнению, подобный подход в формировании доказательств является наиболее правильным и соответствующим состязательной процедуре. Поэтому мы поддерживаем мнение о справедливости состязательной правовой организации уголовно-процессуального доказывания, при которой каждая из сторон самостоятельно формирует свои сведения (фактические данные) и представляет их суду. Как известно, истина рождается в споре[498]. В состязательном судебном процессе при участии беспристрастного и независимого суда стороны обосновывают свои версии, дают свои объяснения и предоставляют собранные ими сведения (фактические данные). В суде происходит анализ, сравнение и синтез знания, полученного сторонами. Без этого сравнительного анализа и синтеза знание будет неполным, односторонним[499]. В результате такого состязательного судебного процесса из материалов, представленных каждой из сторон, устанавливаются юридические факты, которые закрепляются судом и находят своё отражение в судебном акте.

Досудебная подготовка сведений (фактических данных) сторонами обвинения и защиты не может считаться деятельностью, порождающей готовые процессуальные доказательства. Только судебное доказывание может быть признано полноценным способом удостоверения фактов и достижения достоверных знаний по делу. К нему, безусловно, следует относить и рассмотрение в судебной процедуре вопроса о применении меры пресечения.

---

[497] См.: Конева С. И. Судебные допросы в уголовном процессе: доказательственные значения и порядок проверки: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. С. 154.

[498] Состязательная форма судопроизводства «спор сторон» обеспечивает наилучшие условия для проверки и оценки доказательств, полученных сторонами и представленных суду, сравнения доказательственной силы как отдельных доказательств, так и позиций сторон. Без этого анализа / синтеза познание невозможно. По утверждению Г. С. Фельдштейна: «Всякое доказывание в процессе предполагает, что одна из сторон представляет доказательство, затем это доказательство предъявляется другой стороне, которая делает против него возражения, и, в свою очередь, представляются другие доказательства» (Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 274).

[499] См.: Кухта А. А. Указ. соч. С. 403 и след.

При этом более предпочтительной видится состязательная информационно-коммуникативная модель участников судебной процедуры применения мер пресечения, основанная не на протоколах следственных действий, а на диалоге ее участников, благодаря которому формируется внутреннее убеждение судьи о необходимости применения меры пресечения или об отказе в их применении.

Целью такой судебной процедуры по рассмотрению вопроса о применении меры пресечения как раз и будет являться проверка и удостоверение обоснованности или необоснованности уголовно-правовых притязаний обвинительной власти к обвиняемому[500] и разрешение вопроса, является ли необходимым для достижения цели процесса применение к данному обвиняемому требуемой обвинением меры пресечения или нет. Полагаем, что с момента, когда возникает вопрос, связанный с ограничением конституционных прав гражданина, когда решается вопрос о применении в отношении него таких мер пресечения, как содержание под стражей, домашний арест, залог, запрет определённых действий, и надо связывать начало уголовного судопроизводства, последнее следует трактовать как деятельность сторон, опосредованную участием суда.

На основании проведённого нами анализа, можно сделать следующее заключение: институт мер пресечения взаимосвязан с другими уголовно-процессуальными институтами, в частности, с институтом уголовно-процессуального доказывания. А также мы приходим к пониманию того, что современное учение о следственных уголовно-процессуальных доказательствах и доказывании подлежит замене на состязательную доктрину доказательственного права. На наш взгляд, следователь как субъект стороны обвинения не может формировать для суда готовые уголовно-процессуальные доказательства.

Ранее нами уже отмечалась необходимость перехода на состязательный тип уголовного процесса и выделения предварительного расследования из уголовно-процессуальной деятельности, а также введение нового института полицейского дознания.

---

[500] См.: Уголовный процесс России / Науч. ред. В. Т. Томин. М., 2003. С. 21, 23.

В своих суждениях мы исходим из того, что должно быть реальное преобразование технологии доказывания через изменение правового формата досудебного производства, в рамках которого устанавливаются фактические основания для принятия уголовно-процессуальных решений. Считаем, что институциональные изменения в уголовно-процессуальном праве, включая уголовно-процессуальный институт мер пресечения, связаны, в том числе, и с переменами в технологии доказывания. Не следует забывать, что «истина», заложенная в материалах уголовного дела, представленных органами предварительного расследования суду, соответствует авторитарному устройству государственной власти, где есть институты, пользующиеся непререкаемым авторитетом в деле квалификации истинного знания[501].

Говоря о необходимости перехода к формированию доказательств судом, есть все основания утверждать, что продолжение судебной реформы должно положить конец доминированию предварительного следствия как ведущему способу формирования доказательств по уголовному делу.

В этой связи следует отметить, что критическим пунктом в балансировке досудебных и судебных стадий, на наш взгляд, является и процедура формулирования и выдвижения обвинения, ибо последнее движет весь уголовный процесс.

В предыдущем параграфе нами уже отмечалось, что следственные институты, и в частности следственный институт обвинения, объективно детерминируют форму и работу механизма превентивного судебного контроля за применением мер пресечения.

Следовательно, институт мер пресечения взаимосвязан с уголовно-процессуальным институтом обвинения. Нет сомнений в том, что от организации и устройства обвинительной власти зависит позиционирование и функционирование и судебной власти, а также правовое положение стороны защиты. Очевидно, что в состязательном уголовном процессе любые действия

[501] См.: Машовец А. О. Указ. соч. С. 81; Терехин В. В. Стандарты допустимости судебных доказательств в состязательном уголовном процессе. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 188-193.

обвинительной власти, сопряженные с ограничением прав личности, должны находиться под контролем суда. Поэтому полагаем, что результатом судебной реформы должно стать и изменение порядка предъявления обвинения, процедура предъявления обвинения должна быть судебной. То есть необходимо заменить следственную модель обвинения судебной моделью. Считаем, что введение судебной процедуры обвинения существенным образом отразится на уровне доказанности, обоснованности решений о применении мер пресечения. Так, если взятому под стражу подозреваемому в течение 10 суток должно быть предъявлено в суде обвинение, и в суде в рамках состязательной процедуры это обвинение должно быть доказано, то это качественно меняет порядок применения мер пресечения.

Завершая обсуждение вопросов настоящего параграфа, можно сделать следующие выводы.

Основания – это особый предмет доказывания. Следует разграничивать основания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ, обстоятельства, предусмотренные ст. 99 УПК РФ, доказательства, подтверждающие и те, и другие, а также специальные основания применения мер пресечения, которые предусмотрены законодателем в нормах УПК РФ, регламентирующих их конкретные виды.

Обоснованность подозрения – это наличие достоверных данных, подтверждающих причастность лица к инкриминируемому преступлению.

Институт мер пресечения взаимосвязан с другими уголовно-процессуальными институтами (институтом обвинения и институтом уголовно-процессуального доказывания).

Продолжение судебной реформы должно положить конец доминированию предварительного следствия как ведущему способу формирования доказательств по уголовному делу.

Судебное доказывание в форме проведения судебных следственных действий является единственным надежным способом установления существенных фактических обстоятельств, включая факты, дающие основание для принятия судом решения о применении меры пресечения.

Доказательства должны формироваться в суде в условиях равных процессуальных возможностей и состязательности сторон из представленных сторонами сведений, обосновывающих их доводы. При этом должна реализовываться состязательная информационно-коммуникативная модель участников судебной процедуры применения мер пресечения, основанная не на содержании протоколов следственных действий, а на диалоге всех участников судебной процедуры, в процессе которой формируется внутреннее убеждение судьи о необходимости применения меры пресечения или об отказе в ее применении. Приобретение в судебной процедуре сведениями, представленными сторонами, процессуальной формы влечёт их качественное изменение. Они становятся процедурным знанием, допустимым для создания нового юридически значимого знания, которое и будет доказательством.

Результатом судебной реформы должно стать и изменение порядка предъявления обвинения: процедура предъявления обвинения должна быть судебной. Следует заменить следственную модель обвинения судебной моделью. В состязательном уголовном процессе любые действия обвинительной власти, сопряженные с ограничением прав личности, должны находиться под контролем суда.

Указанные конструктивные изменения позволят создать состязательную судебную процедуру формирования доказательств и производство доказывания в механизме применения мер пресечения по модели справедливого судебного разбирательства.

ГЛАВА 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕХАНИЗМА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

§ 1 Понятие и система правовых стандартов применения мер пресечения в уголовном процессе

В данном параграфе мы объясним, что понимаем под «правовыми стандартами» применения мер пресечения, которые характеризуют анализируемый нами механизм применения мер пресечения и режим его работы. Свою задачу мы видим в исследовании реалий правоприменения, устойчивых стандартов поведения участников процесса применения мер пресечения. Наше отношение к определению правовых стандартов правоприменения обусловлено общим подходом к пониманию права и механизма правоприменения, который обосновывается в диссертационном исследовании.

Как представляется, понятие «правовой стандарт» служит самой подходящей научно-правовой конструкцией для развития представлений о том, каким должен быть механизм применения мер пресечения в состязательном уголовном процессе и прежде всего в его досудебной части.

«Слово стандарт (англ. standard) означает норму, образец, мерило, основу, либо рассматривается как эталон, модель, принимаемые за исходные для сопоставления с ними других предметов»[502]. В научной литературе указывается, что стандарт есть своего рода масштаб в правовом регулировании[503]. Для

---

[502] Джура В. В. Международные стандарты осуществления правосудия в рамках гармонизации отечественного процессуального права // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1. С. 10.

[503] См.: Тиунов О. И. Защита прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации в условиях интернационализации российского права и роль в этом процессе международных правовых стандартов // Международное публичное и частное право. 2003. № 2. С. 15; цит. по: Джура В. В. Международные стандарты осуществления правосудия в рамках гармонизации отечественного процессуального права // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1. С. 10.

стандартов характерным является их типичность, эталонность принятых правил поведения, которым нет альтернативы[504].

Подчёркивая значимость стандартов в международном праве, некоторые авторы указывают на то, что принятие стандартов международным сообществом и их закрепление в международных документах, представляется принципиально важным[505]. Под стандартами, в контексте вопроса прав человека, следует понимать обязательность международно-правовых норм[506], закреплённых в соответствующих правовых актах, которые имеют различную юридическую силу[507].

Как указывает С. А. Голубок, «в международном праве стандарты являются универсально признанными нормами, которые, с одной стороны, представляют собой минимально допустимый консенсус, а с другой – предстают образцами для подражания. В этой двойственной роли стандартов заключается причина их подвижности в сфере защиты прав человека – в сторону постоянного расширения содержания защищаемых прав»[508].

По мнению Г. В. Игнатенко, С. Ю. Марочкина, М. Н. Марченко, правовой стандарт – это ещё и его закрепление в правовом сознании (и даже – правовой психологии) участников стандартных уголовно-процессуальных производств[509].

Соглашаясь с приведёнными суждениями, полагаем, что к стандартным уголовно-процессуальным производствам можно отнести и производство по

---

[504] Джура В. В. Международные стандарты осуществления правосудия в рамках гармонизации отечественного процессуального права // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1. С. 10.

[505] См.: Садовникова М. Н. Международные стандарты обращения с несовершеннолетними правонарушителями: некоторые терминологические проблемы, обзор основных нормативно-правовых актов // Сибирский юридический вестник. 2005. № 4. С. 55.

[506] См.: Азаров А. Права человека: международные и российские механизмы защиты / А. Азаров, В. Ройтер, К. Хюфнер. М., 2003. С. 27.

[507] См.: Коновалова И. А. Российское законодательство и международные нормы в области предупреждения правонарушений несовершеннолетних // Административное и муниципальное право. 2008. № 6. С. 65-72.

[508] Голубок С. А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту // Известия вузов. Правоведение. 2007. № 1. С. 113.

[509] См.: Игнатенко Г. В. Постановление Пленума Верховного Суда России от 10 октября 2003 года и международно-правовые реалии / Г. В. Игнатенко, С. Ю. Марочкин // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2004. № 4. С. 26–31; Марченко М. Н. Источники права: учебное пособие. М., 2005. С. 330–355.

применению мер пресечения. Благодаря обозначенной двойственной роли указанных стандартов допустимо утверждать, что они, наряду с нормами уголовно-процессуального законодательства, должны составлять часть конструируемого нами механизма применения мер пресечения. Правильность нашего суждения подкрепляется мнением ряда отечественных авторов, которые сравнивают стандарты с нормами или принципами права и отмечают их роль на уровне источников международного права, подобная позиция встречается и в зарубежной научной литературе[510].

Другие ученые аналогично ассоциируют «правовые (международно-правовые) стандарты» с принципами (общепризнанными принципами) международного права[511]. Разумеется, правовые стандарты связаны и с «принципами уголовного процесса»[512], так как они определяются законодателем и правовой доктриной. Говоря о связи правовых стандартов с принципами уголовного процесса, обратимся к мнению А. В. Смирнова, который верно

---

[510]См.: Riedel E. Standards and Sources. Farewell to the Exclusivity of the Sources Triad in International Law // EJIL. 1991. № 2. P. 58–85.

[511] См.: Лыгин Н. Я. Международно-правовые стандарты и конституционная законность в российской судебной практике: научно-практическое пособие. / Н. Я. Лыгин, В. Н. Ткачев. М., 2012. С. 13; Автономов А. С. Автореферат учебного пособия «Ювенальная юстиция» // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 4. С. 4.

[512] В отечественной процессуальной науке тема принципов традиционно разрабатывалась в контексте позитивистской школы права. Принципы либо прямо сводились к правовым нормам, в которых они определялись, либо выводились из системы правовых норм, регулирующих родственные правовые отношения. Факт наличия в принципе нормативного элемента разделялся большинством ученых (См., например: Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М., 1971. С. 9 и след.). Предметом дискуссий стала форма закрепления принципа в законе, его семантическая связь с конкретной правовой нормой или группой норм, включение того или иного положения в систему принципов. Разногласия касались главным образом приемов отражения в законе наиболее общих, выражающих сущность уголовного процесса положений. Одни авторы полагали, что принципом может быть только такое положение, которое буквально определено в законе (См., например: Радьков В. П. Принципы советского уголовного процесса // Уголовный процесс: учебник / под ред. М. А. Чельцова. М., 1969. С. 41–42; Чельцов М. А. Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма // Вопросы судоустройства и судопроизводства в новом законодательстве СССР: сб. ст. М., 1959. С. 62; Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 44 и след.). Другие считали, что непосредственное нормативное определение принципа в виде особой правовой формулы не имеет решающего значения, главное, чтобы принцип выражал существенную сторону уголовного процесса, вытекал из норм, его регулирующих. Эта же позиция была сформулирована в работах Н. Н Полянского, М. С. Строговича, В. Т. Томина, И. В. Тыричева и ряда других ученых.

отмечает, что каждый тип судопроизводства – как состязательный, так и розыскной – имеет свою особую органическую систему принципов, не только не совпадающих с принципами процесса иного типа, но, как правило, им откровенно противоположных. В то же время каждый идеальный тип процесса в свою очередь распадается на ряд его видов, и каждая видовая система принципов может иметь свои особенности[513].

Опираясь на высказывания А. В. Смирнова, мы можем сказать, что принципы различных типов процесса оказывают своё влияние и на правовой стандарт поведения участников данного типа процесса, в рамках которого решается вопрос о применении мер пресечения.

Продолжая обоснование нашего суждения и учитывая уже существующие наиболее «операциональные определения»[514] принципов уголовного процесса[515], выскажем авторскую интерпретацию понятия принципа и его влияния на правовой стандарт. Принцип – это осознанное мировоззренческое закреплённое правовыми нормами установление как должно быть в конкретном типе уголовного процесса. В соответствии с нашим понятием принципа в каждом типе уголовного процесса устанавливается свой осознанный мировоззренческий правовой стандарт, определяющий поведение участников данного типа процесса. Такое понимание даёт нам право говорить о том, что различие между поведением правоприменителей в следственном процессе и в состязательном процессе формируется в зависимости от присутствующих в этих процессах стандартов, от того, кто наделен правом на участие в выработке этих стандартов, и как этот

---

[513] См.: Уголовный процесс / под общей ред. А. В. Смирнова. М., 2008. С. 60–84.

[514] См.: Томин В. Т. Словарь-инструментарий для исследования проблем, связанных с взаимодействующим влиянием правоохранительной и массово-коммуникативной систем на преступность и виктимность молодежи и несовершеннолетних. / В. Т. Томин, Д. В. Сочнев. Н. Новгород, 1999.

[515] См.: Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2015. С. 212; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2004. С. 174; Галоганов Е. А. Реализация в деятельности адвоката принципа состязательности уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 38; Даев В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в советском уголовном процессе // Правоведение. 1974. № 1. С. 71; Отчерцова О. В. Проблемы реализации принципа состязательности в деятельности адвоката-защитника на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 19.

субъект правоприменения реализует свое полномочие. В следственном процессе – это монопольная деятельность правоохранительных органов, то есть «правоприменителя» в широком смысле. В состязательном процессе правовой стандарт вырабатывается в рамках судебной процедуры с участием сторон, а это в свою очередь вовлекает в процесс формирования стандартов (правотворческий процесс) такой институт гражданского общества, как адвокатура. Все это позволяет нам утверждать, что состязательный процесс, где участвует данный институт гражданского общества, наиболее полно соответствует такому процессу, в котором вырабатываются стандарты, учитывающие соответствующие интересы общества.

Продолжая наши рассуждения о понятии правовых стандартов, не будем углубляться в догматические споры о принципах права, нормах права, их сложных соотношениях. Отметим, что исходя из сущности «принципов права» и «норм права», можно сказать, что правовые стандарты представляют собой нечто среднее между принципом, общим условием деятельности, с одной стороны, и нормой права – с другой. Это правило, выведенное судом (правоприменителем) из смысла нормы (системы норм) закона с участием сторон и на основании правовых предписаний более фундаментального уровня, например, постановлений Пленума Верховного Суда РФ, положения которого подлежат обязательному соблюдению. В качестве примера можно привести следующую формулировку судебного решения: «нарушений требований уголовно-процессуального законодательства …, [положений] Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 … суд ... не усматривает»[516].

Высказывается мнение о том, что устойчивость в судебной практике есть один из признаков стандарта (правового)[517], а также что «о наличии стандарта свидетельствует то, насколько норма усвоена в практике правоприменения и

---

[516] См.: Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 07 июля 2017 г. по делу № 22к-1014/2017 // Судебные решения. РФ. URL: http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/28108320/extended (дата обращения: 01.01.2018).

[517] См.: Зарубаева Е. Ю. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в правовой системе России: институционально-сравнительное исследование: монография. М., 2003. С. 7 и след.

стала реальным средством масштабирования поведения судей и участников процедур»[518]. Полагаем, с этим суждением следует согласиться.

Имеются также мнения о том, что правовой стандарт – это элемент «обычного права»[519]; проявление «мягкого права»[520]; часть «реального права»[521]; определенная шаблонность мышления и поведения судьи при принятии процессуальных решений в стандартных ситуациях[522].

Учитывая вышесказанное, мы приходим к пониманию того, что правовой (судебно-правовой) стандарт – это устойчивый смысл закона, получивший закрепление и развитие в судебной практике, ставший реальностью правоприменения. Это есть элемент «реального Права» (а не только «закона» или «системы правовых норм»).

В значительной мере тематика «правового стандарта» разрабатывается учеными в контексте взаимосвязи норм национального права и международно-правовых норм, а именно: «международно-правового стандарта» или «международно-правового стандарта в сфере защиты прав и свобод человека»[523].

---

[518] Подробнее см.: Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 31–32.

[519] См., например: Зайцев А. О. Указ. соч. С. 49.

[520] См., например: Оганесян С. М. Понятие международных стандартов прав человека // Международное публичное и частное право. 2008. № 2 (41). С. 18–22; Тиунов О. И. Международно-правовые стандарты как фактор глобализации правового пространства // Московский юридический форум «Глобализация, государство, право, XXI век». По материалам выступлений. М., 2004. С. 159–160.

[521] «Начитанного», проинтерпретированного и определенным образом понятого смысла текста закона, применяемого для урегулирования определенной спорной ситуации. См. об этом, например: Аверин А. В. Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей: проблемы теории и практики / под ред. М. И. Байтина. Саратов, 2003. С. 14.

[522] См.: Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2003. С. 12; Соболева А. К. Каноны толкования в праве // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 94.

[523] См.: Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: учебное пособие. Томск, 2011. С. 5–6; Вагизов Р. Г. Международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека: нормативно-правовая основа международной системы защиты прав человека // Российская юстиция. 2008. № 5. С. 34–36; Лыгин Н. Я. Международно-правовые стандарты и конституционная законность в российской судебной практике: научно-практическое пособие. / Н. Я. Лыгин, В. Н. Ткачев. М., 2012. С. 36; Зарубаева Е. Ю. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные

В этой связи представляет интерес мнение А. О. Зайцева, который рассматривает международно-правовой стандарт как комплексное правовое образование, в котором есть идеологическая составляющая в виде принципа и надстройка в виде интерпретаций этих принципов, заключенных в прецедентах судебных органов[524].

Учитывая данные подходы, следует считать, что «правовой стандарт» представляет собой комплексную правовую конструкцию, включающую в себя не только национальный, но и международно-правовой компонент (общепризнанные международно-правовые нормы, принципы, судебные прецеденты, правовые обычаи и пр.). Для нас важно положение о комплексности, которое позволяет уйти от схематизма, традиционного учения о правовом регулировании, предусматривающем деление норм права и актов толкования – «другой образ существования права».

Высказывается мнение о том, что «международно-правовой стандарт» может представлять собой некое самостоятельное средство правового регулирования поведения. Такое регулирование в данном случае происходит достаточно своеобразно[525]. Его своеобразие проявляется в том, что критерий правомерности имеет не только международно-правовую основу, которую можно считать универсальной, с наслоением на нее судебной практики ЕСПЧ, но и положения, изложенные в документах судебных инстанций национальных судов, в частности Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ[526].

Вхождение и усвоение международно-правовых стандартов в отечественную судебную практику и формирование на их основе новых (отечественных) правовых стандартов, становившихся родными для российских

договоры в правовой системе России: институционально-сравнительное исследование: монография. М., 2003. С. 9.

[524] См.: Зайцев А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводства. С. 11, 43.

[525] См.: Тиунов О. И. Международно-правовые стандарты как фактор глобализации правового пространства // Московский юридический форум «Глобализация, государство, право, XXI век». По материалам выступлений. М., 2004. С. 156–166.

[526] См.: О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 // Рос. газ. 2013. 05 июля.

судов[527], стало возможным благодаря деятельности и решениям Конституционного Суда РФ[528], а затем и постановлениям Пленума Верховного Суда РФ[529].

Исходя из сказанного, можно прийти к пониманию того, что правовой стандарт применения мер пресечения – это средство приведения поведения правоприменителя к некому единому знаменателю, «мягкое» средство правовой регуляции, позволяющее судебной системе достигать состояния устойчивости, единообразия, способствующего правовой определенности в сфере применения мер пресечения; причем с учетом нюансов, особенностей национальной правовой системы.

Однако по вопросу о том, насколько должны войти в плоть национального права международно-правовые стандарты, мнения разделились. Одни ученые настаивают на имплементации международно-правовых стандартов в национальное законодательство – как предварительном условии их нормативности (общеобязательности)[530]. Другие, основывая своё мнение на

---

[527] См.: Зайцев А. О. Международно-правовые стандарты относительно избрания меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16. № 3. С. 60.

[528] См.: например: По жалобе гражданина Горского Анатолия Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 ч. 2 ст. 231 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2004 г. № 132-О // Рос. газ. 2004. 9 июня; По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П // Рос. газ. 2005. 1 апр.

[529] Первоначально это было сделано им в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». См.: Рос. газ. 2004. 25 марта. Дальнейшее развитие оно получило в п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня.

[530] См.: Нафиев С. Х., Васин А. Л. Европейские стандарты обеспечения конституционных прав личности при расследовании преступлений. Казань, 1998. С. 3; Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Казань, 2004. С. 296 и др.

различии понятий «трансформация» и «имплементация», считают, что одновременное вхождение правового стандарта в международное право и в национальное законодательство нежелательно, так как в этом случае ломается конструкция национального законодательства[531].

Аналогичные суждения высказываются и в отношении решений ЕСПЧ. Так, В. А. Туманов считает, что «не стоит преувеличивать правомочия Европейского Суда в отношении действующего права и судебной практики государства участника»[532]. «Европейский Суд не составляет звено национальной судебной системы, и не вправе давать суверенному государству какие-либо указания, тем более обязательные, касающиеся его судебной, административной, правотворческой практики. Ссылки российских судов на дела Европейского Суда по правам человека, где ответчиком было, в том числе, и наше государство, могут быть обусловлены лишь авторитетностью международного суда»[533].

По мнению Е. Г. Лукьяновой, государство, подписав международный договор, тем самым выразило согласие на признание Европейской Конвенции и ограничение своего суверенного права в добровольном порядке. Одним из важных условий соблюдения этого договора является в том числе и признание государствами участниками в качестве источников национального права правовых стандартов в сфере защиты прав человека, сформированных на основе правовой природы Конвенции и судебных прецедентов ЕСПЧ[534].

---

[531] См.: Блищенко И. П. Некоторые проблемы советской науки международного права // Советское государство и право. 1991. № 3. С. 134–135; Игнатенко Г. В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. 1985. № 1. С. 75; Черниченко С. В. Международное право: современные теоретические проблемы. М., 1993. С. 17, 26; Мюллерсон Р. А. О соотношении международного публичного, международного частного и национального права // Советское государство и право. 1982. № 2. С. 82; Аверков В. М. Теоретические проблемы унификации // Московский журнал международного права. 2000. № 3. С. 74.

[532] Туманов В. А. Европейский Суд по правам человека. М., 2001. С. 47.

[533] Там же. С. 48

[534] См.: Лукьянова Е. Г. Глобализация и правовая система России (основные направления развития). М., 2006. С. 62.

Опираясь на Постановление ЕСПЧ от 25 апреля 1978 г. по делу «Тайрер (Tyrer) против Соединенного Королевства» (жалоба № 5856/72)[535], А. Нусбергер делает вывод, что сама Конвенция является живым инструментом, и её следует толковать в соответствии с реальными условиями современной жизни, а «европейский международный договор не есть раз и навсегда установленная шкала гуманистическо-юридических ценностей, но предмет по своему внутреннему содержанию постоянно находящийся в развитии»[536].

Несмотря на приведённую разницу суждений, следует признать, что перед государством, подписавшем договор и тем самым признавшем Европейскую Конвенцию, ставится задача обеспечить соответствие национального законодательства и правоприменительной практики международно-правовым стандартам, которые вырабатываются на основе Конвенции.

В современной науке уголовно-процессуального права проблематика правового стандарта, в том числе в его международно-правовой модификации, стала предметом многочисленных исследований, из которых можно вынести достаточно много полезной информации, в частности, о правовом стандарте применения мер пресечения. Наиболее близко к исследуемому нами вопросу диссертационное исследование А. О. Зайцева, которое посвящено международно-правовым стандартам применения одной из мер пресечения – заключения под стражу[537].

Автор приходит к выводу, что международно-правовой стандарт – это «общепризнанная международным сообществом правовая норма, материализованная в определенном источнике (договоре, соглашении), взятая в системе прецедентов, которыми она обросла в ходе правоприменительной практики. Такого рода правовые конструкции составляют ценностное ядро правовой организации деятельности по применению меры пресечения в виде

---

[535] См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. М., 2016. № 5.

[536] Цит. по: Нусбергер А. Развитие прецедентного права Европейского Суда по правам человека на основе решений о России // Право и политика. 2005. № 3. С. 88.

[537] См.: Зайцев А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве: дис… канд. юрид. наук. М., 2017.

заключения под стражу… “стандарты” создают единую канву толкования смысла законов, подлежащим применению; и в ряде случаев они, очевидно, позволяют достичь даже более высокого (чем национальный) уровня обеспечения прав и свобод человека и гражданина»[538].

Полагаем, приведённое суждение А. О. Зайцева следует признать верным. Оно вполне соответствует позиции Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой «российским судам необходимо учитывать правовые позиции Европейского Суда, изложенные в соответствующем постановлении, и установленные ЕСПЧ нарушения Конвенции или Протоколов к ней»[539].

Положения указанного Пленума Верховного Суда РФ дают нам основание поддержать позицию, согласно которой общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры подписанные Россией и не противоречащие её конституционно-правовым основам, составляют часть отечественного уголовно-процессуального права[540].

Данное обстоятельство позволяет нам утверждать, что в формировании правовых стандартов применения мер пресечения должны участвовать не только национальные судебные органы, но и международные суды посредством формирования таких судебно-правовых стандартов[541]. Учитывая вышесказанное, следует признать верным тезис о наличии международно-правового компонента в правовых стандартах[542].

---

[538] Зайцев А. О. Указ. соч. С. 12, 28. См. также: Трубникова Т. В. Право на защиту: правовые позиции ЕСПЧ и их отражение в постановлении Пленума ВС РФ. Часть 2 // Уголовный процесс. 2015. № 9. С. 82–91.

[539] П. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Рос. газ. 2013. 5 июля.

[540] См., например: Андреева О. И. Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе // Вестник ТГУ. Серия «Экономика. Юридические науки». 2012. № 358. С. 46–50.

[541] См.: Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 228.

[542] В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ содержится положение о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» (Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС КонсультантПлюс (дата

Разумеется, извне привнесенная «нормативность» должна быть освоена и принята отечественным правоприменителем. Такое принятие возможно осуществить через применение закона и, учитывая позицию решений ЕСПЧ, международных уголовных судов (трибуналов) как свою, стать не только идеологией, но и психологией судей. В результате такого подхода, международная правовая стандартизация происходит через отражение судами в своих решениях международно-правового опыта применения мер пресечения как своего.

Не будем входить в подробности дискуссии о месте международно-правового элемента в правовой системе России, о пределах уступчивости в процессе конвергенции правовых систем и принципиальной – национально-правовой – традиции. В то же время отметим, что учение о приоритете международных правовых стандартов имело глубокую теоретическую обоснованность[543]. Однако под влиянием новой внешней политики, которая стала проводиться нашим государством, в вопросе о приоритете национального или международного права в регулировании уголовно-процессуальных отношений в российской правовой доктрине произошли большие перемены.

Ранее доктрина базировалась на том, что нормы международного права являлись не только составной частью правовой системы России, но и имели

обращения: 20.12.2019)). Как было указано в одном из решений Конституционного Суда России, при установлении расхождения между нормой международного договора РФ и нормами национального законодательства, последние при осуществлении уголовного судопроизводства применению не подлежат. См.: Об отказе в принятии к рассмотрению запроса судьи Московского областного суда Н. В. Григорьевой: Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 1997 г. № 87-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 5.

[543] Доктрина о приоритете международно-правовых стандартов нашла глубокое теоретическое обоснование в трудах российских ученых-правоведов, среди которых можно назвать Л. Б. Алексееву, М. П. Авдеенкову, Ю. А. Дмитриева, Б. Л. Зимненко, Т. Г. Морщакову, О. Н. Хлестакова, О. И. Тиунова, Т. В. Трубникову, С. В. Черниченко. Они в той или иной мере поддерживали тезис о приоритете общепризнанных международных норм перед законами нашей страны, в том числе признавали за международными договорами, закрепляющими права и свободы человека и гражданина, высшую юридическую силу, приоритет над Конституцией РФ, даже независимо от их внутреннего содержания.

приоритетное значение[544]; правовые позиции ЕСПЧ, которые содержались в окончательных постановлениях ЕСПЧ, принятых в отношении РФ, являлись обязательными для российских судов[545]. В настоящее время такой подход изменился.

Так, Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 27 июня 2013 г. № 21 указал на то, что «законодательство Российской Федерации может предусматривать более высокий уровень защиты прав и свобод человека в сравнении со стандартами, гарантируемыми Конвенцией и Протоколами к ней в толковании Суда. В таких случаях национальным судам, руководствуясь статьей 53 Конвенции, необходимо применять положения, содержащиеся в законодательстве Российской Федерации»[546].

Несмотря на указанные изменения в отечественном законодательстве, считаем, что положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней (в интерпретациях ЕСПЧ в виде судебных прецедентов), равно как и иные общепризнанные международные нормы и принципы международного права, образуют правовые стандарты применения мер пресечения в уголовном процессе. Но только в той мере, в какой они не входят в противоречие с правовой

---

[544] Правовой стандарт о значении (признании роли) международно-правового элемента (в виде постановлений ЕСПЧ) для масштабирования внутреннего (российского) применения судами мер пресечения в уголовном процессе. Этот стандарт нашел закрепление как в позициях Конституционного Суда России, так и в разъяснениях Пленума Верховного Суда России. Он имеет статус ядерного правового стандарта, однако в вопросе приоритетности акцент сместился на роль национальной судебной активности в стандартизации правоприменения. См., например: По делу о проверке положений Конституции Республики Алтай: постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П // СЗ РФ. 2000. № 25, ст. 2728; О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Рос. газ. 2003. 2 дек.; 2013. 13 марта; О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 // Рос. газета. 2013. 5 июля; О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня.

[545] См.: П. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21.

[546] См.: П. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21.

системой России, и которые не аннулированы специальными решениями Конституционного Суда России.

Представляется, что они имеют системообразующее значение для организации работы уголовно-процессуального механизма применения мер пресечения в той мере, в какой они вошли в судебную практику и стали частью правосознания наших судей.

В частности, ЕСПЧ принимает решения о несоответствии или соответствии действий того или иного государственного органа по данному делу положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод[547]. Это, по нашему мнению, имеет значение, так как решения ЕСПЧ могут быть положены в основу последующих судебных решений, принимаемых отечественными судами[548].

Полагаем, что позиция ЕСПЧ очень важна для судебной процедуры применения меры пресечения, поскольку именно в такой процедуре она может быть учтена, а следовательно, и возможна реализация международного правового стандарта[549].

Конечно, следует учитывать, что в настоящее время в России судебная процедура избрания мер пресечения отличается от общего порядка рассмотрения уголовного дела по существу. Тем не менее, мы полагаем, что она должна обеспечивать гарантии, соответствующие рассматриваемому виду лишения свободы, и отвечать основным требованиям справедливого судебного

---

[547] См.: Щелконогова Е. В. Участие России в Совете Европы и вытекающие из этого правовые последствия // Российский судья. 2006. № 10. С. 45–47.

[548] См.: Ковтун Н. Н. Иерархия источников российского уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2015. С. 164–186.

[549] Ходатайство о продлении срока содержания под стражей удовлетворено правомерно, так как оснований для изменения ранее избранной в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу не имеется. Заявитель считает, что принятое судом постановление противоречит решениям ЕСПЧ и национальному праву. Просит проверить законность и справедливость принятого судом решения и изменить Ш. меру пресечения на иную, не связанную с его нахождением под стражей. См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 29.07.2013 по делу № 10-6764/13 // Официальный сайт Московского городского суда. URL: https://www.mos-gorsud.ru/fastsearch?q=10-6764/13%20&page=1 (дата обращения: 01.01.2017).

разбирательства[550]. Правовые стандарты, по нашему мнению, способствуют реализации этого условия. Однако справедливо будет отметить, что правовой стандарт становится средством правового регулирования тогда, когда его содержание становится неотъемлемой частью правопонимания и правоприменения. Это означает, что правовой стандарт должен стать частью правосознания судьи. По этой своего рода «когнитивной модели» судья принимает решение в типичной ситуации. И, соответственно, эти стандарты проявляются в судебных решениях, выражая таким образом опыт осмысления закона и практики его применения. Можно сказать, что правовые стандарты – это стереотипы правосознания правоприменителей. Правовой стандарт «правит» участниками судебной процедуры применения мер пресечения, его сила в том, что участники убеждены в его правильности.

Учитывая правообразующее значение правовых стандартов, правильно будет их связывать с правовыми принципами, правовой идеологией, теми базовыми представлениями о правильном, которые предопределяют понимание судьями и другими правоприменителями правовой реальности, данной в виде законодательства и фактов, которые составляют проблемную ситуацию, подлежащую разрешению.

Аналогичная связь имеется и с судебным прецедентом[551], который получает статус правового стандарта, когда закрепленное в нем решение становится обыкновением, примером для других судей; когда оно встраивается в систему саморегуляции правосудия при применении мер пресечения. Совершенно верно отмечается, что правовые стандарты «являются руководящими началами для истолкования текста закона. … Они служат исходными посылками при

---

[550] См.: Дело «Лебедев (Lebedev) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 25 октября 2007 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-82973 (дата обращения: 21.08.2017).

[551] Как пишет А. О. Зайцев, решающую роль в формировании «правового стандарта» играет суд. Совершенно необходимо признание роли ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, федеральных судов в их формировании. См.: Зайцев А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 160–164.

аргументировании в любом правовом споре, при всяком столкновении интерпретаций текста закона»[552] и детерминируют выбор судьи (того или иного варианта решения вопроса).

Полагаем, что правовые стандарты могут исправлять несовершенство закона. При том, что они не должны исключать конкурирующей аналогии различных стандартов во время судебного спора о применении меры пресечения; то есть должен происходить отбор, создание новых стандартов и утрата прежних – в связи с изменением ситуации. В нашем представлении правовые стандарты образуют саморастущую структуру, в которой есть «ядро» и «периферия», состоящая из стандартов более частного, конкретного содержания. Ядерные стандарты стабильны, периферийные стандарты подвижны и могут конкурировать между собой; через них происходит обновление в правовом регулировании применения мер пресечения. Ядерные стандарты (обязательные стандарты) имеют общий универсальный характер, периферийные стандарты (рекомендательные стандарты) имеют специальный характер, отражающий регулирование конкретных правовых положений[553].

Приведённые выше суждения приводят нас к пониманию того, что правовой стандарт – это прочно вошедшее в практику правоприменения, бесспорное, не требующее разъяснений и доказательств правовое положение, используемое в спорных ситуациях как образец для формирования новых (периферийных) правовых стандартов правового регулирования деятельности участников правоприменительного процесса.

Определив суть и значение правовых стандартов, полагаем необходимым для более полного раскрытия исследуемого нами вопроса охарактеризовать сложившиеся к настоящему времени основные правовые стандарты применения

---

[552] См.: Александров А. С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2003. № 5. С. 164; Зайцев А. О. Указ. соч. С. 168–169.

[553] См.: Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М, 1990. С. 14–20, 32–53.

судами мер пресечения в российском уголовном процессе[554]. Начнем со стандарта независимости судебных органов, уполномоченных осуществлять правоприменение, включая деятельность по применению мер пресечения. Как пишет А. В. Смирнов: «универсальным типологическим началом, непосредственно составляющим самую сущность процесса, началом-максимой является независимость суда. Правовое положение о независимости суда пронизывает всю ткань судопроизводства, проходит через все его институты; без них никакое справедливое состязание – правоприменение попросту невозможно»[555]. Безусловная необходимость этого принципиального положения как основы основ всей системы юстиции сомнению не подлежит. Данный правовой стандарт общепризнан теорией, закреплен как в законе, так и в позициях высших судебных органов[556]. И представляет собой ядерный правовой стандарт для процесса принятия решения о применении мер пресечения, выражающий самую суть механизма применения мер пресечения.

Под независимостью суда Европейский Суд понимает независимость суда от правительства, силовых структур, любых центров власти вообще и от непроцессуального влияния сторон по делу[557]. Если брать современный российский уголовный процесс, то в первую очередь, конечно, надо опасаться зависимости судебной власти от исполнительной власти государства. К сожалению, такая зависимость де-факто имеет место. Данный факт

---

[554] В диссертации остановимся на самых важных или наиболее актуальных и проблемных из них.

[555] Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. С. 74–75.

[556] См.: П. 2 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой ст. 232, части четвертой ст. 248 и части первой ст. 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда г. Нижнего Новгорода» // СЗ РФ. 1999. № 17, ст. 2205.

[557] См., например: Дело «Сираклар (Siraklar) против Турции»: Постановление ЕСПЧ от 28 октября 1998 г. // Process-net: портал уголовно-процессуального права. URL: http://sergei-nasonov.narod.ru/links2.html (дата обращения: 01.01.2016); Дело «Кэмпбелл (Campbell) и Фелл (Fell) против Соединенного Королевства»: Постановление ЕСПЧ от 28 июня 1984 г. // Европейский суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 447–449; Дело «Кадубек (Kadubec) против Словакии»: Постановление ЕСПЧ от 25 августа 1998 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58235 (дата обращения: 23.08.2018).

подтверждается содержанием доклада о судебной реформе в программе среднесрочного развития России до 2025 года, в котором сказано: «Независимость суда остается декларативной: судья зависит от председателя суда и от региональных властей»[558]. Зависимость проявляется и в том, что «при рассмотрении уголовных дел основной упор идет на определение меры наказания, а не на рассмотрение обоснованности самого обвинения, о чем свидетельствует мизерная доля оправдательных приговоров по делам, не рассматриваемым судом присяжных»[559].

Как было отмечено ранее, судебная власть ввиду конструктивных особенностей российского процесса находится в зависимости от власти следственной – исполнительной власти. Это, с нашей точки зрения, и есть главное затруднение в соблюдении стандарта независимости суда, что отражается на принятии решения о применении меры пресечения в виде содержания под стражей.

Другого рода препятствие, которое встречает реализация стандарта независимости суда, – это сохраняющееся в отечественном уголовном процессе положение, согласно которому один и тот же судья может в рамках судебного контроля решить (положительно) вопрос о применении меры пресечения, а затем принять это дело к производству и разрешить его по существу.

Конституционный Суд РФ[560] пока не сделал решительных шагов по изменению данного правового положения. Так, согласно указанной

---

[558] Судебная реформа. Приложение № 13 к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» // Столыпинский клуб. 2017. URL: http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/13.-SUDY-28.02.17.pdf (дата обращения: 01.01.2018).

[559] Там же.

[560] Из правовых позиций Конституционного Суда РФ, изложенных в Постановлении от 2 июля 1998 г. № 20-П, а также в определениях от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О, от 17 июня 2008 г. № 733-О-П, от 2 июля 2009 г. № 1009-О-О, от 17 декабря 2009 г. № 1636-О-О и ряда других вытекает запрет повторного участия судьи в рассмотрении дела с разрешением вопросов, по которым принимались решения при предыдущем рассмотрении того же дела. К примеру, в постановлениях от 2 июля 1998 г. № 20-П и от 23 марта 1999 г. № 5-П Конституционный Суд РФ, исходя из конституционной природы права каждого на рассмотрение его дела справедливым и беспристрастным судом, подчеркнул, что сделанные судьей в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела выводы

Конституционным Судом РФ позиции, изложенной в его Определении от 23 июня 2016 г. № 1350-О[561], принятие судьей решения в ходе досудебного производства по вопросу о применении меры пресечения (например, заключение

относительно наличия или отсутствия события преступления, виновности лица в его совершении, достоверности и достаточности собранных доказательств, по иным вопросам, которые могут стать предметом дальнейшего судебного разбирательства, могли бы определенным образом связывать судью при принятии по этим вопросам соответствующих итоговых решений. Развивая приведенную правовую позицию, в Определении от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О Конституционный Суд РФ указал, что судья, ранее высказавший в ходе производства по уголовному делу свое мнение по предмету рассмотрения, не должен принимать участие в дальнейшем производстве по делу в составе суда иной инстанции, независимо от того, было ли отменено судебное решение, вынесенное с его участием. См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П // Рос. газ. 1998. 14 июля; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из системы «Гарант»; По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Торкова Андрея Авенировича частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2008 г. № 733-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 1; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голубева Павла Борисовича на нарушение конституционных прав его несовершеннолетнего сына частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 1009-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из системы «Гарант»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшина Владимира Борисовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 и частями первой и второй статьи 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2009 г. № 1636-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из системы «Гарант»; По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»: постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П // СЗ РФ. 1999. № 14, ст. 1749; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шалдина Виктора Михайловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 61, частью первой статьи 63, пунктом 2 части пятой статьи 355, частями первой и четвертой статьи 406, частью первой статьи 407 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 20 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 804-О-О // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2008. № 2.

[561] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Старцева Владимира Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № 1350-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision240304.pdf (дата обращения: 01.01.2017).

под стражу) само по себе не является показателем того, что у него возникла некая предубежденность как по отдельным вопросам уголовного дела, так и при рассмотрении его по существу. В то же время в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, которые отражены в его отдельных постановлениях[562], а также определениях[563], является недопустимым участие судьи в исследовании тех вопросов, по которым он уже выражал свое мнение.

Обращаясь к практике ЕСПЧ, можно отметить следующее, если судья участвовал в рассмотрении дела на досудебной стадии, в том числе и при решении вопроса о применении меры пресечения, это еще не свидетельствует о его предвзятости[564]. Впрочем, Европейский Суд по разным делам делал уточнение своей базовой позиции, в частности, ЕСПЧ были сформулированы обстоятельства, наличие которых дает основание сомневаться в непредвзятости судьи, к ним относится рассмотрение вопросов, по которым судьей ранее уже выносились решения, что исключает возможность последующего участия судьи в рассмотрении дела[565]. Так что в этом плане однозначной поддержки позиции о разделении судебного контроля за применением мер пресечения и

---

[562] См, например: По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П // Рос. газ. 1998. 14 июля.

[563] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Самаева Андрея Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2007 г. № 800-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из системы «Гарант»; По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Торкова Андрея Авенировича частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2008 № 733-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 1.

[564] См., например: Дело «Пероте Пеллон (Perote Pellon) против Испании»: Постановление ЕСПЧ от 25 июля 2002 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60637 (дата обращения: 23.08.2018).

[565] См.: Дело «Пьерсак (Piersack) против Бельгии»: Постановление ЕСПЧ от 01.10.1982 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 1. С. 417–421; Дело «Фей (Fey) против Австрии»: Постановление ЕСПЧ от 24.02.1993 // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57808 (дата обращения: 01.01.2018); Дело «Томанн (Thomann) против Швейцарии»: Постановление ЕСПЧ от 10.06.1996 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57996 (дата обращения: 01.01.2018); Дело «Сан Леонард Бэнд Клаб (San Leonard Band Club) против Мальты»: Постановление ЕСПЧ от 29.07.2004. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

судопроизводства, как гарантии независимости и беспристрастности судьи в международно-правовом стандарте, найти не представляется возможным.

В связи с указанными выше позициями высших судебных инстанций, на практике применение периферийной составляющей правового стандарта независимости по вопросу допустимости или недопустимости повторного участия одного и того же судьи в рамках различных уголовно-процессуальных производств по одному делу зависит от конкретных обстоятельств, которые суд устанавливал и которые необходимо установить.

Указанная правовая позиция подтверждается судебной практикой. Так, отводы, заявленные судье со ссылкой на предыдущее участие в рассмотрении вопросов о применении меры пресечения, остаются без удовлетворения, это связано с тем, что участие судьи в решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо о продлении этого срока еще не образует основание для его отвода[566].

В тех случаях, когда судья в рамках судебного контроля высказал позицию о доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания, являющихся предметом судебного разбирательства (ст. 299 УПК РФ), он подлежит отводу[567].

Также судья подлежит отводу, если он в предыдущих стадиях, рассматривая вопросы, связанные с применением меры пресечения в своих решениях, прямо или косвенно констатировал виновность лица в совершении инкриминируемого ему деяния[568].

---

[566] См., например: Кассационное определение Верховного суда Республики Мордовия от 1 ноября 2007 г. по делу № 33-2072/57 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/JcM5mqAi5OH0/ (дата обращения: 01.01.2016).

[567] См., например: Апелляционное определение судебной коллегии Верховного суда Республики Мордовия от 25 июля 2014 г. по делу № 22-1196/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/PyZjIQgHQtx7/ (дата обращения: 27.09.2019). В данном случае был отменен приговор Ельниковского районного суда в отношении Т.

[568] См., например: Апелляционное постановление Верховного суда Республики Коми от 15 мая 2015 г. по делу № 22-1053/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/mFPlhK5gpiJq/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=%E2%84%96+22-1053%2F2015+&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=&_=1569762836499&regular-judge= (дата обращения: 27.09.2019).

Представляется неверной существующая реальность, при которой в каждом конкретном случае необходимо выяснять, может или не может один и тот же судья участвовать в разных судебных стадиях по одному и тому же делу.

Такой подход в каждом конкретном случае является обычной оценочной категорией и не обеспечивает реальной субъективной независимости от тех внутренних, уже сформированных психологических убеждённостей судьи по конкретному делу, и в частности, по вопросу применения меры пресечения или продления меры пресечения, чего, по нашему мнению, быть не должно. Подобная существующая реальность не обеспечивает независимости судебного органа помимо следственной идеологии ещё и от собственных внутренних заранее сформированных убеждений. То есть не обеспечивается объективная и субъективная независимость, что, в свою очередь, означает отсутствие беспристрастности суда. По нашему мнению, независимость и беспристрастность образуют единое целое, составляющее основу справедливого судебного разбирательства, и в том числе – судебной процедуры принятия судом решения о применении меры пресечения. Следует отметить, что и с позиции ЕСПЧ независимость суда неразрывно связана с его «беспристрастностью». Как указывает ЕСПЧ, «беспристрастность» оценивается по следующим критериям: во-первых, имеется ли у судьи личная предубеждённость по отношению к рассматриваемому уголовному делу, во-вторых, имеются ли четкие аргументы, дающие возможность исключить любые сомнения в беспристрастности судьи[569].

Гарантией, исключающей любые сомнения в беспристрастности судьи, согласно правовым позициям, сформулированным ЕСПЧ, является наличие как субъективной, так и объективной беспристрастности[570]. Позиция о

---

[569] См.: Дело «Сираклар (Siraklar) против Турции»: Постановление ЕСПЧ от 28 октября 1998 г. // Process-net: портал уголовно-процессуального права. URL: http://sergei-nasonov.narod.ru/links2.html (дата обращения: 01.01.2016).

[570] См.: Дело «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 3 февраля 2011 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 9.

беспристрастности как правовом стандарте находит свое отражение и в решениях ЕСПЧ[571].

Следовательно, отсутствие независимости или беспристрастности лишает суд независимости в полном понимании значения данного понятия. А если нет независимого судебного органа, значит, нет правосудия, а относительно нашей темы исследования, значит, нет справедливого правового механизма применения мер пресечения.

Представляется, что наилучшей гарантией соблюдения беспристрастности суда было бы создание в системе судов особого судебного органа в виде следственного судьи[572], мы имеем в виду институт следственных судей, чьи полномочия, функции и организация должны быть относительно самостоятельны от системы судов, осуществляющих правосудие в собственном смысле этого слова[573].

Такой подход, по нашему мнению, разрешил бы проблему периферийной составляющей стандарта независимости и более полно способствовал бы обеспечению судебной беспристрастности.

Следующий стандарт, который мы считаем необходимым рассмотреть, это стандарт справедливого судебного разбирательства, лежащий в основе деятельности по применению мер пресечения, включающий в себя целый ряд элементов, каждый из которых имеет значение ядерного или периферийного правового стандарта правоприменения. Проводя наш анализ, подробно рассмотрим каждый из них. Что же касается непосредственно самого стандарта

---

[571] См.: Дело «Хаускилдт (Hauschildt) против Дании»: Постановление ЕСПЧ от 24 мая 1989 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57500 (дата обращения: 01.01.2017); Дело «Де Куббер (De Cubber) против Бельгии»: Постановление ЕСПЧ от 26 октября 1984 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57465 (дата обращения: 01.01.2017).

[572] См.: Боруленков Ю. П. Следственный судья как «слабое звено» уголовно-процессуального познания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 3. С. 9–21; Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // Международная ассоциация содействия правосудию. 2015. URL: http://www.iuaj.net/node/1723 (дата обращения: 01.01.2017).

[573] Об институте следственных судей подробно будет сказано далее при обосновании состязательного механизма применения мер пресечения.

справедливого судебного разбирательства, то необходимо сказать следующее. В международно-правовых актах имеются весьма ясно и полно изложенные и закреплённые требования, определяющие справедливый порядок судебной процедуры применения уголовно-процессуальных мер пресечения. В соответствии с п. 3 ст. 9 Пакта о гражданских и политических правах[574] и ст. 5 Конвенции[575] каждое арестованное лицо имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. А сама судебная процедура считается не только наиболее эффективным механизмом защиты прав и свобод, но и единственно правильной. Однако только при условии, если она отвечает требованиям справедливости и основывается на конституционных принципах состязательности и равноправия сторон[576]. Право на справедливое судебное разбирательство закреплено в ст. 6 названной Конвенции. Справедливое судебное разбирательство при решении вопроса об избрании меры пресечения – это в том числе и обеспечение подозреваемому (обвиняемому) реальной возможности донести суду в судебном заседании свою позицию, свои доводы и пояснения. Это необходимо для того, чтобы вопрос о применении меры пресечения не мог решаться произвольно, а основывался на самостоятельной оценке судом всех необходимых для таких решений оснований и обстоятельств, приводимых как стороной обвинения, так и стороной защиты[577].

---

[574] См.: Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

[575] См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом [№ 1] (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.

[576] Разумеется, в ходе судебного заседания при рассмотрении вопроса о применении меры пресечения подлежат соблюдению общие условия судебного разбирательства, в том числе и правила непосредственности и устности при представлении и исследовании доказательств сторон.

[577] См.: По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина: постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 г. № 14-П // СЗ РФ. 1996. № 26, ст. 3185; По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2004 г.

Требования о справедливом судебном разбирательстве закреплены и в практике ЕСПЧ[578]. Её анализ показывает, что с точки зрения соответствия стандартам справедливого судебного разбирательства современный механизм судебного контроля за применением мер пресечения, существующий в России, имеет много изъянов[579]; именно по данному институту ЕСПЧ часто высказывается, заостряя внимание на том факте, что отсутствуют достаточные гарантии, обеспечивающие реализацию права на справедливое судебное разбирательство подозреваемых, обвиняемых[580].

Одна из проблем неполной состоятельности в процессе реализации механизма применения меры пресечения связана с тем, что у стороны защиты имеются ограничения в реальной возможности доказывания своих позиций в ходе судебной процедуры, в которой решается вопрос об избрании меры пресечения. Существующий порядок досудебного формирования доказательств не оставляет сторонам и суду иной возможности, кроме как опираться при проверке основательности применения меры пресечения почти исключительно на следственные материалы, которые зачастую оглашаются в судебном заседании,

---

№ 44-О // СЗ РФ. 2004. № 14, ст. 1341; По делу о проверке конституционности частей четвертой, пятой и шестой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан П. В. Янчева, В. А. Жеребенкова и М. И. Сапронова: Определение Конституционного Суда РФ от 25 декабря 1998 г. № 167-О // СЗ РФ. 1999. № 1, ст. 230.

[578] См., например: Дело «Смирновы (Smirnova) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 // Бизнес-адвокат. 2003. № 20; Дело «Кляхин (Klyakhin) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 30.11.2004 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2005. № 7; Дело «Худоеров (Khudoyorov) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 08.11.2005 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 7; Дело «Нахманович (Nakhmanovich) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 02.03.2006 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 9.

[579] См., например: Ковтун Н. Н. Иерархия источников российского уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2015. С. 164–186; Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: учебное пособие. Томск, 2011. С. 11 и след.

[580] См.: Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2014; Лазарева В. Под стражу без оснований? // Юридическая газета. 2011. № 16; Диков Г. В. Право на свободу и меры пресечения в уголовном процессе – подходы Европейского Суда // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 5. С. 22–29; Зяблина М. В. Современные проблемы обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на свободу и личную неприкосновенность // Российская юстиция. 2016. № 6. С. 31–35.

при этом не всегда проверяются их первоисточники. Такой подход к оценке и исследованию доказательств стал обычной практикой[581]. А сторона защиты ограничена временным интервалом на предоставление доказательств и, как правило, может предоставить и представляет лишь характеристики на своего доверителя подозреваемого, обвиняемого, либо справки о состоянии здоровья, если они имеются в наличии на момент судебного заседания.

При таком судебном контроле за применением мер пресечения отсутствует соблюдение правового стандарта справедливого судебного разбирательства. Данное обстоятельство, в свою очередь, позволяет говорить о несоответствии стандарту справедливого судебного разбирательства существующего в настоящее время механизма применения мер пресечения.

Рассмотрим теперь периферийный стандарт состязательности как самостоятельный стандарт и в то же время как неотъемлемый элемент ядерного стандарта справедливости судебного разбирательства. Мы склонны проводить параллель между справедливостью и состязательностью, которые являются двумя сторонами одной медали.

В содержание состязательности ЕСПЧ включает не только право сторон представлять свои доказательства и заявлять ходатайства, но и обязанность суда их рассмотреть[582]. Неотъемлемой частью реализации стандарта состязательности является наличие равенства сторон. О необходимости наличия равенства как условия реализации стандарта состязательности отмечается и в практике ЕСПЧ[583].

---

[581] Суд апелляционной инстанции находит немотивированным решение суда о применении меры пресечения, «поскольку из протокола судебного заседания следует, что материалы уголовного дела в судебном заседании не оглашались и не исследовались». (Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 6 июня 2016 г. по делу № 22-3156/16. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

[582] См.: Дело «Перес (Perez) против Франции»: Постановление ЕСПЧ от 12.02.2004 // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61629 (дата обращения: 21.08.2017).

[583] См.: Дело «Вермюлен (Vermeulen) против Бельгии»: Постановление ЕСПЧ от 20.02.1996 // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57985 (дата обращения: 21.08.2017).

В свою очередь, равенство сторон также является периферийным правовым стандартом и элементом ядерного стандарта справедливого судебного разбирательства. Стандарт равенства сторон предполагает, что в судебном разбирательстве каждой стороне должна быть предоставлена одинаковая возможность и одинаковые условия для предоставления своих доводов и пояснений по делу[584]. Поэтому для реализации стандарта равенства сторон необходим «справедливый баланс» между сторонами. И стороне обвинения, и стороне защиты должна быть предоставлена возможность знакомиться с доказательствами, предоставленными стороной оппонентом, и давать по ним свои пояснения[585].

Таким образом, принятие судебным органом решения о применении меры пресечения возможно только по результатам проведения состязательной процедуры рассмотрения данного вопроса на основе равенства и при обеспечении участникам судопроизводства возможности обосновать свою позицию. Однако стоит признать, что реализация стандарта состязательности и стандарта равенства сторон не представляется возможной в нашей стране в силу сложившегося типа уголовного процесса с полным отсутствием равенства и состязательности на досудебной стадии и с элементами равенства и состязательности на судебной стадии. Следует отметить, что существующее положение является типичным, а перемены возможны только при переходе к состязательному типу уголовного процесса и проведению тех реформ, о которых мы говорим в своей работе.

Следующий стандарт, который необходимо отметить, это стандарт законности. Он также является элементом стандарта справедливого судебного разбирательства. Исходным условием соблюдения этого стандарта является не только сам факт соблюдения закона, но и то, что закон должен быть «чётким» и «понятным». Указанное суждение подтверждается правовыми позициями

---

[584] См.: Дело «Де Хаэс (De Haes) и Гийселс (Gijsels) против Бельгии»: Постановление ЕСПЧ от 11.03.1999 // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58015 (дата обращения: 21.08.2017).

[585] См.: Дело «Оджалан (Ocalan) против Турции»: Постановление ЕСПЧ от 12.05.2005 // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-69022 (дата обращения: 21.08.2017).

ЕСПЧ, в них подчеркивается значимость четких формулировок законодательных актов в области установления полномочий должностных лиц государственных органов при решении вопроса о применении мер пресечения. Отсутствие четких формулировок может привести к произволу[586]. Как указал ЕСПЧ по делу «Гусинский против России», только качественное предписание, содержащееся в норме, может обеспечить ее законность. Где «качество в данном смысле подразумевает, что, когда национальное законодательство разрешает лишение свободы, оно должно быть в достаточной степени доступным и точным, во избежание риска произвола»[587]. Практика ЕСПЧ указывает на то, что неоднозначность формулировок, способная привести к различным толкованиям нормы, не отвечает положениям Конвенции[588].

Следующим стандартом, который имеет прямое отношение к рассматриваемому нами вопросу о правовом механизме применения мер пресечения, является стандарт определения судом срока содержания под стражей. В отношении данного стандарта необходимо отметить следующее. Суд, постановляя обвинительный приговор и назначая по нему наказание в виде реального лишения свободы, по буквальному смыслу п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ отменяет, избирает новую или оставляет без изменения ранее избранную меру пресечения до вступления приговора в законную силу.

Закон возлагает на суд, выносящий обвинительный приговор, разрешение вопроса о мере пресечения[589]. При этом закон прямо не обязывает суд первой инстанции конкретизировать сроки. Аналогично закон прямо не обязывает конкретизировать срок содержания под стражей и суду апелляционной инстанции

---

[586] См.: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6. М., 1997. С. 17.

[587] Дело «Гусинский (Gusinskiy) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 19 мая 2004 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2005. № 2. С. 60–76.

[588] См. об этом подробнее: Зайцев А. О. Указ. соч. С. 112.

[589] См.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики / под ред. В. М. Лебедева. М., 2013.

ни при назначении заседания (п. 4 ч. 1 ст. 389.11 УПК РФ), ни в своем итоговом решении (п. 9 ч. 3 ст. 389.28 УПК РФ).

По буквальному смыслу ст. 255 УПК РФ, регламентирующей сроки содержания под стражей и порядок их продления, эта статья действует лишь до вынесения приговора[590].

В определении Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 г. № 293-О-О закон устанавливает единые правила для применения мер пресечения, которые не влекут автоматической отмены избранной меры пресечения при переходе от одной судебной стадии к другой[591].

В. Д. Потапов по данному вопросу отмечает, что «мера пресечения, определенная в обвинительном приговоре, применяется ... для целей обеспечения апелляционного рассмотрения дела и без указания конкретного срока ее действия … судья не решает в данном случае вопрос об избрании меры пресечения … а лишь проверяет наличие законного судебного решения, на основании которого осужденный уже содержится под стражей»[592].

И. С. Дикарёв, наоборот, говорит о необходимости указания сроков содержания под стражей при вынесении обвинительного приговора первой инстанцией[593].

Существующая судебная практика также предусматривает, что судам первой инстанции при сохранении или применении меры пресечения в виде содержания под стражей необходимо определять срок применения такой меры

---

[590] См. об этом: Никонов М. А. Меры пресечения: 5 главных проблем и их решение // LEGAL.REPORT. 2016. URL: https://legal.report/author/mery-presecheniya-5-glavnyh-problem-i-ih-reshenie (дата обращения: 01.01.2018)

[591] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Искандарова Миршата Наилевича на нарушение его конституционных прав пунктом 10 части первой статьи 308 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 г. № 293-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[592] Потапов В. Д. Новый порядок обжалования решений по уголовным делам: научно-практический комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» / под ред. О. А. Зайцева. М., 2012. С. 44–45.

[593] См.: Дикарев И. С. Разрешение судом вопроса о мере пресечения при постановлении приговора // Мировой судья. 2008. № 11. С. 23–25.

пресечения, либо конкретно указывать формулировку «мера пресечения в виде содержания под стражей избирается до вступления приговора в законную силу»[594].

Представляется, что позиция с указанием конкретного срока или формулировки о том, что мера пресечения в виде содержания под стражей избирается до вступления приговора в законную силу, является правильной. Такой подход исключает элемент неопределённости при ограничении прав и свобод граждан при рассмотрении уголовного дела в суде.

На практике также сложилась стандартная процедура, при которой осужденный к лишению свободы сразу после оглашения приговора арестовывается прямо в зале суда, несмотря на то что приговор еще не вступил в законную силу[595]. По этому вопросу Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что закрепление в федеральном законе возможности применения в отношении подсудимого меры пресечения в виде содержания под стражей до вступления приговора в законную силу отвечает указанным конституционным целям. Вместе с тем Конституционный Суд РФ указывал, что до постановления приговора необходимость его исполнения не может служить единственным основанием избрания меры пресечения или продления ее срока, должны быть и иные основания, свидетельствующие о необходимости продления или избрания меры пресечения[596].

---

[594] Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29 августа 2012 г. по делу № 22-5849/12. Документ опубликован не был. Доступ из системы «Гарант».

[595] См., например: Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 11 июля 2017 г. по делу № 22-3805/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/n7IKMZCIaul4/ (дата обращения: 27.09.2019); Апелляционное определение Самарского областного суда от 11 июля 2017 г. по делу №22-4202/2017 // Судебные решения и практика. URL: https://actysudov.ru/act?name=7711644-reshenie-po-delu-224202-2017 (дата обращения: 27.09.2019). В первом случае рассматривался приговор в отношении Т., осужденного по ч. 1 ст. 314^1 УК РФ, во втором – в отношении Х., осужденной по ч. 4 ст. 159^2 УК РФ.

[596] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Переверзева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 19 марта 2009 г. № 384-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы

Однако Пленум Верховного Суда РФ в п. 57 своего Постановления от 19 декабря 2013 г. № 41 сформулировал позицию, согласно которой при вынесении обвинительного приговора мера пресечения действует до вступления приговора в законную силу[597].

На основе указанных положений складывалась и судебная практика, при которой предусматривалось заключение под стражу в зале суда после оглашения приговора[598].

По данному вопросу К. Б. Калиновский отмечает, что такая практика идет вопреки конституционному праву на свободу и личную неприкосновенность, гарантированному ст. 22 Конституции РФ, особенно в условиях, когда производство в суде второй инстанции затягивается. Решением проблемы могло бы быть введение практики сокращения санкционируемых сроков содержания под стражей, при которой руководитель следственного органа или суд, установив «изъян» доказательственной базы, могли бы санкционировать применение меры пресечения на сокращенный срок (10, 15 дней), указав при этом, какие сведения необходимо представить для дальнейшего продления срока[599].

С несколько иным предложением выступает К. В. Муравьев, который предлагает регламентировать процессуальные сроки применения мер пресечения путем установления справедливого порядка исчисления их срока и его зачета в срок наказания, а также закрепить, что соблюдение ограничений и выполнение

гражданина Доможирова Виктора Николаевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 2741-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[597] См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня.

[598] См.: Апелляционное постановление Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 15 марта 2016 г. по делу № 22К-203/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/qdpEjlU7FiQR/ (дата обращения: 01.01.2017).

[599] См.: Калиновский К. Б. Указ. соч. С. 56.

обязательств при производстве по делу может являться обстоятельством смягчения наказания или освобождения от наказания[600].

Следует согласиться с мнением указанных авторов, их предложения логичны и направлены на преодоление спорных положений, сложившихся в судебной практике.

Необходимо также отметить, что уже имеется судебная практика, где суд учитывает срок вступления приговора в законную силу и не применяет арест в зале суда после оглашения приговора[601]. Такая судебная практика является пока редкой и она, по нашему мнению, не может в полной мере считаться правовым стандартом.

Поэтому основной стандарт определения судом срока содержания под стражей реализуется, как правило, путём оставления избранной меры пресечения в виде содержания под стражей до вступления приговора в силу или взятием под стражу в зале суда при оглашении приговора судом первой инстанции.

Следующим стандартом в вопросах применения мер пресечения является стандарт разумного срока применения меры пресечения. Ключевым понятием здесь является понятие «разумного срока», которое закреплено в ст. 6.1 УПК РФ, разъяснено Пленумом Верховного Суда РФ, но в качестве основы имеет международно-правовой стандарт. Основой стандарта «разумного срока» является норма Европейской Конвенции. Согласно п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию, имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

По указанному стандарту не раз давались разъяснения Конституционным Судом РФ[602], а в дальнейшем по нему дал пояснения и Пленум Верховного

---

[600] См.: Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017.

[601] См.: Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 6 июня 2016 г. по делу № 22-3156/16. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[602] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Гренко Артема Ивановича, Дмитриева Николая Владимировича и Левкина Александра Сергеевича на нарушение их

Суда РФ[603], где были конкретизированы многие технические детали данного стандарта[604].

Актуальность данного стандарта состоит в том, что в специальном пилотном постановлении в отношении России ЕСПЧ заострил внимание на проблемах, возникающих в процессе избрания и продления меры пресечения в виде заключения под стражу[605].

Судебные органы стран, признавших Европейскую Конвенцию, согласно позиции ЕСПЧ, должны обеспечивать условие, согласно которым в каждом уголовном деле продолжительность применения меры пресечения в виде

конституционных прав частями второй и третьей статьи 109 и частью третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2012 г. № 1852-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 2; По делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина: постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П // СЗ РФ. 2015. № 30, ст. 4660.

[603] См.: О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 // Рос. газ. 2016. 6 апр.

[604] Еще ранее Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 сформулировал ряд принципиальных положений, вытекающих из международно-правовых стандартов, основанных на решениях ЕСПЧ и Европейской Конвенции. В частности, им было указано, что при разрешении вопросов о продлении срока содержания под стражей судам надлежит учитывать, что согласно п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию, имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. В соответствии с правовыми позициями ЕСПЧ при установлении продолжительности срока содержания подсудимого под стражей учитывается период, начинающийся со дня заключения подозреваемого (обвиняемого) под стражу и заканчивающийся днем вынесения приговора судом первой инстанции. В п. 15 названного постановления Пленума Верховного Суда РФ отмечается, что суды, принимая решение о продлении сроков содержания их под стражей, разрешая жалобы обвиняемых на незаконные действия должностных лиц органов предварительного расследования, должны принимать во внимание необходимость соблюдения прав лиц, содержащихся под стражей, предусмотренных ст. 3, 5, 6 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. См.: О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Рос. газ. 2003. 2 дек.; 2013. 13 марта.

[605] См.: Дело «Ананьев и другие (Ananyev and others) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 10 января 2012 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 8. С. 7, 96–152.

содержания под стражей не должна превышать разумный срок[606], особенно после того, как лицо провело под стражей длительное время[607].

ЕСПЧ также пояснил, что по прошествии времени наличие обоснованного подозрения в том, что задержанный совершил преступление, ставшее определяющим в оценке законности применения меры пресечения в виде заключения под стражу, может быть недостаточным. В таком случае суду надлежит установить, оправдано ли будет продление содержания под стражей другими основаниями, на которые ссылается орган предварительного расследования[608].

Рассматривая вопрос об освобождении обвиняемого из-под стражи или разрешая вопрос о продлении срока содержания под стражей, суд должен принимать во внимание позицию ЕСПЧ, согласно которой недопустимы пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в отношении обвиняемого[609].

В соответствии с практикой ЕСПЧ лицо подлежит освобождению из-под стражи, если нет достаточных доказательств, обосновывающих необходимость продления данной меры пресечения[610]. В этой связи в практике ЕСПЧ указывается, что отсутствие в судебных решениях, санкционирующих содержание под стражей в течении длительного периода, четких обоснований свидетельствует о несоблюдении принципа защиты от произвола, содержащемся в пункте 1 статьи 5 Конвенции[611].

---

[606] См.: Дело «Пятков (Pyatkov) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 13 ноября 2012 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-114522 (дата обращения: 23.08.2017).

[607] См.: Дело «Мамедова (Mamedova) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 1 июня 2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 12.

[608] См.: Дело «Мхитарян (Mkhitaryan) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2013 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 3.

[609] См.: Дело «ОАО “Нефтяная компания Юкос” (OAO “Neftyanaya kompaniya Yukos”) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 20 сентября 2011 г. // Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 3.

[610] См.: Дело «Линд (Lind) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 6 декабря 2007 г. // Российская хроника Европейского Суда. 2008. № 3.

[611] См.: Дело «Игнатов (Ignatov) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 24 мая 2007 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 10.

Пленум Верховного Суда РФ в одном из своих постановлений указал на необходимость применения судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации[612].

Данное обстоятельство, по нашему мнению, предполагает необходимость учитывать вышеперечисленные положения ЕСПЧ отечественными судами общей юрисдикции при решении вопроса о применении или продлении меры пресечения.

Конституционный Суд РФ по вопросу о продлении срока содержания под стражей также отмечает, что суду надлежит проверять, отпали или нет обстоятельства, послужившие основанием для применения меры пресечения в виде содержания под стражей, и в случае, если они сохраняются, являются ли они достаточными для продления содержания лица под стражей[613].

Указанная позиция Конституционного Суда РФ основана на том, что обстоятельства, на основании которых лицо было заключено под стражу, не всегда являются достаточными для продления срока содержания его под стражей. Что, по нашему мнению, представляется абсолютно верной позицией. Равно как и позиция, что в каждом случае суд при рассмотрении вопроса о продлении срока содержания под стражей по собственной инициативе или по ходатайству участников судебного разбирательства обязан обсуждать вопрос о возможности применения к подозреваемому, обвиняемому иной меры пресечения, не связанной с заключением под стражу[614].

---

[612] См.: О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Рос. газ. 2003. 2 дек.; 2013. 13 марта.

[613] См.: По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 № 4-П // Рос. газ. 2005. 1 апр.

[614] См.: Постановления суда о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей: методические рекомендации: утверждены Постановлением Президиума

Несмотря на приведённые нами позиции ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, сроки содержания обвиняемых под стражей в России сохраняются достаточно длительными. Это подтверждает и изученная нами практика ЕСПЧ[615]. Чем же вызвано такое положение, при котором, с одной стороны, констатируется необходимость соблюдения разумного срока содержания под стражей, а с другой, в вопросах длительности сроков практически ничего не меняется? Для начала, мы полагаем, надо понять какой срок является разумным. Ответ на этот вопрос мы находим в содержании ст. 6.1 УПК РФ, а также п. 18 и п. 27 Постановления Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11[616]. Из буквального прочтения текста данных документов можно прийти к пониманию того, что срок разумного уголовного судопроизводства составляет четыре года[617].

Уголовное судопроизводство, как известно, неразрывно связано с наличием уголовного преследования. Уголовное преследование, в свою очередь, связано с применением мер пресечения. Сказанное даёт нам основания полагать, что раз в течение четырех лет в отношении лица может вестись уголовное преследование, значит, в течение всего этого времени к лицу могут применяться меры пресечения[618], и по логике вышеназванного постановления Пленума Верховного Суда РФ, этот срок будет считаться разумным, поскольку это разумный срок уголовного судопроизводства. На наш взгляд, четыре года возможного содержания под стражей не совместимы с понятием разумного срока.

Свердловского областного суда от 06 августа 2014 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[615] См.: Дело «Долгова (Dolgova) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 2 марта 2006 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 8. С. 5, 75–86.

[616] См.: О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 // Рос. газ. 2016. 6 апр.

[617] См.: Насонова И. А., Владимирова Ю. К. О разумном сроке содержания лица под стражей в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 3. С. 116.

[618] См.: Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 200; Его же. Современная уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения: монография. Екатеринбург, 2016. С. 24.

Исследуя вопрос о разумном сроке содержания под стражей, необходимо отметить, что в настоящее время в УПК РФ отсутствует верхний предел как содержания под стражей подсудимых на стадии судебного производства по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, так и общей продолжительности судебного разбирательства[619].

Анализ процессуальных норм и позиций высших судебных инстанций (в частности, содержание частей 2 и 3 ст. 255 УПК РФ в системной связи с нормами ст. 107–109 УПК РФ и в контексте правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом РФ[620] и Верховным Судом РФ[621]) приводит к выводу о том, что если к обвиняемому в период подготовки

---

[619] См.: Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. С. 118.

[620] См.: По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П // Рос. газ. 2005. 1 апр.; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Игоря Борисовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2004 г. № 253-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абубакирова Хусаина Шарониевича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2004 г. № 300-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 1; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ховалыга Валерия Сарыг-Ооловича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 468-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3; Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Макаренко Анатолия Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 6 статьи 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2005 г. № 293-О. Документ опубликован не был. Документ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефименко Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2005 г. № 372-О. Документ опубликован не был. Документ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[621] См., например: пункт 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» (утратило силу) // Рос. газ. 2009. 11 нояб.; 2014. 7 февр.

уголовного дела к судебному рассмотрению избрана мера пресечения домашний арест или заключение под стражу, то срок содержания его под стражей (домашним арестом) со дня поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора не может превышать 6 месяцев, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 255 УПК РФ.

Суд, в производстве которого находится уголовное дело, по истечении 6 месяцев со дня поступления уголовного дела в суд, вправе продлить срок содержания подсудимого, содержащегося под стражей или под домашним арестом. Продлять срок действия вышеуказанных мер пресечения допустимо только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и каждый раз не более чем на 3 месяца.

Конечно, отсутствие в уголовно-процессуальном законе предельных сроков содержания в период судебного разбирательства лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, не исключает возможность при разрешении вопроса о продлении срока содержания под стражей (домашнего ареста) или при рассмотрении ходатайства подсудимого или его защитника об изменении меры пресечения на более мягкую в каждом конкретном случае с учетом установленных в ходе судебного разбирательства фактических и правовых оснований изменить меру пресечения, освободив подсудимого из-под стражи или домашнего ареста[622].

В то же время, по нашему мнению, отсутствие установленного предельного срока, в течение которого лицо должно оставаться под стражей на судебной стадии, ставит это лицо в ситуацию неопределенности.

Следует учитывать и правовую позицию Президиума Верховного Суда РФ, высказанную в Постановлении от 4 июля 2012 г. № 110-П12: отсутствие в постановлении суда указания на конкретный срок содержания лица под стражей равносильно «грубому и очевидному нарушению», которое может превратить его

[622] См.: Зайцев А. О. Указ. соч. С. 156 и след.

содержание под стражей в произвольное, что свидетельствует о нарушении подпункта «с» п. 1 ст. 5 Конвенции[623].

Считаем необходимым поддержать мнение И. А. Насоновой и Ю. К. Владимировой, которые отмечают, что «для того, чтобы сроки в отечественном уголовном судопроизводстве соответствовали принципу разумного срока, необходимо изменить сложившиеся стереотипы. Важным фактором, позитивно влияющим на реализацию принципа разумного срока уголовного судопроизводства, является уменьшение сроков содержания под стражей»[624].

Еще одной составляющей анализируемого стандарта разумного срока содержания под стражей необходимо считать неизменность обстоятельств как основание для продления срока содержания под стражей. Неизменность обстоятельств, послуживших основанием для избрания меры пресечения, будет достаточным основанием и для продления срока меры пресечения. Подобной практики придерживается ЕСПЧ[625].

Но в процессе расследования дела обстоятельства, выступавшие основанием избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, могут потерять свою актуальность и значимость. В этой связи должны предоставляться иные доказательства (относимые и достаточные), которые обосновывают продление содержания под стражей[626]. Суд должен руководствоваться принципами верховенства прав человека и уважения индивидуальной свободы,

---

[623] О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 июля 2012 г. № 110-П12. Документ опубликован не был. Доступ из системы «Гарант».

[624] Насонова И. А., Владимирова Ю. К. О разумном сроке содержания лица под стражей в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 3. С. 118.

[625] См.: Дело «Ходорковский (Khodorkovskiy) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 31 мая 2011 г. // Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 3.

[626] См.: Дело «Пелевин (Pelevin) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 10 февраля 2011 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 11.

поэтому правоохранительные органы должны указать конкретные факты, которые могут обосновать необходимость ограничения этой свободы[627].

Несмотря на приведённые нами позиции из практики ЕСПЧ, национальные суды при продлении срока содержания под стражей автоматически повторяют одну и ту же формулировку: «обстоятельства, послужившие основанием для избрания лицу меры пресечения в виде заключения под стражу, не отпали и не изменились»[628].

В судебной практике при решении вопроса о продлении срока содержания под стражей встречаются случаи, когда суд вместо установления оснований для его продления, устанавливает отсутствие оснований для его отмены, исходя из суждения: если нет никаких изменений, то и нет оснований для отмены меры пресечения в виде заключения под стражу[629].

По нашему мнению, ещё одним основанием для отмены или изменения меры пресечения может являться неэффективная организация предварительного расследования. Так, если в судебном заседании при продлении меры пресечения будет установлено, что причиной продления срока содержания под стражей явилась неэффективность организации расследования по уголовному делу, то это может являться одним из оснований для отказа в удовлетворении ходатайства о продлении меры пресечения[630].

---

[627] См.: Дело «Корчуганова (Korchuganova) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 8 июня 2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 11.

[628] Такого рода формулировки встречались в решениях судов о продлении срока содержания под стражу по ряду изученных нами дел. См., например: Уголовное дело № 1-267 // Архив Ленинского районного суда г. Перми. 2015; Уголовное дело № 1-431 // Архив Семеновского районного суда Нижегородской области. 2015.

[629] См., напр.: Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2005 г. по делу № УК 74-о05-58 // Судебная система РФ. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_33374.htm (дата обращения: 01.01.2015).

[630] Примерами могут служить решения, принятые по ряду изученных нами дел: Уголовное дело № 22-6484/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru (дата обращения: 21.08.2019); Уголовное дело № 22-6432/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru (дата обращения: 21.08.2019); Уголовное дело № 22-6544/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru (дата обращения: 21.08.2019); Уголовное дело № 22-6656/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru (дата обращения: 21.08.2019).

Следовательно, суд при вынесении постановления о продлении срока содержания под стражей должен проверить и указать не только обоснованность доводов органов предварительного расследования о невозможности своевременного окончания расследования, необходимость проведения следственных действий, в том числе с участием обвиняемого, но и причины, по которым указанные процессуальные действия не произведены. Такой подход в обосновании решения о продлении срока содержания обвиняемого под стражей (домашнего ареста), по нашему мнению, логично распространяет свое действие и на судебные стадии.

Ещё одним важным стандартом при избрании меры пресечения является стандарт обоснованности применения мер пресечения. Он представляет наибольшую актуальность и дискуссионность как в теории, так и на практике.

Правовой стандарт обоснованности применения мер пресечения находит своё проявление в решениях ЕСПЧ, согласно которым избрание меры пресечения будет обоснованным лишь в том случае, если оно основывается на достоверных фактах, которые подтверждают причастность подозреваемого к инкриминируемому преступлению[631].

ЕСПЧ исходит из того, что обоснованность является необходимым условием, чтобы избрать или продлить меру пресечения в виде заключения под стражу[632].

---

[631] См.: Дело «Фокс, Кэмбэлл и Хартли (Fox, Campbell and Hartley) против Соединенного Королевства»: Постановление ЕСПЧ от 30 августа 1990 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57721 (дата обращения: 21.08.2017); Дело «Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства»: Постановление ЕСПЧ от 28 октября 1994 г. // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 32–53.

[632] См.: Дело «Калашников (Kalashnikov) против России»: Постановление ЕСПЧ от 15 июля 2002 г. // Европейский суд по правам человека. Первые решения по жалобам из России (сборник документов). М., 2004. С. 88–115; Дело «Долгова (Dolgova) против России»: Постановление ЕСПЧ от 2 марта 2006 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 8. С. 5, 75–86; Дело «Величко (Velichko) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 15 января 2013 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2013. № 12. С. 98–114; Дело «Мхитарян (Mkhitaryan) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2013 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 3.

В ряде своих решений ЕСПЧ прямо признал, что обоснованность заключения под стражу должна базироваться на достоверных фактах, которые можно проверить[633].

Необходимо также отметить, что ЕСПЧ указал на то, что выводы суда о наличии обоснованности избрания меры пресечения не должны рассматриваться как нарушение презумпции невиновности[634]. Это разъяснение дает весьма важное представление о природе анализируемого правового стандарта. Это такой стандарт доказанности, который не опровергает презумпцию невиновности обвиняемого и не исключает возможности принятия судом в последующем решения о недоказанности обвинения и оправдании подсудимого.

О стандарте обоснованности применения мер пресечения говорится и в ряде решений Конституционного Суда России[635]. Полагаем необходимым отметить, что мера пресечения может быть избрана и до предъявления обвинения. В этом случае суды реализуют стандарт обоснованности применения мер пресечения в ином подходе по объёму доказательств, чем при предъявленном обвинении. Примером такого подхода является определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 330-О[636]. В данном документе суд указал на то, что

---

[633] См.: Дело «Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства»: Постановление ЕСПЧ от 28 октября 1994 г. // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 32–53; Дело «Гусинский (Gusinskiy) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 19 мая 2004 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2005. № 2. С. 60–76; Дело «Фокс, Кэмбэлл и Хартли (Fox, Campbell and Hartley) против Соединенного Королевства»: Постановление ЕСПЧ от 30 августа 1990 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57721 (дата обращения: 21.08.2017).

[634] См.: Дело «Энглерт (Englert) против Германии»: Постановление ЕСПЧ от 25 августа 1987 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57480 (дата обращения: 21.08.2017).

[635] См.: По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П // Рос. газ. 2005. 1 апр.

[636] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ

подпункт «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод не предполагает получения доказательств, достаточных для предъявления обвинения, как во время ареста, так и во время нахождения лица под стражей.

В методических указаниях Свердловского областного суда по этому вопросу содержится следующая формулировка: «На данной стадии подозреваемому предоставляется следующий объем информации. Во-первых, подозреваемый должен ясно осознавать конкретные основания его задержания. Во-вторых, п. 2 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод не требует, чтобы информация, предоставленная арестованному, составляла полный перечень всех обвинений или чтобы вся информация, имеющаяся у следственных органов, была раскрыта подозреваемому. На этой стадии разбирательства от следственных органов нельзя требовать предоставления подозреваемому такого описания фактов. Подобные подробности необходимы для обоснования обвинительного приговора или обвинительного заключения, что составляет следующую стадию уголовного процесса»[637]. Таким образом, имеется разный подход в реализации стандарта обоснованности применения мер пресечения: до предъявления обвинения и после предъявления обвинения.

Следует признать, что данный стандарт воспринимается практикой лишь в отдельных судебных решениях[638]. Суды апелляционной инстанции, отменяя решения о применении меры пресечения суда первой инстанции, указывают на то, что обоснованность применения мер пресечения должна подтверждаться

от 12.07.2005 № 330-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[637] Постановления суда о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей: методические рекомендации: утверждены Постановлением Президиума Свердловского областного суда от 06 августа 2014 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[638] Так, апелляционным постановлением Московского городского суда от 29 апреля 2015 г. отменено постановление Савеловского районного суда г. Москвы от 23 марта 2015 г. о продлении срока содержания под стражей обвиняемого ввиду отсутствия в материалах каких-либо документов, которые давали бы основание суду сделать вывод об обоснованности подозрения. См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 29 апреля 2015 г. по делу № 10-5456/15. Документ опубликован не был. Доступ из системы «Гарант».

реальными обстоятельствами и достоверными данными[639], а не ограничиваться только цитированием положений ст. 97 и ст. 99 УПК РФ в описательно-мотивировочной части[640].

Остановимся ещё на одном актуальном периферийном судебно-правовом стандарте: запрете входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении и об обязанности установления обоснованности подозрения в совершении преступления. В соответствии с данным стандартом суд не может входить в обсуждение вопросов виновности лица и оценивать доказательства по этому вопросу, в то же время он должен убедиться в достаточности данных о событии преступления, проверить возможную причастность обвиняемого к его совершению и законность уголовного преследования[641]. Установление запрета на обсуждение виновности / невиновности лица способствует реализации основополагающего принципа – презумпции невиновности при заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу.

Такое требование обосновано с учетом того, что судье, принимавшему в стадии предварительного расследования решение об избрании указанной меры пресечения, вполне возможно, придется рассматривать уголовное дело

---

[639] Формулировки такого рода являются стандартными для судебных решений о применении мер пресечения. См., например: Апелляционное постановление судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 7 июля 2017 г. по делу № 22к-543/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru/regular/doc/QjVp66NOI0QX/ (дата обращения: 01.01.2018).

[640] См.: Уголовное дело № 1-451/2015 // Архив Ленинского районного суда г. Нижний Новгород. 2015.

[641] См.: Апелляционное постановление Тверского областного суда от 12 февраля 2016 г. по делу № 22-505/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/FcRGS3AmftYP/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%9622-505%2F2016+&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=20&regular-area=1071&regular-court=&regular-judge=&_=1570043390319 (дата обращения: 01.09.2019); Апелляционное постановление Тверского областного суда от 12 февраля 2016 г. по делу № 22К-504/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/0BNABeFRwhN1/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+22-504%2F2016&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=20&regular-area=1071&regular-court=&regular-judge=&_=1570043122545 (дата обращения: 01.09.2019).

в отношении данного лица по существу в судебном разбирательстве с последующим вынесением приговора.

Указывая на данное обоснование рассматриваемого нами запрета входить в вопросы виновности лица, полагаем важным отметить следующее: в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»[642], с одной стороны, требуется обязательно проверить обоснованность подозрения лица в преступлении, «в виновном совершении деяния», с другой стороны, в вопросы виновности данного лица входить нельзя. Такое положение на самом деле только усложняет разрешение вопроса об обоснованности подозрения. В результате, в большинстве случаев суды за основу принятия решения берут материалы, предоставленные следствием, даже не исследуя их на предмет реальной и достоверной обоснованности подозрения. Этому способствует низкий правовой уровень, отсутствие состязательности на досудебной стадии, казуистика, допущенная самим Верховным Судом РФ в вышеуказанном постановлении Пленума, и проведение судебного разбирательства по вопросу принятия решения о применении меры пресечения не в соответствии с положениями гл. 37 УПК РФ. Поэтому судам легче продублировать доводы следствия, чем в действительности осуществить судебную контрольную функцию по вопросу применения мер пресечения. И хотя Верховный Суд РФ дал рекомендации нижестоящим судам по вопросам различения степени доказанности виновности лица, достаточной для подозрения, обвинения, осуждения[643], эти рекомендации в целом не изменили судебную практику. В ней по-прежнему сохраняется подход обычного

---

[642] Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня.

[643] См.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики / под ред. В. М. Лебедева. М., 2013.

дублирования доводов следствия, не подтвержденных достоверными и реальными доказательствами, и цитирование положений ст. 97 и 99 УПК РФ[644].

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что применение стандарта обоснованности подозрения, особенно в судах первой инстанции, затруднено. Это связано с тем, что стороны в процессе неравны, состязательность отсутствует, а уровень доказывания обоснованности подозрения фактически ограничивается доказательствами убедительными лишь на первый взгляд. Решить обозначенные проблемы, как уже указывалось раннее, можно путём перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства, установления реального, а не декларативного равенства сторон, реформирования судебной системы, введения нового института – следственных судей[645]. Полагаем, что в этом случае реализация стандарта обоснованности подозрения будет более эффективной[646].

Анализ правовых стандартов приводит нас к пониманию того, что их реализация в полной мере возможна при тех же условиях, что и реализация механизма применения мер пресечения, который обосновывается в данном исследовании. Правовые стандарты в вопросе применения мер пресечения

---

[644] Невский районный суд Санкт-Петербурга в своем постановлении о заключении под стражу обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, указал, что представленные следователем материалы свидетельствуют о достаточности данных, подтверждающих обоснованность подозрения. При этом суд не конкретизировал, какие именно материалы позволили прийти к такому выводу. Вышестоящий суд в апелляционном порядке отменил данное постановление, так как установил, что согласно протоколу судебного заседания в судебном заседании какие-либо материалы не исследовались. Рузский районный суд Московской области в постановлении о заключении под стражу подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, ничего не указал относительно обоснованности подозрения в совершении преступления. Принятое решение суд мотивировал тяжестью преступления и данными о личности подозреваемого, которые, по его мнению, свидетельствуют о невозможности избрания более мягкой меры пресечения. Апелляционным постановлением вышестоящего суда постановление отменено, так как суд первой инстанции не проверил обоснованность подозрения подозреваемого в совершении преступления. См.: Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под. ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 271.

[645] См.: Рудич В. В. Проекты новелл о следственном судье как субъекте, уполномоченном на применение существенных мер уголовно-процессуального принуждения / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // Российский следователь. 2015. № 17. С. 21–25.

[646] См.: Рудич В. В. К вопросу о совершенствовании превентивного судебного контроля за применением мер пресечения в ходе досудебного производства по уголовному делу // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4. С. 158–159.

являются правовыми стандартами судебного процесса в целом, который должен быть состязательным, гласным, с непосредственным исследованием доказательств, служащих средством установления оснований для избрания мер пресечения. Соблюдение правовых стандартов способствует формированию такого поведения участников судебной процедуры, при котором обосновываемый нами механизм применения мер пресечения в наибольшей степени отвечает требованиям справедливости, следовательно, соблюдение правовых стандартов должно стать неотъемлемой содержательной частью обосновываемого нами механизма применения мер пресечения.

Завершая настоящий параграф, мы можем сделать следующие выводы. Правовой стандарт – это устойчивый смысл закона, получивший закрепление и развитие в судебной практике, ставший реальностью правоприменения. Это средство приведения поведения правоприменителя к единому знаменателю, позволяющее судебной системе достигать состояния устойчивости, единообразия, способствующего правовой определенности в сфере применения мер пресечения с учетом нюансов и особенностей национальной правовой системы.

Правовой стандарт является комплексной правовой конструкцией.

О наличии стандарта свидетельствует то, насколько он стал реальным средством определения поведения судей и участников процесса применения мер пресечения. Значительная часть стандарта представляет собой когнитивную модель мышления правоприменителя (судьи). Это превращает правовые стандарты в «мягкое право», сила которого в убеждении, привычке, стереотипе.

В то же время в современном российском уголовном процессе не обеспечивается в полной мере реализация правовых стандартов в силу сложившегося типа уголовного процесса.

Для решения обозначенной проблемы мы вновь приходим к пониманию того, что необходим переход к состязательному типу уголовного процесса, при котором правовые стандарты, наиболее полно обеспечивающие защиту прав человека, и их соблюдение должны быть неотъемлемой содержательной частью обосновываемого нами механизма применения мер пресечения. Что наряду

с другими указываемыми нами условиями позволит сделать этот механизм справедливым.

§ 2 Проблемы правовой организации участия в применении мер пресечения лиц, заинтересованных в исходе этой процедуры правоприменения

В настоящем параграфе будет проведен анализ субъективного элемента механизма применения мер пресечения в современном уголовном процессе.

Основным объектом нашего внимания станут исключительно те участники процедуры применения мер пресечения, чьи права и законные интересы непосредственно затрагиваются в данной процедуре, и которые при этом не имеют властных полномочий (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, защитник, потерпевший).

Повышенное внимание будет уделено наиболее актуальным и дискуссионным моментам, прежде всего, в контексте правоприменительной практики обеспечения прав обвиняемых (подозреваемых) при применении в отношении них меры пресечения в виде заключения под стражу. Также сконцентрируемся на проблемных моментах продления, изменения меры пресечения, затрагивающих права и законные интересы вышеуказанных субъектов уголовно-процессуальных отношений, на правовом статусе потерпевшего в процедуре применения меры пресечения и на тех изменениях, которые произошли в последнее время.

Поскольку рассматриваемая проблематика неоднократно становилась предметом исследования[647], постольку позволим себе опустить общие места и тем

[647] См.: Руднев В. И. Рассмотрение в апелляционном порядке жалоб и представлений на решения судов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. М., 2016. Вып. 21. С. 169–180; Таран А. С. Отвод адвоката судом на отдельных этапах производства по уголовному делу // Lex russica. 2015. № 10. С. 103–114; Крипиневич С. С. Подготовка к рассмотрению судьей ходатайства о применении меры пресечения в ходе досудебного

самым избежать повторов. Отметим лишь то, что в научной литературе немало сказано о необходимости обеспечения прав подозреваемых, обвиняемых, подсудимых в процедуре применения мер пресечения и о гарантиях, обеспечивающих эти права и законные интересы[648].

На сегодняшний день уже сделано немало для того, чтобы укрепить гарантии прав как подозреваемого, обвиняемого в процедуре судебного контроля за применением мер пресечения во время досудебного производства, так и подсудимого при решении вопроса о продлении или изменении меры пресечения в суде[649].

Однако обеспечение этих прав сталкивается с определенными трудностями, вызванными, прежде всего, фундаментальными проблемами всего российского уголовного судопроизводства: обвинительным уклоном[650], чрезмерной

производства // Мировой судья. 2018. № 9. С. 27–35; Мерецкий Н. Е. Условия развития состязательности сторон в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2013. № 11. С. 24–27; Боташев Р. А. Проблемы совершенствования процессуального порядка заключения под стражу в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения // Общество и право. 2010. № 3. С. 200–204 и др.

[648] См.: Конин В. В. Проблемные вопросы доказывания при избрании строгих мер пресечения // Адвокат. 2016. № 8. С. 14–20; Волошин В. М. К вопросу о сущности и свойствах международно-правового стандарта применения меры пресечения в виде заключения под стражу / В. М. Волошин, А. О. Зайцев // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 5. С. 19–22; Малышева Ю. В. Обоснованность российской практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в контексте правовой позиции Европейского Суда по правам человека // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 67–70; Рыжкова И. А. Влияние усмотрения следователя на реализацию принципа уважения чести и достоинства личности // Российский следователь. 2016. № 12. С. 15–17; Головинская И. В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. № 3. С. 90–96.

[649] См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня; Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 9.

[650] См.: Назаров А. Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 149–154; Барабаш А. С. Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 117–131 и др.

длительностью производства по уголовному делу[651], излишней бюрократизацией[652], формализмом[653], гипертрофированной ролью предварительного расследования перед судебным разбирательством[654], плохими условиями содержания под стражей[655] и рядом других.

В практике нередко имеются ситуации, когда обвиняемый (подозреваемый) не может участвовать в судебном заседании при решении вопроса о применении в отношении него меры пресечения по уважительным причинам и в случаях, когда лицо уклоняется от явки в суд или скрылось от органов предварительного следствия и суда.

В связи с этим более подробно рассмотрим вопрос о возможности реализации заочного ареста. Проблема состоит в том, что ч. 4 и 5 ст. 108 УПК РФ по общему правилу запрещают заочный арест обвиняемого (подозреваемого), предусматривая лишь одно исключение – объявление его в международный и (или) в межгосударственный розыск[656].

---

[651] См.: Трубчик И. С. Практические вопросы реализации права на судопроизводство в разумный срок / И. С. Трубчик, А. В. Быков // Российский следователь. 2017. № 10. С. 22–25.

[652] См.: Толкаченко А. А. Особый порядок судопроизводства – междисциплинарный институт // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 36–40.

[653] См.: Тимошенко А. А. Предъявление нового обвинения в ходе ознакомления с материалами уголовного дела: возможности преодоления формализма // Законность. 2016. № 11. С. 49–53; Ищенко П. П., Ищенко Е. П. Ключевые проблемы уголовного судопроизводства // Lex russica. 2016. № 9. С. 230–241.

[654] См.: Шварц О. А. Еще раз об объективной истине и активной роли суда в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 603–609; Васильева Т. Ю. Состязательность как способ установления объективной истины // Российский судья. 2016. № 3. С. 61–64.

[655] См.: Пертли Л. Ф. Квалификация условий содержания лиц, лишенных свободы, на основе практики Европейского Суда по правам человека // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 159–166.

[656] См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 18.12.2017 по делу № 10-21635/2017. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 04.12.2017 по делу № 33А-4780/2017. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Московского городского суда от 06.03.2018 по делу № 10-3915/2018. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18.01.2018 по делу № 5-АПУ17-137 // Законы, кодексы, нормативные и судебные акты. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18012018-n-5-apu17-137/ (дата обращения: 01.03.2018); Постановление Президиума Владимирского областного суда

Следует отметить, что Федеральным законом от 6 марта 2019 г. № 21-ФЗ «О внесении изменений в статью 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в ч. 5 ст. 108 УПК РФ уточнен порядок заочного избрания меры пресечения в виде заключения под стражу[657].

Ранее в УПК было предусмотрено положение, согласно которому возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускалась только при объявлении данного участника уголовного судопроизводства в международный розыск.

Международный розыск осуществляется через посредничество Национального Центрального Бюро Интерпола и проводится только на территории иностранных государств – членов Интерпола в соответствии с нормами международного права, а также национальными нормативными правовыми актами посредством проведения комплекса оперативно-розыскных и информационно-справочных мероприятий, направленных на обнаружение разыскиваемых лиц.

Согласно п. «б» ст. 1 договора от 10 декабря 2010 года о межгосударственном розыске лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, осуществляется межгосударственный розыск обвиняемых, состоящий из комплекса оперативно-розыскных, поисковых, информационно-аналитических и иных мероприятий[658].

В соответствии с п. «в» ст. 1 вышеуказанного договора лицом, скрывающимся от органа дознания, следствия и суда является лицо, объявленное в розыск. Одним из условий для осуществления задержания и экстрадиции таких лиц служит наличие решения о его заключении под стражу, что отражено

от 09.10.2017 по делу № 44у-65/2017. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[657] См.: О внесении изменений в статью 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон РФ от 6 марта 2019 г. № 21-ФЗ // Рос. газ. 2019. 11 марта.

[658] Договор государств-участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц: подписан в г. Москве 10.12.2010 // СЗ РФ. 2016. № 39, ст. 5619.

в национальном законодательстве, и международных обязательств государств-участников Содружества Независимых Государств.

Таким образом, предыдущая редакция ч. 5 ст. 108 УПК РФ создавала сложности, связанные с получением инициатором розыска судебного решения о заочном избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, скрывающихся от органа дознания, следствия.

Согласно новой формулировке ч. 5 ст. 108 УПК РФ, принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается не только в случае объявления данного субъекта уголовно-процессуальных отношений в международный розыск, но и (или) в случае объявления обвиняемого в межгосударственный розыск.

Данное нововведение направлено, прежде всего, на создание дополнительных правовых условий для обнаружения, задержания и заключения под стражу лиц, обвиняемых в совершении преступлений и скрывшихся от органов дознания, следствия и суда в государствах – участниках Содружества Независимых Государств. Полагаем, что будут расширены правовые возможности органов предварительного расследования и суда РФ по применению заключения под стражу в качестве меры пресечения в отношении разыскиваемых обвиняемых, скрывающихся на территории стран СНГ.

Также следует отметить, что привод без предварительного вызова, известный прежнему процессуальному закону (ст. 147 УПК РСФСР), УПК РФ не предусмотрен. Полагаем, что надо внести уточнение о том, что следует сразу разграничить такие понятия, как заочный арест в отношении обвиняемого (подозреваемого), о котором идёт речь в настоящей работе, и заочный арест в стадии исполнения приговора, о котором исчерпывающие ответы дал В. В. Николюк[659].

---

[659] См.: Николюк В. В. Актуальные вопросы применения меры пресечения в виде заключения под стражу в стадии исполнения приговора // Уголовное судопроизводство. 2015. № 1. С. 33–39.

Проблема заочного ареста неоднократно обсуждалась учеными и в настоящее время находится в центре научного внимания[660].

Рассмотрим первый вариант, когда неявка лица в суд происходит по уважительной причине. Верховный Суд РФ обозначил по этому вопросу свою позицию, отметив обязательность обеспечения участия лица в рассмотрении судом вопроса об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу в тех случаях, когда по состоянию здоровья подозреваемый (обвиняемый) не может явиться в суд.

В частности, Президиум Верховного Суда РФ в Постановлении от 21 мая 2003 г. № 153п03пр отметил незаконность рассмотрения Тимирязевским районным судом г. Москвы ходатайств об избрании в отношении Л. и Н. меры пресечения в виде заключения под стражу в их отсутствии, указав при этом, что суду было известно, что они находятся на стационарном лечении[661].

Пленум Верховного Суда РФ указал, что при недоставлении обвиняемого (подозреваемого) в назначенное время в суд для участия в рассмотрении ходатайства о применении меры пресечения суд принимает решение в соответствии с п. 2 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, т. е. об отказе в удовлетворении ходатайства следователя[662].

Следует отметить, что подобной позиции стали придерживаться и суды нижестоящих инстанций при принятии ими соответствующих решений. К примеру, судом апелляционной инстанции было отменено заочное постановление суда первой инстанции, которым был продлен срок содержания под стражей обвиняемого Г., в связи с тем, что на момент рассмотрения

---

[660] См.: Павлов А. В. Задержание обвиняемого, находящегося в розыске, как альтернатива заочному аресту // Уголовное право. 2016. № 1. С. 105–111; Гаврилов Б. Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 37–41; Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: материалы круглого стола (19 декабря 2017 г.) / М. В. Беляев, С. В. Бурмагин, А. А. Василенко [и др.]; отв. ред. В. В. Ершов. М., 2018. 264 с. и др.

[661] См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 12. С. 17–18.

[662] См.: О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 (ред. от 01.06.2017) // Рос. газ. 2004. 25 марта; 2006. 20 дек.; 2007. 20 янв.; 2008. 26 дек.; 2009. 14 янв.; 2010. 30 дек.; 2012. 17 фев.; 2015. 10 июля; 2017. 24 мая; 2017. 9 июня.

ходатайства о продлении срока содержания под стражей обвиняемый Г. находился на лечении в больнице СИЗО и не был извещен о дате, времени и месте судебного заседания. Данное обстоятельство было расценено как нарушение права обвиняемого на защиту[663].

Исходя из вышеизложенных позиций Верховного Суда РФ, можно утверждать, что в случае отсутствия в суде обвиняемого (подозреваемого) по уважительным причинам, заочный арест к нему применить нельзя.

Стоит отдельно рассмотреть позицию К. Б. Калиновского, который предлагает решить вопрос о возможности расширения применения заочного ареста путём смягчения в уголовно-процессуальном законодательстве «запрета заочного ареста»[664] и введения процедуры заочного краткосрочного ареста (например, до 10 суток при объективной невозможности доставить задержанное лицо в суд)[665].

К данному предложению, по нашему мнению, следует отнестись с осторожностью. С одной стороны, надо признать, что оно не противоречит позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой требование ч. 2 ст. 22 Конституции РФ имеет императивный характер и обеспечивается нормами УПК РФ. Законодатель допускает заочный арест обвиняемого (подозреваемого) при нахождении его на стационарной судебно-психиатрической экспертизе или наличии иных документально подтвержденных обстоятельств, исключающих возможность доставления обвиняемого в суд (ч. 13 ст. 109 УПК РФ). Также допускается продление судом срока задержания на срок не более 72 часов (п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ)[666].

---

[663] См.: Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 21 декабря 2015 г. // Архив Борского городского суда Нижегородской области. 2015. Стоит отметить, что данным решением было отменено постановление Борского городского суда Нижегородской области от 27 ноября 2015 г.

[664] Калиновский К. Б. Указ.соч. С. 47.

[665] Там же. С. 48.

[666] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А. Ю. Сахаровского на нарушение его конституционных прав статьей 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 27 октября 2015 г. № 2587-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С другой стороны, есть угроза, что случаи указанной объективной невозможности доставления лица в суд станут толковаться расширительно и заочные аресты станут слишком частыми. В этой ситуации возникает проблема «полноценного» соблюдения прав самого подозреваемого (обвиняемого), который не будет присутствовать в судебном заседании при решении вопроса об избрании в отношении него меры пресечения даже в виде такого краткосрочного ареста. Также надо отметить, что подобное избрание меры пресечения будет входить в противоречие с положениями ч. 5 ст. 108 УПК РФ, разрешающими заочный арест только при объявлении обвиняемого (подозреваемого) в международный и (или) межгосударственный розыск.

По вопросу отсутствия подозреваемого или обвиняемого в суде по неуважительным причинам мнения о возможности реализации заочного ареста (кроме, естественно, предусмотренного УПК РФ объявления в международный и (или) межгосударственный розыск) разделились.

Так, А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский высказывают мнение о том, что суд может применить заочный арест[667].

Е. В. Жданов и Б. П. Целинский предлагают предусмотреть в УПК РФ возможность вынесения заочного решения об аресте лица, объявленного в общефедеральный розыск, аналогично процедуре, применяемой при объявлении международного розыска[668]. Аналогичное мнение высказывала Г. П. Химичева[669].

Б. Я. Гаврилов предложил внести изменения в ст. 108 УПК РФ предоставив право суду заочно заключать под стражу скрывшихся от следствия подозреваемых и обвиняемых с предоставлением им права предстать перед судом после задержания[670].

---

[667] См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. СПб., 2003. С. 300–301.

[668] См.: Жданова Е. В. Проблемы дознания по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков / Е. В. Жданова, Б. П. Целинский // Российский следователь. 2004. № 1. С.15–18.

[669] См.: Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. М., 2003. С. 220.

[670] См: Гаврилов Б. Новеллы уголовного процесса на фоне криминальной статистики // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 7.

Ряд учёных-процессуалистов высказываются против расширения возможности применения заочного ареста.

В частности, Н. А. Колоколов, возражая против расширения возможности применения заочного ареста, отмечает, что в случае заочного ареста обвиняемый лишается возможности высказать свои доводы по поводу применения меры пресечения и выдвинутого обвинения[671].

О необходимости сведения к минимуму фактов заочного ареста заявляют А. Кругликов и И. Дикарёв[672].

Согласно позиции ЕСПЧ, судебная процедура, в которой принимается решение о применении меры пресечения, лишающей человека свободы, производимая без участия заинтересованного лица либо его защитника, не может представлять никаких гарантий против произвола[673].

Поддерживая позицию противников возможности расширения применения заочного ареста, следует добавить следующее. Наш поход к разрешению данной проблемы обосновывается тем, что исходными положениями, определяющими поведение правоприменителей по отношению к обвиняемому, являются уже сформулированные Пленумом Верховного Суда РФ[674] правовые позиции. Речь идет о необходимости соблюдения предусмотренных ст. 3, 5, 6 и 13 Конвенции прав лиц, в отношении которых решается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу[675] и продлении срока содержания под стражей[676].

---

[671] См.: Колоколов Н. Арест в суде: проблемы правового регулирования и практической реализации // Законность. 1998. № 5. С. 25–26.

[672] См.: Кругликов А. О сущности и проблемах избрания судьей меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого / А. Кругликов, И. Дикарев // Уголовное право. 2006. № 1. С. 88–90.

[673] См. об этом: Бущенко А. П. Практика Европейского Суда по правам человека. Вып. 1: Статья 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. М., 2001. С. 158.

[674] См.: п. 14 и п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Рос. газ. 2003. 2 дек.; 2013. 13 марта.

[675] Но в равной степени, очевидно, и домашнего ареста.

[676] Статья 3 Конвенции запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание независимо от обстоятельств или поведения потерпевшего. Чтобы установить нарушение ст. 3 Конвенции, ненадлежащее обращение должно достигнуть минимального уровня тяжести. Оценка указанного минимального уровня зависит от таких

Право лица на защиту, а соответственно и право на участие в процедуре применения в отношении него меры пресечения, имеет приоритетное значение.

Указанные положения Пленума Верховного Суда РФ находятся в единстве с правовыми позициями, выработанными ЕСПЧ[677], которыми также предусмотрено обязательное участие лица, в отношении которого принимается решение о применении меры пресечения в процедуре принятия такого решения.

Условия о необходимости обязательного участия подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в судебной процедуре, в которой решается вопрос о применении в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу или домашний арест, следуют также из взаимосвязанных нормативно-правовых предписаний, содержащихся в п. 16 ч. 4 ст. 47, п. 10 ст. 46, а также в ст. 108–109, 247 и 255 УПК РФ. Это позволяет нам говорить о невозможности расширения случаев применения заочного ареста. К тому же, как уже было отмечено, в УПК РФ имеется норма, разрешающая применение заочного ареста в случае объявления лица в международный и (или) межгосударственный розыск.

От рассуждений об обязательном участии лица, в отношении которого принимается решение о применении меры пресечения, логично перейти к следующему вопросу – реализации его права на защиту. В рамках исследования этого вопроса необходимо рассмотреть два основных момента.

Во-первых, реализацию прав подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), о которых было указано в постановлении Пленума Верховного Суда России[678],

---

обстоятельств дела, как длительность обращения, его физические и психические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего. В трактовке ЕСПЧ ст. 3 Конвенции указывается, что условия содержания обвиняемых под стражей должны быть совместимы с уважением к человеческому достоинству.

[677] Имеется в виду защита как физической свободы индивидуума, так и его личной безопасности в ситуациях, когда отсутствие такого рода гарантий может подорвать верховенство права и лишить задержанного самых элементарных средств правовой защиты. См.: Дело «Курт (Kurt) против Турции»: Постановление ЕСПЧ от 25.05.1998 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 509–533; Дело «Василий Васильев (Vasiliy Vasilyev) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 19 февраля 2013 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 3.

[678] См.: О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 // Рос. газ. 2013. 5 июля.

в судебном процессе, в котором в отношении него решается вопрос о применении мер пресечения.

Во-вторых, реализацию права подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) в судебном процессе, в котором в отношении него решается вопрос о применении мер пресечения, на получение квалифицированной юридической помощи и участие защитника.

Начнем с первого. Ранее мы уже отмечали правовую позицию Верховного Суда РФ относительно необходимости соблюдения отечественными судами положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и позиций ЕСПЧ[679]. Приведенные в них нормативно-правовые требования образуют ядро системы правовых стандартов, обеспечивающих защиту интересов лица, подвергающегося мерам пресечения. В предыдущем параграфе диссертации такие стандарты были рассмотрены, поэтому следует лишь подчеркнуть, что в целом судебная процедура применения мер пресечения должна быть «справедливой». Разумеется, модель «справедливого судебного разбирательства» по своей сути должна включать в себя и принцип состязательности.

Вопрос о месте этого принципа в современном уголовном процессе вызвал научную дискуссию. В ходе которой высказывалась позиция о том, что поскольку в досудебной стадии нет проявления состязательности, то следовательно принцип состязательности не является принципом всего уголовного процесса[680]. Высказывалась и позиция о том, что в досудебной стадии имеются предпосылки

---

[679] См.: О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Рос. газ. 2003. 2 дек.; 2013. 13 марта.

[680] См.: Головко Л. В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 52; Давлетов А. А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 16–18; Абдрахманов Р. С. Эффективность принципа состязательности // Российский судья. 2003. № 6. С. 10–11; Божьев В. П. Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2004. № 1. С. 6; Погодин С. Б. Проблемы правовой регламентации состязательности уголовного процесса // Российский судья. 2004. № 11. С. 14; Погодин С. Действует ли принцип состязательности на досудебных стадиях? / С. Погодин, Р. Тугушев // Законность. 2005. № 3. С. 44–47; Романов С. В. О соотношении принципа состязательности сторон и права на справедливое судебное разбирательство в уголовном судопроизводстве // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 2005. № 3. С. 81.

проявления этого принципа, но их надо развивать и делать отечественный процесс состязательным[681]. Были ученые, которые полагали, что состязательность – это не принцип процесса; по их мнению, это не более чем способ для исследования доказательств[682].

Учитывая различные суждения по обозначенному вопросу, следует повторить нашу ранее высказанную позицию о том, что в существующем российском типе уголовного процесса можно говорить только об элементах состязательности в судебных процедурах. Соответственно, на досудебных стадиях эти элементы могут проявляться в судебной процедуре применения мер пресечения, при обжаловании решений суда о применении меры пресечения и при обжаловании действий и бездействий органов в порядке ст. 125 УПК РФ. Несмотря на явную сложность реализации этих элементов состязательности даже в судебной процедуре, мы стоим на позиции, что состязательность и неразрывно связанные с ней условия справедливой судебной процедуры разрешения вопроса о применении меры пресечения являются главной процессуальной гарантией прав и законных интересов подозреваемого (обвиняемого, подсудимого). Это положение с исчерпывающей полнотой выразил Конституционный Суд РФ в следующей формулировке: «судебная процедура признается эффективным механизмом защиты прав и свобод, если она отвечает требованиям справедливости и основывается на конституционных принципах состязательности и равноправия сторон. При решении вопросов, связанных с содержанием под стражей в качестве меры пресечения, это предполагает исследование судом

---

[681] См.: Лившиц Ю. Д. Вопросы принципа состязательности в стадии предварительного расследования / Ю. Д. Лившиц, С. М. Даровских // Следователь. 2002. № 8. С. 13–15; Лукашевич В. З. Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ / В. З. Лукашевич, А. Б. Чичканов // Правоведение. 2002. № 2. С. 105; Петрухин И. Л. От инквизиции – к состязательности // Государство и право. 2003. № 7. С. 30–33; Вишневская О. В. Состязательная деятельность защитника на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004; Колосович С. А. Некоторые проблемы реализации принципа состязательности в досудебном производстве / С. А. Колосович, С. И. Пономаренко // Проблемы состязательного правосудия: сб. науч. тр. Волгоград, 2005. С. 55–62.

[682] См.: Ефимичев С. П. Принцип состязательности и его реализация в уголовном судопроизводстве / С. П. Ефимичев, П. С. Ефимичев // Российский следователь. 2005. № 1. С. 7.

фактических и правовых оснований для избрания или продления данной меры пресечения при обеспечении лицу возможности довести до суда свою позицию»[683].

В соответствии с указанной позицией судебная процедура, в которой решается вопрос о продлении срока содержания под стражей или продления срока домашнего ареста, также должна проходить в условиях состязательности и при обеспечении стороне защиты возможности обосновать свою позицию по рассматриваемому вопросу[684].

Из приведенных положений Конституционного Суда РФ о справедливости и состязательности судебной процедуры разрешения вопроса о применении меры пресечения вытекает обязательное обеспечение реальной возможности для выполнения функции защиты подозреваемым обвиняемым, подсудимым, защитником, законным представителем. Одно из таких условий реализации права на защиту – право подозреваемого (обвиняемого) и защитника своевременно ознакомиться с материалами, в которых обосновывается необходимость избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Реальная возможность прокомментировать утверждения и доказательства противоположной стороны и в свою очередь ответить на них. Важность обозначенных нами условий заключается в том, что материалы, предоставленные стороной обвинения суду, направлены на убеждение суда в правоте позиции органов обвинения. Стороне защиты для того, чтобы опровергнуть эти доводы и выдвинуть свои аргументы, необходимо знать их содержание ещё до начала судебной процедуры, в которой принимается решение о применении меры пресечения. Вот в этой своевременной, реализуемой ещё до судебной процедуры возможности ознакомиться

---

[683] По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П // Рос. газ. 2005. 1 апр.

[684] См.: По жалобе гражданина А. В. Горского на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 231 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2004 г. № 132-О // Рос. газ. 2004. 9 июня.

с материалами судебно-контрольного дела и заключается право на ознакомление как одно из основополагающих условий права на защиту. Именно такая позиция изложена в решениях ЕСПЧ, согласно которой каждой стороне гарантируется равная возможность и равные условия по вопросу представления своего дела[685].

Суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства стороны защиты об ознакомлении в разумный срок с материалами дела, которыми обосновывается ходатайство стороны обвинения об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения[686].

Защите должна быть дана возможность знать поданные заявления и представленные доказательства другой стороны[687]; знакомиться со всеми замечаниями, приобщенными к делу[688]. В то же время следует отметить, что отечественный УПК РФ содержит пробел по обсуждаемому вопросу. Так ст. 46 и ст. 47 УПК РФ не содержат положений о праве подозреваемого, обвиняемого на ознакомление с материалами, которыми дознаватель или следователь обосновывает своё ходатайство о необходимости применения конкретной меры пресечения. Наличие такого права вытекает из ст. 45 Конституции РФ и сформулировано Пленумом Верховного Суда РФ[689]. Однако о наличии такого

---

[685] См.: Дело «Де Хаэс (De Haes) и Гийселс (Gijsels) против Бельгии»: Постановление ЕСПЧ от 11.03.1999 // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58015 (дата обращения: 21.08.2017); Петрухин И. Л. Статья 5. Право на свободу и личную неприкосновенность // Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под ред. В. А. Туманова и Л. М. Энтина. М., 2002. С. 80–81.

[686] См.: п. 26. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня.

[687] См.: Дело «Оджалан (Ocalan) против Турции»: Постановление ЕСПЧ от 13.07.2006 // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-69022 (дата обращения: 21.08.2017).

[688] См.: Дело «Вермюлен (Vermeulen) против Бельгии»: Постановление ЕСПЧ от 20.02.1996 // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57985 (дата обращения: 21.08.2017).

[689] Данная позиция ранее была закреплена в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». См.: Рос. газ. 2004. 25 марта. В настоящее время данный пункт исключен. В последующем это положение было закреплено в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста». См.: Рос. газ. 2009. 11 нояб. Данное постановление утратило силу в связи с принятием Постановления Пленума

права подозреваемому или обвиняемому следователи не разъясняют. Обязанность разъяснения наличия такого права не содержится и в бланках протоколов следственных действий. Таким образом, подозреваемые (обвиняемые) в период времени задержания (48 часов) остаются в неведении относительно возможности заявить ходатайство о таком ознакомлении. Но проблема этим не исчерпывается. Согласно ч. 3 ст. 108 УПК РФ ходатайство следователя о применении меры пресечения должно поступить в суд за 8 часов до истечения срока задержания. Как правило, указанный срок следственными органами не выдерживается, и большинство материалов о применении меры пресечения поступает в суд за несколько часов до истечения этого срока. Указанные обстоятельства подтверждаются судебной практикой и отмечаются в юридической литературе[690].

Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня.

[690] См.: Обзор судебной практики рассмотрения судами Республики Мордовия ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продления срока содержания под стражей, за период с 1 июля 2002 г. по 1 сентября 2002 г. // Официальный сайт Верховного Суда Республики Мордовия. URL: http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=sud (дата обращения: 01.01.2010); Обобщение судебной практики по соблюдению следственными органами сроков представления в суд материалов с постановлениями о возбуждении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении сроков содержания под стражей // Официальный сайт Калининградского областного суда. URL: http://www.kaliningradcourt.ru/kos/practic/criminal/common/index.php (дата обращения: 01.01.2010); Справка по результатам обобщения практики рассмотрения судами Калининградской области в 2008 году ходатайств о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу (статья 108 УПК РФ) // Официальный сайт Калининградского областного суда. URL: http://www.kaliningradcourt.ru/kos/practic/criminal/common/index.php (дата обращения: 01.01.2010); Обобщение судебной практики об избрании судами Владимирской области меры пресечения в виде заключения под стражу, продления срока содержания под стражей в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений // Официальный сайт Владимирского областного суда. URL: http://oblsud.wld.sudrf.ru/modules.php?name=bsr (дата обращения: 01.01.2010); Справка по результатам обобщения судебной практики применения судами Саратовской области в отношении обвиняемых (подозреваемых) мер пресечения в виде заключения под стражу и залога // Официальный сайт Саратовского областного суда. URL: http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=9 (дата обращения: 01.01.2010); Справка по результатам обобщения практики применения в качестве меры пресечения заключения под стражу (статья 108 УПК РФ) районными (городскими) судами Сахалинской области в 2008 году // Официальный сайт Сахалинского областного суда. URL: http://oblsud.sah.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud (дата обращения: 01.01.2010); Каретников А. С. Ознакомление стороны защиты с материалами, обосновывающими основания

Имеются случаи, когда материалы приходят в суд с таким опозданием, что вопрос о применении меры пресечения рассматривается судом уже после истечения срока задержания[691].

В итоге в судебной практике складывается ситуация, когда на ознакомление подозреваемого или обвиняемого, равно как и защитника, с материалами судебно-контрольного дела просто нет времени. Поэтому в массовом порядке такое ознакомление происходит по ходу судебной процедуры либо за 20-60 минут до начала заседания[692].

Следует отметить, что ознакомление с материалами судебно-контрольного дела непосредственно в самой судебной процедуре, когда у стороны защиты нет возможности и времени сформулировать свои возражения и привести опровергающие позицию стороны обвинения доказательства, на наш взгляд, свидетельствует о профанации реализации права на ознакомление. Это, безусловно, противоречит позиции ЕСПЧ и положению о праве на справедливое судебное разбирательство, закрепленному в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, содержание этой статьи позволяет считать принцип

избрания судом меры пресечения в виде содержания под стражей / А. С. Каретников, К. А. Арзамасцева // Законность. 2012. № 3. С. 30–35.

[691] Так, 25 мая 2019 г. Орджоникидзевский районный суд г. Екатеринбурга вынес постановление о применении меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении заместителя начальника Управления Федеральной службы судебных приставов по Уральскому региону Е. Сидоровой, обвиняемой по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ. Как сообщил ее адвокат (Л. О. Султангореев), правоохранительные органы практически весь период задержания держали подзащитную в кабинете, предлагая досудебное сотрудничество, в итоге материалы в суд по мере пресечения пришли с таким опозданием, что решение о мере пресечения выносилось уже за сроками периода задержания. Соответственно, возможность увидеть материалы «арестного дела» подозреваемой и её адвокатом появилась только в судебном процессе. Замечания, высказываемые адвокатом по поводу истечения срока задержания и отсутствия возможности ознакомиться с материалами, обосновывающими содержания под стражей, а также то, что Е. Сидорова является матерью-одиночкой и имеет на иждивении малолетнего ребёнка-инвалида, суд не учёл. Апелляционное обжалование положительного эффекта не имело. Свердловский областной суд 30 мая 2019 г. оставил Е. Сидорову под стражей См.: Резонансно! Дело замглавы свердловского УФССП Сидоровой связано с банкротством экс-депутата Госдумы Язева // Ведомости Урал. 31.05.2019. URL: http://vedomosti-ural.ru/news/73827/?ya_rss=1 (дата обращения: 01.06.2019).

[692] Согласно данным опрошенных нами 60 адвокатов Уральской коллегии адвокатов Свердловской области, чаще всего ознакомление с материалами «арестного дела» происходит либо в судебном заседании, либо перед заседанием за 20-60 минут до его начала.

«равенства оружия» составной ее частью, он направлен на недопущение превосходства одной стороны над другой[693].

Встречаются случаи, когда право на ознакомление с материалами судебно-контрольного дела настолько явно нарушено, что решение суда первой инстанции отменяется[694]. Но надо признать, что такие случаи единичны.

В основном суды апелляционной инстанции, устанавливая факт того, что сторона защиты формально видела материалы, обосновывающие ходатайство следователя, отказывают в удовлетворении апелляционной жалобы, не вдаваясь в подробности заблаговременно ли это было или непосредственно происходило в процессе судебной процедуры[695].

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время в отечественном уголовном процессе соблюдается, по сути, формальность, граничащая с профанацией ознакомления с материалами судебно-контрольного дела, но не факт реализации надлежащего заблаговременного ознакомления, обеспечивающего готовность стороны защиты к судебной процедуре рассмотрения вопроса о применении меры пресечения.

---

[693] См.: Алексеева Л. Б. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство // Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под ред. В. А. Туманова и Л. М. Энтина. М., 2002. С. 92.

[694] Примерами такого рода могут служить: Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции по уголовным делам Верховного суда Республики Дагестан от 23 марта 2017 г. по делу № 22к-1072/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/IJazn0CtUxHw/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+22%D0%BA-1072%2F2017+&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1569764695326 (дата обращения: 27.09.2019); Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 7 июля 2017 г. по делу № 22к-554/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/MtRrPyUDQSW8/ (дата обращения: 27.09.2019).

[695] См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 11 января 2018 г. по делу № 10-285/2018. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Московского городского суда от 26 декабря 2018 г. № 10-23208/2018. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Московского городского суда от 11 октября 2018 г. по делу № 10-18021/2018. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Московского городского суда от 26 марта 2018 г. по делу № 10-5130/2018. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Решения обозначенной проблемы предлагаются разные. Так, есть предложение предусмотреть в уголовно-процессуальном законе перечень вопросов, подлежащих разрешению судьей до начала судебного заседания по рассмотрению ходатайств о применении мер пресечения. К числу таких вопросов предлагается отнести круг необходимых участников, их уведомление и разъяснение им прав и обязанностей. При надлежащем выполнении судьей действий, перечисленных выше, и при наличии объективного подтверждения реализации права на ознакомление заинтересованными лицами, заявление участником ходатайства об ознакомлении с материалами, представленными органами предварительного расследования, подлежит удовлетворению только в том случае, если речь идет о новых, ранее не переданных суду материалах. В остальных случаях такого рода ходатайства должны отклоняться[696].

Высказывается предложение дополнить ст. 46 и ст. 47 УПК РФ положениями, предусматривающими право на ознакомление с материалами, обосновывающими необходимость применения меры пресечения и её продления; ст. 108 УПК РФ положениями о порядке реализации права на ознакомление, установить право суда на возврат в органы предварительного расследования материала, полученного с нарушением сроков, закрепить в УПК РФ положение об оформлении протокола ознакомления по правилам, установленным ст. 218 УПК РФ[697].

Полагаем, что все вышеуказанные предложения могут быть применимы. Особо стоит поддержать предложение о праве суда на возврат материала, полученного с нарушением срока, в органы предварительного расследования. В то же время в качестве превентивного решения обозначенной проблемы, обеспечивающего более полное ознакомление с материалами, обосновывающими применение меры пресечения, нам представляется, можно рассматривать

---

[696] См.: Крипиневич С. С. Подготовка к рассмотрению судьей ходатайства о применении меры пресечения в ходе досудебного производства // Мировой судья. 2018. № 9. С. 27–35.

[697] См.: Каретников А. С. Ознакомление стороны защиты с материалами, обосновывающими основания избрания судом меры пресечения в виде содержания под стражей / А. С. Каретников, К. А. Арзамасцева // Законность. 2012. № 3. С. 30–35.

продление задержания на 72 часа, для чего следует в судебном заседании заявлять соответствующее ходатайство, подлежащее удовлетворению судом. Полноценное же решение указанной проблемы видится в предлагаемом нами реформировании и изменении всего механизма применения мер пресечения.

Следующим пунктом исследуемого нами вопроса о реализации права на защиту будет являться участие адвоката-защитника, оказывающего квалифицированную юридическую помощь обвиняемому (подозреваемому) при решении вопроса о применении мер пресечения.

Как отмечает Т. В. Трубникова, важной гарантией права на защиту при решении вопроса о применении мер пресечения является условие обязательного участия защитника в процедуре судебного контроля на стороне лица, в отношении которого принимается решение о применении меры пресечения[698].

Соглашаясь с данным мнением, рассмотрим основные нормативные документы, регулирующие участие защитника в процедуре применения меры пресечения.

В отечественном уголовном процессе право на защиту обвиняемого (подозреваемого) предусмотрено положениями п. 3 ч. 4 ст. 46; п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Непосредственно права самого защитника и его полномочия определены ст. 49 и ст. 53 УПК РФ. Полномочия защитника распространяются на все стадии производства по уголовным делам, в том числе и на разрешение вопросов, связанных с избранием и применением меры пресечения в отношении обвиняемого или подозреваемого, а также подсудимого[699].

Приглашение, назначение и замена защитника регулируются ст. 50 УПК РФ, а ст. 51 УПК РФ предусматривает обязательное участие защитника. Поэтому, если в соответствии со статьей 51 УПК РФ участие защитника является обязательным, а он по каким-либо причинам не явился, следователь, дознаватель

---

[698] См.: Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: учебное пособие. Томск, 2011. С. 200–201.

[699] См.: Долгушин Д. А. Адвокат и его деятельность в процессе избрания меры пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу // Общество и право. 2009. № 1. С. 255–258.

приглашает защитника по назначению в порядке части 5 статьи 50 УПК РФ. В этом случае с целью обеспечения новому защитнику возможности ознакомиться с материалами, обосновывающими ходатайство следователя, дознавателя о применении меры пресечения, суд вправе по ходатайству этого защитника продлить срок задержания в соответствии с п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ[700].

Таким образом будет реализовано условие на обязательное участие защитника в процедуре принятия решения о применении меры пресечения.

О необходимости обеспечения помощи защитника лицу, в отношении которого принимается решение о применении меры пресечения, свидетельствует и практика ЕСПЧ. Так, ЕСПЧ отметил, что право подозреваемого, обвиняемого, подсудимого на получение квалифицированной помощи со стороны защитника является важным элементом справедливой судебной процедуры – судебного разбирательства[701]. Функцию защитника в уголовном процессе может выполнять лицо, обладающее статусом адвоката, – адвокат. Деятельность адвоката и оказание им квалифицированной юридической помощи регулируется Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[702].

Приведённые нормативные положения позволяют сказать, что на законодательном уровне вопрос об участии адвоката-защитника в реализации права на защиту и оказание им квалифицированной юридической помощи подозреваемому, обвиняемому при решении вопроса о применении в отношении него меры пресечения в целом решен. Но для нашего анализа интерес представляют те случаи, когда участие адвоката в реализации права на защиту

---

[700] См.: О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 (ред. от 01.06.2017) // Рос. газ. 2004. 25 марта; 2006. 20 дек.; 2007. 20 янв.; 2008. 26 дек.; 2009. 14 янв.; 2010. 30 дек.; 2012. 17 фев.; 2015. 10 июля; 2017. 24 мая; 2017. 9 июня.

[701] См.: Дело «Сейдович (Sejdovic) против Италии»: Постановление ЕСПЧ от 1 марта 2006 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[702] См.: Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.11.2019).

лицами, в отношении которых решается вопрос о применении меры пресечения, имеет конкретную проблематику.

Таким примером может быть нарушение права на получение квалифицированной юридической помощи в ситуации, когда адвокат-защитник не явился в судебное заседание, чем поставил своего подзащитного в беззащитное положение. Примером такого поведения адвокатов-защитников являются следующие выдержки из судебного решения: «с 13 июня 2010 года адвокат Ф. осуществлял обязанность защитника обвиняемого ФИО по уголовному делу, находящемуся в производстве следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Рязанской области. До начала судебного заседания об избрании обвиняемому ФИО меры пресечения 18 июня 2010 года, ФИО не выражал отказа от защитника Ф., однако в судебное заседание 18 июня 2010 года для осуществления защиты ФИО защитник Ф. не явился, не поставил суд в известность о причинах своей неявки. При таких обстоятельствах суд пришел к обоснованному выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом Ф. своих профессиональных обязанностей перед доверителем ФИО по соглашению об осуществлении его защиты в уголовном деле»[703].

Также отметим, что даже на стадии рассмотрения дела в апелляционной инстанции в судебной практике имеются случаи, когда защитник, подавший апелляционную жалобу на принятое решение о применении меры пресечения, не является в суд. Причём это происходит и тогда, когда защитник о месте и времени судебного заседания извещён надлежащим образом[704].

В этом случае суд апелляционной инстанции в порядке ст. 50 УПК РФ также может самостоятельно пригласить другого защитника и, предоставив ему и обвиняемому время для подготовки к судебному заседанию, рассмотреть вопрос

---

[703] Кассационное определение Рязанского областного суда от 30 марта 2011 г. по делу № 33-563 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru/regular/doc/r3UEr3paSzlu/ (дата обращения: 01.01.2016).

[704] См.: Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции по уголовным делам Верховного суда Республики Дагестан от 07 июля 2017 г. по делу № 22к-1072/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru/regular/doc/IJazn0CtUxHw/ (дата обращения: 01.01.2018).

о применении меры пресечения. Таким образом, порядок назначения защитника, предусмотренный ст. 50 УПК РФ, независимо от стадии рассмотрения дела, одинаков. Разница состоит лишь в том, что на предварительном следствии защитника по назначению обеспечивают правоохранительные органы, а на стадии судебного рассмотрения – суд[705].

Подобные примеры свидетельствует о явном, открытом нарушении защитником своих профессиональных обязанностей.

Но как быть, когда защитник формально участвовал в судебной процедуре применения мер пресечения, но реальной помощи подозреваемому, обвиняемому не оказывал[706]. Примеров такого формального отношения адвокатов-защитников к своим профессиональным обязанностям достаточно много, о чём свидетельствует дисциплинарная практика. Так, только Минюстом России и его территориальными органами в 2013 году была рассмотрена 1691 жалоба на действия (бездействие) адвокатов, в 2014 году – 1411, в 2015 году – 1516, в 2016 году – 1633. Квалификационными комиссиями адвокатских палат субъектов РФ в 2013 году было рассмотрено 4638 дисциплинарных производств, по результатам которых вынесено 2719 решений о наличии в действиях (бездействии) адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности. В 2014 году рассмотрено – 4738, решений о наличии нарушений – 2798; в 2015 году рассмотрено – 4894, решений о наличии нарушений – 2942; в 2016 году рассмотрено – 5236, решений о наличии нарушений – 3245. Основное число жалоб, поступающих в Министерство юстиции Российской Федерации, касается недобросовестного исполнения адвокатами своих обязанностей перед

---

[705] См.: Дело «Вермюлен (Vermeulen) против Бельгии»: Постановление ЕСПЧ от 20.02.1996 // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57985 (дата обращения: 21.08.2017); Дело «Де Хаэс (De Haes) и Гийселс (Gijsels) против Бельгии»: Постановление ЕСПЧ от 11.03.1999 // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58015 (дата обращения: 21.08.2017); Дело «Оджалан (Ocalan) против Турции»: Постановление ЕСПЧ от 13.07.2006 // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-69022 (дата обращения: 21.08.2017).

[706] О наличии такого рода проблемы говорят результаты проведенных нами опросов правоприменителей (см.: приложения к диссертации № 1–3).

клиентами[707]. В последующие периоды ситуация не изменилась. Так в 2017 году Министерством Юстиции РФ и его территориальными органами было рассмотрено – 1943 жалобы на действия (бездействия) адвокатов[708], в 2018 году – 1917[709], за первое полугодие 2019 года – 999[710].

Квалификационными комиссиями адвокатских палат субъектов РФ в 2017 году было рассмотрено 5001 дисциплинарное производство, вынесено 3048 решений о наличии в действиях (бездействии) адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности[711]. В 2018 году рассмотрено – 5373, решений о наличии нарушений – 3173[712]; за первое полугодие 2019 года рассмотрено – 2361, решений о наличии нарушений – 1410[713]. Безусловно, среди указанного числа нарушений есть и те, которые связаны с недобросовестным оказанием помощи по вопросам о применении мер пресечения.

Следует отметить, что основное количество недобросовестного отношения адвокатов к выполнению своих обязанностей при решении вопроса о применении

---

[707] См.: Кашкарова И. Н. Практика обжалования решений Совета адвокатской палаты субъекта РФ о применении к адвокату мер дисциплинарного взыскания // Мониторинг правоприменения СПбГУ. URL: http://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zawita-chesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii/item/438-praktika-obzhalovaniya-reshenij-soveta-advokatskoj-palaty-sub-ekta-rf-o-primenenii-k-advokatu-mer-distsiplinarnogo-vzyskaniya (дата обращения: 30.03.2019).

[708] Сведения об адвокатуре в Российской Федерации (Сводный отчет) 12 месяцев 2017 года // Официальный Министерства юстиции РФ. URL: https://minjust.ru/ru/2017/svedeniya-ob-advokature-v-rossiyskoy-federacii (дата обращения: 29.12.2019).

[709] Сводный отчет по Минюсту России по адвокатуре в Российской Федерации (за 2018 г.) // Официальный Министерства юстиции РФ. URL: https://minjust.ru/ru/2018/svedeniya-ob-advokature-v-rossiyskoy-federacii (дата обращения: 29.12.2019).

[710] Сводный отчет по Минюсту России по адвокатуре в Российской Федерации (за 6 месяцев 2019 г.) // Официальный Министерства юстиции РФ. URL: https://minjust.ru/sites/default/files/fpsr_svedeniya_ob_advokature_v_rossiyskoy_federacii_svodnyy_otchet_141_1906.xls (дата обращения: 29.12.2019).

[711] Сведения об адвокатуре в Российской Федерации (Сводный отчет) 12 месяцев 2017 года // Официальный Министерства юстиции РФ. URL: https://minjust.ru/ru/2017/svedeniya-ob-advokature-v-rossiyskoy-federacii (дата обращения: 29.12.2019)

[712] Сводный отчет по Минюсту России по адвокатуре в Российской Федерации (за 2018 г.) // Официальный Министерства юстиции РФ. URL: https://minjust.ru/ru/2018/svedeniya-ob-advokature-v-rossiyskoy-federacii (дата обращения: 29.12.2019).

[713] Сводный отчет по Минюсту России по адвокатуре в Российской Федерации (за 6 месяцев 2019 г.) // Официальный Министерства юстиции РФ. URL: https://minjust.ru/sites/default/files/fpsr_svedeniya_ob_advokature_v_rossiyskoy_federacii_svodnyy_otchet_141_1906.xls (дата обращения: 29.12.2019).

меры пресечения происходит в тех случаях, когда адвокат участвует в судебной процедуре в порядке ст. 50 УПК РФ[714].

Подтверждением такого утверждения является следующий пример из судебной практики. Обвиняемому А. 27 марта 2013 г. постановлением Каменского городского суда Пензенской области была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на два месяца. В ходе судебного заседания обвиняемый заявил о наличии у него заболеваний и оспаривал обоснованность предъявленного ему обвинения. Защиту обвиняемого А. осуществлял адвокат Г. по назначению, который заявил, что по вопросу применения в отношении обвиняемого А. меры пресечения полагается на усмотрение суда. Такое поведение адвоката Г. свидетельствует о том, что он действовал вопреки интересам обвиняемого и не выполнял свои обязанности надлежащим образом, не согласовал с обвиняемым А. позицию защиты и тем самым лишил обвиняемого возможности довести до суда свою позицию, чем нарушил право обвиняемого на защиту. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Пензенского областного суда от 11 апреля 2013 г. постановление Каменского городского суда Пензенской области от 27 марта 2013 г. было отменено с передачей дела на новое судебное рассмотрение[715].

Можно выделить несколько блоков негативных причин, влияющих на реализацию права на защиту при принятии решения о применении меры пресечения в отношении обвиняемого (подозреваемого) при назначении адвоката-защитника в порядке ст. 50 УПК РФ.

---

[714] Изучение судебных решений за период 2016–2019 гг. в Кировском, Октябрьском, Верх-Исетском, Железнодорожном районных судах г. Екатеринбурга по вопросу применения меры пресечения с участием защитника, назначенного в порядке ст. 50 УПК РФ, показывает, что в основном, кроме как использования стандартных формулировок «что обвиняемый не намерен скрываться», «не будет препятствовать следствию» и т. д., более никаких веских доказательств не приводится. Удовлетворение ходатайства следствия о применении меры пресечения в указанных случаях составляет 100 %.

[715] Справка по результатам практики рассмотрения в 2013–2014 гг. апелляционных жалоб на избрание и продление мер пресечения в виде заключения под стражу домашнего ареста и залога. Пензенский областной суд. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.06.2017).

Во-первых, при участии защитника в рассмотрении вопроса о применении меры пресечения в порядке ст. 50 УПК РФ в большинстве случаев между адвокатом-защитником и подзащитным не возникает моральных, взаимообязательственных и, что ещё хуже, доверительных отношений.

Во-вторых, защитнику, назначенному следователем или дознавателем, невыгодно активно возражать против заявленного следствием ходатайства, поскольку он становится зависим в вопросах оплаты своего труда от этого следователя, дознавателя[716]. К примеру, в постановлении по уголовному делу следователь указал, что в ходе предварительного расследования в качестве защиты интересов подозреваемого назначен адвокат в порядке ст. 50, 51 УПК РФ, который на защиту интересов подозреваемого затратил *три дня: первый день – допрос подозреваемого, второй день – предъявление обвинения, допрос обвиняемого, третий день – ознакомление с материалами уголовного дела* (выделено мной – В. Р.)[717]. Для исполнения решения постановление направлено в финансовый орган следственного управления СК РФ[718]. Таким образом, возникает так называемый паритет: чем меньше назначенный адвокат-защитник мешает следователю, тем чаще он приглашается в дальнейшем по другим уголовным делам.

Причём, чем больше следственных действий, а соответственно, и чем дольше производство по уголовному делу, тем финансово это выгоднее защитнику, что способствует и неторопливости следствия. В итоге возникает парадоксальная ситуация, когда назначение адвоката государственными органами, направленное на соблюдение права на защиту, оборачивается против интересов подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. В совокупности указанные

---

[716] При участии защитника по назначению расходы несет государство в соответствии со ст. 48 Конституции РФ. В этом случае труд адвоката-защитника оплачивается по его заявлению на основании постановления дознавателя, следователя или судьи, в производстве которых находится уголовное дело.

[717] См.: Якубина Ю. П. К вопросу о процессуальном порядке возмещения расходов на адвоката // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 23–26.

[718] См.: Якубина Ю. П. К вопросу о процессуальном порядке возмещения расходов на адвоката // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 23–26.

причины и приводят к ситуациям, описанным в приведённой нами судебной практике.

Также в качестве негативных причин, влияющих на реализацию права на защиту при принятии решения о применении меры пресечения, указываются слабые гарантии адвокатской деятельности, низкая правовая культура общества, обвинительный уклон суда[719], автоматическое удовлетворение ходатайства следствия о применении меры пресечения[720].

Понимание обозначенных проблем есть и внутри адвокатского сообщества. Поэтому многие вопросы реализации права подозреваемых, обвиняемых и подсудимых на защиту и оказание такой защиты регулируются самой адвокатской корпорацией. Так, VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. был принят Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве. Данный Стандарт содержит минимальные требования к деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу, установление которых не ограничивает адвоката в целях защиты прав и законных интересов подзащитного в использовании иных средств, не запрещенных законодательством[721]. Однако этих усилий, безусловно, недостаточно. Требуется проведение серьезных организационных преобразований, в которые должно входить, прежде всего, расширение возможности осуществления адвокатами качественной юридической помощи по уголовным делам.

Следующим, на наш взгляд, важным элементом в исследуемой нами проблематике применения мер пресечения является необходимость учета в том числе и состояния здоровья обвиняемого (подозреваемого), поскольку данное

---

[719] См.: Колосова И. М. Правовая концепция гарантии независимости адвокатской деятельности / И. М. Колосова, Р. Н. Дусаев, А. С. Воробьев // Адвокатская практика. 2018. № 1. С. 8–12.

[720] См.: Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. М., 2012.

[721] См.: Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве: принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017 // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings/ (дата обращения: 01.01.2018).

обстоятельство может прямо повлиять на вид и продолжительность применения меры пресечения[722].

Обязательное исследование состояния здоровья обвиняемого (подозреваемого) при решении вопроса о применении в отношении него меры пресечения имеет прочную международно-правовую составляющую, закрепленную в прецедентной практике ЕСПЧ. В его правовых позициях сформулирована необходимость индивидуального подхода к каждому лицу, в отношении которого применяется мера пресечения в виде заключения под стражу[723].

Согласно докладу Совета Европы относительно смертности в пенитенциарных учреждениях России, состоявшегося в 2018 году, уровень смертности в местах лишения свободы в нашей стране, в том числе и в следственных изоляторах, является самым высоким в Европе[724].

Состояние здоровья подозреваемого (обвиняемого) как обстоятельство, влияющее на применение меры пресечения в виде заключения под стражу, указано в ч. 1.1. ст. 110 УПК РФ.

Согласно названной норме, в отношении подозреваемого (обвиняемого) не может быть применена мера пресечения в виде заключения под стражу при наличии у него тяжелого заболевания. Такое заболевание должно быть удостоверено медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования, которое проводится по Правилам,

---

[722] Формулировки такого рода стали стандартными в судебных решениях о применении и мер пресечения, что свидетельствует о том, что они как минимум стали предметом обсуждения в ходе судебного заседания, как максимум они должны быть наполнены реальным доказыванием.

[723] См., например: Дело «Корчуганова (Korchuganova) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 08.06.2006 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 11. С. 73, 110–122.

[724] Доклад Совета Европы «Prisons in Europe 2005-2015» // Официальный сайт Совета Европы URL: http://wp.unil.ch/space/space-i/prisons-in-europe-2005-2015/ (дата обращения: 08.11.2019)

установленным Постановлением Правительства РФ[725]. При установлении у обвиняемого (подозреваемого) заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, эта мера пресечения должна быть изменена на более мягкую или вообще отменена.

Показательной по данному вопросу представляется практика ЕСПЧ по делу «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации». Как следует из указанного судебного решения, ЕСПЧ отметил, что достаточно молодой возраст заявителя и имеющиеся у него проблемы со здоровьем, требовали тщательной проверки его ходатайств об освобождении и тщательного их анализа в судебных решениях, выносимых отечественными судами[726].

Суд не вправе продлить срок содержания под стражей, если у обвиняемого (подозреваемого) выявлено препятствующее содержанию под стражей заболевание, которое удостоверено медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования, проведенного в установленном порядке.

С учётом изложенных позиций вышестоящими судами были даны разъяснения для нижестоящих судов о необходимости учитывать состояние здоровья обвиняемого (подозреваемого) при избрании или продлении меры пресечения[727].

В текущей судебной практике можно засвидетельствовать факт того, что требования об исследовании вопроса о состоянии здоровья обвиняемого (подозреваемого) учитываются судами при избрании меры пресечения[728].

---

[725] См.: О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений: Постановление Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3 (ред. от 04.09.2012) // СЗ РФ. 2011. № 4, ст. 608; 2012. № 37, ст. 5002.

[726] См.: Дело «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 26 октября 2006 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2007. № 11. С. 13–41.

[727] См.: Постановления суда о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей: методические рекомендации: утверждены Постановлением Президиума Свердловского областного суда от 06 августа 2014 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[728] Через ряд ставших известными нам постановлений судов проходят стандартные формулировки вроде таких, как: «сведений о наличии у ФИО 1 заболеваний, входящих в

Суды входят в обсуждение данного вопроса не только по ходатайству стороны защиты, но и по собственной инициативе, что находит отражение в описательно-мотивировочной части судебных постановлений об избрании меры пресечения. При этом негативную оценку вышестоящей судебной инстанции вызывают случаи, когда в судебное заседание не представляются документы, подтверждающие наличие у подозреваемого (обвиняемого) заболеваний, которые делают невозможным заключение его под стражу, при этом выводы суда о возможности применения данной меры пресечения оказываются безосновательными[729].

Несмотря на то, что в целом обсуждаемый вопрос о состояния здоровья обвиняемого (подозреваемого) законодательно урегулирован, тем не менее отмечаются две актуальные проблемы, возникающие на практике при применении меры пресечения в отношении лица, страдающего болезнью, которая исключает его содержание в местах предварительного заключения[730]. Первая – касается сроков освобождения из-под стражи, когда медицинское заключение ставится под сомнение органом предварительного расследования. По данному вопросу свою позицию обозначил Конституционный Суд РФ, он указал, что «первичное» заключение о наличии заболевания у подозреваемого (обвиняемого) влечет обязанность должностного лица (дознавателя, следователя, прокурора, судьи) незамедлительно принять решение об отмене данной меры пресечения

Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, утвержденный Правительством РФ, суду не представлено». См., например: Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 14 сентября 2016 г. по делу № 22-5681/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[729] См.: Обобщение судебной практики рассмотрения ходатайств органов следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ), продлении срока содержания под стражей (ст. 109 УПК РФ). Уфа, 2012.

[730] См.: Калиновский К. Б. Обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения // Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: соблюдение прав и свобод человека и гражданина: сб. ст. по материалам круглого стола (2 ноября 2016 г.) / под общ. ред. А. В. Шишлова. СПб., 2017. С. 36 –57.

в виде заключения под стражу или изменении ее на более мягкую[731]. По нашему мнению, такой подход и должен быть при решении указанного вопроса.

Следующей проблемой по обозначенному вопросу является то, что норма ч. 1.1. ст. 110 УПК РФ может толковаться таким образом, что только медицинское заключение, полученное по Правилам, установленным Постановлением Правительства РФ, допускается в качестве доказательства, иные доказательства отвергаются. Такое толкование противоречит ч. 2 ст. 17 УПК РФ – принципу свободы оценки доказательств.

В этой связи следует отметить, что игнорирование дознавателем или следователем любого иного заключения экспертов (полученного при этом законным путём, например в рамках гражданского дела или в результате самостоятельного медицинского обследования в любом медицинском учреждении) о наличии у подозреваемого или обвиняемого заболевания является незаконным. Как указал Конституционный Суд РФ в своем определении от 3 июля 2014 года № 1485-О, на должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, и администрацию пенитенциарных учреждений возложена обязанность обеспечивать сохранность жизни и здоровья лиц, содержащихся под стражей. Данная обязанность, как представляется, должна порождать объективную возможность доказывать отклонения в состоянии здоровья любыми доказательствами, соответствующими требованиям УПК РФ[732]. Ведь целью назначения меры пресечения является не доведение человека до летального исхода или причинение вреда его здоровью, а обеспечение неуклонения от следствия и суда и как окончательного итога – торжество правосудия.

В ч. 11 ст. 107 УПК РФ указано, что если лицо, в отношении которого принята мера пресечения в виде домашнего ареста, госпитализируется в медицинское учреждение, то местом исполнения этой меры пресечения будет

---

[731] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Городецкого Владимира Павловича на нарушение его конституционных прав частью первой.1 статьи 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1484-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[732] См.: Калиновский К. Б. Указ.соч. С. 55–57.

вся территория данного учреждения. Если в подобных случаях местом домашнего ареста признавать только конкретное медицинское помещение (больничную палату), то арестованный вынужден будет постоянно нарушать условия ареста, поскольку лечение в стационаре предполагает прохождение различных лечебных процедур и врачебных приёмов. Поэтому вполне логично признавать местом исполнения домашнего ареста всю территорию медицинского учреждения. Основанием для исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста на территории лечебного учреждения являются данные о заболеваниях[733], которые требуют лечения в условиях стационара. В указанных случаях, согласно законодательству РФ, лечение должно осуществляться «в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения»[734].

Изучение правоприменительной практики позволило выявить достаточно широкий круг причин, связанных с состоянием здоровья обвиняемого, при наличии которых суд отказывает в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и избирает домашний арест в условиях пребывания обвиняемого в медицинском учреждении[735].

Далее рассмотрим проблемы, возникающие при обжаловании определений и постановлений судов первой инстанции об избрании меры пресечения, её продлении или изменении.

В судебной практике встречаются случаи, когда апелляционная инстанция, отменяя решения суда первой инстанции о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания обвиняемого под стражей и направляя дело на новое рассмотрение, избирает ту же меру пресечения. В результате такого решения обвиняемый остается под стражей, пока

---

[733] Этот диагноз должен быть удостоверен медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования.

[734] См.: ст. 26 Федерального закона РФ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 29 мая 2019 г.) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.11.2019).

[735] См.: Апелляционное постановление Астраханского областного суда от 10 июля 2017 г. по делу № 22-1596/2017 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.03.2017).

не будет рассмотрен данный вопрос судом первой инстанции[736]. В судебной практике такой подход весьма распространен[737].

Избрание той же меры пресечения вышестоящим судом, по сути, подтверждает ее основание[738], это не согласуется с нормами уголовно-процессуального закона и положениями Конституции РФ (статьи 22, 46, 49). Согласно определению Верховного Суда РФ[739], верной является позиция, когда суд второй инстанции, отменяя постановление нижестоящего суда, избирает иную меру пресечения, более мягкую, или отменяет ее, если отсутствуют основания для её избрания.

В случае невозможности освобождения из-под стражи обвиняемого, суду следует снижать этот срок до минимального, который будет достаточен для нового рассмотрения. «При таком решении суда вышестоящей инстанции орган расследования имел бы возможность обратится в суд первой инстанции с новым

---

[736] См.: Калиновский К. Б. Обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения. С. 36–57.

[737] См., например: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30 ноября 2005 г. № 81-о05-10310. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 10 декабря 2009 г. № 66-О09-219. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 14-010-5. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 апреля 2011 г. № 49-011-39. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Московского городского суда от 12 декабря 2012 г. № 22-16665. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[738] Показательным примером является апелляционное постановление Московского городского суда от 29 апреля 2015 г. по делу № 10-5456/15, которым было отменено постановление Савеловского районного суда г. Москвы от 23 марта 2015 г. о продлении срока содержания под стражей обвиняемого на 2 месяца по причине отсутствия в материалах каких-либо документов, которые давали бы основание суду сделать вывод об обоснованности подозрения. При этом апелляционная инстанция вторым пунктом резолютивной части своего решения установила срок содержания под стражей обвиняемого по 13 мая 2015 года, то есть фактически продлила срок действия этой меры пресечения на 14 дней при отсутствии доказательств обоснованности подозрения. См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 29 апреля 2015 г. по делу № 10-5456/15. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[739] См.: Вопрос о продлении срока содержания под стражей подлежит рассмотрению с участием подсудимого: Определение Верховного Суда РФ от 08.04.2010 № 56-О10-19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 11.

ходатайством, рассматривая которое суд первой инстанции учел бы позицию вышестоящего суда»[740].

Такая судебная практика вполне логично вытекала бы из общего смысла действующего законодательства (ч. 2 ст. 10, ч. 4 ст. 109 УПК РФ) и смысла правовых позиций, сформулированных Пленумом Верховного Суда РФ и Конституционным Судом РФ[741].

Кроме того, актуальным вопросом, касающимся прав обвиняемых и подсудимых, в отношении которых применяются меры пресечения в виде заключения под стражу, является длительность расследования и рассмотрения уголовных дел в суде. Полагаем, что позиция отечественных судов в этом случае при решении вопроса о продлении меры пресечения должна соответствовать международно-правовому стандарту, который состоит в том, что права и свободы человека имеют высший приоритет, и любое их ограничение должно считаться крайним средством. Чем жестче мера пресечения, чем длительнее срок ее применения, тем выше требования должны быть к обоснованности ее применения (продления срока) и соблюдению процессуальной формы.

---

[740] Калиновский К. Б. Обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения. С. 49, 51–52; Его же. Законность применения меры пресечения в целях исполнения приговора в российском уголовном процессе // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2006. С. 192–195.

[741] Так, в Определении от 24 июня 2014 г. № 1328-О Конституционный Суд РФ указал, что нормы ч. 8.1 ст. 109 и ч. 2.1 ст. 221 УПК РФ в системном единстве с другими нормами УПК РФ допускают продление срока содержания под стражей только в конституционно значимых целях и являются дополнительной гарантией обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность, поскольку предполагают направление в суд не произвольного, а обусловленного обстоятельствами конкретного дела ходатайства, т. е. требуют подтверждения оснований применения этой меры пресечения достаточными данными, которые устанавливаются в соответствии с уголовно-процессуальным законом и предусматривают принятие судом решения до истечения ранее назначенного срока содержания под стражей. Как считает К. Б. Калиновский, по смыслу данного определения Конституционного Суда РФ вопрос о продлении срока содержания под стражей или новом избрании данной меры пресечения решается самостоятельно, независимо от вопроса об иных последствиях неправильного исчисления срока содержания под стражей. См.: Калиновский К. Б. Обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения. С. 54.

Однако, как отмечает К. Б. Калиновский, «приведению к такому стандарту судебной практики применения мер пресечения мешает неторопливое стремление “установить истину”, соединить дела, направить их на дополнительное расследование, возвратить прокурору, что зачастую приводит к тому, что установленных законом сроков не хватает. Но освобождать из-под стражи лицо, обвиняемое в совершении особо тяжких преступлений, правоприменители не готовы»[742].

Даже когда адвокат-защитник при избрании или продлении меры пресечения представляет суду доказательства об отсутствии оснований применения меры пресечения, суды все равно в подавляющем большинстве случаев встают на сторону следствия[743].

Согласно статистическим данным, суды ежегодно удовлетворяют в среднем 90,3 % ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и до 98,1 % – о продлении срока содержания обвиняемых под стражей[744].

---

[742] Калиновский К. Б. Обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения. С. 54.

[743] См.: Постановление Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 15 февраля 2014 г. по уголовному делу № 130202108 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. 2014; Постановление Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 10 февраля 2015 г. по уголовному делу № 121842006 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. 2015; Постановление Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 12 февраля 2016 г. по уголовному делу № 122114012 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. 2016.

[744] См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/F1-svod_1-2017.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/F1-svod-2016.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2015 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/F1-ug_pr-vo_1_inst-2015.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2014 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2014/f__N__1_2014.xls (дата обращения 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой

В судебной практике нередки случаи аргументирования стороной защиты своего требования об освобождении из-под стражи обвиняемого ссылками на то, что следственных действий с его участием не проводится или что вообще следственные действия не проводятся, следствие ведется неэффективно и срок его затянут по вине следователя.

В связи с этим вполне убедителен с точки зрения здравого смысла, не говоря уже о гуманистической составляющей, довод о том, что обвиняемый не должен страдать из-за ошибок и непрофессионализма органа предварительного расследования. Тем более нетерпимы ситуации, когда содержание под стражей исподволь используется как средство давления на обвиняемого (подозреваемого). Подобные ситуации хоть и редко, но находят своё подтверждение[745].

Однако заявления стороны защиты и позиции ЕСПЧ не находят понимания у отечественных судов, и обвиняемые остаются под стражей столько, сколько необходимо органам, производящим предварительное расследование. Подтверждением является не снижающееся число удовлетворенных ЕСПЧ обращений[746] на нарушения Россией ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года[747].

инстанции за 12 месяцев 2013 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2013/f_1-ugolovnoe_pr-vo_po_1_instantsii_za_2013.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2012 г. Раздел 4. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/forma_1_-_2012_god.xls (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2011 г. Раздел 4. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/F_stat_2011.zip (дата обращения: 28.09.2019); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2010 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/F-2010.zip (дата обращения: 28.09.2019).

[745] См.: Постановление Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 25 июля 2017 г. по уголовному делу № 1-1/2017 // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга. 2017.

[746] См.: Зайцев А. О. О значении решений Европейского суда по правам человека для правовых стандартов правомерности заключения под стражу обвиняемого // Общество и право. 2015. № 4. С. 62–67; Карамышева О. В. Позиции ЕСПЧ по вопросам ареста и ОРД: практика 2013 года // Уголовный процесс. 2014. № 3 (111). С. 14–23.

[747] См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом [№ 1] (Подписан в г. Париже

Некоторые ученые-процессуалисты обращают внимание еще на одну «лазейку» для игнорирования гарантии немедленного освобождения из-под стражи, которая кроется в ч. 8 ст. 106 УПК РФ. Согласно данной норме, если внесение залога применяется вместо ранее избранной меры пресечения, то эта мера пресечения действует до внесения залога[748].

Однако при этом срок действия прежней меры пресечения определяется уже не по общим правилам ст. 109 УПК РФ, а по специальным правилам ч. 8 ст. 106 УПК РФ, т. е. не ограничен календарным временем либо определяется дискреционным усмотрением суда, тем более, что ч. 7.1. ст. 108 УПК РФ допускает избрание залога по инициативе суда[749].

Такое истолкование смысла уголовно-процессуальных норм незаконно, т. к. не согласуется с предписаниями ч. 7 ст. 106 УПК РФ (об установлении срока внесения залога), с сущностью залога как психологически-принудительной меры пресечения, основанной на согласии с ней самого обвиняемого[750].

Остановимся на ещё одной ситуации продления срока содержания под стражей (домашнего ареста) свыше предельного 18-месячного срока в связи с ознакомлением обвиняемого с материалами законченного производством уголовного дела, которая предусмотрена ст. 109 УПК РФ. Ограничительное толкование понятия предельного срока содержания под стражей, осуществленное Конституционным Судом РФ в одном из своих решений[751], согласуется

20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.

[748] См.: Калиновский К. Б. Обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения. С. 56.

[749] В данном случае К. Б. Калиновский ссылается на малоизвестное решение Конституционного Суда РФ, предметом анализа которого было постановление Советского районного суда г. Орла от 3 октября 2011 г. об избрании меры пресечения в отношении С. (дело № 934/15-01/2014). См.: Калиновский К. Б. Указ. соч. С. 56, 57.

[750] См.: Калиновский К. Б. Указ. соч. С. 56.

[751] См.: По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина: постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 г. № 14-П // СЗ РФ. 1996. № 26, ст. 3185; По делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в

с требованиями ст. 5 Конвенции, которая признает заключение под стражу исключительным отступлением от права на свободу и допустимым в перечисленных и строго определенных случаях. В противном случае обвиняемый расплачивался бы не за свое негативное поведение, а за ошибки предварительного следствия[752]. Если же такое происходит, то, по нашему мнению, не остается ничего другого, как опять применять материальную компенсацию за непропорциональный, неоправданный вред, причиненный государством обвиняемому.

В то же время следует отметить, что в судебной практике имеется прецедент, когда по решению Московского городского суда пять лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 194, 210 УК РФ, были освобождены из-под стражи на время ознакомления с материалами уголовного дела и взяты под домашний арест. При этом все арестованные написали отказ от ознакомления с материалами дела, рассчитывая на его скорейшую передачу в суд, но этого не произошло. Следователь стал принудительно знакомить обвиняемых с материалами дела, зачитывая их вслух. В итоге Московский городской суд принял решение продлить на два месяца арест пятерых обвиняемых, роль которых, по оценке следствия, наиболее значительна. Вместе с тем суд отказал в продлении арестов пяти других фигурантов дела, в том числе трех женщин. По мнению суда, для второй группы и реализации вопроса ознакомления с материалами уголовного дела вполне будет достаточно домашнего ареста[753].

связи с жалобой гражданина С. В. Махина: постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П // СЗ РФ. 2015. № 30, ст. 4660.

[752] См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ С. М. Казанцева относительно Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 23-П // СЗ РФ. 2015. № 30, ст. 4660.

[753] По словам адвоката Е. Тонкова, за последние несколько лет в России сложилась порочная практика длительных процедур ознакомления, что позволяет следствию просить суды о продлении арестов. При этом обвиняемые получают для изучения по один-два тома в неделю, а сами дела нередко бывают очень объемными. Обычно суды, как отмечает Е. Тонков, «одобряют» такую практику и продлевают содержание под стражей. См. об этом: Обвиняемым смягчили ознакомление // Коммерсантъ. 2017. 25 авг. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3392263 (дата обращения: 30.08.2017).

Давая собственную оценку приведённому примеру, полагаем, что такое решение суда об изменении меры пресечения на более «мягкую» на время ознакомления с материалами уголовного дела является верным. Ведь расследование окончено, доказательства все собраны и, соответственно, оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, уже не имеется. К сожалению, подобные примеры пока единичны и не создают устойчивой судебной практики. Проблема длительных сроков применения меры пресечения в виде содержания под стражей не решается и с передачей уголовного дела в суд.

В своих решениях ЕСПЧ отмечает, что в случае содержания лица под стражей, судам, в производстве которых находится уголовное дело, надлежит отправлять правосудие быстро[754]. Лицо, содержащееся под стражей, имеет право на то, чтобы его дело было рассмотрено в приоритетном порядке[755].

Данное положение о праве подсудимого, содержащегося под стражей, о безотлагательном и приоритетном порядке рассмотрения его дела ЕСПЧ отмечал не раз[756]. Однако эти позиции не соблюдаются российскими судами, и сроки рассмотрения уголовных дел, по которым подсудимые находятся под стражей, остаются длительными[757].

Необходимо отдельно отметить две ситуации, которые также традиционно сопровождаются затягиванием сроков нахождения под стражей (домашним арестом) обвиняемых: во-первых, когда прокурор возвращает уголовное дело органу предварительного расследования; во-вторых, когда суд возвращает уголовное дело прокурору в связи с выявившейся необходимостью предъявления

---

[754] См.: Дело «Худоеров (Khudoyorov) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 08.11.2005 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 7.

[755] См.: Дело «Смирновы (Smirnova) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 // Бизнес-адвокат. 2003. № 20.

[756] См.: Дело «Мхитарян (Mkhitaryan) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2013 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 3.

[757] Примером является уголовное дело № 140317108, которое рассматривалось в Железнодорожном районном суде г. Екатеринбурга со 2 мая 2015 г. по 25 апреля 2018 г., т. е. 2 года 11 месяцев и 25 дней. Весь этот период подсудимый Апажев М. Х. находился под стражей. См.: Уголовное дело № 140317108 // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга. 2018.

более тяжкого обвинения[758]. А это, в свою очередь, порождает необходимость восполнения неполноты предварительного расследования, а также продление срока содержания под стражей[759]. Остаётся открытым вопрос: продлевается ли в таком порядке срок содержания под стражей однократно или это может происходить неоднократно? В решении данного вопроса нам представляется верным исходить из того, что неприемлем неограниченный по своей продолжительности срок содержания под стражей[760].

По решению вопроса о длительности сроков содержания под стражей обозначим позицию высших судебных инстанций. Так, в комментариях позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в Постановлении от 16 июля 2015 г. № 23-П, отмечается, «что в случае назначения наказания, несопоставимого с ограничениями, связанными с данной мерой пресечения, в том числе в части продолжительности содержания под стражей, которое претерпел обвиняемый, суд в приговоре может признать его право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 УПК РФ»[761].

Как следует из приведённого комментария, вариантом решения вопроса служит предложение компенсировать конструктивные недостатки отечественного

---

[758] См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // СЗ РФ. 2013. № 28, ст. 3881.

[759] По уголовному делу в отношении С. В. Махина, ставшему причиной проверки Конституционным Судом РФ норм УПК РФ, регулирующих процедуру возвращения уголовного дела судом прокурору, при устранении недостатков расследования срок содержания под стражей заявителя неоднократно продлевался и в общей сложности превысил 43 месяца. См.: По делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С. В. Махина: постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П // СЗ РФ. 2015. № 30, ст. 4660.

[760] См., например: По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина: постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 № 14-П // СЗ РФ. 1996. № 26, ст. 3185; По делу о проверке конституционности частей четвертой, пятой и шестой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан П. В. Янчева, В. А. Жеребенкова и М. И. Сапронова: Определение Конституционного Суда РФ от 25 декабря 1998 г. № 167-О // СЗ РФ. 1999. № 1, ст. 230.

[761] См.: Калиновский К. Б. Указ. соч. С. 54.

процесса материальным вознаграждением пострадавшего от него человека[762]. Правда надо отметить, что такой компенсации ещё надо будет добиться. Полагаем, что материальная компенсация недостатков следственной системы, выраженных в длительных сроках уголовного расследования и длительных сроках применения мер пресечения, хоть и представляет из себя положительный элемент, но не может рассматриваться в качестве полноценного способа решения обозначенной проблемы.

При рассмотрении дела в суде по существу, помимо тех моментов, которые нами рассмотрены выше, также возникают вопросы, связанные с продлением меры пресечения непосредственно самим судом. При необходимости продлить меру пресечения, когда уголовное дело рассматривается в суде по существу, суд вправе самостоятельно инициировать принятие решения о применении меры пресечения. Такое право суда закреплено в постановлении Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П[763]. В данном документе указано, что в силу ст. 10, 118 и 123 (часть 3) Конституции РФ суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или защиты; он создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. В целях охраны прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и надлежащего проведения судебного разбирательства в разумный срок, суд, в том числе по собственной инициативе, обязан проверять обоснованность применения обеспечительных мер, включая меру пресечения в виде заключения под стражу.

Разрешение судом по собственной инициативе вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу – при том, что суд не освобождается от обязанности выслушать мнения сторон, а стороны не могут

---

[762] Фактически от гражданина откупаются, признавая несовершенство правового механизма применения мер пресечения, от которого он пострадал.

[763] См.: По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключение под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П // Рос. газ. 2005. 1 апр.

быть лишены возможности привести свои доводы – не означает, что суд принимает на себя функции стороны обвинения, поскольку правовые и фактические основания для избрания меры пресечения связаны не с поддержкой и, тем более, признанием обоснованным выдвинутого в отношении лица обвинения в совершении преступления, а с необходимостью обеспечения условий дальнейшего производства по уголовному делу[764]. Представляется, что в этом случае особенно важно не допустить обвинительного уклона, поэтому суд должен выносить данный вопрос на обсуждение в судебном заседании.

Следует учитывать, что положениями ч. 4 ст. 255 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 3 ст. 107 и ч. 11 ст. 108 УПК РФ предусмотрены сокращенные сроки подачи и рассмотрения апелляционных жалоб и представлений на решения об избрании мер пресечения и о продлении срока их действия, это условие распространяется и на случаи, когда они приняты после поступления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу. Поэтому, в случае когда принимается решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, о продлении срока действия данных мер пресечения на стадии, когда уголовное дело передано в суд для рассмотрения по существу, в постановлении (определении) суда необходимо указывать, что срок апелляционного обжалования такого решения составляет трое суток со дня его вынесения[765].

Результат нашего исследования позволяет нам прийти к заключению о том, что инерция следственных стандартов правоприменения в вопросах применения мер пресечения сильна. Когнитивная модель поведения правоприменителей (суда) остается следственной, в отличие от законодательства она не может быть радикально изменена в короткие сроки. Трудно переломить традиционную антигуманную практику применения мер пресечения. Уголовно-процессуальная

---

[764] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дунаева Леонида Михайловича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 1054-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[765] См.: О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 23 // Рос. газ. 2016. 1 июня.

политика использования мер пресечения, по существу, не меняется на протяжении многих столетий, несмотря на бурные исторические события.

Достаточно широко рассмотрев вопросы права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в рамках механизма применения в отношении него мер пресечения, полагаем следующим пунктом нашего исследования подвергнуть анализу права потерпевшего с позиции его как участника процедуры применения меры пресечения, имеющего признаваемый законом интерес.

Нас интересует вопрос о положении потерпевшего в процедуре избрания меры пресечения по решению суда. Если правовой стандарт участия обвиняемого и его защитника в такого рода процедуре всегда был в центре внимания, то о потерпевшем заговорили сравнительно недавно в контексте общей тенденции обеспечения его прав в уголовном процессе[766].

Характерным моментом современной уголовной политики является то, что в нашем уголовном процессе сформировался или, по крайней мере, формируется под воздействием Конституционного Суда России, Пленума Верховного Суда России правовой стандарт участия потерпевшего в судебной процедуре принятия решения об избрании меры пресечения: заключении под стражу, домашнего ареста[767].

По нашему мнению, следует положительно относиться к этому явлению. Такой подход соответствует тому механизму применения мер пресечения, о котором мы говорим и который обосновываем в данной работе. В основе такого подхода, как и предписывает ст. 15 Конституции РФ, лежат общепризнанные международно-правовые принципы и нормы.

---

[766] См., например: Дорошков В. В. Настало время вновь обсудить положение потерпевшего в современном уголовном процессе // Мировой судья. 2019. №5. С. 3-13.

[767] Согласно п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (в ред. от 24.05.2016) порядок рассмотрения судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не исключает участия в судебном заседании потерпевшего, его представителя, законного представителя, которые вправе довести до суда свою позицию относительно избрания, продления, изменения, отмены меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого, а также обжаловать судебное решение. См.: Рудич В. В. Участие потерпевшего в судебной процедуре принятия решения об избрании меры пресечения как гарантия законности и обоснованности постановления судьи // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. С. 96-100.

Так, в «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью» указывается на необходимость обеспечения возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, без ущерба для обвиняемых и согласно соответствующей национальной системе уголовного правосудия[768].

В Рекомендации № R (85) 11 Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» отмечается необходимость мотивировать потерпевшего к сотрудничеству и тем самым способствовать росту его доверия к правоохранительным органам, которые должны этому содействовать[769]. Схожие положения содержатся и в иных рекомендациях Комитета[770].

Участие потерпевшего в судебной процедуре как представителя стороны обвинения в деле является необходимым условием обеспечения баланса интересов и обеспечения права лица на судебную защиту своих интересов[771].

Аналогичную позицию занимает и Конституционный Суд России, который считает, что активное участие потерпевшего на стороне обвинения выступает в качестве средства защиты его прав[772]. Конституционный Суд России

---

[768] См.: Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью: утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября1985 г. // Советская юстиция. 1992. № 9–10. С. 39.

[769] О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса: рекомендация № R (85) 11 Комитета министров Совета Европы: принята 28 июня 1985 г. // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 114–116.

[770] Там же. С. 118.

[771] Отношение правоприменителей к этой проблеме и путям ее решения отражены в приложениях № 1–3 к диссертации. См. также: Рудич В. В. Участие потерпевшего в судебной процедуре принятия решения об избрании меры пресечения как гарантия законности и обоснованности постановления судьи // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. С. 96-100.

[772] См.: По жалобам граждан Л. Д. Вальдмана, С. М. Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

подчеркивает важность обеспечения непосредственного участия данного участника процесса в процедуре применения меры пресечения[773].

Однако очень важно, на наш взгляд, чётко разделять положения норм международного права и позицию Конституционного Суда РФ, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном преследовании и в избрании меры пресечения. По этому вопросу, полагаем, следует исходить из того, что хотя применение мер пресечения и уголовное преследование имеют между собой тесную связь, всё же сами по себе это разные понятия.

Верховный Суд РФ указал, что установленный ч. 4 ст. 108 УПК РФ порядок рассмотрения судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не исключает участие в судебном заседании потерпевшего, его представителя, законного представителя. Данные участники процесса вправе довести до сведения суда свою позицию относительно избрания, продления, изменения, отмены меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, а также обжаловать судебное решение[774].

Согласно п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 19 декабря 2013 г. суд, рассматривая ходатайство об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, должен выяснить сведения о потерпевшем. В п. 5 этого же постановления разъясняется необходимость выяснения в судебном заседании вопроса о том, действительно ли подозреваемый (обвиняемый) может представлять опасность для потерпевшего. Данные обстоятельства должны доказываться конкретными фактами. Однако, на наш взгляд, указанным условием реализуется не столько право самого потерпевшего на участие в процедуре избрания меры пресечения, сколько публичный интерес – это выяснение оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ. В то же время приведённые рассуждения позволяют прийти к заключению о том, что, реализуя своё право на

Определение Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2003 г. № 446-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.

[773] Там же.

[774] См.: п. 17. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня.

участие в уголовном преследовании, потерпевший может использовать и процедуру, регламентированную ст. 108 УПК РФ. Надо признать, что такой подход соответствует состязательной процедуре, поскольку не ограничивает подозреваемого, обвиняемого задать вопросы потерпевшему и дать свои пояснения.

Таким образом, потерпевший в рамках реализации своего права, закрепленного пп. 47, 55 ст. 5, ч. 2 ст. 42 УПК РФ, может использовать и процедуру, предусмотренную ст. 108 УПК РФ. Посредством его участия действительно могут быть установлены факты наличия или отсутствия оснований, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, и такой подход соответствует процедуре состязательного процесса.

Потерпевший вправе участвовать в заседании суда первой инстанции при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения, а равно в стадии подготовки к судебному разбирательству и стадии апелляционного производства[775]. Он вправе довести до суда свою позицию относительно целесообразности применения той или иной меры пресечения к обвиняемому как лично, так и через своего представителя или законного представителя, защитника[776]. Такая позиция в отношении потерпевшего подтверждается и судебной практикой[777].

Полагаем, что роль потерпевшего в судебных процедурах, связанных с применением мер пресечения, как, впрочем, и других процедурах, проводимых судом в ходе досудебного производства по уголовным делам, будет возрастать[778].

---

[775] См.: Рудич В. В. Участие потерпевшего в судебной процедуре принятия решения об избрании меры пресечения как гарантия законности и обоснованности постановления судьи // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. С. 96-100.

[776] См.: Рудич В. В. Участие потерпевшего в судебной процедуре принятия решения об избрании меры пресечения как гарантия законности и обоснованности постановления судьи // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. С. 96-100.

[777] См., например: Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 6 июня 2016 г. по делу № 22-3156/16. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[778] См.: Рудич В. В. Участие потерпевшего в судебной процедуре принятия решения об избрании меры пресечения как гарантия законности и обоснованности постановления судьи // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. С. 96-100.

Подводя итог исследованию, проведенному в данном параграфе, можно сделать следующие выводы.

Существующая судебная практика и возможность применения международно-правовых положений, направленных на защиту прав личности, формирование стандарта правовой помощи, оказываемой адвокатом-защитником, усиление правового положения потерпевшего и правовое положение обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) позволяют констатировать, что как на законодательном уровне, так и на уровне правоприменения отмечается усиление правозащитного тренда. Суды все более внимательно исследуют вопросы, касающиеся соблюдения прав участников процедуры применения меры пресечения. Особенно это видно при рассмотрении вопроса, связанного с состоянием здоровья лица, в отношении которого применяются меры пресечения.

Однако полноценному становлению правовых стандартов обеспечения прав участников процесса при применении мер пресечения, доведению этого процесса до состязательного уровня препятствует действующая правовая организация досудебного производства, оказывающая своё влияние на судебные процедуры применения мер пресечения и на суд в целом. Суды упорно сохраняют свою зависимость от предварительного следствия и принимают решения, максимально удовлетворяя их интересы, реализуя тем самым принцип «стены», согласно которому следствие, прокуратура и суд выступают единым органом государства, о чём свидетельствует подавляющее число удовлетворённых ходатайств о применении мер пресечения и их продлении (90,3 % и 98,1 % соответственно).

Только переход на состязательный тип уголовного процесса послужит основой для качественно новой, более надежной гарантии прав личности при применении мер пресечения в ходе уголовного судопроизводства.

§ 3 Понятие и сущность механизма применения мер пресечения в уголовном процессе

Изучение теоретико-методологических оснований для нового подхода к пониманию того, как устроена правовая организация применения мер пресечения в уголовном процессе и какой она может быть, позволяет перейти к центральной проблеме диссертационного исследования, а именно: общей характеристике обосновываемого механизма применения мер пресечения. Считаем необходимым дать ряд пояснений в отношении выбора терминов для обозначения исследуемого явления: такого термина, как «применение», и такого термина, как «механизм». Наукой предлагается следующая дефиниция: «под применением мер пресечения… следует понимать деятельность участников уголовного судопроизводства, осуществляемую в рамках реализации их процессуальных прав и обязанностей, и непосредственно связанную с избранием, продлением, изменением, отменой, исполнением меры пресечения, а также обжалованием решений о мере пресечения и разрешением такого обжалования вышестоящим судом»[779].

Высказывается также мнение, что термин «применение» «предполагает как избрание, так и не избрание судом требуемой стороной обвинения меры пресечения»[780]. Полагаем, что приведённые нами определения термина «применение» полностью вписываются в содержательную суть того механизма, о котором ведется речь в диссертации. С учётом указанных суждений, приходим к мнению о том, что в обозначении исследуемого явления правильным будет употреблять термин «применение» мер пресечения.

Используя термин «механизм», мы понимаем всю условность его значения применительно к анализируемому уголовно-процессуальному явлению. Через

---

[779] Ушаков А. С. О понятии «применения меры пресечения» в уголовном процессе // Вестник уральского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 25.

[780] Вершинина С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения: монография. М., 2017. С. 253.

этот термин предполагается показать собирательный образ этого сложного, комплексного процесса применения мер пресечения и, таким образом, вложить авторское содержание в понятие уголовно-процессуального механизма, обосновывая должную правовую организацию применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве.

Юридико-технический подход для нового понимания смысла термина «правовой механизм» дал Пленум Верховного Суда РФ. В его постановлении от 15 ноября 2016 г. № 48 термин «механизм» применяется в понимании наличия действенных механизмов, позволяющих исключить возможность использования уголовного преследования в качестве средства для давления, оградить от необоснованного привлечения к уголовной ответственности[781]. К числу таких механизмов относятся, в частности, установленные законодателем дополнительные материально-правовые и процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов. В п. 1 указанного постановления перечисляются нормы, которые образуют указанный механизм, в том числе нормы, регулирующие применение мер пресечения в виде заключения под стражу[782].

Указанный подход даёт возможность использовать термин «механизм» («правовой механизм»), интерпретируя его смысл в контексте, отраженном в вышеуказанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ, и наполняя его необходимым комплексным содержанием – «собирательным образом» в обосновываемом нами понятии «механизм применения мер пресечения в уголовном-процессе» в отношении всех лиц, чьи права и свободы могут быть ограничены.

Для конструирования нового подхода и нового правового понятия необходимо кардинально изменить представления о нескольких исходных

---

[781] О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 // Рос. газ. 2016. 24 нояб.

[782] О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 // Рос. газ. 2016. 24 нояб.

понятиях, а именно: о праве (уголовно-процессуальном), о правоприменении (соотношении и взаимосвязи применения уголовного и уголовно-процессуального законов), об уголовной ответственности и, наконец, об основаниях правоприменения и уголовной ответственности. Все указанные понятия определяют модель механизма применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве. Но в контексте наших воззрений необходимо их переосмысление, ибо невозможно создать новое, постоянно поправляя старое; необходимы более радикальные перемены.

Выбирая понятие «механизм» с модифицированным смыслом его понимания и содержания, мы исходим из того, что существующее ещё с советского периода понятие механизма уголовно-процессуального регулирования[783] сегодня не в полной мере подходит для объяснения в рамках нашего исследования того, что такое, как действует и как должно действовать уголовно-процессуальное право. Причин так считать несколько.

Во-первых, по нашему мнению, развитие уголовно-процессуального права имеет прямую зависимость от уголовно-правовой политики, проводимой государством[784].

Во-вторых, коренной недостаток советского подхода к пониманию данного механизма состоит в исходной установке, согласно которой право есть закон; нет ничего уголовно-процессуально-правового вне УПК и «уголовно-процессуальный закон единственный источник уголовно-процессуального права»[785].

Однако в настоящее время уголовно-процессуальный закон основывается, в том числе, на Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах

---

[783] См.: Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962. С. 61, 62; Уголовный процесс. М., 1972. С. 42–46; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / под ред. В. М. Савицкого. М., 1979. С. 77–78; Советский уголовный процесс / под ред. Л. М. Карнеевой, П. А. Лупинской, И. В. Тыричева. М., 1980. С. 61–64; Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 87–119.

[784] См.: Рудич В. В. Современная уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения: монография. Екатеринбург, 2016. С. 14.

[785] См.: Алексеева Л. Б. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / М. С. Строгович, Л. Б. Алексеева, А. М. Ларин; отв. ред. В. М. Савицкий. Москва : Наука, 1979. С. 3.

международного права (ст. 1 УПК РФ), а значит это уже совершенно иной подход к пониманию исследуемого в диссертации механизма.

В-третьих, в советской науке уголовного процесса, построенной на марксистско-ленинской теории исторического материализма, осуществление уголовно-процессуального регулирования раскрывалось через то, каким образом государство влияло на упорядочивание поведения субъектов уголовно-процессуальных отношений[786] для достижения интересов государства и общества[787]. В рамках такого учения соответственно высказывались и научные мнения.

Так, П. А. Лупинская считала, что принятие решения органом дознания, следствия, прокуратуры и судом о применении мер пресечения[788] есть система факторов как объективных, так и субъективных; а также идеологических, правовых, социально-психологических, личностных и др.[789]

Указанным автором также отмечалось, что наиболее важным моментом в механизме принятия правоприменительного решения является установление фактических обстоятельств дела[790].

Такого же рода высказывания о принятии государственными органами решений о применении мер пресечения через акты толкования и применения уголовно-процессуального закона можно найти и в трудах других ведущих специалистов[791].

Следует отметить, что и для научного анализа существующего сегодня судебного контроля за применением мер пресечения также используется

---

[786] См.: Алексеева Л. Б. Указ. соч. С. 107.

[787] См.: Шпилев В. Н. Сущность, содержание и формы советского уголовного судопроизводства: дис. … д-ра юрид. наук. Минск, 1983. С. 23, 26, 112 и др.

[788] См.: Лупинская П. А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1972. С. 70.

[789] См.: Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. С. 41.

[790] Там же. С. 48.

[791] См., например: Кудин Ф. М. Указ. соч. С. 51 и след.; Еникеев З. Д. Указ. соч. С. 32.

указанная теоретическая модель механизма правового регулирования, обоснования и принятия процессуальных решений[792].

По мнению ученых, в рамках этой теоретической модели структура «механизма уголовно-процессуального регулирования» состоит из таких элементов, как уголовно-процессуальные нормы, отношения и положение самих субъектов данных уголовно-процессуальных отношений, а также юридические факты, порождающие такие отношения, правосознание субъектов уголовно-процессуальной деятельности и пр.[793] В итоге, рассуждая о структуре уголовно-процессуального механизма, делается вывод о наличии в уголовном процессе некоей внутренней формы, которая связывается с «механизмом» уголовного процесса[794]. Через такое понятие «механизма» (правового регулирования) объясняется, как происходит применение (реализация) уголовно-процессуального права.

В качестве «внешней формы» уголовный процесс рассматривался по отношению к уголовному праву как форма применения уголовно-правовых норм[795]. При этом ещё в советский период было принято связывать возникновение

---

[792] Есть целый ряд работ, в которых проводится детальный анализ процедуры превентивного судебного контроля за применением мер пресечения по стандартной модели «механизма правового регулирования». См., например: Кириллова Н. П. Теоретические и практические проблемы судебного контроля в российском законодательстве // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. СПб., М., 2012. С. 49–51. URL: http://www.iuaj.net/sites/default/files/penal_jastice_2012.pdf (дата обращения: 29.09.2019); Ткачёва Н. В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России: монография. Челябинск, 2004. С. 52 и след.

[793] См., например: Зусь Л. Б. Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства. Владивосток, 1984. С. 35–38, 68–70, 103–104; Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: монография / А. С. Бахта. Хабаровск, 2010. С. 48–61; Лонь С. Л. Общеправовые теоретические категории и механизм уголовно-процессуального регулирования // Вопросы правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса. Томск, 2003. С. 28–32; Рудич В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения // Общество и право. 2017. № 2. С. 162.

[794] См., например: Шпилев В. Н. Указ. соч. С. 53; Рудич В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения // Общество и право. 2017. № 2. С. 162.

[795] Хотя специалисты по уголовному праву видели «механизм уголовно-правового регулирования» в качестве уголовно-правового явления – в том виде, который был предложен в качестве методологической модели теоретиками: правовая норма, акт толкования, акт применения, правоотношения и пр. (См.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении.

уголовно-правовых отношений не с уголовно-процессуальной деятельностью, а с фактом совершения преступления[796].

Согласно такой позиции, преступление порождает у государства полномочие привлечь преступника к уголовной ответственности[797]. Получается, что уголовно-правовое отношение между государством и преступником возникает с момента совершения преступления, но реализуется это отношение через деятельность субъектов уголовно-процессуальных отношений[798]. В результате уголовного процесса ответственность реализуется при установлении к тому основания – виновности лица в совершении преступления[799]. Субъектами, участвующими в реализации уголовной ответственности, выступали вначале орган предварительного расследования, а потом суд, который и завершал реализацию уголовной ответственности путём вынесения судебного акта[800].

В результате названного подхода в уголовно-правовом отношении, порождаемом фактом совершения преступления, в качестве контрагента преступнику противостоит государство, имеющее право на наказание. В уголовно-процессуальных отношениях обвиняемый также вступает в отношения с органами предварительного расследования, потом с судом[801]. «Получается, что подосновой уголовно-процессуальных отношений между правоохранительными (судебно-следственными) органами и обвиняемым (подсудимым) выступает уголовно-правовое отношение между государством и

М., 1974. С. 102; Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 31). См.: Рудич В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения // Общество и право. 2017. № 2. С. 162.

[796] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 8–11, 91–92. См.: Рудич В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения // Общество и право. 2017. № 2. С. 162.

[797] См.: Рудич В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения // Общество и право. 2017. № 2. С. 162.

[798] Рудич В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения // Общество и право. 2017. № 2. С. 162.

[799] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 91–92; Уголовный процесс / под ред. А. Н. Алексеева. М., 1995. С. 11.

[800] См.: Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: монография / А. С. Бахта. Хабаровск, 2010. С. 91.

[801] См.: Советский уголовный процесс / под ред. М. А. Чельцова. М., 1962. С. 10–12, 21, 34–38, 49, 252.

преступником; это базовое материально-правовое отношение (существующее объективно, само собой) просвечивает через всю уголовно-процессуальную систему, оно определяет сущность всех элементов уголовно-процессуальных отношений, характер деятельности правоохранительных органов»[802].

Рассматривая проблематику уголовных правоотношений, уголовно-процессуальных отношений и их взаимосвязи, следует отметить существующее мнение о том, что применение мер пресечения не направлено на реализацию уголовно-правового отношения[803]. Полагаем, что для понимания работы механизма применения мер пресечения стоит дать более широкое освещение указанного вопроса. Для этого обратим внимание на нормативные положения ст. 3 УК РСФСР и ст. 8 УПК РСФСР, согласно которым позиция по вопросу привлечения к уголовной ответственности состоит в том, что совершение преступления порождает основание уголовной ответственности и порождает уголовно-правовое отношение между лицом (преступником) и государством. Всё последующее называется реализацией уголовной ответственности или привлечением к таковой. В настоящее время данная трактовка мало в чем изменилась. Концепция «механизма правового регулирования уголовно-правовых отношений», заложенная в основу УК РФ и УПК РФ, до сих пор основывается на советской модели правоприменения, согласно которой факт совершения преступления порождает основания уголовной ответственности. В этом легко убедиться из содержания ст. 299 и ст. 300 УК РФ, где подразумеваются процессуальные решения следователя как по привлечению, так и освобождению от уголовной ответственности. Указанные нормы отражают реальное положение вещей: следователь, а не судья является хозяином уголовного процесса, именно

---

[802] Рудич В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения // Общество и право. 2017. № 2. С. 162.

[803] См.: Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 62–64; Стецовский Ю. И. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. / Ю. И. Стецовский, А. М. Ларин; отв. ред. В. П. Кашепов. М., 1988. С. 54; Калашникова Н. Я. Гарантия права обвиняемого на защиту при изменении обвинения и наказания. М., 1975. С. 50; Ветрова Г. Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М., 1987. С. 94–95; Кудин Ф. М. Указ. соч. С. 73; Якимович Ю. К. О необходимости дифференциации уголовного судопроизводства // Приоритетные направления развития правового государства. Барнаул, 2008. С. 160–161; Миронова Е. В. Указ. соч. С. 41.

он формирует основания уголовной ответственности и привлекает обвиняемого к уголовной ответственности. Такая правовая конструкция, заложенная в нормах ст.ст. 299, 300 УК РФ, безусловно, лежит и в основании уголовно-процессуальной системы, где господствует следственная власть.

Полагаем, что с таким подходом нельзя согласиться и поддерживаем иную точку зрения, согласно которой правопорождающим фактом уголовной ответственности является вступивший в силу судебный приговор[804]. Поэтому со вступившем в силу обвинительным приговором, на наш взгляд, и надо связывать возникновение уголовной ответственности, а также возможность ее реализации. Такова логика презумпции невиновности – краеугольного камня состязательного правосудия (ст. 49 Конституции РФ).

Нет никаких уголовно-правовых феноменов, с которыми можно было бы связать возможность применения принуждения как формы наказания к подозреваемому, обвиняемому – лицу, которое подразумевается невиновным и не подлежащим никакой уголовной ответственности, пока виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Логика наших рассуждений заключается в следующем. После вынесения соответствующего уведомления о подозрении в совершении преступления или постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого возникают уголовно-процессуальные отношения, которые осуществляются посредством уголовного судопроизводства. Пока ведется уголовное судопроизводство, к подозреваемому, обвиняемому может быть применена мера пресечения, не направленная на реализацию уголовной ответственности. Участниками этого уголовно-процессуального отношения являются, с одной стороны, подозреваемый (обвиняемый), с другой – правоохранительные органы[805].

---

[804] См.: Александров А. С. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путём противодействия преступности в сфере экономики. / А. С. Александров, И. А. Александрова. М., 2017. С. 138.

[805] Мы употребляем термин «обвиняемый» в расширительном, конституционно-правовом смысле, который вложен в это понятие, скажем, в ст. 49 Конституции РФ и таким же образом

При этом не факт совершения преступления, а процессуальный факт – соответствующее уведомление о подозрении в совершении преступления или постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого – порождает уголовно-процессуальные отношения и, соответственно, возможность применения мер пресечения. Меры пресечения, которые применяются к подозреваемому (обвиняемому), никак не связаны с уголовной ответственностью и не служат ее реализации, а выступают средством обеспечения уголовного преследования, а при рассмотрении уголовного дела судом – средством обеспечения правосудия по уголовному делу с целью вынесения правомерного итогового решения.

По рассматриваемому вопросу следует также обратить внимание и на позицию, согласно которой центральное отношение, в сфере которого находятся обуславливающие уголовно-процессуальное принуждение факторы, является процессуальной моделью уголовно-правового, материального отношения[806]. «Возникая на известном этапе развития уголовного судопроизводства, оно определяет основное содержание всей процессуальной деятельности. Поскольку от того, насколько успешно и своевременно возникает и развивается данное отношение, зависит исход уголовного дела, то именно здесь наиболее часто появляются значительные по своей остроте и разнообразные по форме негативные отношения, требующие охранительного регулирования» [807].

Значит, отсутствие или недостаток правоохраны этого отношения от негативных действий обвиняемого (подозреваемого) может не позволить свершиться правосудию. Поэтому данное отношение нуждается в защите уголовно-процессуальными средствами от «упречного» поведения лица, преследуемого в уголовном порядке. Цель уголовно-процессуального

истолкованный Конституционным Судом РФ: всякое лицо, фактически подвергнутое уголовному преследованию с целью применения уголовного закона. См.: По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П //СЗ РФ. 2000. № 27, ст. 2882.

[806] См.: Кудин Ф. М. Указ. соч. С. 69.

[807] См.: Там же. С. 69.

принуждения как раз и состоит в том, чтобы воспрепятствовать, предупредить действия обвиняемого (подозреваемого), направленные против установления «объективной истины» следователем, прокурором, судом[808]. Следовательно, меры пресечения и выступают средством обеспечения развития этого центрального отношения, инструментом, обеспечивающим реализацию этого главного отношения; ради него и развивается процесс.

Как мы уже отмечали выше, традиционное представление о государстве как о «мета-субъекте» во всех публично-правовых и уголовно-процессуальных отношениях состоит в том, что государство и его органы представляют единое целое (вертикаль следственной, прокурорской и судебной власти), которое «создаёт» уголовное дело, наказывает лицо, совершившее преступление, и применяет в отношении него, в том числе, и принуждение[809].

Из такого воззрения и возникает существующее в настоящее время единение следственной, прокурорской и судебной власти. Разумеется, в советский период такой подход был совершенно естественным, а такие суждения были оправданы существующим строем и формой управления государством; в контексте таких представлений о преступлении, наказании, праве, государстве и человеке, трудно, или вообще невозможно, выстраивать какие-либо правовые конструкции состязательного содержания[810].

В связи с этим полагаем, что с советскими трактовками процесса принятия решения о применении мер пресечения нельзя согласиться. Следственная, прокурорская и судебная власть не должны выступать единым фронтом, реализуя «принцип стены»; в таком контексте суд не является независимым – отсутствует реализация принципа разделения властей. Кроме того, в данных трактовках отсутствует сторона защиты, а значит, не учитывается часть правоотношений между стороной защиты и стороной обвинения. Данное обстоятельство

---

[808] См.: Кудин Ф. М. Указ. соч. С. 102–104.

[809] См.: Рудич В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения // Общество и право. 2017. № 2. С. 162.

[810] См.: Рудич В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения // Общество и право. 2017. № 2. С. 162.

исключает состязательный характер принятия решения об избрании, отмене или изменении меры пресечения. В состязательном процессе нельзя не учитывать наличие «противоборствующих сторон» с учётом равных процессуальных возможностей и, соответственно, влияния всех взаимодействующих факторов, а не отдельной их части, возникающей между стороной обвинения и судом. Указанное подтверждает наше мнение о том, что в состязательном процессе механизм применения мер пресечения приобретает иную форму, имеющую свои особенности в отличие от следственного типа процесса. В состязательном типе процесса институт мер пресечения приобретает обеспечительный и исключительный характер. Обеспечительность мер пресечения вытекает из их служебной роли по отношению к применению уголовного закона; исключительность – из презумпции невиновности обвиняемого лица, к которому они применяются.

Необходимо также отметить, что отличительной чертой нашего суждения является то, что, обосновывая свой подход к должной правовой организации применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве, мы говорим не столько об изменениях законодательства, сколько о реформировании существующего сегодня положения исполнительной и судебной власти. А именно: о смене типа уголовного процесса, о введении новых институтов – следственных судей, полицейского дознания, уголовного иска, предъявления обвинения в судебном порядке и т. д. Это и есть иной подход, и, соответственно, иное понимание современного механизма применения мер пресечения.

Пора отбросить элементы существующего учения о механизме правоприменения, которые вытекают из марксистско-ленинского учения о государстве и праве. На теоретико-методологическом уровне необходимо переходить от учения о полицейском государстве к учению о правовом государстве[811] и строить новую концепцию правовой организации применения мер пресечения в разумно организованном состязательном уголовном процессе.

---

[811] См.: Рудич В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения // Общество и право. 2017. № 2. С. 162.

Разница между этими моделями государства, каждой из которых соответствует своя правовая организация деятельности правоохранительных органов и, соответственно, свой уголовно-процессуальный механизм, состоит, прежде всего, в полноте и качестве реализации принципа разделения властей[812].

Указанный принцип разделения властей государства должен определять сущность того механизма, о котором будет говориться далее в диссертации; запрет на совмещение судебной и обвинительной функции – это самый важный, хотя и достаточно трудно исполнимый запрет[813], но именно независимый суд противостоит исполнительной власти, в этом противостоянии заключается самоограничение, сдерживание государства[814].

Независимость судебной власти, уполномоченной применять закон во всех спорных случаях правоприменения, – вот ещё одно фундаментальное положение, «несущая конструкция правового государства»[815], которая позволяет осуществлять воздействие государства исключительно в рамках права[816].

В приведённых суждениях, в частности о воздействии государства исключительно в рамках права, видится обязательность соблюдения принципа верховенства права. Полагаем, что реализовать принцип верховенства права можно как раз через применение судебного порядка применения мер пресечения. Такой судебный порядок является важным достижением современности, где суд является правоприменителем и одновременно – творцом права[817]. Сказанное

---

[812] См.: Рудич В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения // Общество и право. 2017. № 2. С. 162.

[813] Рудич В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения // Общество и право. 2017. № 2. С. 163.

[814] См.: Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. Т. 1. С. 284. Мизулина Е. Б. О технологической теории уголовного процесса // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие). М., 2006. С.72–73.

[815] Венгеров А. Б. Несущие конструкции правового государства (разрозненные заметки о советском обществе) // Право и власть. Человек, право, государство. Человек, закон и правосудие. М., 1990. С. 100.

[816] См.: Макарейко Н. В. К вопросу о соотношении насилия и государственного принуждения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 228.

[817] См.: Игнатова Н. С. Судебная власть: прерогативы контроля над законодательной и исполнительной ветвями власти // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 2. С. 25–28.

приводит к пониманию того, что с принятием судебного акта по вопросу применения меры пресечения суд создаёт право как нечто обязательное для всех. Следовательно, можно считать, что вот это творимое судом право и является результатом действия обосновываемого нами механизма применения мер пресечения.

Говоря о судебной процедуре, необходимо также указать, что важным условием реализации предлагаемых нами перемен является введение института следственных судей. В настоящее время вопрос о создании в отечественном уголовном судопроизводстве данного института вышел из плоскости чисто теоретических рассуждений в плоскость законодательных проектов и инициатив. Вопрос о правовом статусе следственного судьи как субъекта новой модели судебного контроля на стадии досудебного производства за применением мер пресечения стал одним из самых обсуждаемых в российской уголовно-процессуальной науке на протяжении последнего времени[818]. Он разделил ученых-процессуалистов на тех, кто положительно относится к этому нововведению, и его противников.

Противники данной идеи главным образом ссылаются на дороговизну проекта и его нереалистичность в современных условиях по этой причине, а также на то, что следование примеру наших западных партнеров будет свидетельствовать об «американизации» нашего права и утрате национальной идентичности[819].

Представляется, что по вопросу введения института следственных судей надо смотреть не на американский континент, а, например, на соседнее

---

[818] См., например: Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // Международная ассоциация содействия правосудию. 2015. URL: http://www.iuaj.net/node/1723 (дата обращения: 01.01.2017); Рябинина Т. К. Следственный комитет или судебный следователь // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1. С. 17–21; Докажите, ваша честь // Рос. газ. 2015. 13 янв. и др.

[819] См.: Головко Л. В. Институт следственных судей: американизация путем манипуляции // РАПСИ. 2015. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html (дата обращения: 01.01.2017); Морщакова Т. Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации // Международная ассоциация содействия правосудию. URL: http://www.iuaj.net/node/1718#comment-1092 (дата обращения: 01.01.2017).

государство Казахстан, в котором достаточно успешно функционирует институт следственных судей, о работе которых будет сказано чуть далее.

Кроме этого, профессор Л. В. Головко высказывает опасение, что может получится следующее: следственный судья рассматривает один вопрос уголовного дела, спустя время рассматривает другие дела, после чего снова рассматривает какой-то вопрос из предыдущего дела; в такой ситуации «мы сталкиваемся с полной фрагментаризацией процесса доказывания и абсолютным разрывом деятельности по собиранию и оценке доказательств, что не только противоречит фундаментальным положениям уголовно-процессуальной теории, но и неизбежно приведет уголовный процесс к хаосу. А это чревато разрушением не только правоохранительной, но и правозащитной систем со всеми вытекающими последствиями»[820].

С приведённым выше мнением сложно согласиться, поскольку аналогичные рассуждения уместны и в отношении существующего сегодня порядка рассмотрения уголовных дел по существу, при котором один и тот же судья рассматривает параллельно несколько уголовных дел[821] и аналогично фрагментарно через некоторое время возвращается к рассмотрению одного и того же дела. Такая существующая действительность в районных судах не вызывает подобной озабоченности, что видимо свидетельствует о том, что судьи справляются с возложенной на них задачей. Следовательно, есть основания считать, что и следственные судьи справятся с обозначенной проблемой.

Следует отметить, что и среди сторонников идеи модернизации существующей модели судебного контроля посредством введения в нее следственного судьи тоже нет единства, поскольку их разъединяет отношение

---

[820] Головко Л. В. Следственные судьи или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса? // Официальный сайт Издательской группы «Закон». 2015. URL: https://zakon.ru/blog/2015/3/16/sledstvennye_sudi_ili_ocherednoj_raund_amerikanizacii_rossijskogo_ugolovnogo_processa (дата обращения: 01.01.2017).

[821] Нагрузка на одного судью районного суда по городу Екатеринбургу в месяц доходит в среднем до 30 уголовных дел, рассматриваемых по существу. И это, не учитывая дежурного судьи, на которого возложено рассмотрение дел о применении меры пресечения и жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ.

к реформе предварительного расследования, а также и отношение к решению ряда других вопросов.

Рассмотрим две наиболее обсуждаемые ныне концепции следственных судей.

Объединяет данные концепции то, что, по мнению их разработчиков, через следственных судей можно будет добиться большей независимости и беспристрастности судебных органов при принятии промежуточных и итоговых процессуальных решений[822].

Некоторые сторонники концепции следственных судей ссылаются на то, что «загруженность судей районных судов «непрофильными» вопросами неизбежно снижает качество рассмотрения основных уголовных дел, а «арестные» полномочия плохо совместимы с сохранением беспристрастности судей при вынесении приговора»[823]. В связи с этим возникает необходимость отделения следственного судьи от судей, рассматривающих дела по существу.

Как отмечает О. В. Химичева, организационное и процессуальное «отделение следственного судьи, осуществляющего судебный контроль на досудебном производстве, от судей, рассматривающих уголовное дело по существу, будет в большей степени обеспечивать объективность и беспристрастность в судебном разбирательстве»[824]. Данный автор тем не менее предупреждает, что «к учреждению института следственного судьи необходимо

---

[822] См.: Ковтун Н. Н. Судебно-правовая реформа требует, прежде всего, определенности в терминах // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1. С. 128.

[823] См.: Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // Международная ассоциация содействия правосудию. 2015. URL: http://www.iuaj.net/node/1723 (дата обращения: 01.01.2017); Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. С. 204.

[824] См.: Химичева О. В. Судебный следователь или следственный судья? // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): Междунар. науч.-практ. конф. М., 2015. Ч. 2. С. 398; цит. по: Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. С. 205.

подходить крайне осторожно, чтобы не разрушить хрупкого баланса досудебного производства»[825].

С утверждением о том, что введение института следственных судей будет способствовать беспристрастности, безусловно, следует согласиться. Но вот, что касается вопроса разрушения баланса досудебного производства, то, полагаем, наоборот, введение института следственных судей этот баланс только улучшит, добавив в него элементы равенства и состязательности сторон[826].

К. В. Муравьев также считает, что «участие судьи на досудебном производстве при решении вопроса о мерах процессуального принуждения не может не оказывать влияния на формирование его внутреннего убеждения»[827]. Данный автор предлагает введение института следственных судей в качестве возможного оптимального подхода к решению вопроса о применении принудительных мер, затрагивающих конституционные права личности. Следственные судьи могут осуществлять свою деятельность «на нижестоящем уровне по отношению к тем судьям, которые рассматривают уголовное дело по существу»[828]. Такая позиция вполне согласуется с международно-правовым опытом и опытом зарубежных государств, на который принято ссылаться сторонниками идеи следственного судьи как субъекта применения мер пресечения в ходе досудебного производства.

Ошибочным является мнение о том, что роль следственного судьи в некоторых случаях может осуществлять мировой судья[829]. Проблема видится в первую очередь в слабой подготовке мировых судей по вопросам уголовного и уголовно-процессуального права, а также в уровне сложности принимаемых

---

[825] См.: Химичева О. В. Указ. соч. С. 398; цит. по: Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. С. 205.

[826] См., например: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изм. и доп.) // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=31;-57 (дата обращения: 01.10.2018).

[827] См.: Муравьев К. В. Указ.соч. С. 204.

[828] Там же. С. 205.

[829] См.: Деришев Ю. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: монография / Ю. В. Деришев, В. В. Николюк. Красноярск, 2003. С. 170.

решений, особенно по вопросам ограничения конституционных прав граждан. Есть опасение, что мировые судьи, как и суды общей юрисдикции, будут автоматически удовлетворять ходатайства об избрании мер пресечения и процент удовлетворённых ходатайств будет не 90,3 %, а все 100 %. Тем более неприемлемым является предложение создания института следственных судей на базе Следственного комитета России. В последнем случае была бы полная профанация не только судебного контроля за применением мер пресечения, но и принципа разделения властей в сфере уголовного судопроизводства.

Среди сторонников идеи модернизации существующей модели судебного контроля посредством ведения в нее следственного судьи есть различия и по кругу полномочий, которыми должен обладать следственный судья. По мнению ряда ученых (Т. Г. Морщакова, А. В. Смирнов и другие)[830], следственные судьи должны заниматься решением вопросов, затрагивающих конституционные права и свободы наших граждан в ходе предварительного расследования. К ним относятся и вопросы применения мер пресечения, таких как заключение под стражу, домашний арест, запрет определённых действий, залог, в тех случаях, когда обстоятельства, послужившие основанием для избрания меры пресечения, существенно изменились, или истекли установленные сроки применяемой меры пресечения[831]. Указанные ученые-процессуалисты также склонны отождествлять следственного судью с судебным следователем, участие которого в процессе регулировалось УУС 1864 года, и исходят из того, что в полномочия следственных судей должны входить уголовные дела особой важности: о тяжких

---

[830] См.: Морщакова Т. Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации // Международная ассоциация содействия правосудию. URL: http://www.iuaj.net/node/1718#comment-1092 (дата обращения: 01.01.2017); Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // Международная ассоциация содействия правосудию. 2015. URL: http://www.iuaj.net/node/1723 (дата обращения: 01.01.2017); Смирнов А. В. Вокруг института следственных судей: манипуляции с «американизацией» и «объективной истиной» // РАПСИ. 2015. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150323/273371872.html (дата обращения: 01.01.2017).

[831] Рудич В. В. Проекты новелл о следственном судье как субъекте, уполномоченном на применение существенных мер уголовно-процессуального принуждения / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // Российский следователь. 2015. № 17. С. 22.

и особо опасных преступлениях, в том числе и преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности[832].

По нашему мнению, нельзя согласиться с предложением о том, что следственные судьи должны осуществлять свои функции только по тяжким и особо тяжким преступлениям и по преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В полномочия следственного судьи должны входить вопросы по всем преступлениям. Половинчатые реформы неэффективны. Также нельзя согласиться с тем, что следственные судьи приравниваются к судебным следователям и, соответственно, по-прежнему будут находиться среди субъектов предварительного следствия. Следственный судья в состязательном процессе – это не судебный следователь как орган предварительного расследования в уголовном процессе следственного типа[833]. В настоящей работе уже приводились сведения о том, какими функциями и полномочиями обладал ранее судебный следователь. В частности, он, кроме прочего, вел расследование уголовного дела и направлял уголовное дело далее по инстанции. Также нами ранее отмечалось, что нет никакой надобности вводить процессуальную фигуру судебного следователя и порождать ещё один институт следователей. По нашему мнению, в этом случае вообще теряется весь смысл обсуждаемого вопроса.

Чтобы чётко понимать, о каком именно институте идёт речь, и что представляет из себя институт следственных судей, рассмотрим некоторые примеры работы этого института на основе международного опыта.

К примеру, в Швейцарской Конфедерации в каждом кантоне существует специализированный суд по мерам процессуального принуждения, который входит в систему кантональных судов первой инстанции. К компетенции специализированного суда относится только решение вопросов о мерах

---

[832] См.: Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // Международная ассоциация содействия правосудию. 2015. URL: http://www.iuaj.net/node/1723 (дата обращения: 01.01.2017).

[833] См. об этом подробнее: Ковтун Н. Н. О понятии и содержании термина «судебный следователь» (следственный судья) // Российский судья. 2010. № 5. С. 15–20. Позиция правоприменителей по вопросу о введении института следственных судей в том или ином варианте преобразования судебного механизма применения мер пресечения отражена в приложениях № 1–3.

процессуального принуждения. В кантоне суд по мерам процессуального принуждения в составе президента и четырех судей находится при суде округа. Судьи окружного суда также разрешают дела о применении мер процессуального принуждения (25 % нагрузки) наряду с рассмотрением других дел. Согласно ч. 2 ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Швейцарии, если судья в досудебном производстве принимал решение о применении к обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу или продления сроков его содержания под стражей, он не вправе рассматривать это дело по существу в качестве судьи. Особенностью является также то, что решение следственного судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не обжалуется[834].

Для Германии характерным является то, что у них на досудебной стадии действует не следственный судья, а участковый судья-дознаватель. Он при обращении полиции легализует материалы предварительного расследования, по ходатайству прокуратуры или стороны защиты проводит отдельные следственные действия, но при этом не принимает дело к своему производству и не отвечает за итоги уголовного преследования, что делает его фактически независимым арбитром по рассматриваемым вопросам. Такие следственные действия проводятся в состязательной форме: при участии в судебном заседании представителей сторон. Полученные в процессе таких следственных действий результаты оформляются в виде протоколов и имеют доказательственную силу. Для избрания меры пресечения в виде содержания под стражей прокурор или должностное лицо полиции обращается к участковому судье-дознавателю за письменным ордером, на основании которого подозреваемое или обвиняемое лицо может быть арестовано на срок до шести месяцев с возможным последующим продлением. В экстренных случаях арест может быть произведён и без ордера, в этом случае арестованный немедленно доставляется к участковому судье-дознавателю, где и решается вопрос о применении меры пресечения.

[834] См.: Schweizerische Strafprozessordnung (Strafprozessordnung, StPO) vom 5.10.2007: (Stand am 1. März 2019) // URL: https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20052319/index.html (дата обращения: 20.05.2019).

Обвиняемый вправе обратиться с ходатайством на приостановление или аннулирование арестного ордера, в этом случае вопрос о применении меры пресечения рассматривается в состязательной судебной процедуре с участием защитника. Участие защитника предусмотрено во всех действиях, которые осуществляет участковый судья-дознаватель[835].

Во Франции функционируют судьи по свободам и заключению[836]. Основное назначение данных судей состоит в разрешении вопросов, связанных с заключением под стражу, продлением срока содержания под стражей, освобождением из-под стражи. Судья по свободам и заключению «осуществляет судебный контроль только по требованию органов, ведущих производство по делу или по ходатайству сторон»[837]. Он не связан со следствием общими функциями или структурной организацией деятельности, чем, по нашему мнению, достигается его независимость.

Статья 247 Уголовно-процессуального кодекса Украины предусматривает в составе судов первой инстанции наличие следственного судьи. Следственный судья в соответствии с п. 18 ч. 1 ст. 13 УПК Украины осуществляет судебный контроль и способствует соблюдению прав и свобод граждан на досудебной стадии. В его компетенцию входит решение вопроса о применении мер уголовно-процессуального принуждения; полномочия относительно рассмотрения жалоб на действие (бездействие) и решение лица, которое производит дознание, следователя и прокурора; полномочия относительно решения вопроса о проведении следственных действий, которые ограничивают конституционные права и свободы человека; иные полномочия. Следственный судья не участвует в рассмотрении материалов уголовного дела и, соответственно, не выполняет

---

[835] См.: Калиновский К. Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств. Петрозаводск, 2000.

[836] См.: Головко Л. В. Реформа уголовного процесса во Франции // Государство и право. 2001. № 8. С. 93; Муравьев К. В. Указ. соч. С. 79.

[837] См.: Гуценко К. Ф. Уголовный процесс западных государств / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головко, Б. А. Филимонов. М., 2002. С. 346.

функций правосудия[838]. Однако статьей 177 УПК Украины за ним закреплена обязанность оценивать, доказан ли факт преступления и причастность обвиняемого к инкриминируемому преступлению, а также доказано ли обоснованное подозрение, при этом статьей 198 УПК Украины установлено, что любые выводы, сделанные следственным судьей, не имеют в дальнейшем при рассмотрении дела по существу никакого преюдициального значения. В отношении указанных положений Н. Н. Ковтун отмечает: «тем самым, во-первых, методологически точно определены действительный предмет и пределы оценки следственного судьи. Во-вторых, установлены гарантии, не допускающие ограничения независимости иных судей, отправляющих правосудие, и воздействие на их внутреннее убеждение о свойствах и обстоятельствах дела»[839].

Отдельно следует отметить положения ч. 3 ст. 93, ст. 160–166; ч. 2 ст. 100 УПК Украины, которые обеспечивают получение доказательств с помощью следственного судьи стороной защиты, равно как и потерпевшим. Согласно ч. 1 ст. 242 и ч. 2 ст. 243 УПК Украины, следственный судья может назначить экспертизу, в том числе и по ходатайству стороны защиты, и провести её как следственное действие. В соответствии с ч. 6–7 ст. 206 УПК Украины следственный судья как по заявлению, так и по своей инициативе может предпринять все действия для фиксации фактов осуществления насилия или пыток в отношении подозреваемого или обвиняемого.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан, следственный судья выбирается на общем собрании, либо назначается председателем суда в зависимости от количественного состава суда первой инстанции. Следственный судья единолично в судебном заседании с участием стороны обвинения, стороны защиты и прокурора рассматривает вопросы,

---

[838] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI (с изм. и доп.) // Кодексы. URL: https://kodeksy.com.ua/ka/upku-2012.htm (дата обращения: 01.01.2018).

[839] Ковтун Н. Н. Институт специализированных следственных судей: к дискуссии о векторах законодательной воли // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2. С. 174–183.

входящие в сферу его полномочий. Для правильного и полного рассмотрения вопросов в рамках своей компетенции он вправе истребовать у органов, проводящих предварительное расследование, все материалы уголовного дела для ознакомления, вызывать в проводимое им судебное заседание процессуальных участников по уголовному делу и проводить их допросы в рамках судебной процедуры.

В ходе досудебного производства следственный судья, в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, рассматривает вопросы санкционирования содержания под стражей, домашнего ареста, экстрадиционного ареста, продления сроков содержания под стражей, вопросы о такой мере пресечения, как залог, а также вопросы ареста имущества, проведения судебно-психиатрической экспертизы, судебно-медицинской экспертизы, определения несовершеннолетних в специальные учреждения и другие[840]. Также он рассматривает жалобы на действия (бездействие) и на решения дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора, может осуществлять другие действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством Республики Казахстан[841].

Осуществленный на основе опыта других стран анализ полномочий и функций следственного судьи приводит к выводу, что институт следственных судей при условии эффективной организации их деятельности и наделении их необходимыми полномочиями весьма значим и может реально способствовать укреплению равенства и состязательности сторон, а также соблюдению иных прав и законных интересов участников процесса на предварительном следствии.

Введение следственного судьи в структуру уголовного судопроизводства РФ, как подчеркивается в специальных исследованиях, влечет преобразование

---

[840] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изм. и доп.) // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=31;-57 (дата обращения: 01.10.2018).

[841] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изм. и доп.) // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=31;-57 (дата обращения: 01.10.2018).

всего судебного ведомства[842]. Ряд авторов отмечает, что необходимо обеспечить независимость следственных судей (по вопросу проверки принятых ими судебных решений) от судов общей юрисдикции, что влечет создание соответствующих инстанций в структуре института следственных судей[843].

Из всех предлагаемых нашими соотечественниками вариантов создания института следственных судей наиболее реальной представляется правовая модель судебного контроля, которая изложена в «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации». Ее разработчиками предлагается концепция следственного судьи, которая близка западноевропейской модели правовой организации применения мер пресечения (иных мер правоограничительного характера) в ходе досудебного расследования преступления.

Совершенно верна позиция Н. Н. Ковтуна и А. С. Александрова, согласно которой следственный судья является федеральным органом судебной власти, функционирующим независимо от системы судов общей юрисдикции. В досудебном уголовном производстве он и реализует комплекс юрисдикционных и следственных функций, которые направлены на разрешение вопроса об ограничении конституционных прав граждан – применении мер пресечения, обеспечение соблюдения прав участников в досудебной стадии процесса, депонирование доказательств по ходатайству сторон; при этом, являясь независимым органом, следственный судья обязан сохранять объективность, беспристрастность и не становиться на сторону обвинения или защиты при вынесении решений по вопросам в рамках своей компетенции[844]. В этом

---

[842] См.: Рудич В. В. Проекты новелл о следственном судье как субъекте, уполномоченном на применение существенных мер уголовно-процессуального принуждения / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // Российский следователь. 2015. № 17. С. 21–25.

[843] См.: Химичева О. В. Указ. соч. С. 396; Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. С. 206.

[844] См.: Рудич В. В. Проекты новелл о следственном судье как субъекте, уполномоченном на применение существенных мер уголовно-процессуального принуждения / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // Российский следователь. 2015. № 17. С. 23–24; Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней / А. С. Александров, И. А. Александрова [и др.]. М., 2015.

положении пассивности следственного судьи в доказывании состоит суть состязательного подхода к конструированию модели судебного контроля, имеющего своим субъектом данный орган правосудия. На следственного судью следует возложить полномочия по санкционированию всех мер пресечения, которые, согласно УПК РФ, будут отнесены к судебной процедуре.

Кроме того, необходимо полностью поддерживать положение о том, что юрисдикция следственных судей должна распространяться на всех граждан и на все споры, возникающие между участниками досудебного производства, с обязательным соблюдением принципа равенства всех перед законом и судом[845].

При этом сама судебная процедура при решении вопроса о применении меры пресечения, проводимая следственным судьей, включающая доказывание обоснованности подозрения и оснований избрания конкретной меры пресечения, должна проводиться в условиях равенства и состязательности сторон, устности, гласности и независимости следственного судьи[846].

При этом, по нашему мнению, у следственного судьи должны быть более широкие полномочия, чем те, которые существуют сегодня у судей, рассматривающих вопрос о применении мер пресечения. Следственный судья должен иметь возможность проверять правильность квалификации деяния с целью не допускать существующей сегодня практики применения квалификации «с запасом», рассматривать вопрос виновности, чтобы чётко определять умышленные и неосторожные деяния, так как этот вопрос имеет значение для применения меры пресечения. Иметь право запрашивать все материалы уголовного дела, а не исследовать только те материалы, которые предоставляет следователь. При необходимости самостоятельно проводить допрос конкретных лиц, осуществлять контроль за ходом предварительного расследования в порядке ст. 125 УПК РФ, разрешать ходатайства связанные

---

[845] Рудич В. В. Проекты новелл о следственном судье как субъекте, уполномоченном на применение существенных мер уголовно-процессуального принуждения / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // Российский следователь. 2015. № 17. С. 24.

[846] Рудич В. В. Проекты новелл о следственном судье как субъекте, уполномоченном на применение существенных мер уголовно-процессуального принуждения / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // Российский следователь. 2015. № 17. С. 24.

с осуществлением защиты и способствовать реализации принципа состязательности и равенства сторон на предварительном следствии. Наличие таких полномочий у следственного судьи вполне оправдано, поскольку он не рассматривает дело по существу.

Именно такая организация судебного контроля в принятии решения о применении мер пресечения наиболее подходит для обосновываемого нами механизма применения мер пресечения, а институт следственных судей с указанными нами полномочиями являлся бы его неотъемлемой качественной частью. Представляется, что введение в отечественный уголовный процесс института следственных судей станет одним из шагов к созданию качественно новой модели судебного уголовно-процессуального механизма принятия решений о применении мер пресечения.

Обосновывая создание нового правового механизма применения мер пресечения и говоря о судебной процедуре, считаем, что для достижения положительного состязательного эффекта сам судебный процесс по решению вопроса о применении меры пресечения должен проходить так же, как и при рассмотрении дела по существу по правилам гл. 37 УПК РФ.

Суд не должен ограничиваться только исследованием материала судебно-контрольного дела и характеристиками обвиняемого (подозреваемого) для решения вопроса о применении меры пресечения или об отказе в их применении. Судебная процедура должна быть в первую очередь полноценной, а значит предусмотренный порядок проведения судебного разбирательства не должен изменяться (сокращаться, упрощаться и т. д.). Принимая во внимание существующие научные воззрения о том, что меры процессуального принуждения «допустимо относить к средствам уголовно-правового воздействия»[847], логично считать, чтобы и решение вопроса об их применении проходило в том же судебном порядке, в котором решается вопрос о применении уголовно-правового воздействия – наказания. Единственным основанием изменения указанного

[847] См.: Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017. С. 80.

порядка судебной процедуры может быть только согласие обвиняемого на применение к нему предлагаемой органом обвинения меры пресечения. Тогда решение может быть принято в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ.

Продолжая логику обоснования необходимости структурных изменений досудебного производства относительно организации состязательного механизма применения мер пресечения, следует рассмотреть вопрос, касающийся положения и участия в нем прокурора.

В настоящее время многие ученые признают неудовлетворительной конфигурацию отношений между прокурором и следственным органом[848]. Изменение главного отношения между органом следствия и прокурором имело важнейшим последствием перестановку в «цепочке» субъектов правоприменения, задействованных в применении меры пресечения (следователь→руководитель следственного органа→судья). Прокурор не выпал из нее совсем, но перестал быть обязательным, решающим звеном в вопросах применения мер пресечения. Он вовлекается и участвует в стадии судебного процесса, но не на стадии досудебного контроля и согласования ходатайства об избрании меры пресечения. Получается, что следователь и руководитель следственного органа самостоятельно, без всякого прокурорского надзора принимают решение об обращении с ходатайством в суд о применении меры пресечения. Причина такого положения, как нам представляется, кроется в конструкции существующего законодательства.

Согласно п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ участие прокурора в судебном заседании при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также при продлении ее срока, является обязательным. В то же время юридико-технические детали его участия в процедуре применения мер пресечения (по делу, которое

---

[848] См.: Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения / под общ. ред. А. А. Тарасова. М., 2015. С. 154; Потапов Д. В. О некоторых проблемах выстраивания отношений между участниками предварительного расследования в современном российском уголовном процессе // Охрана прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 366–372.

ведется следователем) не прописаны в тексте УПК и концептуально его участие в этой процедуре ослаблено доминирующим положением следственного органа почти во всех досудебных процедурах (это очевидно из положений ст. 37; 38 УПК РФ). Участие следователя, руководителя следственного органа, дознавателя в судебном заседании рассматривается как их право, которым они могут и не воспользоваться.

Следователь, а также любой другой представитель органа предварительного расследования (как лицо, непосредственно осуществляющее досудебное производство по уголовному делу), может участвовать в судебной процедуре применения мер пресечения, в том числе и в качестве «свидетеля обвинения». Это, как правило, связано с целью сообщения суду сведений, подтверждающих наличие оснований для применения меры пресечения, включая данные, полученные оперативно-розыскным путем, данные о личности обвиняемого, его поведении при задержании и в других ситуациях, возникавших в ходе расследования (ч. 4 ст. 108 УПК РФ)[849].

Существующее положение такого двоевластия иногда порождает ситуации, когда в судебном заседании позиция прокурора и следователя расходятся, причем настолько серьезно, что прокурор настаивает не только на избрании иной меры пресечения, но и освобождении задержанного подозреваемого (обвиняемого).

Так, согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2015 году прокурорами рассмотрено 12523 постановления дознавателей о возбуждении перед судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (в 2014 году – 13306; в 2013 году – 13297), по 11400 из

[849] Между тем сторонники следственной доктрины постоянно выходят с предложениями о расширении полномочий следователя (руководителя следственного органа) по применению мер пресечения. В частности, ими обосновывается целесообразность внесения в ч. 4 ст. 108 УПК изменений, обязывающих участвовать следователя, принявшего уголовное дело к производству либо уполномоченного руководителя следственного органа в судебном заседании в случае рассмотрения ходатайства судом по месту задержания подозреваемого (обвиняемого). См., например: Ерохина О. С. Участие следователя в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 7–9).

которых было дано согласие по существу ходатайства (в 2014 году – 11920; в 2013 году – 11870)[850].

В 2015 году судами отказано в удовлетворении 1184 ходатайств дознавателей о применении меры пресечения в виде заключения под стражу (в 2014 году – 1191; в 2013 году – 1199) либо избрана иная мера пресечения (в 2015 году – 338; в 2014 году – 361; в 2013 году – 314)[851].

За 2015 год в судах первой инстанции с участием прокурора рассмотрено 134077 ходатайств следователей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (в 2014 году – 127047; в 2013 году – 126026); прокуроры не поддержали 3,2 % (или 4333 ходатайства следователей о применении данной меры пресечения); в 2014 году – 3 % (или 3852); в 2013 году – 2,9 % (или 3759)[852].

При этом из числа не поддержанных прокурором суд первой инстанции в 2015 году удовлетворил всего 5 % (или 231); в 2014 году – 4,2 % (или 164); в 2013 году – 5 % (или 193)[853]. В 2011 году судами удовлетворено – 186 ходатайств, не поддержанных прокурором, а в 2012 году – 207 ходатайств[854].

Приведённая статистика подтверждает не только тот факт, что имеются случаи, когда позиции следователя и прокурора диаметрально расходятся, но и то, что мнение прокурора по вопросу применения меры пресечения не является значимым ни для органа расследования, ни для суда.

Поскольку прокурор не обладает полномочиями давать указания как следователю, так и руководителю следственного органа по вопросу заключении

---

[850] Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: http://www.genproc.gov.ru/stat/data/ (дата обращения: 27.09.2019).

[851] Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: http://www.genproc.gov.ru/stat/data/ (дата обращения: 27.09.2019).

[852] Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: http://www.genproc.gov.ru/stat/data/ (дата обращения: 27.09.2019).

[853] См.: Зяблина М. В. Современные проблемы обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на свободу и личную неприкосновенность // Российская юстиция. 2016. № 6. С. 31–35.

[854] См.: Щерба С. П. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу / С. П. Щерба, А. В. Попова // Законность. 2016. № 1. С. 22–26.

обвиняемого (подозреваемого) под стражу, он может лишь требовать от указанного субъекта уголовно-процессуальных отношений устранения нарушений уголовно-процессуального закона (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК)[855].

Позиция судов, выражающаяся в том, что вопреки возражениям прокурора удовлетворяется ходатайство следователя, не поддерживается рядом учёных-процессуалистов[856].

Существуют и иные подходы. Так, В. Наседкин высказывает мнение о том, что необходимо вообще отказаться от обязательного участия прокурора при применении меры пресечения и сохранить это право лишь для тех случаев, когда прокурор не согласен с позицией следствия[857].

Е. Рябцев указывает на то, что раз руководитель следственного органа утверждает ходатайство следователя о применении меры пресечения, то он и должен его поддерживать в суде, а прокурор, выразивший несогласие с мнением следствия, может его в последующем обжаловать[858].

По нашему мнению, проблема такого восприятия судом позиции прокурора и разница научных суждений по вопросу применения мер пресечения состоит в том, что нет чётко урегулированного ответа на вопрос о том, в качестве кого выступает прокурор в таком судебном заседании. Если смотреть с позиции нормы ч. 6 ст. 108 УПК РФ, получается, что прокурор относится к стороне обвинения. Так считают и некоторые авторы, по мнению которых законодатель относит

---

[855] См.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / В. М. Лебедев [и др.]; под ред. В. М. Лебедева. М., 2016. Ч. 1.; Постановление Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 06.06.2013 по уголовному делу № 130003077 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга.

[856] См.: Табакова М. А. Пробелы правового регулирования учета позиции прокурора при применении заключения под стражу в качестве меры пресечения // Бизнес в законе. 2012. № 2. С. 207–209; Халиуллин А. Г. Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 11. С. 3–8.

[857] См.: Наседкин В. Оптимизация процедуры поддержания в судах ходатайств следственных органов – действенный способ повышения эффективности прокурорского надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Законность. 2016. № 3. С. 3–4.

[858] См.: Рябцева Е. В. Давайте будем последовательны в реформировании уголовного судопроизводства! (о соотношении прокурорского надзора и судебного санкционирования на предварительном следствии) // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 57–59.

прокурора к стороне обвинения[859]. В частности, Н. Н. Розин считает, что прокурор в любой момент предварительного расследования выступает полномочным представителем стороны обвинения в отношениях со стороной защиты и судом[860].

Однако, согласно приказам Генерального прокурора РФ, одной из главных функций прокурора является надзор, и в случае выявления нарушений прав лица, в отношении которого применяются меры пресечения, прокурор должен занять позицию, направленную на устранение этих нарушений[861].

Как мы видим, в отношении прокурора по вопросу его участия в судебном заседании при решении вопроса о применении меры пресечения имеется два противоречащих друг другу законодательных положения.

Если прокурор выступает в качестве представителя стороны обвинения, то тогда он должен поддерживать позицию следствия[862]. Если прокурор выступает в качестве надзорного органа за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, то тогда его позиция может отличаться от позиции следствия и суд должен её учитывать.

Следует обратить внимание еще на одну проблему дисбаланса полномочий следователя и прокурора в рамках процедуры применения меры пресечения, а именно: первый не вправе подавать апелляционные жалобы и представления на решение суда о применении меры пресечения, а второй – приносить ходатайство об избрании меры пресечения.

---

[859] См., например: Колоколов Н. А. Глава 52 УПК РФ: новое в законе // Уголовный процесс. 2007. № 6. С. 30–37.

[860] См., например: Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Петроград, 1916. С. 231, 412–414.

[861] См.: Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве: приказ Генерального прокурора РФ от 27 ноября 2007 г. № 189 (с изм. и доп.) // Законность. 2008. № 2; 2018. № 7; Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генерального прокурора РФ от 2 июня 2011 г. № 162 (утратил силу) // Законность. 2011. № 11; Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генерального прокурора РФ от 28 декабря 2016 г. № 826 // Законность. 2017. № 3.

[862] См.: Манова Н. С. Роль прокурора при решении судом вопроса о применении мер пресечения / Н. С. Манова, К. А. Рыгалова // Законность. 2017. № 12. С. 6–10.

Таким образом, проблема видится в первую очередь в отсутствии четкой определённости в представлении о том, кем является прокурор в судебном процессе, в котором решается вопрос о применении меры пресечения: стороной обвинения или органом надзора?

Как пишет К. Б. Калиновский, «эта проблема связана с общей разбалансировкой процессуального положения прокурора и следователя»[863]. Решение указанной проблемы он видит в применении аналогии положения ч. 7 ст. 264 УПК РФ, когда возражение прокурора по вопросу удовлетворения ходатайства следователя о применении меры пресечения в виде заключения под стражу будет, равно как и отказ прокурора от обвинения, обязательным для суда. Такое регулирование повлечет изменение стереотипов работы следственных органов, которые будут вынуждены заранее на организационном уровне согласовывать свои ходатайства с прокурором и при недостижении согласия не подавать ходатайства. Следовательно, считает К. Б. Калиновский, количество необоснованных ходатайств сократится[864]. Данное предложение соответствуют взглядам Н. Н. Полянского, который утверждал, что полномочия иных субъектов стороны обвинения вроде следователя, дознавателя на обращение об избрании меры пресечения реализуются в той мере, в какой санкционируются прокурором[865].

По нашему мнению, недостаток вышеуказанного предложения в том, что оно носит изолированный характер от общей проблемы реформы предварительного расследования. Следует считать, что вряд ли подобное «точечное» разрешение одного вопроса с участием прокурора поможет сократить количество необоснованных ходатайств об избрании меры пресечения.

Необходимо учитывать, что, несмотря на отсутствие в УПК РФ чётко прописанных юридико-технических деталей участия прокурора в решении

---

[863] Калиновский К. Б. Обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения. С. 39, 40.

[864] Там же. С. 39, 40.

[865] См.: Полянский Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927. С. 61–72.

вопроса о применении меры пресечения, именно на прокурора возложена обязанность надзора за соблюдением прав лица, в отношении которого принимается решение о применении меры пресечения, и именно прокурору предоставлено право приносить протест на решение суда. В этом случае мы полагаем возможным закрепить через прокуратуру как надзорный орган право реализовывать все правопритязания обвинительной власти к судебной власти. Из права обвинять (поддерживать обвинение в суде) вытекает и право обращаться к суду за применением к обвиняемому, подозреваемому меры пресечения. Следовательно, логично наделить прокурора правом обращаться от имени правоохранительных органов к суду по вопросу применения мер пресечения к обвиняемому, подозреваемому. Обращение прокурора, соответственно, будет приводить в движение уголовно-процессуальный – судебный механизм применения мер пресечения. Полагаем, что прокурор должен выступать единственным субъектом правопритязания на применение меры пресечения к лицу, подвергаемому уголовному преследованию[866]. А базовое уголовно-процессуальное отношение между правоохранительными органами, уполномоченными законом на уголовное преследование, судом и стороной защиты должно возникать по схеме: «полиция → прокурор → следственный судья ↔ сторона защиты». На наш взгляд, эта модель отношений «прокурор – полиция (следователь, дознаватель)» должна определять суть деятельности по применению мер пресечения. Отсюда вытекает, что любые предложения на применение мер пресечения, адресованные судебной власти, должны исходить в ходе досудебного производства от прокурора.

Орган предварительного расследования – уголовного преследования в лице следователя, дознавателя (в принципе неважно, как будет называться этот орган) – не должен самостоятельно вступать в процессуальные отношения с судебным органом по поводу применения мер пресечения. Его полномочия должны ограничиваться собиранием и передачей прокурору фактического материала,

---

[866] См.: Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 185.

подтверждающего ходатайство о применении меры пресечения. Разумеется, органы предварительного расследования должны обладать полномочиями на задержание правонарушителя и его доставление к месту предварительного заключения до решения вопроса судом о применении меры пресечения.

Основываясь на приведённых рассуждениях, имеются все основания утверждать, что необходимо усилить прокурорский надзор и роль прокурора как руководителя уголовного преследования при избрании меры пресечения и продлении срока ее применения. Указанное мнение подтверждается и данными проведённого нами социологического опроса[867]. Такой порядок взаимоотношений обвинительной власти, следствия и прокуратуры представляется нам логичным и объективно верным. Следует добавить весьма значимое пояснение по предложенной нами схеме «полиция → прокурор → следственный судья ↔ сторона защиты». Знак обоюдного взаимодействия (↔), указанный между следственным судьёй и стороной защиты, обозначает, что сторона защиты, привлекаемая в суд на основании обращения прокурора для рассмотрения вопроса о применении меры пресечения, имеет право в суде выдвинуть свои требования, в частности, об избрании иной меры пресечения, более мягкой, чем будет заявлено прокурором. Этим знаком демонстрируется необходимое наличие равенства и состязательности, которые должны быть обязательными в обосновываемом нами механизме применения мер пресечения.

Перейдём к следующему вопросу анализируемой нами проблематики, а именно: как приводится в действие механизм применения мер пресечения. Для раскрытия данного вопроса необходимо привести целый ряд суждений отечественных процессуалистов, высказывавших своё мнение относительно состязательного судебного процесса. Как нами уже не раз отмечалось, отечественная теория доказывания, как и вся уголовно-процессуальная наука, сложилась в условиях и под влиянием следственного процесса. В связи с этим А. О. Машовец отмечает, что «актуальной проблемой для современной российской уголовно-процессуальной науки, как, впрочем, и для практики,

[867] См. приложения № 2 и № 3.

является слом следственных канонов и стереотипов, а также утверждение состязательной парадигмы мышления. Одним из приемов деконструкции сложившихся в нашей науке следственных стереотипов является перенос в публично-правовую сферу конструкций, традиционно используемых в сфере частного права. Одной из таких конструкций является уголовный иск»[868].

Об уголовном иске и его значимости в уголовном процессе высказывались ещё дореволюционные процессуалисты[869]. Возможность предъявления уголовного иска неоднократно обосновывалась и современными учёными[870].

Понятие уголовного иска содержится и в энциклопедическом словаре, согласно которому уголовный иск – «есть требование, предъявленное к суду о наказании виновного, уголовный иск определяет содержание и направление судебного разбирательства, наличность его предполагается во всех стадиях и во всех типах процесса»[871].

Высказывается мнение, что публичные правопритязания – это организованные притязания на признание и защиту, которые возникают у субъекта при обращении в суд и являются уголовным иском[872].

---

[868] Машовец А. О. Доказывание уголовного иска в состязательном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 2. С. 154.

[869] См.: Азаревич Д. Общее всем право судебного преследования правонарушений // Журнал гражданского и уголовного права. № 2. 1893. С. 11–15; Зачинский А. О начале государственного обвинения // Временник Демидовского юридического лицея. 1887. Кн. 45. С. 60–64; Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года : теорет. и практ. руководство / А. Квачевский. СПб., 1869. Ч. 3. С. 11–14; Таубер Л. Я. Иск, обвинение и состязательное начало. (Процессуальные параллели) // Вестник гражданского права. 1917. № 1. С. 77–79, 90, 96–98.

[870] См.: Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... д-ра юридических наук: 12.00.09 / Абшилава Георгий Валерьянович. М., 2012. С. 109–121; Александров А. С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 38–44; Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска / И. А. Александрова [и др.]. Н. Новгород, 2007. С. 12, 23–26, 34; Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе. Н. Новгород, 2009. С. 374–383.

[871] Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, О. О. Петрушевского. Лейпциг, СПб., 1890–1907. Т. 13. С. 41.

[872] См., например: Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства: монография / под ред. Н. С. Мановой. М., 2016. С. 66.

Следует принять во внимание и мнение о том, что «публично-правовая природа судебной защиты права против его нарушения – … родовая черта любого иска … Предъявление обвинения на предварительном следствии, с которым связывают привлечение к уголовной ответственности лица …, происходит помимо суда – это есть следственная (инквизиционная) организация уголовного преследования. Уголовный иск же адресовывается суду, т. е. обвинение происходит перед судом – уже одним этим предопределяется состязательный строй судопроизводства. Иными словами, посредством исковой формы задается определенный алгоритм действий власти в отношении индивида в связи с предполагаемой реализацией в отношении него уголовной репрессии»[873].

Беря во внимание вышесказанное, следует признать верным утверждение о том, что выдвижение в суде уголовного иска приводит в движение состязательный уголовный судебный процесс[874]; и, соответственно, деятельность, которая лежит за пределами искового уголовного судебного производства, не есть судебный процесс[875]. Следовательно, верным является и утверждение о том, что состязательный уголовный процесс, приводимый в движение выдвижением в суде уголовного иска[876], делает обязательным проведение судом проверки выдвинутого обвинения и принятие справедливого и законного решения на основе исследованных в суде материалов[877].

Как отмечает А. А. Кухта, понятие иска применимо к любому требованию, с которым сторона обвинения обращается к судебной власти, в том числе и правопритязание на признание у исполнительной власти права на применение меры пресечения к обвиняемому[878].

---

[873] Александров А. С. Субсидиарный уголовный иск: монография / А. С. Александров, В. Е. Гущев. Н. Новгород, 1999. С. 102.

[874] См.: Машовец А. О. Доказывание уголовного иска в состязательном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 2. С. 154–158.

[875] См.: Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно–процессуальная форма). М., 2003. С. 27 и след; Рязановский В. А. Единство процесса: учебное пособие. М., 2005. С. 37.

[876] См.: Рязановский В. А. Указ. соч. С. 37.

[877] См.: Машовец А. О. Доказывание уголовного иска в состязательном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 2. С. 154.

[878] См.: Кухта А. А. Указ. соч. С. 173.

Обосновывая необходимость применения в уголовном процессе конструкции уголовного иска, мы исходим из того, что при состязательно-исковой правовой организации уголовного процесса, как справедливого способа проверки судом обоснованности выдвинутого обвинения (подозрения), вопрос о совершении преступления из разряда материально-правовых явлений переводится в ряд процессуальных феноменов. Основания уголовной ответственности трактуются как «вопросы судебного дела», «предмет доказывания» в суде, то есть возникает юридическая конструкция, наполняемая в конкретном уголовном деле данными судебного следствия по состязательной технологии доказывания. Аналогичным образом необходимо рассуждать и применительно к доказыванию оснований применения мер пресечения. На основе вышеприведённых суждений следует согласиться с утверждением о том, что схема искового уголовного судопроизводства применима и к разрешению вопроса о применении меры пресечения[879]. По нашему мнению, такая схема представляется наиболее верной, поскольку задаёт состязательный алгоритм судебной процедуры разрешения вопроса о применении меры пресечения.

Следует также добавить, что мы являемся сторонниками идеи об универсальности института иска как правопритязания стороны в споре на принятие судом решения в ее пользу. Уголовный иск является юридическим средством для защиты интересов. Бремя доказывания уголовного иска о применении к обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения лежит на стороне обвинения. Это общее положение учения об иске. Однако в состязательном процессе данное обстоятельство не освобождает сторону защиты от активной позиции по доказыванию своих доводов и опровержению доводов стороны обвинения. В этом также состоит смысл судебного состязания и в целом работы состязательного механизма применения мер пресечения. Соответственно, исследование сторонами в рамках состязательного, искового доказывания сведений (фактических данных) и установление в результате судебного следствия оснований для принятия судом решения о применении меры

[879] См.: Кухта А. А. Указ. соч. С. 198.

пресечения или об отказе в их применении – это не что иное, как работа (действие) состязательного механизма применения мер пресечения.

На основе приведённых суждений мы приходим к пониманию, что уголовный иск, выдвинутый в суде, приводит в движение состязательный механизм применения мер пресечения, равно как и состязательный процесс в целом. Это обусловлено тем, что имеется прямая взаимосвязь между состязательным процессом и, соответственно, реализуемым в рамках этого процесса состязательным механизмом применения мер пресечения.

Исходя из результатов проведенного исследования, можно указать основные элементы, составляющие обосновываемый нами состязательный механизм применения мер пресечения, и сформулировать основные условия, обеспечивающие работу этого механизма.

Элементами механизма применения мер пресечения являются:

а) правовые стандарты (справедливого судебного разбирательства, равенства сторон, состязательности сторон, законности и т.д.);

б) обоснованность подозрения;

в) уголовный иск (судебно-исковой способ приведения в действие механизма применения мер пресечения);

г) правовое положение участников судебной процедуры применения мер пресечения (обязательность участия);

д) формирование доказательств (опора техники доказывания на предоставлении сторонами сведений (фактических данных), которые могут стать доказательствами только после исследования их в суде и придания им процессуальной формы);

е) основания принятия решения;

ж) право суда применять одновременно несколько мер пресечения с целью выбора оптимального варианта и достижения эффективности применения мер пресечения при соблюдении баланса публичного и частного интересов.

К условиям, определяющим основу для создания и работы обосновываемого механизма применения мер пресечения, относятся:

а) независимость суда (причём должна соблюдаться как объективная, так и субъективная независимость суда, основанная на принципе разделения исполнительной и судебной власти и введении нового института – следственных судей);

б) верховенство права;

в) переход на состязательный тип уголовного процесса;

г) выведение деятельности стороны обвинения и стороны защиты за рамки процессуальной деятельности (следственную форму правоприменения следует заменить системой судебных производств, деятельность правоохранительных органов должна осуществляться в форме полицейского дознания), при которой стороны могут собирать и предоставлять в суд сведения (фактические данные), которые изначально не могут представлять собой готовые процессуальные доказательства;

д) прокурор должен являться единственным субъектом правопритязания – искового требования о применении к обвиняемому, подозреваемому меры пресечения;

е) необходим переход на судебно-исковую модель предъявления обвинения и применения мер пресечения;

ж) при решении вопроса о применении меры пресечения следственным судьей должен осуществляться контроль квалификации предъявленного обвинения с целью недопущения квалификации «с запасом»;

з) процедура при рассмотрении вопроса о применении мер пресечения должна проходить в порядке гл. 37 УПК РФ (единственным основанием изменения указанного порядка судебной процедуры может быть только согласие обвиняемого на применение к нему предлагаемой органом обвинения меры пресечения, тогда решение может быть принято в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ).

При таких условиях, с такой организацией и с такими элементами в своём содержании обосновываемый нами механизм применения мер пресечения и есть система сдержек и противовесов между обвинительной и судебной властью,

которая определяет состязательную правовую организацию деятельности всех участников правоприменительного процесса.

Раскрывая шире это понятие можно сказать, что под указанным «механизмом» следует понимать правовую организацию деятельности сторон и суда, направленную на разрешение уголовного иска о применении меры пресечения или об отказе в её применении. Действие обосновываемого нами механизма применения мер пресечения следует увязывать не только с применением норм уголовно-процессуального, но и уголовного закона (УК РФ), потому что применение уголовно-процессуальных норм – не самоцель, а форма или средство для правильного применения норм уголовного закона. Представляется, что указанный механизм должен объяснять то, как происходит применение УПК РФ, а в результате этого правоприменения происходит и реализация норм УК РФ к конкретным случаям совершения преступления. Как часть единого целого – механизма правоприменения (уголовного и уголовно-процессуального закона) – механизм применения мер пресечения является инструментом противодействия преступности. Наряду с этим данный правовой механизм обеспечивает и защиту прав и свобод человека, ставшего объектом уголовного преследования. Указанные рассуждения приводят к пониманию того, что при такой состязательно-правовой организации деятельности всех участников правоприменительного процесса сам процесс принятия решения в отношении обвиняемого (подозреваемого) в ходе совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений, связанных с избранием, отменой или изменением мер пресечения, приобретает иную форму, имеющую свои особенности. Именно при такой организации механизма применения мер пресечения достигается цель разделения исполнительной и судебной власти и создание независимого суда.

Предлагаемый и обосновываемый нами механизм применения мер пресечения принципиально и в корне отличается от существующего сегодня судебного контроля за применением мер пресечения, проводимого исключительно по инициативе органов предварительного расследования, которые

вносят в суд ходатайство о выдаче им разрешения на проведение того или иного процессуального действия.

В результате такого ходатайства суд, имея общеизвестные ограничения, осуществляет лишь контрольную функцию на предмет: разрешить органам предварительного расследования осуществить (реализовать) уже принятое ими решение о применении меры пресечения или нет. В итоге возникает не состязательная плоскость спора между равными сторонами в суде на основе доказывания своих доводов и опровержения довода оппонента, а лишь судебный контроль «формальной правильности»[880] принятого органами предварительного расследования решения о применении меры пресечения. Veritatis terror – ужас истины – заключается в том, что такой судебный контроль, при реально происходящем усилении эффективности принуждения[881], есть не более чем создаваемая у общества при помощи юридической техники иллюзия свободы и защищенности. Это, по нашему мнению, не соответствует той судебной процедуре (тому механизму), при которой может решаться столь важный вопрос об ограничении конституционных прав граждан – применение мер пресечения.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы.

Обосновываемый механизм применения мер пресечения, основанный на указанных условиях и элементах, – это и есть система сдержек и противовесов между обвинительной и судебной властью. Он представляет собой состязательную правовую организацию, предусматривающую не судебный контроль за применением меры пресечения органами предварительного расследования, а судебную процедуру деятельности сторон и суда в лице следственного судьи, направленную на разрешение уголовного иска о применении меры пресечения. При такой организации механизма применения

---

[880] Под «формальной правильностью» мы понимаем ту субъективную историю, предоставленную следователем, на которой основано решение органов предварительного расследования о применении меры пресечения, и ту процессуальную форму материалов судебно-контрольного (арестного дела), в которых эта история содержится. В них, как правило, перечисляются положения ст. 97 и ст. 99 УПК РФ при отсутствии каких-либо доказательств, обосновывающих необходимость применения меры пресечения.

[881] Правдивость такого утверждения явно демонстрируют показатели приведённой в предыдущих параграфах статистики.

мер пресечения достигается цель разделения исполнительной и судебной власти и создание независимого суда.

Уголовный иск приводит в движение как состязательный механизм применения мер пресечения, так и сам состязательный процесс, в рамках которого данный механизм действует.

Введение института следственных судей позволит создать качественно новую модель судебного уголовно-процессуального механизма принятия решений о применении мер пресечения.

Прокурор должен являться единственным субъектом правопритязания – искового требования о применении к обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения.

При этом не факт совершения преступления, а процессуальный факт – соответствующее уведомление о подозрении в совершении преступления или постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого – порождает уголовно-процессуальные отношения и, соответственно, возможность применения мер пресечения.

Действие обосновываемого механизма применения мер пресечения следует увязывать не только с применением норм уголовно-процессуального, но и уголовного закона (УК РФ).

ГЛАВА 3. ПЕРСПЕКТИВЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1 Исходное определение механизма применения мер пресечения в составе современной уголовной политики

Проведение коренной реформы отечественного уголовного судопроизводства как решающего условия для преобразований института мер пресечения и правового механизма их применения является важной отправной точкой настоящего исследования. Выводы, сделанные в предыдущих параграфах диссертационной работы, а также приведённая в них статистика судебной практики применения мер пресечения, позволяют говорить об обоснованной необходимости такой конструктивной перестройки. Но предлагаемое и обосновываемое нами реформирование невозможно в отрыве и без учёта современной уголовной политики. Данное мнение основывается на существующих современных воззрениях о взаимосвязи уголовной политики и уголовно-правовых отраслей права. В современном правоведении такой подход стал достаточно распространенным. В научный дискурс стала возвращаться идея о том, что право и политика – это явления органически связанные[882].

Как пишут политологи, «по отношению к уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной отраслям права уголовная политика выполняет *методологическую роль* (выделено мной – *В. Р.*)»[883].

---

[882] См.: Рудич В. В. Уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // Экономика. Предпринимательство. Окружающая Среда (ЭПОС). 2015. № 3. С. 75–79.

[883] Лесников Г. Ю. Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. Т. 8. № 4. С. 73.

Именно с уголовной политикой специалисты, занимающиеся актуальной уголовно-правовой проблематикой, связывают необходимость научной проработки концепции развития законодательства, подчеркивая, что курс уголовной политики должен быть научно обоснован[884]. Представляется, что в целом при отсутствии научно проработанной концепции, доктрины вообще трудно говорить о какой-то стратегии противодействия преступности.

Понимание этой взаимосвязи между уголовной политикой, проводимой государством, уголовно-правовыми отраслями права и перспективой правовых реформ и привело нас к выводу о необходимости проведения анализа института мер уголовно-процессуального принуждения и механизма их применения в контексте и с учётом современной уголовной политики. Поскольку проведение коренной реформы российского уголовного судопроизводства как решающего условия для преобразований института мер пресечения и правового механизма их применения имеет прямую зависимость от уголовной политики, реализуемой государством, постольку закономерным будет обратиться к понятиям, через которые принято обсуждать такие проблемы. Для комплексного анализа этой проблематики видится уместным использовать учение об уголовной политике[885].

Чтобы объяснить современное правовое состояние института уголовно-процессуального принуждения и механизма их применения, надо начать с той базовой правовой модели, которая нашла воплощение в законе и далее определяет стандарты его толкования и применения на практике.

Как уже было сказано, для избранной темы исследования использование наработок уголовной политологии вполне уместно. Разумеется, речь не ведется о политике в ее советской трактовке, а о политике (правовой, уголовной) как определенной стратегии правового строительства.

---

[884] См.: Трофимов В. В. Научные основы правовой политики // Правовая политика: от концепции к реальности. М., 2004. С. 32.

[885] Понятие «уголовная политика» уже неоднократно ранее было использовано при проведении настоящего исследования. Необходимо внести окончательную ясность в разъяснение нашего подхода к данному понятию применительно к проблеме «оптимизации» правового механизма применения мер пресечения в уголовном процессе. См. в том числе: Рудич В. В. Современная уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения: монография. Екатеринбург, 2016.

Впрочем, что есть вообще уголовная политика как общая категория по отношению к тому явлению, о котором мы говорим?

Как отмечает И. М. Мацкевич: «Уголовная политика – это концентрированное выражение воли правящего режима конкретного государства в конкретный исторический период, направленной на борьбу с преступными проявлениями в целях защиты добропорядочных граждан и их собственности от преступников, а также защиты государственных институтов от действий, угрожающих их нормальному функционированию … Как составная часть общей политики, уголовная политика не может не учитывать волю обывателей, поскольку их воля трансформируется в голоса избирателей»[886].

В некоторых научных работах отмечается, что уголовная политика – это влияние на состояние преступности уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами[887].

Высказывается мнение, что уголовная политика представляет собой целенаправленную деятельность субъектов уголовной политики в отношении преступности в определенный период развития общества[888]; эта стратегическая цель уголовной политики предопределяет и назначение уголовного судопроизводства[889], и всех институтов уголовно-процессуального права как нормативно – официально, так и фактически – на уровне социально-правовой реальности, то есть в правовых стандартах правоприменения.

Есть мнение о том, что уголовная политика есть придание уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами действительности

---

[886] Мацкевич И. М. Модернизация уголовной политики (к постановке проблемы) // Современные проблемы уголовной политики : материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2012. Т. 1. С. 3.

[887] См.: Пастухов П. С. Теоретическая модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: монография. М., 2014. С. 241.

[888] См.: Поленина С. В. Правовая политика – генерализующий фактор правотворчества // Государство и право. 2011. № 1. С. 96.

[889] За целью (целями) уголовной политики стоит совершенно особая логика и идеология работы правоохранительных органов, системы уголовной юстиции, в том числе следователей. См.: Титаев К., Шклярук М. Указ. соч. С. 43.

желаемому правящей элитой состоянию преступности[890], иногда желанию довольно эгоистическому, не выдерживающему нравственной оценки[891].

Беря во внимание приведённые суждения, следует согласиться с мнением, что исходным будет представление о том, что уголовная политика является частью внутренней и внешней политики государства[892]; она представляет собой генеральную линию, стратегию, доминирующее направление деятельности государства по противодействию преступности (ее контролю)[893].

Важно иметь в виду то, что есть различные модели (типы) уголовной политики, которые обуславливаются многими факторами, такими как политический режим, форма государственного устройства, методы государственного управления, степень развития институтов гражданского общества, приоритеты правового регулирования и пр.[894]

Как пишет С. И. Иванов, «в зависимости от типа политической организации общества можно выделить две основные модели уголовной политики – репрессивную (тоталитарную) и гуманистическую (либерально-демократическую)»[895].

---

[890] См.: Пастухов П. С. Теоретическая модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: монография. М., 2014. С. 241.

[891] См.: Бойко А. И. Уголовная политика: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2008. С. 4–5.

[892] См., например: Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика: монография. СПб., 2004. С. 275; Босхолов С. С. Основы уголовной политики. Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999. С. 37–38; Кузнецов А. П. Предмет и метод уголовной политики // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 281–282; Наумов А. В. Уголовная политика в области назначения и исполнения наказания: противоречие между законодательным идеалом и практикой // Актуальные вопросы юриспруденции. Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 5. С. 3; Третьяков И. Л. Уголовная политика в системе государственной политики // Мир политики и социологии. 2013. № 10. С. 17–32.

[893] См., например: Александрова И. А. Приложения. Уголовная политика. Реферативный обзор // Уголовное право. Общая часть. Преступление: академический курс: в 10 т. Т. 3: Уголовная политика. Уголовная ответственность. М., 2016. С. 459.

[894] См.: Александрова И. А. Современная правовая политика противодействия преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: монография / И. А. Александрова, А. С. Александров. М., 2017. С. 21 и след.

[895] См.: Иванов С. И. Уголовная политика Российской Федерации: политолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 8.

Интересным представляется то обстоятельство, что модели уголовной политики находят своё отражение непосредственно в моделях уголовно-процессуальной политики, рассматриваемых не только отечественными исследователями, но и зарубежными учеными. Так, американский учёный Г. Пэкер сформулировал две теоретические модели уголовно-процессуальной политики, которые определил в терминах надлежащего процесса и контроля над преступностью. В основе первой модели лежит идея равной и справедливой для всех судебной процедуры, с помощью которой граждане могут оградить свою автономию от произвола властей. Вторая модель определена Г. Пэкером как модель контроля над преступностью. Она показывает, какую роль играет система уголовной юстиции в борьбе с преступностью, обвиняя и наказывая виновных. Автор рассматривал свои модели как идеальные. Однако обе модели допускали возможность игнорирования отдельных прав обвиняемых[896].

Неслучайно появилась третья модель уголовной юстиции (контроля над преступностью, посягающей на интересы личности), разработанная Дж. Гриффитсом[897]. Идеологически она явно ближе ко второй модели Г. Пэкера, поскольку исходит не из противоположности позиций сторон судебного спора, характерной для состязательного уголовного процесса, а из взаимности, совместимости интересов. По этой логике адвокат вместе с представителем государства (обвинителем) призван помочь органу правосудия достичь наиболее приемлемого для сторон примирительного решения. Таким путем государство, по мысли автора модели, одновременно защищает личность от своего собственного произвола и от преступности.

Возвращаясь к классификации моделей уголовной политики, необходимо отметить, что, по нашему мнению, есть и переходные модели, появляющиеся в период смены политического строя, формы управления государством и, как следствие, смены типа уголовной политики. К одной из таких переходных моделей, возникшей в результате смены политического строя и формы

---

[896] См.: Harris J. W. Legal Philosophies. New York, 1980.

[897] См.: Huber B. Development of the Criminal Law: an Overview // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. Volume 1 (1993). Issue 1 (Jan 1993). 1993. P. 57–80.

управления государством, от СССР к РФ, относится и современная российская уголовная политика.

Остановимся несколько подробнее на том, что можно сказать о разных типах уголовной политики, проводимой в России на различных этапах её исторического развития, и их взаимосвязи с принципиальной правовой организацией механизма применения мер пресечения в уголовном процессе. Прежде всего, нужно отметить не агрессивность, а гуманизм уголовной политики в трактовке ее представителями русской уголовно-правовой науки классического периода, который ознаменовался проведением судебной реформы 1864 года; перед уголовным правом и уголовным судопроизводством указанного периода не ставилась цель социальной инженерии – выработки средств по искоренению преступности, исправления нравов. Говоря о применении наказания как цели уголовного процесса и, соответственно, допуская при этом применение мер пресечения к предполагаемому виновному, основатели классического уголовно-правового учения не допускали внесудебную уголовную кару и негативно воспринимали внесудебное процессуальное принуждение[898].

В целом можно сказать, что на исходе царского периода государственно-правового строя России реализовывался консервативный вариант карательной уголовной политики и были предпосылки для перехода на либерально-демократическую модель (в контексте перехода к конституционной монархии как формы правления). Однако последующие политические события и революция 1917 года вновь изменили государственное устройство, форму управления и в целом политический строй страны. Что, безусловно, повлекло и смену типа уголовной политики.

В результате на очередном этапе исторического развития России сформировалась другая, более жесткая, разновидность карательного типа уголовной политики, в которой репрессивный момент проявлялся в качестве главного, а вся техническая (процессуальная) составляющая, в том числе и

[898] Об этом подробно было сказано в первом параграфе первой главы диссертационного исследования.

непосредственно судебное разбирательство, отходили на задний план, так что ими можно было пренебречь[899].

При таком типе уголовной политики вся суть уголовного процесса состоит именно в досудебном производстве, в розыске преступника и его привлечении к уголовной ответственности. Судебная форма отождествляется с мало что значащим обрядом, досадной помехой, которой вполне можно пренебрегать для наиболее эффективного применения уголовной репрессии.

Одновременно происходит девальвация значения уголовного судопроизводства в уголовной политике, обесценивание судебной формы в уголовно-процессуальной системе, сведение к минимуму процедур, гарантирующих свободное обсуждение и решение вопросов о правоприменении. Общим становится пренебрежение к техническим деталям как досадным препятствиям, мешающим проводить эффективную уголовную политику. Подобные признаки тоталитарности были характерны для советской доктрины, в которой говорить о какой-то другой цели, кроме как наиболее целесообразном применении уголовного закона[900], не приходится.

Именно такой уголовной политики придерживались некоторые представители советской теории уголовного права и уголовного процесса,

---

[899] Очевидно, именно к этой разновидности уголовной политики и соответствующему ей типу уголовного судопроизводства можно отнести слова Е. Б. Мизулиной о том, что если борьба с преступниками и обвиняемыми осуществляется произвольно и без ограничений, то она в одном ряду с борьбой с классовыми врагами, с врагами народа. Уголовный процесс, если он используется как средство борьбы с преступностью, превращается в не что иное, как производство виновных, и виновным может стать любой, на кого укажет следователь, дознаватель, а затем закрепит это положение судья. А вот если уголовный процесс используется как средство восстановления справедливости, тогда это есть производство справедливости в стране, тогда это и есть производство, формирующее доверие власти и общества. См.: Мизулина Е. Б. Выступления на парламентских слушаниях на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия» // Стенограмма парламентских слушаний. 20 декабря 2016 г. URL: http://council.gov.ru/media/files/IHEoJTBnnXWxACFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf (дата обращения:01.10.2017).

[900] В то время М. С. Строгович говорил, что уголовный процесс есть наиболее целесообразный порядок деятельности судебно-следственных органов по выявлению социально-опасных деяний и применения для их парализовывания мер социальной защиты, указанных материальным уголовным правом. См.: Строгович М. С. Принципы советского уголовного процесса // Советское право. 1927. № 1 (25). С. 95.

которые верили в то, что можно уничтожить преступность в ходе построения социализма и перехода к коммунизму.

По логике правоприменителей тех лет, самое главное в механизме применения норм уголовного закона заключалось в самом применении, неважно каким путем это сделано. Результат (наказание) – всё; процесс – вторичен. Такова, если коротко, суть этого советского учения об уголовной политике пролетарского государства[901]. Указанная нами уголовная политика – политика, направленная на полное (тотальное) уничтожение криминалитета. При такой уголовной политике предварительное расследование занимает особо значимое место в системе уголовной юстиции – это не судебный орган, не сторона обвинения, а орган государства, который вместе с судом проводит в жизнь волю этого государства, сформулированную им же в законе. О сколько-нибудь справедливой процедуре применения мер пресечения при таком типе уголовной политики говорить не приходится: они вполне сливаются с наказанием в понятии меры социальной защиты.

В рамках доктрины социалистической законности в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве была создана специфическая советская система гарантий прав личности. Пришло понимание важности процедуры, недопущения перегибов в деятельности правоохранителей. Формального отказа от искоренения преступности по средствам применения уголовного права и уголовного процесса не произошло, но достижение этой цели допускалось только законными методами, важнейшим из них было предварительное расследование[902].

Советская правовая школа изобрела и свою систему сдержек и противовесов в механизме правоприменения:

- разграничение оперативно-розыскной и процессуальной деятельности в рамках предварительного следствия (дознания);

---

[901] О такого рода понимании организационно-правовой проблематики деятельности правоохранительных органов дают представление труды советских теоретиков 30-50-х годов прошлого века. См.: Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 317–318.

[902] См.: Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 318–319.

- стадия возбуждения уголовного дела как граница между настоящим процессом в виде предварительного расследования и доследственной проверочной деятельности;

- прокурорский надзор за предварительным расследованием;

- сроки предварительного расследования и механизм их продления прокурором и пр.

Созданная система сдержек и противовесов в механизме правоприменения выступала системой гарантий социалистической законности и при применении мер пресечения. Все функционировало в комплексе и обеспечивало эффективность уголовной политики, которая была на уровне принятых тогда стандартов прав человека и допустимого принуждения. Представляется, что именно в этот период и сформировалась традиция считать предварительное расследование (следствие) системообразующим институтом уголовного судопроизводства, той его части, где достигались установленные законом цели как уголовного процесса, так и уголовной политики[903].

Учение об объективной истине внушало, что целью (доказывания) следователя в ходе предварительного расследования, равно как и целью суда в ходе судебного разбирательства (судебного доказывания) является установление истины по делу, изобличение и наказание совершившего преступление лица и ограждение невиновного человека от неосновательного обвинения[904].

При внешней нейтральности и даже объективности эта концепция является оправданием процесса определенного типа – следственного процесса. Поскольку если общая цель деятельности и доказывания объединяет и следователя, и судью, и сама эта процессуальная деятельность является единой, то, во-первых, отрицается разделение власти обвинительной и судебной; во-вторых, ограничивается самостоятельность и независимость судебной власти; в-третьих,

---

[903] Там же. С. 319.

[904] См., например: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 20–24; Советский уголовный процесс: учебник / Блинов В.М [и др.]; под ред. Д. С. Карева. М., 1975. С. 7; Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе: учебное пособие. Волгоград, 1988. С. 9; Мотовиловкер Я. О. Предмет советского уголовного процесса: учебное пособие. Ярославль, 1974. С. 11.

отрицается полезность конкуренции, соревнования – состязательности и, наконец, умаляется сама идея «защиты», деятельность адвоката-защитника. На наш взгляд, без этих составляющих справедливой правовая организация применения мер пресечения быть не может.

На определенном (советском) этапе государственно-правового развития России произошла либерализация уголовной политики. Это проявилось в темах о сочетании в уголовно-процессуальной сфере одновременно властного государственного полномочия и системы прав личности[905], о возможности учитывать частный интерес, который не всегда совпадает с интересами государства, направленными в первую очередь на борьбу с преступностью[906], и потребности пресечения такого поведения подозреваемого (обвиняемого), которое непосредственно препятствует правоохранительным органам осуществлять свою деятельность[907].

В результате в сфере правоохраны было признано необходимым сочетание государственно-властного начала с системой прав личности[908]. Это самым прямым образом сказалось и на доктрине о мерах пресечения.

Сдержанная трактовка карательной уголовной политики (публично-правовыми, следственными средствами – гарантиями) проявлялась в признании важным одновременного достижения как карательных целей государства, так и цели обеспечения прав личности; защиты частных и общественных интересов от нарушения их преступными действиями, ограждения от уголовной репрессии лиц невиновных или лиц, чья вина была не доказана в установленном порядке[909].

---

[905] См., например: Радько Т. Н. Основные функции социалистического права: монография. Волгоград, 1970. С. 111–112; Кудин Ф. М. Предмет уголовно-процессуального права и охранительная функция // Применение норм процессуального права: науч. труды. Свердловск, 1977. Вып. 57. С. 43–51; Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. С. 48, 69–79.

[906] См.: Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград, 1976. С. 11–12.

[907] См.: Кудин Ф. М. Указ. соч. С. 84.

[908] См., например: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 40; Кудин Ф. М. Указ. соч. С. 61.

[909] См., например: Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Вопросы факта и права. Воронеж, 1984. С. 51; Алексеев Н. С. Очерк развития

При этом, несмотря на терминологические споры (о значении терминов «задачи», «цели» уголовного процесса), признавалось, что целью процесса в целом и отдельных его производств является установление объективной истины – как необходимого условия правильного правоприменения[910].

В итоге все это «единое» – уголовное судопроизводство, в соответствии с советским законодательством того времени[911], достигало цели и решало общие для всей правоохранительной системы задачи, включая и применение мер пресечения[912].

Популярными были рассуждения о том, что избрание меры пресечения – важный процессуальный акт, обеспечивающий соблюдение законности при производстве по делу. Правильное, обоснованное избрание мер пресечения служит гарантией неприкосновенности личности и вместе с тем предупреждает совершение новых преступлений[913].

Следует заметить, что способствовали тотализации советской уголовной политики и теоретической доктрины об уголовно-процессуальном принуждении (мер пресечения), как представляется, две составляющие: профилактика преступности и концепция объективной истины. Это привело к тому, что советская уголовная политика в целом была более репрессивной, чем царская уголовная политика. Полагаем, что возобновление темы о профилактике преступлений в контексте применения мер пресечения является недопустимым. Подобный подход может способствовать усугублению репрессивного эффекта в политике применения мер пресечения, что, по сути, будет означать возврат к советским постулатам. В рамках высказанного суждения хотелось бы напомнить, что «насилие по отношению к «врагам общества» – преступникам и тем, кто мешает государству бороться с ними, оправданно в глазах общественного

науки советского уголовного процесса. / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. Воронеж, 1980. С. 25.

[910] См.: Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. С. 39 и след.

[911] См.: ст. 3 Закона СССР от 16.08.1938 «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.

[912] См.: Кудин Ф. М. Указ. соч. С. 84.

[913] См., например: Советский уголовный процесс. М., 1975. С. 170–171.

мнения до тех пор, пока само не превращается в угрозу для общества. В этом диалектика института мер уголовно-процессуального принуждения, в котором частное и публичное начало, правозащитная и принудительная составляющие тесно переплетены»[914].

Последующее развитие правовой доктрины происходило в конце советской эпохи под воздействием ситуации, когда правозащитный дискурс постепенно вытеснил репрессивную тематику на второй план, а на первое место поставил права личности. При этом в институте государственного уголовно-процессуального принуждения стало выделяться два главных свойства: обеспечительный характер мер пресечения и исключительность как проявление самоограничения государства.

Понимание проблемных вопросов института уголовно-процессуального принуждения достигло нового уровня благодаря судебной реформе 1993 года. В итоге в настоящее время правовую идеологию новой правовой политики по применению принуждения в уголовном судопроизводстве характеризуют идеи о том, что, во-первых, меры уголовно-процессуального пресечения носят обеспечительный характер, и во-вторых, они являются исключительными, крайними средствами. По этому поводу высказывается мнение, что в рамках идеологии проводимой современной уголовной политики институт уголовно-процессуального пресечения «обслуживает» достижение целей процесса, то есть разрешение уголовно-правового спора сторон[915].

Одновременно высказываются мнения о взаимосвязи между типом уголовной политики и механизмом (формой) применения мер уголовно-процессуального пресечения. Так, А. И. Бойко прямо указывает, что уголовная политика определяет формы, задачи, содержание деятельности государства и его органов по отношению к преступности, и, соответственно, в принципиальном

---

[914] См. Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения: монография. М., 2018. С. 321.

[915] См.: Колоскова С. В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014. С. 51.

плане обуславливает общую правовую правоохранительную деятельность по противодействию преступности и форму применения мер пресечения как часть данного формата (типа уголовного процесса)[916].

Соглашаясь с данным мнением, отметим очевидный факт того, что в зависимости от того, каким видится государству объект уголовной политики, какова стратегия правового противодействия преступности, таким будет правовой механизм государственно-правового принуждения к преступникам, а также лицам, подвергаемым уголовному преследованию.

Исходя из того, что государственное принуждение реализуется в различных правовых формах, в различных отраслях с различной степенью интенсивности, Н. В. Макарейко определяет государственное принуждение как вид социального принуждения, основанную на праве систему[917]. Полагаем, с этим мнением также следует согласиться.

По мнению Л. М. Фетищевой, есть объективная взаимосвязь между тем или иным типом уголовной политики, правовой организацией уголовного процесса (прежде всего досудебного производства) и определенной политикой применения мер пресечения, которые, в свою очередь, являются частью уголовно-процессуальной политики[918].

Чтобы убедиться в этом или опровергнуть данное суждение, полагаем необходимым ещё раз отметить, что уголовный процесс – есть форма реализации уголовного закона. Уголовная политика, в свою очередь, является стратегической линией формирования уголовного закона. Политика реализации государственного принуждения в сфере уголовного судопроизводства есть разумная воля

---

[916] См.: Бойко А. И. Геополитика, идеология, преступность, правоохранительная деятельность // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4. С. 99–100, 101; Побегайло Э. Ф. Концепция борьбы с преступностью и проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. М., 2003. С. 60.

[917] См.: Макарейко Н. В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. … д-ра. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 15.

[918] См. об этом, например: Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С.37

законодателя, планомерно воплощающаяся в закон и в судебную практику его применения. Можно сказать, что уголовный процесс, будучи формой реализации уголовного закона, является и правовой формой реализации уголовной политики посредством реализации уголовного закона. Это способ ее проведения; только в форме уголовного судопроизводства достижимы цели уголовной политики, если угодно – цели уголовно-правового регулирования. Через цель (цели) уголовной политики можно трактовать и назначение уголовного процесса, и, соответственно, – назначение института мер пресечения. Можно предположить, что политика применения государственного принуждения в области уголовно-процессуальных отношений отражает меру готовности государства применять принуждение при противодействии преступности, реализуя и отражая, таким образом, исходную сущность существующего типа уголовной политики. Приведённые выше рассуждения позволяют нам сделать заключение о том, что определенному типу уголовной политики соответствует и определённый тип уголовного процесса, который детерминирует (определяет) организацию правового механизма применения мер пресечения. Это позволяет прийти к пониманию того, что уголовно-процессуальный механизм применения уголовного законодательства и механизм применения мер пресечения однотипны, т. е. основаны на одном принципе действия: или разделения властей и их процессуальных функций, или единства следственно-судебной власти. Также можно с уверенностью сказать, что между правовой организацией механизма применения мер пресечения в уголовном процессе и типами уголовной политики, проводимыми в России на различных этапах её исторического развития, имеется прямая взаимосвязь. Кроме того, указанные рассуждения позволяют утверждать, что между уголовной политикой, уголовно-процессуальной политикой и политикой применения мер уголовно-процессуального принуждения (пресечения) также прослеживается прямая взаимосвязь.

Впрочем, по этому поводу было высказано и иное мнение, которое заключается в том, что уголовная политика и уголовно-процессуальная политика – это совершенно разные вещи. Так, Е. Б. Мизулина указывает: «Уголовная

политика государства направлена на борьбу с преступностью. А уголовно-процессуальная политика отвечает не за то, как бороться с преступностью, не за эффективность борьбы с преступностью, а за восстановление справедливости; она призвана обеспечить неотвратимость наказания виновных, не допустить наказание и преследование невиновных. Уголовно-процессуальная политика – это показатель отношения государства к человеку»[919]. Представляется, что это не совсем так. По нашему мнению, между уголовной политикой и уголовно-процессуальной политикой существует не просто взаимосвязь. Уголовно-процессуальная политика государственного принуждения входит в состав уголовной политики и является её частью. Но насколько верно наше утверждение и насколько оправданно говорить о вхождении уголовно-процессуальной политики применения государственного принуждения в состав общей уголовной политики? Положительный ответ на данный вопрос основывается на выводах специалистов в области уголовной политологии. По их мнению, в состав уголовной политики входит деятельность государственных органов по созданию и применению норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права[920]. Достаточно распространенным является вывод о том, что в единый комплекс уголовной политики входят «уголовно-правовая политика», «уголовно-процессуальная политика», «уголовно-исполнительная политика», «оперативно-розыскная политика», «пост-пенитенциарная политика»[921].

---

[919] Мизулина Е. Б. Выступления на парламентских слушаниях на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия» // Стенограмма парламентских слушаний. 20 декабря 2016 г. URL:http://council.gov.ru/media/files/IHEoJTBnnXWxACFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf (дата обращения: 01.10.2017).

[920] См.: Зыков Д. А. Понятие, формы и методы уголовно-правовой политики / Д. А. Зыков, А. В. Шеслер, С. С. Шеслер // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1. С. 86–92.

[921] См.: Бабаев М. М. Криминология и уголовная политика // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 2. С. 17–19; Зинченко И. А. Уголовная политика: понятие, проблемы и перспективы / И. А. Зинченко, А. Ю. Трапицын // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 9. С. 87; Лесников Г. Ю. К вопросу о понятии уголовной политики // Российский следователь. 2005. № 6. С. 25–29.

Существует мнение, что по своей внутренней структуре политика противодействия преступности включает политику предупреждения преступлений и политику реагирования на преступления. Последняя делится на уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную политику[922], и даже – криминологическую, криминалистическую; каждая из них имеет с остальными прочные корреляционные связи[923].

Некоторые авторы комплексность, многофакторность уголовной политики трактуют еще более широко: как стратегию противодействия государства преступности, реализуемую государством с использованием комплекса взаимосвязанных экономико-правовых, организационно-практических, криминологических, и других средств[924]; социально-политических, моральных и иных отношений и норм[925].

Применительно к нашей теме исследования, учитывая приведенные выше суждения, следует согласиться с выводом о том, что «существует единая уголовная политика – политика в области борьбы с преступностью при помощи уголовного наказания, отражающая отношение власти к преступности, и пять ее составляющих частей: уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-розыскная, уголовно-предупредительная и уголовно-исполнительная политика»[926].

При этом в том или ином контексте ведущими учеными признается приоритет уголовно-процессуальной составляющей в структуре уголовной политики[927].

---

[922] См.: Кузнецов А. П. Предмет и метод уголовной политики // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 281–282; Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В. К. Дуюнова. М., 2015. С. 40.

[923] См.: Ищенко Е. П. О понятии и структуре уголовной политики // Актуальные вопросы юриспруденции. Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 5. С. 11.

[924] См.: Кузнецов А. П. Указ. соч. С. 281–282.

[925] См.: Третьяков И. Л. Уголовная политика в системе государственной политики // Мир политики и социологии. 2013. № 10. С. 17–32.

[926] Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003. С. 70.

[927] См., например: Александрова И., Ляпунова А. Уголовный процесс как форма образования «уголовного права» на наказание преступника // Юридическая наука и практика:

В связи с этим можно отметить, что политика государственного принуждения в рамках уголовно-процессуальной политики, очевидно, играет ведущую роль. И поскольку уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения является составной частью уголовной политики, следует полагать, что принуждение как таковое и формы его реализации определяют существо метода уголовной политики, а значит и существо ее как таковой.

Приведённые рассуждения дают основание утверждать, что «уголовная политика является частью общей политики государства и представляет собой некую генеральную линию, стратегию, главное направление деятельности государства по противодействию преступности и её контролю»[928]. «Составной частью уголовной политики является уголовно-процессуальная политика применения мер принуждения. Это определённая линия развития соответствующего законодательства и выработки правовых стандартов применения мер пресечения и иных мер уголовно-процессуального принуждения по уголовным делам»[929].

Считаем необходимым отметить, что преступление, явно и жестко выступая против существующего правопорядка сложившихся общественных отношений, обуславливает ответную реакцию государства в такой же жесткой форме. Иными словами, насилие, осуществляемое государством с помощью применения правовых средств принуждения, направлено на снятие негативного насилия, возникающего в результате совершения преступлений. Делая такое утверждение, необходимо уточнить, что авторская позиция состоит в том, что и уголовно-процессуальные меры принуждения, и уголовно-правовые охватываются понятием насилия, свойственного любому государству.

Однако в правовом государстве принципиально важно проводить различие между уголовно-процессуальным принуждением (мерами пресечения) и мерами

Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 414–418; Ермолович Я. Н. Совершенствование военно-уголовного законодательства как формы реализации военно-уголовной политики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 3. С. 36.

[928] Рудич В. В. Современная уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения: монография. Екатеринбург, 2016. С. 14.

[929] Рудич В. В. Указ. соч. С. 14.

уголовной ответственности[930], которые осуществляет исполнительная власть в ходе реализации решений судебных органов. Судебная власть и судебный контроль выступают общей процессуальной гарантией законности и обоснованности использования принуждения – применения мер пресечения – в уголовном судопроизводстве. Поэтому можно сказать, что уголовно-процессуальная система есть система своего рода фильтров, через которые должна пройти обвинительная власть, чтобы добиться привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Осуществляя уголовное преследование обвиняемого, обвинительная власть предварительно добивается принятия к нему правоограничительных мер, без которых расследование по делу могло бы быть затруднительным ввиду каких-то реальных угроз (рисков). Применение таких правоограничительных мер не может осуществляться отдельно от той главной организационно-правовой и стратегической направляющей идеи, определяющей развитие уголовной политики – принципов уголовной политики. Поэтому представляется, что в основе института уголовно-процессуального принуждения, уголовно-процессуальных мер пресечения должны лежать «принципы уголовной политики». По распространенному мнению, «принципы уголовной политики» – это руководящие идеи, общие начала, определяющие направление развития всех антикриминальных отраслей права: уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной и пр. Они выступают общим понятием по отношению к отраслевым правовым принципам[931]. Поэтому принципы уголовно-процессуального права, которые лежат в основе любого процессуального института и института мер пресечения в том числе, являются конкретизацией, продолжением тех положений, которые определяют стратегию противодействия преступности. На основании вышеизложенного мы приходим

---

[930] Об этом достаточно подробно было рассказано в первом параграфе первой главы диссертации.

[931] См.: Пудовочкин Ю. Е. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. / Ю. Е. Пудовочкин, С. С. Пирвагидов. СПб., 2003. С. 23.

к заключению, что между принципами уголовной политики и принципами уголовно-процессуального права есть прямая взаимосвязь. Такое понимание взаимосвязи принципов уголовной политики и принципов уголовно-процессуального права особенно важно для построения правового государства. В таком государстве имеет значение какими средствами, какой ценой осуществляется борьба с преступлениями, ибо если эта борьба осуществляется только в виде карательной деятельности, не ограниченной никакими рамками, то в таком случае не приходится говорить, что имеет место быть такое правовое явление, как процесс, в нашем случае – уголовный[932].

Понятие уголовный процесс в правовом государстве тождественно понятию уголовное правосудие, которое представляет собой деятельность, направленную на решение вопросов о правах личности и уголовной ответственности, участниками этой деятельности являются стороны и суд[933]. Разрешение вопроса об уголовной ответственности представляет из себя систему отношений между стороной обвинения, стороной защиты и судом, в ее центре находится право на невиновность, реализуемое соблюдением принципа презумпции невиновности.[934]. Только в этом случае уголовный закон перестает быть оружием в руках государства, занесенным над любым и каждым, и становится правилом, обязательным для выполнения как каждым гражданином, так и правоприменителем и законодателем; и может обеспечить гарантию соблюдения прав и свобод гражданина и защитить от незаконного применения мер уголовно-правового воздействия[935].

По мнению И. Б. Михайловской, в процессе уголовного судопроизводства спор между гражданином и государством должен разрешаться с наименьшими негативными последствиями для общества, что, в свою очередь, достигается

---

[932] См.: Уголовный процесс России. М., 2003. С. 21.

[933] См.: Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 322.

[934] См.: Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 10.

[935] См.: Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. С. 128–129.

соблюдением обязательного условия – защитой прав и свобод вовлечённых в процесс лиц[936].

Указанные суждения и обозначенная в них позиция кажутся органичными и верными в контексте представлений о правовом государстве, которые постепенно вошли в научный дискурс в свете известного тезиса об уголовном судопроизводстве как средстве самоограничения государства[937].

Однако в настоящее время существует мнение, что уголовная политика, проводимая в постсоветскую эпоху, непоследовательна и не имеет стратегического начала[938].

Всё чаще в научном сообществе звучат призывы к изменению уголовной политики[939], выработке новой стратегии, новых тактик эффективного противодействия преступности[940].

В числе отличительных признаков современной уголовной политики указываются ее «избирательность», «ненаучность», «ангажированность»: она не мешает «рулить» по собственному усмотрению и личным представлением о пользе дела[941].

Ряд учёных высказывают мнение, что принятие теоретически непродуманных, лишенных доктринального содержания, не соответствующих

---

[936] См.: Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 29–32.

[937] См.: Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 9.

[938] См.: Лопашенко Н. А. Современная законопроектная работа в области реформации уголовного законодательства: состояние и тенденции // Актуальные проблемы юридической ответственности: материалы Межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. Р. Л. Хачатуров. Тольятти, 2003. С. 144.

[939] См.: Бабаев М. М. Проблемы российской уголовной политики: монография / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. М., 2014. С. 118–119; Бойко А. И. Геополитика, идеология, преступность, правоохранительная деятельность // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4. С. 101.

[940] См.: Лесников Г. Ю. Уголовная политика Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. М., 2004. С. 129 и след.

[941] См., например: Бабаев М. М. Проблемы российской уголовной политики: монография / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. М., 2014. С. 102; Коробеев А. Современное состояние уголовно-правовой политики России и проблемы действия уголовного закона во времени // Уголовное право. 2012. № 5. С. 89.

современному уровню научного развития решений в сфере борьбы с преступностью дискредитирует уголовную политику и само государство[942].

Другие учёные, к числу негативных факторов современной уголовной политики относят: а) моральную устарелость концептуальной модели уголовного и уголовно-процессуального законодательства; б) «юридико-техническую» отсталость нормативно-правового регулирования в данной сфере; в) появление новых форм преступной деятельности; г) отсутствие чёткой государственной концепции уголовной политики[943].

Нет оснований не соглашаться с вышеприведёнными суждениями, поскольку они в полной мере отражают существующую реальность современной уголовной политики. Намеченный переход к новому типу уголовной политики оказался незавершенным. В этом состоит уже обозначенная нами проблема обвинительного уклона в механизме применении мер пресечения в уголовном процессе. Такая оценка даёт основание говорить о неустойчивости курса уголовной политики, и, как следствие, невозможности проведения необходимых реформ, направленных на улучшение ситуации в организации правового механизма применения мер пресечения.

Существующие недостатки современной уголовной политики, безусловно, отражаются и на уголовно-правовых отраслях права. Так, о непоследовательности современной уголовной политики говорят и специалисты по уголовному праву, указывая на деструкцию и десистематизацию уголовного закона, ставших результатом бесконечной череды изменений и дополнений, внесенных

---

[942] См.: Алексеев А. И. Российская уголовная политика: продление кризиса. / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. М. 2006. С. 26 и след.; Бабаев М. М. Пудовочкин Ю. Е. Указ. соч. С. 7; Горшенков Г. Н. Концептуальная власть и антикоррупционное движение в стране // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2. С. 225–232; Панченко П. Н. Стратегия законности и тактика компромисса в уголовном праве // Право. 2014. № 1. С. 107–117 и др.

[943] См.: Александров, А. С. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путём противодействия преступности в сфере экономики. / А. С. Александров, И. А. Александрова. М., 2017. С. 452–459.

законодателем в Уголовный кодекс, который превратился в некое подобие лоскутного одеяла, наполнился внутренними противоречиями[944].

Подобного рода оценки проводимой ныне правовой политики распространены и в уголовно-процессуальной науке[945].

В связи со стратегическими сдвигами в сфере борьбы с преступностью имеются тенденции проникновения частного начала и диспозитивного метода правового регулирования в уголовно-правовую сферу[946]. В этом видится закономерность проявления конвергенции частного и публичного права[947]. Указанный процесс проявляется во введении новых уголовно-процессуальных институтов, которые оказывают влияние и на применение мер пресечения. К ним можно отнести процедуры особого порядка проведения судебного разбирательства: при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, дознания в сокращённой форме. Безусловно, в приведённых примерах указанных нововведений, реализуемых в рамках современной уголовной политики, есть положительные моменты. Но это лишь тактические элементы уголовной политики; они не являются результатом стратегического курса, направленного на достижение конкретных целей – качественного реформирования. Совершая тактические действия, надо знать стратегическую цель, ради которой они совершаются. А для этого необходимо

---

[944] См.: Коробеев А. Современное состояние уголовно-правовой политики России и проблемы действия уголовного закона во времени // Уголовное право. 2012. № 5. С. 89.

[945] См., например: Александров А. С. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы / А. С. Александров, И. А. Александрова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1. С. 5–19; Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 7–9.

[946] См.: Сидоренко Э. Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013; Сумачёв А. В. Диспозитивность в уголовном праве: теоретико-прикладной аспект: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006; Генрих Н. В. Императивные и диспозитивные способы регулирования уголовно-правовых отношений // Общество и право. 2010. № 3. С. 107–117; Терских А. И. Компромисс в российском уголовном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013.

[947] См.: Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М., 2011. С. 226.

формирование уголовной политики, которая должна стать основополагающей «направляющей силой» для последующих позитивных реформ.

Нельзя не признать того, что у российского государства все прошедшие годы не было и нет «настоящей» уголовно-правовой политики как целенаправленной, комплексной, проникнутой единой идеологией деятельности различных государственных органов по противодействию преступности[948]. Это в полной мере касается и политики развития законодательства о мерах уголовно-процессуального принуждения (пресечения) и практики их применения.

Следует также отметить, что современная уголовная политика российского государства является гибридной в том смысле, что представляет собой смешение элементов из советской правовой модели и элементов, заимствованных из других правовых систем[949]. Сказанное целиком относится и к УПК РФ, и к состоянию уголовно-процессуального института применения мер принуждения – пресечения.

Наши рассуждения позволяют сделать заключение о том, что на современном институте применения мер уголовно-процессуального принуждения – пресечения – лежит печать незавершенности, переходности, полуавторитарности. Этот институт пережил на себе все противоречия перехода от советского типа уголовно-процессуального права к буржуазному типу[950]. Он включает в себя нормы, перешедшие из УПК РСФСР, и совершенно новые правила, прежде всего касающиеся проведения судебного контроля и обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, заинтересованных в исходе дела.

---

[948] См. об этом, например: Бабаев М. М. Проблемы российской уголовной политики: монография / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. М., 2014. С. 7, 9 и след.; Лопашенко Н. А. Современная законопроектная работа в области реформации уголовного законодательства: состояние и тенденции // Актуальные проблемы юридической ответственности: материалы Межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. Р. Л. Хачатуров. Тольятти, 2003. С. 144; Сверчков В. В. О необходимости формирования концептуальных основ освобождения от уголовной ответственности // Инновации в государстве и праве России. Н. Новгород, 2009. С. 416–419 и др.

[949] См.: Ермолович Я. Н. Совершенствование военно-уголовного законодательства как формы реализации военно-уголовной политики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 3. С. 36.

[950] Подробнее см.: Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию: монография / Т. Бочаров [и др.]. СПб., 2016. Ч. 1. С. 7 и след.

По нашему мнению, в самой природе института применения мер уголовно-процессуального принуждения – пресечения – также заложено определенное «смешение». Оно выражается в виде переплетения норм, гарантирующих права человека, в то время как сама суть этого института состоит в ограничении этих прав, причем в условиях, когда вина лица, предполагаемого преступника – обвиняемого в совершении преступления – еще не установлена.

В нормальной обстановке – в периоды отсутствия политических потрясений и «спокойного функционирования государства», при строгом соблюдении всех прав и свобод человека и допустимых УПК РФ ограничений указанных прав это противоречие, заложенное в институт применения мер уголовно-процессуального принуждения (пресечения), сглаживается. Однако в периоды нестабильности, обострения социальных процессов критические взоры обращаются в первую очередь на «произвол» исполнительной власти при применении мер уголовно-процессуального принуждения и прежде всего мер пресечения. Тогда начинают подниматься вопросы о пересмотре стандартов применения мер процессуального принуждения (пресечения), меняться уголовно-процессуальная политика, определяющая механизм их применения, а вместе с этим идут изменения и в уголовной политике.

Казалось бы, правовые основы этого института за прошедшие столетия существования уголовного правосудия и практики противодействия государства преступности должны быть предельно ясны. Впрочем, если нет стратегии правового строительства, то вряд ли следует ожидать системных, позитивных изменений как в правовой организации применения уголовно-процессуального законодательства в целом, так и в правовой организации применения мер пресечения.

Учитывая существующую реальность, по рассматриваемым нами вопросам также следует отметить, что в настоящее время происходит искажение правовых основ, подмена императивного метода правового регулирования уголовно-процессуальных отношений диспозитивным методом. При этом реальной смены императивного метода и перехода к диспозитивности, состязательности

не происходит. Есть лишь некоторые попытки в отдельных частях уголовного процесса придать ему внешне состязательную структуру. При всех декларациях о приверженности принципам верховенства права и правового государства в реальности изменить политику применения мер пресечения оказалось гораздо труднее.

Следует согласиться с тем, что поскольку уголовно-процессуальный способ правоохраны имеет зависимость от той позиции, которую занимает законодатель, постольку в нём имеются элементы субъективного[951]. Политическое и правовое развитие государства оказывает прямое влияние на практическое применение, теоретическое толкование и законодательную регламентацию норм, которые регулируют применение уголовно-процессуального принуждения. При условии, что в целом законодательство остается в неизменном виде, все равно с возникновением новых реалий, связанных с демократизацией, усиливающейся риторикой о состязательности и защите прав личности, возникает новая правоприменительная практика[952].

При этом в следственной практике сохраняется советский стереотип: избирать по делу или подписку о невыезде, или заключение под стражу; другие варианты фактически не востребованы. Указанная проблема очень чётко была обозначена еще в 2009 году[953]. Однако с тех пор в политике применения мер пресечения в принципиальном плане так ничего и не изменилось[954].

Суды удовлетворяют подавляющее большинство ходатайств органов предварительного расследования об избрании меры пресечения. Причем в структуре принимаемых судами решений о применении меры пресечения продолжают доминировать решения об избрании меры пресечения в виде

---

[951] См.: Кудин Ф. М. Указ. соч. С. 57.

[952] См.: Колоскова С. В. Указ. соч. С. 73.

[953] Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ в 2009 году // Рос. газ. 2009. 13 нояб.

[954] См.: Рудич В. В. Уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // Экономика. Предпринимательство. Окружающая Среда (ЭПОС). 2015. № 3. С. 75–79.

заключения под стражу[955]. В то же время такая мера пресечения, как залог, так и не находит должного применения. К примеру, ходатайств о применении меры пресечения в виде залога в 2017 году было рассмотрено всего 163[956], в 2018 году всего лишь 122[957], за первое полугодие 2019 года – 43 ходатайства[958]. Очевидно, что данная проблема носит системный характер и свидетельствует о неэффективности существующей модели уголовного процесса[959], о неэффективной уголовно-процессуальной политике и неэффективной уголовной политике в целом[960].

Сказанное также свидетельствует о том, что стратегия на ограничение практики применения заключения под стражу обвиняемых по уголовным делам, при одновременном повышении эффективности правового регулирования применения залога, домашнего ареста, запрета определённых действий, формирование особого правового режима применения мер пресечения по уголовным делам в отношении обвиняемых-предпринимателей, далека от завершения.

---

[955] Статистика применения такой меры пресечения как содержание под стражей за период с 2010 по 2018 гг. включительно составляет 90,3 % удовлетворённых ходатайств о применении данной меры пресечения. См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 24.09.2019).

[956] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2017 году // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Москва, 2018. С. 10. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYu_2017.pdf (дата обращения: 27.09.2019).

[957] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 28.09.2019).

[958] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 6 месяцев 2019 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-1-2019.xls (дата обращения: 29.12.2019).

[959] См.: Смирнов А. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета // РАПСИ. 2014. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html (дата обращения: 01.01.2017); Маркин: в России 0,4 % оправдательных приговоров // Би-би-си. 2015. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2015/01/150120_markin_acquittal_rate_court_russia (дата обращения: 01.10.2017).

[960] См.: Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

Выход из создавшейся ситуации и решение ряда обозначенных нами проблем видится в реформировании всей правоохранительной и судебной системы, переходе на состязательный тип уголовного процесса, создании нового механизма применения мер пресечения. Но для этого нужна и соответствующая уголовная политика, позволяющая проводить такие реформы. В связи с чем, полагаем, следует поддержать идею создания такого акта как «Основы уголовной политики Российской Федерации», который будет влиять на единую концепцию и стратегию борьбы с преступностью[961].

В завершение необходимо сформулировать следующие выводы.

Уголовная политика является частью общей политики государства и представляет собой некую генеральную линию, стратегию, главное направление деятельности государства по противодействию преступности и её контролю.

В зависимости от типа политической организации общества можно выделить две основные модели уголовной политики – репрессивную (карательную) и гуманистическую (либеральную).

Уголовно-процессуальная политика применения мер принуждения является составной частью уголовной политики. Это определённая линия развития соответствующего законодательства и выработки правовых стандартов применения мер пресечения и иных мер принуждения по уголовным делам.

Есть объективная взаимосвязь между тем или иным типом уголовной политики, правовой организацией уголовного процесса (и прежде всего досудебного производства) и определенной политикой применения мер пресечения. Определенному типу уголовной политики соответствует и определённый тип уголовного процесса, который детерминирует (определяет) организацию правового механизма применения мер пресечения и уголовно-процессуальный механизм применения уголовного законодательства.

Институт мер пресечения организован и применяется сообразно тому или иному типу уголовной политики, поэтому между правовой организацией

---

[961] См.: Современные проблемы уголовной политики: материалы II Международной научно-практической конференции: в 2 т. Краснодар, 2011. Т. 1. С. 21, 213.

механизма применения мер пресечения в уголовном процессе и типами уголовной политики, проводимыми в России на различных этапах её исторического развития, имеется прямая взаимосвязь.

Имеется взаимосвязь принципов уголовной политики и принципов уголовно-процессуального права. Существующая уголовная политика определяет доктрину и идеологию современного уголовно-процессуального механизма применения мер пресечения.

Современная уголовная политика непоследовательна, а значит и уголовно-процессуальная политика как составная ее часть является непоследовательной. В результате этой непоследовательности сформировался переходный уголовно-процессуальный правовой механизм. В этом причина обвинительного уклона в применении мер правового принуждения, начиная от наказания и заканчивая средствами уголовно-процессуального принуждения (пресечения).

Обозначенные проблемы носят системный характер и свидетельствуют о неэффективности существующей модели уголовного процесса и о неэффективной уголовной политике. Возникает настоятельная необходимость формирования новой уголовной политики, предусматривающей в своём стратегическом плане необходимые реформы для того, чтобы перейти к состязательному типу уголовного процесса и созданию нового механизма применения мер пресечения.

§ 2 Характеристика современной уголовно-процессуальной политики применения мер пресечения: основные тенденции и их воплощение в механизме правоприменения

В предыдущем параграфе мы уже обозначали трактовку понятия уголовно-процессуальной политики и рассматривали вопросы взаимосвязи уголовной и уголовно-процессуальной политики, поэтому не будем повторяться и для решения задачи, поставленной в настоящем параграфе, перейдём сразу

к рассмотрению тех тенденций, которые наблюдаются в российской правовой системе.

Российская правовая система, включающая в себя систему уголовного процесса, как было уже ранее отмечено на предыдущих страницах диссертации, находится на очередном крутом повороте своего развития. Наблюдается определенный возврат к традиционным и духовно-правовым ценностям. Проявляются совершенно различные тенденции, направленные на решение частичных, но не комплексных стратегических задач.

Одна из тенденций современной уголовно-процессуальной политики, разумеется распространяющаяся и на интересующую нас проблематику, ярко проявила себя в вопросе о международно-правовом элементе в механизме правового регулирования применения мер пресечения. В рамках указанной тенденции возникло перераспределение в расстановке приоритетов между национальной и международно-правовой составляющей в судебно-правовых стандартах применения мер пресечения. И несмотря на то, что роль судебных прецедентов, создаваемых ЕСПЧ, достаточно велика, всё же произошла переоценка данных приоритетов. Согласно указанной переоценке, в настоящее время конституционно-правовой контроль, осуществляемый Конституционным Судом РФ, стал главной деталью в механизме имплементации международно-правовых норм и прецедентов, создаваемых ЕСПЧ, в национальную систему судебно-правовых стандартов применения мер пресечения. В результате создан уникальный контрольно-трансформационный механизм внедрения международно-правовых норм, которые нацелены на защиту основных ценностей – прав и свобод человека, в национальное законодательство. В работе данного механизма практическое и теоретическое значение имеют предпринимаемые государством меры для реализации международно-признанных прав и свобод человека в рамках задачи по достижению соответствия законодательных актов и судебной практики международным стандартам. Этот механизм решает и задачи

внедрения международно-правовых стандартов применения мер пресечения в сферу уголовного процесса РФ[962].

Новая пропорция национального и международно-правового в судебно-правовом механизме применения мер пресечения нашла закрепление в ряде решений Конституционного Суда РФ. Именно орган конституционно-правового контроля определил политико-правовой вектор на обеспечение суверенитета РФ по отношению к решениям европейских и международно-правовых инстанций, а также по вопросу об обязательности для России международно-правовых конструкций[963]. Это нашло отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П[964].

В указанном документе определена второстепенная роль ЕСПЧ относительно национальной сферы судебной защиты основных прав и свобод граждан, что обуславливает преимущество судов РФ в вопросе защиты этих прав. Поэтому правовая система России должна быть выстроена таким образом, что в случае противоречий, возникающих между решениями ЕСПЧ и конституционными ценностями РФ, приоритет должен отдаваться положениям Конституции РФ.

---

[962] Подробнее см.: Зайцев А. О. О значении решений Европейского Суда по правам человека для правовых стандартов правомерности заключения под стражу обвиняемого // Общество и право. 2015. № 4. С. 62–67.

[963] См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей: Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из системы Гарант.

[964] См.: По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П //СЗ РФ. 2015. № 30, ст. 4658.

В окончательном виде значение международно-правовой составляющей в механизме правового регулирования Российской Федерации определено Федеральным конституционным законом от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ[965]. В частности, за Конституционным Судом РФ закреплены полномочия проводить проверку на предмет соответствия решений ЕСПЧ в сфере защиты прав и свобод человека положениям Конституции РФ, принимать решения о возможности или невозможности их исполнения. В результате сложилось правовое положение, при котором разумность и действительность международно-правовых стандартов, ставших частью правового механизма и интегрированных в российскую правовую систему, презюмируется до тех пор, пока Конституционный Суд РФ по запросу федерального органа исполнительной власти не признает, что исполнение решения ЕСПЧ невозможно[966]. Таким образом, в России состоялся правовой режим, при котором имеется приоритет национальной составляющей по отношению к международной.

В рамках другой тенденции можно наблюдать в уголовно-правовой сфере применения мер пресечения ужесточение и повышенную репрессивность. Ярким примером этого является ужесточение уголовной ответственности по отдельным категориям дел. В частности, за преступления экстремистской направленности (ч. 1 ст. 280, ч. 1 ст. 282, ч. 2 ст. 282^1 и ст. 282^2 УК РФ) путем перевода их из категории преступлений небольшой тяжести в категорию преступлений средней тяжести и тяжких преступлений. И, как следствие, установление специального правового стандарта повышенной репрессивности применения мер пресечения по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности[967].

---

[965] См.: О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федеральный конституционный закон РФ от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ // СЗ РФ. 2015. № 51 (часть I), ст. 7229.

[966] См.: Зайцев А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводства. С. 66.

[967] Так, например, 03.09.2016 Кировским районным судом г. Екатеринбурга Р. Г. Соколовскому избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на два месяца (до 01.11.2016). Свердловским областным судом 08.09.2016 мера пресечения обвиняемому Р. Г. Соколовскому изменена на домашний арест. Кировский районный суд г. Екатеринбурга 28.10.2016 применил меру пресечения в виде заключения под стражу. См. подробнее: Уголовное дело № 160142001 // Архив Кировского районного суда г. Екатеринбурга. 2016.

Особое внимание обращает на себя тенденция дифференциации уголовно-процессуального механизма применения меры пресечения судом по социально-экономическому критерию, выделяя преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В результате такой дифференциации в указанной сфере в рамках института применения мер пресечения фактически возникает специальный правовой режим. Именно данный правовой режим применения мер пресечения в вопросе о современной уголовно-процессуальной политике в отношении уголовных дел в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности является одним из наиболее обсуждаемых и дискутируемых.

Начало осуществления модернизации уголовно-процессуального права в данном направлении было положено в обращении Президента РФ к Федеральному Собранию в 2009 г., в котором была поставлена задача по изменению законодательства, регулирующего меры пресечения. Прежде всего, это касалось такой меры пресечения как заключение под стражу, особенно по делам об экономических преступлениях. Было предложено более широко применять залог и домашний арест[968].

Первым и самым решительным шагом законодателя по созданию специального правового режима применения мер пресечения для предпринимателей стало создание прямого запрета на заключение под стражу обвиняемых в совершении ряда преступлений – в виде части 1.1. статьи 108 УПК РФ, которая была введена специальным законом – Федеральным законом от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ[969].

В частности, в названных изменениях было указано, что заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных

---

[968] Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ в 2009 году // Рос. газ. 2009. 13 нояб.

[969] См.: О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ (ред. от 07 февр. 2011 г.) // СЗ РФ. 2010. № 1, ст. 4; 2011. № 7, ст. 900.

статьями 198–199[2] УК РФ (при отсутствии обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 настоящей статьи).

В последующем редакция этой нормы изменялась в сторону распространения действия запрета на новые составы преступлений. При этом законодатель дифференцировал порядок применения данной нормы и по кругу субъектов, о чём более подробно скажем далее.

Принятие таких «президентских поправок» к институту мер пресечения в уголовном процессе вызвало неоднозначную реакцию в научных кругах и среди правоприменителей. Так, отмечалось, что введение части 1.1. статьи 108 в УПК РФ породило правовое неравенство граждан по вопросу применения мер пресечения в виде содержания под стражей[970], такое изменение единообразия процессуального порядка приводит к нарушению принципа равенства перед законом и судом всех граждан[971].

Тем не менее указанные возражения остались без внимания, а Конституционный Суд РФ, давая разъяснения о применении части 1.1. статьи 108 УПК РФ, по сути, не поставил под сомнения конституционность данной нормы: «Статьи 97 и 99 УПК Российской Федерации, определяющие общие для всех мер пресечения основания для их применения и обстоятельства, учитываемые при таком применении, не могут рассматриваться как позволяющие дознавателю, следователю или суду игнорировать условия назначения конкретной меры пресечения, закрепленные специальными нормами этого Кодекса, в том числе частью 1.1. статьи 108 УПК РФ устанавливающей, что заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных

---

[970] См., например: Александров А. С. К вопросу о смысле правового предписания, содержащегося в части 1.1. статьи 108 УПК РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3. С. 16–19.

[971] См.: Александров А. С. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы / А. С. Александров, И. А. Александрова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1. С. 5–20.

статьями 159, 160 и 165 УК Российской Федерации, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности»[972].

В результате получил подкрепление исходный тезис о том, что вышеуказанная норма может быть определена как специальная в отношении норм, закрепленных в статьях 97, 99 УПК РФ, имеющая приоритетное значение при рассмотрении вопроса о применении заключения под стражу как меры пресечения[973]. При этом норма ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ является в свою очередь специальной применительно к ч. 1 ст. 108 УПК РФ, поскольку она детализирует (уточняет) содержащиеся в ней положения[974]. Запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу предполагает и запрет продления этой меры[975].

По уголовному делу М. Ходорковского и П. Лебедева действия нормы ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ прошли проверку на практике. Так, Московским городским судом, в процессе рассмотрения вопроса о продлении содержания под стражей указанных лиц, был сделан вывод о допустимости изъятий в отношении имеющегося запрета на заключение под стражу предпринимателей[976]. В качестве первого исключения суд отметил особую опасность инкриминируемого преступления; вторым исключением стал довод стороны обвинения о том, что

---

[972] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ибрагимова Гюльоглана Ханоглан оглы на нарушение его конституционных прав статьями 97 и 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2011 № 250-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[973] Рудич В. В. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Общество и право: научно-практический журнал. 2015. № 1. С. 198.

[974] Рудич В. В. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Общество и право: научно-практический журнал. 2015. № 1. С. 198.

[975] См.: Александров А. С. Проблемы применения ареста в отношении предпринимателей // Уголовный процесс. 2011. № 1. С. 62–69.

[976] Рудич В. В. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Общество и право: научно-практический журнал. 2015. № 1. С. 198.

подсудимые, оказавшись на свободе, смогут воспользоваться сокрытыми денежными ресурсами и с их помощью противодействовать деятельности органов предварительного расследования; третьим исключением явилось согласие суда с весьма своеобразным доводом государственного обвинителя[977], который заключался в том, «что 29 марта 2010 года государственное обвинение закончило представление доказательств и с этого времени судом первой инстанции исследуются доказательства, представляемые подсудимыми и их защитниками, а с учетом заявленных стороной защиты ходатайств судебное следствие в срок до 17 августа 2010 года завершено быть не может»[978]. Впоследствии указанные судом доводы не нашли подтверждения в вышестоящей инстанции, судом надзорной инстанции было признано незаконным как само продление, так и содержание под стражей обвиняемых с 17.08.2010 по 17.11.2010 года.[979] Вышеуказанный пример демонстрирует, как нашла свою реализацию данная норма.

Наряду с введением ч. 1.1. статьи 108 УПК РФ, в русле новой уголовной экономической политики, призванной оградить предпринимателей от угрозы злоупотреблений со стороны должностных лиц правоохранительных органов, был принят целый ряд федеральных законов, одно перечисление которых заняло бы изрядное место[980].

Но всё же следует отметить, что правовой режим применения мер пресечения по уголовным делам о преступлениях экономической направленности существенно изменился. Это произошло в результате принятия федеральных

---

[977] Рудич В. В. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Общество и право: научно-практический журнал. 2015. № 1. С. 198.

[978] Цит. по: Александров А. С. Указ. соч. С. 67.

[979] См.: Надзорное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 апреля 2011 г. по делу № 5-Д 11-29. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Надзорное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2011 г. по делу № 5 - Д 11-63. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[980] Подробнее см.: Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

законов от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ[981], от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ[982], от 29 ноября 2012 г. № 207[983] и ряда других. Кроме того, существенным изменениям подверглись и нормы, регулирующие применение иных мер пресечения: домашний арест, залог[984], которые видятся законодателю альтернативой заключению под стражу предпринимателей.

Посильную роль в формировании этой новой уголовной политики сыграли Конституционный Суд РФ[985], Министерство юстиции РФ[986], Верховный Суд РФ. В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ активно вырабатывался правовой стандарт применения мер пресечения в отношении предпринимателей, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Был принят целый ряд специальных постановлений, посвященных вопросам применения мер пресечения, в том числе в отношении обвиняемых в совершении экономических преступлений[987].

---

[981] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон РФ от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ (ред. от 03 июля 2016 г.) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 27.06.2017).

[982] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон РФ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 03 июля 2016 г..) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 27.06.2017).

[983] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон РФ от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ (ред. от 03 июля 2016 г.) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 27.06.2017).

[984] См.: О внесении изменения в статью 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон РФ от 11 февраля 2013 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 7, ст. 608; О внесении изменения в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон РФ от 4 июня 2014 г. № 141-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 23, ст. 2926.

[985] См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ибрагимова Гюльоглана Ханоглан оглы на нарушение его конституционных прав статьями 97 и 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 250-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Муругова Евгения Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 № 28-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[986] Министерство юстиции РФ неоднократно выступало с законодательными инициативами в совершенствовании института мер пресечения, в частности, немало поспособствовало созданию новой редакции ст. 106 УПК РФ.

[987] См.: О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г.

В конечном итоге концептуально позиция законодателя и судебной власти определилась: в качестве мер пресечения в отношении обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности против собственности могут применяться залог и домашний арест, а также другие меры пресечения за исключением заключения под стражу. Мера пресечения в виде заключения под стражу должна избираться по данной категории уголовных дел в виде исключения, оговоренного в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ.

С этого момента с полной определенностью можно говорить о том, что в нашей стране появилось уникальное правовое явление – особая уголовная политика противодействия экономической преступности.

Остановимся подробнее на анализе правового состояния, сложившегося в этой сфере. В данной связи необходимо отметить, что, несмотря на некую уникальность проводимой особой уголовной политики противодействия экономической преступности, среди правоохранителей до последнего времени было ощущение некоторой двусмысленности норм, содержащихся в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ[988]. Получалось, что заключить под стражу предпринимателей нельзя, но при некоторых обстоятельствах можно, особенно когда лицо обвиняется по тяжким или особо тяжким преступлениям, при условии, что имеются обстоятельства, предусмотренные ст. 97, 99 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Неоднозначно складывалась и позиция судов. Первоначально суды находили основания для избрания меры пресечения в виде заключения под

№ 22 (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 1; О внесении дополнения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 года № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8; О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня.

[988] См. подробнее об этом: Рудич В. В. Уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда (ЭПОС). 2015. № 3. С. 75–79.

стражу по такому роду уголовным делам[989], но благодаря разъяснениям, даваемым вышестоящими судами, такая практика стала меняться в сторону соблюдения положений ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ.

При этом справедливо будет отметить, что применяя указанный запрет и тем самым исполняя требования положений ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, в некоторых регионах суды всё же обходили ссылку на эту норму с помощью других обоснований и воздерживались от прямого указания на ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ. Основной причиной такого подхода, как нам представляется, является нежелание брать на себя ответственность за ее толкование и применение. При этом, рассматривая ходатайство по указанной категории дел о применении меры пресечения, судьи исследовали ходатайство следователя на предмет, что подозреваемый (обвиняемый) может скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью или препятствовать расследованию, а потом указывали, что эти доводы не нашли своего подтверждения. После чего отказывали в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей, просто указывая ст. 108 УПК РФ, но не конкретизировали, что надо применять ч. 1.1. этой статьи. Даже если адвокаты об этом заявляли в судебных заседаниях и ссылались на это основание в своих ходатайствах, судьи в своих постановлениях это не отражали. Естественно, адвокаты такое постановление не обжаловали, а если прокуроры начинали его опротестовывать, то апелляционная инстанция оставляла такое постановление в силе, занимая позицию нижестоящих судов, и таким образом возлагала всю ответственность на следствие[990].

Типичным примером отказа от избрания меры пресечения в виде заключения под стражу может выступить уголовное дело в отношении О. В. Г.,

---

[989] См., например: Обобщение судебной практики рассмотрения ходатайств органов следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ), продлении срока содержания под стражей (ст. 109 УПК РФ) с 1 января по 30 июня 2010 г. / Верховный Суд Республики Башкортостан. Уфа, 2010.

[990] См.: Постановление судьи Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 30 мая 2014 г. об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении Б. Т. Р. меры пресечения в виде заключения под стражу // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга. 2014.

которой вменялось совершение в сфере предпринимательской деятельности преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, и причинение ущерба на сумму 25 миллионов 831 тысячу рублей. Вначале судья по своему усмотрению продлила задержание обвиняемой на 72 часа, хотя никто из сторон об этом не ходатайствовал. А потом (при наличии тех же обстоятельств) судьей было отказано в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей. В резолютивной части постановления отсутствовали ссылки на ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, а имелось указание на то, что следователь не доказал необходимость содержания обвиняемой под стражей. Хотя сторона защиты настаивала на том, что необходимо указывать конкретно ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ как основание отказа[991].

Подобный подход в судебной практике применения мер пресечения в отношении лиц, на которых распространяются положения ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, был характерен, в частности, для Уральского региона и существовал практически по настоящее время. Таким примером может служить постановление Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга, в котором при решении вопроса о применении меры пресечения суд, отказывая в удовлетворении ходатайства следствия о применении меры пресечения в виде содержания под стражей, указал, что А. Е. В. имеет устойчивые социальные связи, семью, детей, ранее к уголовной ответственности не привлекалась. При этом было отмечено, что наличие обстоятельств, предусмотренных п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, следствие не доказало. На этом основании в применении меры пресечения в виде

---

[991] См.: Постановление судьи Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 11 сентября 2013 г. о продлении срока задержания обвиняемой О. В. Г. на 72 часа // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга. 2013; Постановление судьи Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 14 сентября 2013 г. об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении О. В. Г. меры пресечения в виде заключения под стражу // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга. 2013. Следует добавить, что за период 2012–2014 гг. в Ленинском районном суде г. Екатеринбурга было принято 38 постановлений об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения, а в Железнодорожном районном суде г. Екатеринбурга – 12 аналогичных постановлений.

содержания под стражей было отказано. В итоге А. Е. В. находилась под подпиской о невыезде до окончания рассмотрения дела и вынесения приговора[992].

В практике судов, несмотря на существующий запрет, применение меры пресечения в виде содержания под стражей в исследуемой нами сфере всё же применялось. Это происходило в тех случаях, когда обвиняемому предпринимателю инкриминировалось также и какое-либо иное преступление, не указанное в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 3 лет. В судебной практике по данному вопросу распространены следующие формулировки: «что касается доводов адвоката о том, что Д. обвиняется в преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, поэтому мера пресечения в виде заключения под стражу не может быть применена, то они не основаны на материалах дела, из которых следует, что Д. вменяется совершение различных мошеннических действий, в том числе и не связанных с предпринимательской деятельностью»[993].

Применение меры пресечения в виде заключения под стражу возможно и в том случае, когда предпринимательская деятельность выступает в качестве прикрытия деятельности преступной. То есть суд может удовлетворить ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, если следователь докажет, что преступление не связано с предпринимательской деятельностью, а совершено под ее прикрытием[994]. Примером подобного случая может быть следующая формулировка в судебном решении: «Инкриминируемое преступление нельзя отнести к сфере предпринимательской деятельности, поскольку обвиняется Б. в подделке доверенности от имени потерпевшего и

---

[992] См.: Уголовное дело № 1-17/2018 // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга. 2018.

[993] Апелляционное постановление Московского городского суда от 24 декабря 2013 г. по делу № 10-13835/2014. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[994] Рудич В. В. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Общество и право: научно-практический журнал. 2015. № 1. С. 199.

хищении путем ее использования денежных средств потерпевшего на сумму свыше 1 миллиона рублей»[995].

Мера пресечения в виде содержания под стражей применялась, когда имелись данные, указывающие на наличие обстоятельств, перечисленных в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, правда наличие указанных обстоятельств требовалось доказать при возбуждении перед судом ходатайства о заключении под стражу обвиняемого предпринимателя. Если указанные обстоятельства следствием не были доказаны, то мера пресечения в виде содержания под стражей не избиралась.

Анализ судебной практики позволяет обратить внимание на ещё одну позицию судов при решении вопроса о применении меры пресечения в отношении предпринимателей. При внешнем соблюдении судами указанного запрета эта позиция определялась исходя из смысла ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ. Согласно этой позиции, содержание под стражей в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении физического лица, зарегистрированного в качестве предпринимателя, которое подозревается или обвиняется в совершении преступления в сфере предпринимательской деятельности; но если обвиняемое лицо не зарегистрировано в статусе предпринимателя, то в отношении такого лица может быть применена мера пресечения в виде заключения под стражу[996]. В судебной практике по этому поводу встречаются следующие формулировки: «между тем И. не является индивидуальным предпринимателем, и потому в отношении него может быть избрана мера пресечения в виде содержания под стражей»[997].

---

[995] Апелляционное постановление Московского городского суда от 21 июля 2014 г. № 10-9760/2014. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[996] Рудич В. В. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Общество и право: научно-практический журнал. 2015. № 1. С. 199.

[997] Апелляционное определение Московского городского суда от 10 апреля 2013 г. № 10-1913. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».; цит. по: Рудич В. В. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере

Имеются случаи, когда суды не воспринимали доводы защиты о действии ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ в отношении подозреваемого (обвиняемого) и применяли меру пресечения, указывая, что только при рассмотрении уголовного дела по существу можно установить, совершено преступление в сфере предпринимательской деятельности или нет[998]. В таких случаях суды используют следующую формулировку: «доводы о том, что преступление, в совершении которого подозревается К., совершено в сфере предпринимательской деятельности, вследствие чего, мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении него избрана быть не может, являются несостоятельными. Как усматривается из представленных материалов, уголовное дело возбуждено по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Предварительное расследование по делу не окончено, обвинение в окончательной редакции К. не предъявлено. Кроме того, при решении вопроса о мере пресечения в компетенцию суда не входит оценка доказательств по существу и суд не вправе входить в обсуждение вопросов о доказанности либо недоказанности вины лица в инкриминируемом ему деянии и квалификации содеянного, поскольку оценка предъявленного обвинения подлежит проверке при рассмотрении уголовного дела по существу»[999].

По аналогичным ситуациям, когда защита доказывала необходимость применения ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, суд приводил и формулировки такого типа: «как усматривается из представленных материалов, уголовное дело возбуждено по признакам преступления, предусмотренного ст. 159 ч. 4 УК РФ … Предварительное расследование по делу не окончено, обвинение в окончательной редакции Б. не предъявлено. Кроме того, при решении вопроса о мере пресечения

предпринимательской и иной экономической деятельности // Общество и право: научно-практический журнал. 2015. № 1. С. 199.

[998] Рудич В. В. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Общество и право: научно-практический журнал. 2015. № 1. С. 200.

[999] Апелляционное постановление Московского городского суда от 30 июля 2014 г. по делу № 10-10256/2014. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в компетенцию суда не входит оценка доказательств по существу и суд не вправе входить в обсуждение вопросов о доказанности либо недоказанности вины лица в инкриминируемом ему деянии и квалификации содеянного. Поскольку оценка предъявленного обвинения подлежит проверке при рассмотрении уголовного дела по существу, в связи с чем на данной стадии нельзя согласиться с тем, что инкриминируемое Б. деяние совершено в сфере предпринимательской деятельности»[1000].

В конце 2015 г. – начале 2016 г. в судебной практике по указанной категории дел при решении вопроса о применении меры пресечения всё же сформировался особый правовой стандарт проверки судом обоснованности подозрения[1001]. Данный стандарт отличает необходимость исследования отдельных элементов объективной стороны состава преступления в сфере предпринимательской деятельности. В рамках указанного стандарта происходит их досрочное установление по существу. Там, где предметом спора при решении вопроса о применении меры пресечения является вопрос, совершено ли преступление в сфере предпринимательской деятельности, необходимо его доказывание в рамках процедуры судебного контроля. Поэтому указанный стандарт предусматривает обязательное обсуждение вопроса о том, было или не было совершенно преступление в сфере предпринимательской деятельности.

О наличии такого правового стандарта свидетельствуют типичные для выяснения указанных обстоятельств формулировки, которые стали использоваться в судебных решениях, когда суд не считает необходимым применить положение ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ: «обстоятельств, препятствующих применению в отношении В. меры пресечения в виде заключения под стражу,

---

[1000] Апелляционное постановление Московского городского суда от 2 июля 2014 г. по делу № 10-8702/2014. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1001] См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 14 января 2016 г. по делу № 10-0138/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 декабря 2015 г. по делу № 10-18107/2015. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 января 2016 г. по делу № 10-371/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предусмотренных частью 1.1. ст. 108 УПК РФ, не установлено»[1002]; «Довод защиты о нарушении судом положений части 1.1. ст. 108 УПК РФ при избрании меры пресечения А., с учетом подозрения указанного лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, связанного с осуществлением предпринимательской деятельности, не обоснован»[1003]; «суд апелляционной инстанции не находит оснований согласиться с доводами обвиняемого о том, что инкриминируемые ему деяния совершены в сфере предпринимательской деятельности, в связи с чем обстоятельств, указанных в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, препятствующих содержанию А. под стражей, не усматривается»[1004].

В случае положительного решения, направленного на отказ в удовлетворении ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, суды используют следующие формулировки: «в связи с чем, инкриминируемое Т. преступление необходимо рассматривать как совершенное в сфере предпринимательской деятельности, что препятствует в соответствии с ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ избранию в отношении Т. меры пресечения в виде заключения под стражу, а равно, дальнейшему содержанию Т. под стражей»[1005].

В судебных решениях апелляционных инстанций стали указываться следующие формулировки: «…обстоятельства дела указывают, что заключение под стражу применено в отношении Н. С. А. в нарушение ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ,

---

[1002] Апелляционное постановление Московского городского суда от 1 февраля 2016 г. по делу № 10-1200/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1003] Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 января 2016 г. по делу № 10-371/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1004] Апелляционное постановление Московского городского суда от 18 января 2016 г. по делу № 10-358/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1005] Апелляционное постановление Московского городского суда от 14 января 2016 г. по делу № 10-0138/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; апелляционное постановление Московского городского суда от 23 декабря 2015 г. по делу № 10-18107/2015. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

поскольку страховая деятельность является одним из видов предпринимательской деятельности...»[1006].

В целом в указанный период времени количество решений, свидетельствующих о соблюдении положений ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ[1007], увеличилось. К примеру, в соответствии с вышеуказанными положениями в 2013 году в отношении предпринимателей было удовлетворено 166 ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу из 261 рассмотренного, в 2014 году – 408 из 647[1008]. Но это абсолютно не говорит о том, что проблемы, связанные с применением мер пресечения в отношении предпринимателей, были разрешены.

В 2015–2016 гг. процесс модернизации института мер уголовно-процессуального пресечения интенсифицировался. Как выяснилось, предпринятых мер по ограждению предпринимателей от неправомерных притязаний органов, осуществляющих публичное уголовное преследование, в том числе с использованием мер пресечения и иных мер уголовно-процессуального принуждения, оказалось недостаточно.

В своем послании Федеральному Собранию РФ 3 декабря 2015 г. Президент России специально отметил: «в ходе следствия по экономическим составам помещение под стражу нужно использовать как крайнюю меру, а применять залог, подписку о невыезде, домашний арест»[1009].

[1006] Апелляционное постановление Верховного суда Удмуртской Республики от 14 января 2016 г. по делу № 22-172/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/qZ0GCWbgqqQ4/ (дата обращения: 01.01.2017).

[1007] Апелляционное постановление Московского городского суда от 14 октября 2015г. по делу № 10-14261/2015. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».; Апелляционное постановление Московского городского суда от 1 февраля 2016 г. по делу № 10-1252/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1008] По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции с 2013 г. по 2014 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 29.12.2019).

[1009] Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 3 декабря 2015 г. // Парламентская газета. 2015. 4–10 дек.

Эта же мысль прозвучала и в выступлении Президента России на коллегии МВД РФ[1010] и на заседании рабочей группы по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства[1011].

В свете обозначенной Президентом России позиции, на официальном сайте Уполномоченного по защите прав предпринимателей Б. Титова был опубликован проект закона, в котором содержится предложение «расширить действие ст. 108 УПК РФ на другие «экономические» статьи УК РФ. В частности, в законопроекте речь идет о следующих общественно опасных деяниях: ст. 170, 170^1, 170^2, 175, 179, 184, 185^5, 185^6, 186, 187, 189, 200^1 УК РФ.

С учётом уже имеющихся ведомственных нормативных актов, регулирующих данную проблематику[1012], можно констатировать, что особый порядок производства по уголовным делам, в том числе особый порядок привлечения к уголовному преследованию лиц, подозреваемых в преступлениях экономической направленности, уже сложился в правоохранительных органах.

Важнейшим событием в этом ряду стало принятие Пленумом Верховного Суда России Постановления от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»[1013]. В указанном постановлении Пленум в очередной раз дал разъяснения о применении положений ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ.

[1010] См.: Путин В. В. Вступительное слово на расширенном заседании коллегии МВД 15 марта 2016 г. // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515 (дата обращения: 01.01.2017).

[1011] См.: Путин В. В. Вступительное слово на Заседании рабочей группы по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/51556 (дата обращения: 01.01.2017).

[1012] Об организации ведомственного контроля при рассмотрении материалов доследственной проверки в порядке ст. 140-145 УПК РФ о преступлениях экономической и коррупционной направленности: Приказ Следственного департамента МВД России от 26 октября 2011 г. № 55. Документ опубликован не был.

[1013]См.: О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 // Рос. газ. 2016. 24 нояб.

В целом Пленум подтвердил ранее сформулированные позиции по вопросу применения мер пресечения в отношении предпринимателей, но вместе с тем появилось и несколько новых моментов. Некоторые положения этого постановления столь же революционны, сколь и неоднозначны.

В частности, в проекте постановления Пленума Верховного Суда РФ имелось важное разъяснение о том, что: «судам надо иметь в виду, что часть 1.1. ст. 108 УПК РФ устанавливает запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу при отсутствии обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 171–174, 174^1, 176–178, 180–183, 185–185^4, 190–199^2 УК РФ, без каких-либо других условий, а в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159–159^3, 159^5, 159^6, 160 и 165 УК РФ – при условии, что эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности»[1014].

Также в проекте указанного постановления Верховного Суда РФ отмечалось, что наличие обстоятельств, содержащихся в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, установленных при разрешении ходатайства о применении меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, указанных в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, не снимает с суда обязанность в каждом конкретном случае рассматривать допустимость избрания иных мер пресечения, не связанных с заключением под стражу.

Указанные разъяснения вошли в окончательный вариант вышеназванного постановления Пленума Верховного Суда России и были еще более усилены. Так, согласно п. 6 данного постановления, на суд возложена обязанность в каждом случае при решении вопроса о применении меры пресечения при наличии обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, обсуждать возможность применения иной, более мягкой, меры пресечения. Есть основания полагать, что

[1014] О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: проект Постановления Пленума Верховного Суда РФ // Архив Федеральной палаты адвокатов РФ. 2016.

таким образом Пленум Верховного Суда РФ предостерёг суды от формального подхода, который допускает взятие под стражу лица обвиняемого в совершении преступлений в указанной сфере.

Также интерес представляют подходы авторов постановления Пленума и по поводу содержания п. 7 и п. 8, где урегулирован вопрос о круге лиц, на которых распространяется действие ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ в контексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48[1015].

Первоначальная редакция п. 7 в проекте постановления Пленума содержала следующую формулировку: «Для разрешения вопроса о предпринимательском характере деятельности судам надлежит иметь в виду, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. *Вместе с тем в случаях, когда такие преступления не посягают на собственность индивидуальных предпринимателей либо коммерческой организации, они не могут признаваться преступлениями, совершенными в сфере предпринимательской деятельности* (выделено мной – *В. Р.*)»[1016]. Последнее указание могло бы иметь серьезное влияние на правоприменительную практику, поскольку ограничивало бы льготный правовой режим только преступлениями одних предпринимателей против собственности других предпринимателей.

Соответственно, в случае совершения предпринимателем преступления, предусмотренного ч. 1–4 ст. 159, ст. 159^1–159^3, 159^5, 159^6, 160 и 165 УК РФ, направленного против собственности иных лиц – физических или юридических, не участвующих в предпринимательской деятельности, а являющимися просто

[1015] О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 // Рос. газ. 2016. 24 нояб.

[1016] О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: проект Постановления Пленума Верховного Суда РФ // Архив Федеральной палаты адвокатов РФ. 2016.

потребителями, обвиняемый привлекался бы к уголовному преследованию в общем порядке и к нему можно было бы применять меру пресечения в виде заключения под стражу. Что, по сути, не соответствовало бы выбранному вектору направленности уголовной политики в сторону защиты интересов предпринимателей.

Интерес представляет и разъяснение, которое содержится в п. 8 анализируемого постановления Пленума. В его первоначальной редакции было сказано следующее: «если преступления, перечисленные в части 1.1. ст. 108 УПК РФ, совершены индивидуальным предпринимателем или руководителем коммерческой организации в соучастии с лицами, работающими с ними *по трудовому договору (например, менеджер, бухгалтер, торговый агент и др.)* (выделено мной – *В. Р.*), то в отношении и этих лиц при отсутствии обстоятельств, указанных в пунктах 1–4 части 1 статьи 108 УПК РФ, также не может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу»[1017].

В окончательной редакции п. 8 постановления Пленума Верховного Суда России имеет следующее содержание: «если преступления, перечисленные в части 1.1. статьи 108 УПК РФ, совершены индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации в соучастии с иными лицами, не обладающими указанным статусом, то в отношении этих лиц при отсутствии обстоятельств, предусмотренных в пунктах 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, также не может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу»[1018].

Таким образом, первоначально авторы постановления хотели ограничить круг лиц, в отношении которых не может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу таким признаком, как наличие у них трудовых отношений с субъектом предпринимательской деятельности. Окончательная редакция

[1017] О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: проект Постановления Пленума Верховного Суда РФ // Архив Федеральной палаты адвокатов РФ. 2016.

[1018] О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 // Рос. газ. 2016. 24 нояб.

данного пункта не оставляет сомнений в принципиальности относительно установки на то, что применение запрета на заключение под стражу должно быть максимально расширено. Следовательно, действие предусмотренного ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ запрета на применение меры пресечения в виде содержания под стражей не зависит от наличия трудовых отношений лица с субъектом предпринимательской деятельности. Его действие также не может быть ограничено и какими-либо другими условиями: служебным положением, характером полномочий, содержанием функций, наличием материальной ответственности и пр. Важно только одно обстоятельство: совершение преступления, предусмотренного ст. 159–159^{3}, 159^{5}, 159^{6}, 160, 165 УК РФ, в соучастии с одним из субъектов, указанных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ.

Суть новеллы, таким образом, состоит в том, чтобы распространить действие запрета на заключение под стражу на неограниченный круг лиц, которые совершают преступление в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности в соучастии с субъектом предпринимательской деятельности.

Не влияет на решение данного вопроса и обстановка совершения преступления, то есть непосредственное участие данного лица в предпринимательской или иной экономической деятельности. Определяющим моментом стало то, что основной исполнитель предпринимательского преступления является субъектом предпринимательской деятельности. Форма соучастия других лиц в предпринимательском преступлении может быть любой, это не влияет на положительное решение вопроса о том, что к такому лицу применять меру пресечения в виде заключения под стражу нельзя (при отсутствии обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Подобная позиция тем более удивительна при том, что по вопросу о круге лиц, в отношении которых возбуждаются уголовные дела по данной категории преступлений осталась неизменной; Пленум Верховного Суда РФ просто повторил формулировки, содержащиеся в ч. 3 ст. 20 УПК РФ. В итоге получается, что именно по вопросу о применении запрета на заключение под стражу Пленум

Верховного Суда России пошел на расширение круга лиц, подпадающих под правовой режим уголовного преследования, созданный для предпринимателей.

Тем не менее в юридической литературе отмечается повышенная ценность вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда РФ. Указывается на своевременность дачи разъяснений, касающихся особенностей производства по делам рассматриваемой категории преступлений. Особое место в анализируемом документе занимают положения, связанные: с порядком рассмотрения сообщения о преступлении; процедурой возбуждения уголовного дела; порядком рассмотрения жалоб по рассматриваемой категории дел; процедурой признания предметов и документов вещественными доказательствами; особенностями освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования, а также назначения судом наказания по делам рассматриваемой категории[1019].

Об особой значимости деятельности, направленной на разработку правового стандарта применения меры пресечения в виде заключения под стражу по преступлениям, совершенным в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, свидетельствует тот факт, что Верховный Суд РФ на следующий год принял новое постановление Пленума, в котором отметил необходимость принятия мер, направленных на повышение уровня требовательности к представляемым в суд ходатайствам органов предварительного расследования о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Повышенное внимание суды должны уделять оценке мотивов, которые приводят в своих ходатайствах органы предварительного расследования по вопросу

[1019] См., подробнее: Баженов С. Состояние законности при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений, совершаемых предпринимателями // Право и экономика. 2017. № 8. С. 17–25; Шестак В. А. Современные особенности привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Российская юстиция. 2017. № 10. С. 24–27; Третьяк М. Постановление Пленума Верховного Суда о признаках преступлений против собственности в сфере предпринимательства // Законность. 2015. № 4. С. 28–32.

продления срока содержания под стражей; должны учитывать правовую и фактическую сложность имеющихся материалов уголовного дела; принимать во внимание общую продолжительность досудебного производства, а также эффективность действий должностных лиц органов предварительного расследования и своевременность проведения ими процессуальных действий[1020].

В настоящее время вектор развития уголовно-процессуальной политики, направленный на гуманизацию правового режима применения мер пресечения в отношении предпринимателей, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, получил продолжение своего развития.

Так, на совещании по вопросам реализации крупных инвестиционных проектов в Дальневосточном федеральном округе, состоявшемся 3 августа 2017 г., Президент РФ в очередной раз поднял вопрос о необходимости дальнейшей гуманизации правового режима в отношении предпринимателей, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В частности, В. В. Путин отметил, что, несмотря на принятие специального законодательства, предусматривающего особый порядок принятия мер, обеспечивающих проведение следствия в отношении предпринимателей, правоохранительные органы часто обходят эту статью путём возбуждения дел по другим статьям.

Также Президент России выразил мнение, «что при отсутствии активных действий по ведению следствия граждане, находящиеся под мерой пресечения в виде содержания под стражей, имею в виду предпринимателей, должны быть от этого заключения под стражу освобождены»[1021].

[1020] См.: О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 “О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности”: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 33 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

[1021] См.: Совещание по вопросам реализации крупных инвестиционных проектов в Дальневосточном федеральном округе // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/55286 (дата обращения: 01.09.2017).

В своем ежегодном послании Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г., Президент РФ в очередной раз обратил внимание на необходимость разрешения существующих проблем, которые ограничивают свободу предпринимательства. В частности, одной из них является наличие критериев, применение которых позволяет использовать такой квалифицирующий признак преступления, как группа лиц по предварительному сговору, в отношении сотрудников, работающих вместе в одной организации. А это, в свою очередь, позволяет применить более строгую меру пресечения в ходе дознания и предварительного следствия и в конечном счете более тяжкое наказание. Также была отмечена и другая проблема: сроки содержания под стражей в отношении предпринимателей продлеваются судом без наличия достаточных к тому оснований. В частности, это происходит в связи с затягиванием сроков проведения процессуальных действий, а также производства многочисленных экспертиз по уголовному делу. В целях разрешения вышеуказанных и иных проблем Президентом РФ был поставлен ряд задач, среди которых применительно к рассматриваемой нами проблематике можно выделить:

а) создание специальной цифровой платформы, которая позволит предпринимателям сделать публичной любую информацию, свидетельствующую о случаях противоправного давления на бизнес, а также добиться рассмотрения любого вопроса по существу (в том числе и касающегося применения мер пресечения по уголовному делу);

б) подготовка специального регламента по работе с обращениями предпринимателей[1022].

Вышеуказанные проблемы и возможные пути их решения Президент РФ конкретизировал на расширенном заседании коллегии МВД РФ 28 февраля 2019 г., на расширенном заседании коллегии ФСБ РФ 6 марта 2019 г., а также на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 19 марта 2019 г.

[1022] Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. // Рос. газ. 2019. 21 февр.

В частности, на коллегии Генеральной прокуратуры РФ В. В. Путин в очередной раз призвал прокуроров пресекать факты безосновательного продления арестов предпринимателей. В ответ Генеральный прокурор РФ обещал разобраться со всеми случаями длительного содержания под стражей предпринимателей по экономическим делам. Также он сообщил, что за последний год отменено 200 незаконных постановлений о возбуждении уголовного дела и предъявлении бизнесменам обвинений. Вместе с тем Генеральный прокурор РФ отметил, что введённая в 2016 году в УК РФ статья о незаконном возбуждении уголовного дела в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности не работает: «За два года ни одно такое преступление на учёт не поставлено»[1023].

В средствах массовых коммуникаций и среди предпринимателей с подачи Уполномоченного по правам предпринимателей Б. Ю. Титова стал активно обсуждаться вопрос о создании внебюджетных фондов, которые способствовали бы освобождению предпринимателей под залог. Основной целью функционирования подобных фондов будет являться финансовая помощь предпринимателям путем внесения за них денежных залогов вместо применения в отношении них меры пресечения – заключение под стражу[1024].

Ассоциация защиты бизнеса 5 марта 2019 г. объявила о создании Единого залогового фонда для оказания содействия предпринимателям в вышеуказанных целях. За год бюджет фонда должен достичь 1 миллиарда рублей; обработка заявок на выплату залога начнётся с 5 сентября 2019 г. По словам одного из руководителей Ассоциации защиты бизнеса, «сегодня следствие и суд не считаются с интересами обвиняемых бизнесменов, сажая их под стражу даже без достаточных оснований. В результате ежегодно в России закрываются десятки тысяч компаний, владельцев которых сажают в СИЗО на время проведения следствия, сотни компаний, оставшиеся без руководителя становятся добычей

[1023] Выступление Президента России В. В. Путина на расширенной коллегии Генпрокуратуры РФ 19 марта 2019 г. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: http://www.pasmi.ru/archive/230930 (01.04.2019).

[1024] См.: Царёва Ю. В. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России: доктрина, юридическая техника, правоприменительная практика: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. С. 146–147.

рейдеров, а сами бизнесмены, оказавшись за решеткой, теряют надежду на полноценную защиту от обвинения»[1025].

На встрече с бизнес-омбудсменом Б. Ю. Титовым, состоявшейся 27 мая 2019 г., Президент РФ пообещал проанализировать его предложение в первую очередь применять к предпринимателям меру пресечения в виде залога[1026]. В результате указанных действий показатель удовлетворённых ходатайств об избрании меры пресечения в отношении предпринимателей составил: в 2015 году – 453 из 501 рассмотренного ходатайства, в 2016 году – 533 из 594, в 2017 году – 248 из 318, в 2018 году – 131 из 203, за первое полугодие 2019 года 64 из 104[1027].

Продолжением намеченного курса стало принятие на законодательном уровне очередного важного решения. В частности, Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» были дополнены процессуальные нормы, которые регулируют вопросы о сроке содержания под стражей и его продлении[1028]. Тем самым были повышены гарантии прав на свободу и личную неприкосновенность обвиняемых (подозреваемых), в том числе лиц, являющихся субъектами предпринимательской деятельности, в случае продления в отношении их срока содержания под стражей в связи с обвинением в совершении не только экономических, но и других преступлений.

В частности, уточнена редакция ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ в соответствии с ФЗ РФ № 323 от 3 июля 2016 г.[1029], предусматривающего введение

[1025] Заявление руководителей Ассоциации защиты бизнеса и объявление о создании единого залогового фонда // Первое антикоррупционное СМИ. URL: https://pasmi.ru/archive/230930 (дата обращения: 01.04.2019).

[1026] См.: Встреча Президента В. В. Путина с бизнес-омбудсменом Б. Ю. Титовым // Первое антикоррупционное СМИ. URL: https://pasmi.ru/archive/234335 (дата обращения: 01.04.2019).

[1027] По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции с 2015 г. по первое полугодие 2019 г. См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 29.12.2019).

[1028] См.: О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 315-ФЗ // Рос. газ. 2019. 7 авг.

[1029] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и

дополнительных норм, а именно ч. 5 ст. 159 УК РФ. Кроме того, в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ (с учетом ч. 3 ст. 20 УПК РФ) конкретизировано, что установленные гарантии распространяются на подозреваемых, обвиняемых индивидуальных предпринимателей в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим им имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членами органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией, либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

Также этим же законом изменена редакция ч. 8 ст. 109 УПК РФ, что обусловлено необходимостью исключения фактов продления срока содержания под стражей, когда производство по уголовному делу характеризуется низкоэффективной организацией предварительного расследования.

В частности, по данным ФСИН России, несмотря на решения ЕСПЧ в отношении России, в которых указывалось на нарушение требований «о разумном сроке», связанных с продолжительностью производства по уголовному делу и, как следствие, с длительностью содержания под стражей обвиняемых, количество лиц, содержащихся в следственных изоляторах, в отношении которых следственные действия не производились более двух месяцев, по сравнению с 2014 годом только увеличилось. Так, по состоянию на 1 июля 2019 г. в следственных изоляторах содержалось 246 человек, в отношении которых следственные действия не проводились более 2 месяцев (на 1 июля 2014 г. таких обвиняемых было 80). На 1 июля 2019 г. свыше одного года содержалось 523 обвиняемых, числящихся за судами первой инстанции (на 1 июля 2014 г. – 472). На 1 июля 2019 г. свыше 6 месяцев за судами апелляционной инстанции – 218 человек (на 1 июля 2014 г. – 91)[1030].

порядка освобождения от уголовной ответственности: федеральный закон РФ от 03.07.2016 № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть II), ст. 4256.

[1030] См.: Статистическая информация // Официальный сайт ФСИН России. URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/ (дата обращения: 01.08.2019).

Кроме того, принятые нововведения касаются случаев обращения с ходатайствами о продлении срока содержания под стражей в связи с необходимостью производства тех же следственных и иных процессуальных действий, для проведения которых срок содержания под стражей ранее уже продлевался.

Согласно новой редакции ч. 8 ст. 109 УПК РФ в постановлении о возбуждении ходатайства надлежит излагать основания и мотивы продления срока под стражей по уголовному делу. В том случае, если в качестве одного из мотивов в данном документе указывается на необходимость производства следственных и иных действий, предусмотренных УПК РФ, в постановлении о возбуждении ходатайства должно быть указано следующее:

- перечень следственных и иных процессуальных действий;

- причины, по которым они не были проведены в установленные ранее сроки содержания обвиняемого (подозреваемого) под стражей;

- сведения о проведенных следственных и иных процессуальных действиях в период избрания меры пресечения или последнего продления срока содержания под стражей.

Кроме того, законодательно закреплена обязанность судьи по принятию решения по поступившему ходатайству на основании оценки:

- мотивов, приведенных в постановлении о возбуждении ходатайства о продлении срока содержания под стражей;

- сложности уголовного дела;

- длительности предварительного расследования по уголовному делу;

- эффективности действий следователя (дознавателя) и своевременности проведения следственных и иных процессуальных действий.

Также на законодательном уровне уточнено, что в случае отказа в удовлетворении ходатайства о продлении в отношении обвиняемого (подозреваемого) срока содержания под стражей судья вправе по собственной инициативе избрать ему меру пресечения в виде домашнего ареста или залога

(при наличии оснований, указанных в ст. 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, перечисленных в ст. 99 УПК РФ).

И наконец, в новой редакции ст. 109 УПК РФ устранен правовой пробел, так как в предыдущей редакции этой нормы речь шла только о тех решениях судьи, которые он принимает по результатам рассмотрения ходатайства о продлении срока содержания под стражей применительно к ситуациям, когда этот срок продлевается с необходимостью ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. С учетом внесенных изменений продление сроков содержания под стражей распространено и для других случаев, перечисленных в ч. 8 ст. 109 УПК РФ.

Таким образом, рассмотренные нововведения направлены, прежде всего, на усиление судебного контроля за обеспечением конституционных гарантий неприкосновенности лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, в том числе и по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности.

Как мы видим, в рамках общей концепции гуманизации уголовной политики, в целях предотвращения возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, установлены дополнительные материально-правовые и процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей, привлекаемых в качестве подозреваемых или обвиняемых по уголовным делам в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. При этом в отношении остальных граждан в вопросе применения мер пресечения подобных коренных изменений не происходит. В результате этого в сегменте рассматриваемого нами правового института мер пресечения оказались смешанными различные нормы: одни адресованы субъектам уголовно-процессуальных производств в отношении обвиняемых-предпринимателей, другие – всем остальным обвиняемым, причастным к общеуголовной преступности. В конечном счете мы имеем дело с уникальным (специальным) правовым порядком производства по уголовным делам в отношении

предпринимателей подозреваемых, обвиняемых в преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, порождающим правовое неравенство между гражданами.

В итоге возникают разные правовые режимы применения мер пресечения, адресованные различным категориям граждан, подозреваемым и обвиняемым в совершении тех или иных преступлений. Что свидетельствует об избирательности проводимой уголовно-процессуальной политики.

Следует признать, что такого рода политика, с одной стороны, нарушает принцип равенства всех перед законом и судом и подрывает правовые основы государства как гаранта правового равенства граждан. Но, с другой стороны, она направлена на борьбу со злоупотреблениями, совершаемыми должностными лицами правоохранительных органов в отношении предпринимателей. В результате борьба со злоупотреблениями в защиту одних осуществляется за счёт осознанного нарушения правового равенства и в итоге возникающего правового неравенства других.

Конечно, можно предположить, что решение о создании такого специального правового режима применения мер пресечения в отношении предпринимателей носило политический характер. Но в то же время совершенно очевидно и то, что причинами подобных явлений выступают и объективные закономерности становления современного российского права[1031].

Однако считаем необходимым обозначить свою позицию по данному вопросу. По нашему мнению, создание особого правового механизма привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, элементом которого является специальный правовой режим применения мер пресечения, есть отступление от конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. В правовом государстве подобного не происходило бы, тем более, если бы механизм применения мер пресечения был таким, который обосновывается

[1031] См.: Колоскова С. В. Указ. соч. С. 86; Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 128.

в настоящем диссертационном исследовании. Считаем, что только предлагаемые нами реформы в рассматриваемой сфере уголовно-процессуальной деятельности способны привести в итоге к равенству всех перед законом.

Представляется, что в ближайшем будущем станет понятным, насколько эффективна новая уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения по делам в сфере экономики. А пока очевидно, что следует ожидать дальнейших изменений уголовно-процессуального права в пользу перечисленных выше субъектов.

В то же время следует отметить, что проводимая политика в уголовно-процессуальной сфере, в рамках которой создан специальный правовой режим применения мер пресечения в отношении предпринимателей, не находит общего понимания и поддержки в научной среде.

Некоторые ученые выступают против такой современной уголовной и уголовно-процессуальной политики противодействия экономической преступности, как антиконституционной, противоправной, а главное – неэффективной[1032].

Другие процессуалисты указывают на наличие диссонанса между первоначальной идеей реформирования правового механизма борьбы с преступностью в сфере экономической и предпринимательской деятельности и последующим изменением уголовно-процессуального законодательства[1033].

Отмечается примитивизация уголовной и уголовно-процессуальной политики по обеспечению экономической безопасности, которая проявляется в том, что правоприменители дезорганизованы тем валом законодательных изменений, общий смысл которых состоит в том, что с предпринимательскими

[1032] Подробнее см.: Александров А. С. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы / А. С. Александров, И. А. Александрова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1. С. 5–19.

[1033] См.: Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 8.

преступлениями лучше не связываться, а субъектов предпринимательской деятельности лучше не трогать[1034].

Соглашаясь с указанными суждениями, полагаем необходимым отметить ещё одно важное свойство современной уголовно-процессуальной политики – её противоречивость. Наше суждение основано на том, что в своей сути уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения, воплощенная в правовых стандартах применения законодательства, является отражением противоречий современного российского уголовно-процессуального права, которые наблюдаются в противоречии между следственной моделью, лежащей в основе правовой организации досудебного производства, и собственно судопроизводством. Противоречивость современной уголовно-процессуальной политики проявляется и в сочетании разных правовых стандартов применения мер пресечения как по уголовным делам различных категорий, так и в отношении обвиняемых (подозреваемых) различных категорий. Подобная противоречивость современной уголовно-процессуальной политики свидетельствует об отсутствии чёткого стратегического курса.

Можно отметить лишь некоторые положительные моменты, осуществляемые высшими судебными инстанциями. В частности, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что при применении таких мер пресечения, как заключение под стражу или домашний арест, в отношении граждан должны соблюдаться гарантии, предусмотренные Конституцией РФ, и в силу принципа презумпции невиновности на обвиняемых, подозреваемых не должны накладываться ограничения по степени тяжести сопоставимые с уголовным наказанием или, более того, превышающие его[1035]. Верховным Судом РФ также предприняты шаги по разъяснению вопросов, связанных

[1034] См.: Современные проблемы уголовной политики: материалы II Международной научно-практической конференции: в 2 т. Краснодар, 2011. Т.1. С. 170.

[1035] По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 12-П // Система ГАРАНТ: информ.-правовое обеспечение. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71803858/ (дата обращения: 21.02.2019).

с применением мер пресечения в отношении всех категорий граждан[1036]. Однако, по нашему мнению, такая деятельность высших судебных инстанций в рамках своих компетенций больше направлена на разрешение конкретных вопросов по соответствующим обращениям и на упорядочивание работы нижестоящих судов. Отдельные усилия высших судебных инстанций по упорядочиванию правового регулирования в вопросах применения мер пресечения при отсутствии общего согласованного курса уголовно-процессуальной политики недостаточны и не могут оказать существенного влияния на ситуацию в целом, что подтверждается приведенной нами ранее статистикой.

В завершение параграфа можно сделать следующие выводы.

Проводимая в России уголовно-процессуальная политика является отражением противоречивости современного российского уголовно-процессуального права; ей свойственна избирательность и отсутствие чёткого стратегического курса.

В результате такой уголовно-процессуальной политики возникают разные правовые режимы применения мер пресечения, адресованные различным категориям граждан, подозреваемым и обвиняемым в совершении тех или иных преступлений.

Можно выделить репрессивный правовой режим применения мер пресечения по преступлениям экстремисткой и террористической направленности, и в то же время правовой режим с ярко выраженным уклоном на гуманизацию применения мер пресечения в отношении предпринимателей, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. При этом в отношении всех остальных граждан, подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам, к которым применяются меры пресечения, аналогичной

[1036] Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права обвиняемого на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании суда (за период с 1 января 2008 г. по 30 октября 2017 г.) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/documents/international_practice/26331/ (дата обращения: 21.02.2019).

гуманизации не происходит, что является отступлением от конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

Следует применять не единичные тактические меры, направленные на попытку решить обозначившуюся проблему, а менять всю стратегию проводимой уголовно-процессуальной политики, в рамках которой целесообразнее делать упор на реформы, которые предлагаются и обосновываются в настоящем диссертационном исследовании, направленные на создание состязательного механизма применения мер пресечения по уголовным делам.

§ 3 Перспективы смены существующей модели механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства

В данном параграфе мы обобщим ранее высказанные суждения о необходимости смены существующего механизма применения мер пресечения в уголовном процессе и сделаем прогноз относительно такой перспективы. При этом придётся вновь обратиться к некоторым важным и концептуальным вопросам, составляющим сердцевину настоящего диссертационного исследования.

В указанном контексте следует отметить, что современная модель судебного контроля за применением мер пресечения несет на себе отпечаток следственной формы и идеологии, а потому в ней воплощены все недостатки следственного типа уголовного процесса, включая главные – обвинительный уклон, зависимость суда от органа предварительного расследования, необеспеченность прав личности. В данном контексте также необходимо ещё раз обозначить, что существующий правовой механизм судебного контроля за применением ограничивающих конституционные права граждан мер

пресечения на стадии предварительного расследования, как и вся система правосудия, характеризуется избыточной карательностью.

Несмотря на все усилия Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, следует отметить, что уголовно-процессуальная политика как по вопросу применения самой жесткой меры пресечения в виде заключения под стражу, так и по вопросу применения иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер пресечения, в принципиальном плане так и не меняется. Любые попытки, направленные на модернизацию имеющейся правовой организации применения мер пресечения по уголовным делам при сохранении существующего типа уголовного процесса, бесперспективны.

Необходимы конструктивные и комплексные изменения в уголовно-процессуальной системе, под которыми следует понимать целый ряд одновременно проводимых реформ по организационным и законодательным изменениям с введением новых институтов, таких как институт следственных судей, полицейское дознание, процедура предъявления обвинения в суде и др.

В концептуальном плане, как уже отмечалось, суть этих изменений можно определить как переход к состязательному типу уголовного процесса. Решающим шагом при таком переходе должна стать реформа предварительного расследования – точнее говоря, отказ от следственной правовой организации досудебного уголовного преследования и расследования[1037]. С этой реформой предварительного расследования мы связываем и изменение политики применения государственного принуждения по уголовным делам.

Рассмотрим подробнее возможность и перспективы такой реформы. Сразу следует отметить, что в последнее время дискуссия о путях реформирования предварительного расследования обострилась. Даже сторонники единой следственной власти признают наличие в ней кризисных явлений[1038].

[1037] См.: Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 353.

[1038] См.: Россинский С. Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 93–100.

Однако по-прежнему доминирует точка зрения, что эту модель необходимо сохранить как совершенно необходимую часть отечественной правоохранительной системы, гарантирующей правопорядок в стране. Данное суждение основано на том, что в настоящий момент поддержкой большинства пользуется точка зрения о необходимости сохранения предварительного следствия в целом[1039]. Различия имеются относительно того, насколько, что именно и как реформировать в предварительном расследовании. Конструктивные дискуссии о реформировании этого института позволяют выделить несколько основных подходов[1040].

Один подход состоит в том, чтобы сохранить разделение следователей и оперативников на различные ведомства как продолжение реформы по выделению Следственного комитета из органов прокуратуры и укрепление следственной власти[1041]. Этот подход присущ представителям Академии Следственного комитета России и ряду других ученых[1042].

Сторонники проекта создания единого следственного органа считают, что следственный аппарат должен быть в одном ведомстве (СК РФ), которое подчиняется только Президенту России. Тем самым подобный следственный орган становится главой правоохранительной системы, уполномоченной на противодействие преступности уголовно-правовыми средствами[1043].

[1039] См., например: Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013; Дикарев И. С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 27–30; Быков В. М.; Манова Н. С. Каким быть аппарату власти следственной? // Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. М., 2016. С. 53–58; Власова Н. А., Шамаров В. Н. Ретроспективный анализ развития следственного аппарата в России // Вестник Екатерининского института. 2014. № 1. С. 35–40.

[1040] См.: Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 352–369.

[1041] См: Орлов П. Президиум Ассоциации юристов России провел масштабное обсуждение реформы МВД // Рос. газ. 2010. 28 янв.; Интервью А. Буксмана Российской газете // Рос. газета. 2010. 28 янв.

[1042] См.: Багмет А. М. О мерах по оптимизации полномочий следственных подразделений // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 48–50; Россинский С. Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 93–100.

[1043] См. подробнее об этом: Цветков Ю. А. Мнение доцента Ю. А. Цветкова // Аппарат власти следственной / под общей ред. Н. А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 199;

Идеология «вертикали следственной власти» строится на убеждении в том, что следователь является «основной фигурой»[1044], «судьей» на стадии предварительного расследования[1045], органом уголовной юстиции[1046]. Концепция «вертикали следственной власти» предполагает обеспечение наибольшей процессуальной самостоятельности следователя. Все контрольно-надзорные полномочия в отношении предварительного следствия предлагается передать руководителю следственного органа[1047].

Как видно из приведенных примеров, вся дискуссия по реформированию сводится к предложениям об обычных перестановках и перераспределении властных полномочий внутри самих правоохранительных органов. Надо признать, что это не то реформирование, которое необходимо для положительных перемен. Следует критически отнестись и к самой идее создания единого самостоятельного следственного органа. Создание такого единого органа (Федеральной службы расследования), неподнадзорного прокурору, еще более усугубит отмеченные пороки следственного процесса с присущим ему карательным уклоном и декларативными гарантиями прав личности. По нашему твердому убеждению, деятельность по обвинению лица в совершении преступления и контроль за этой деятельностью, сконцентрированные в одних руках – в руках самого следствия, делают эту деятельность бесконтрольной, что может приводить к элементам произвола.

Багмет А. М. Сильное следствие и его противники / А. М. Багмет, Ю. А. Цветков // LexRussica. 2015. № 4. С. 69.

[1044] См.: Цветков Ю. А. Мнение доцента Ю. А. Цветкова // Аппарат власти следственной / под общей ред. Н. А. Колоколова. М., 2016. С. 198–199; Шумилин С. Ф. Полномочия следователя: система и механизм реализации. Белгород, 2003.

[1045] См.: Багмет А. М. Следователь – судья на досудебной стадии // Аналитический портал «Отрасли права». URL: http://отрасли-права.рф/article/2636 (дата обращения: 01.09.2019); Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 131.

[1046] См.: Деришев Ю. В. Досудебное уголовное преследование по УПК РФ // Государство и право. 2004. № 12. С. 48–49.

[1047] См.: Багмет А. М. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователяна стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 21 марта 2014 г.): в 2 ч. М., 2014. Ч. 1. С. 16.

Также в рамках обсуждения возможного реформирования выдвигаются идеи по усилению роли следователя. В частности, существует позиция о наделении следователей судебными полномочиями[1048]. Таким образом, следователь совместно с судьей доказывает «объективную истину»; проводят, каждый на своей части уголовного судопроизводства, объективное, полное и всестороннее расследование обстоятельств дела[1049]. В контексте нашей позиции считаем ошибочными подобные проекты по наделению следователя судебной властью. В этом случае исчезнут существующие остатки номинальной самостоятельности судебного контроля, что самым негативным образом может сказаться на применении мер пресечения и мер процессуального принуждения вообще.

Кроме того, такое предложение ведёт к восстановлению института судебных следователей, о чём мы уже подробно говорили в настоящей работе. Поэтому, не повторяясь, лишь добавим, что полномочия судебного следователя гармонично сочетаются с его процессуальными функциями и вписываются в смешанный тип уголовного процесса с «инквизиционным» (несостязательным) предварительным производством[1050], а это как раз то, что мы предлагаем изменить.

В отличие от указанных предложений о реформировании идущих от сторонников следственного типа уголовного процесса, в настоящее время набирает силу теоретическая перспектива принципиально иного рода правовой организации досудебного производства, основанная на идее о необходимости четкого разделения полицейской, прокурорской и судебной функций. В результате такого разделения должно сформироваться следующее понимание: функция полицейских – раскрывать преступления; функция прокуроров –

[1048] См., например: Багмет А. М. Анализ целесообразности введения института следственного судьи в уголовное судопроизводство // Российский следователь. 2005. № 11. С. 6–8.

[1049] Подробнее см.: Аппарат власти следственной / под общей ред. Н. А. Колоколова. М., 2016.

[1050] См.: Трефилов А. А. Судебный следователь в дореволюционной России: сравнительно-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4. С. 153.

предъявлять обвинение (уголовный иск), обращаться за применением мер процессуального принуждения, в том числе за применением мер пресечения, и передавать эти правопритязания на применение закона вместе с подтверждающими их материалами в суд; функция судебной власти – осуществлять правосудие, разрешать любые вопросы, связанные со спором о применении меры правового принуждения к лицу[1051].

В рамках этой концепции необходимо признать актуальность прогрессивных предложений, направленных на превращение предварительного расследования в деформализованное дознание, предлагаемое и поддерживаемое рядом учёных[1052]. Аналогично можно сказать и об изменении порядка предъявления обвинения. Как нами уже отмечалось, процедура предъявления обвинения должна быть судебной, что будет кардинально отражаться и на решении вопроса о применении мер пресечения.

Весьма актуализируют обсуждение данной темы серьёзные изменения уголовно-процессуального законодательства бывших союзных республик, а ныне самостоятельных государств, таких как (Казахстан, Украина, Грузия и др.), где в отличие от нас пошли по принципиально иному пути реформирования обвинительно-следственной власти и предварительного расследования по уголовным делам.

По вопросу перспективы реализации таких изменений стоит отметить, что до последнего времени вероятность подобного развития событий никем всерьез не воспринималась, но опыт других стран, в том числе стран СНГ,

---

[1051] См. об этом, например: Смирнов А. В. О деформализации уголовного преследования на досудебной подготовке дела // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов Всероссийского круглого стола (Санкт-Петербург, 3 ноября 2011 г.). СПб., 2012. С. 211–216; Титаев К. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность: монография / К. Титаев, М. Шклярук. М., 2016.

[1052] См.: Смирнов А. В. Указ. соч. С. 211–216; Александров А. С. Путь институциональной реформы предварительного расследования / А. С. Александров, М. Л. Поздняков // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1. С. 78–82; Их же. Следственный комитет России и институциональная реформа предварительного расследования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1. С. 24–28.

свидетельствует о таких перспективах и выработке определенного европейского стандарта в организации правоохранительной системы. Конечно, следует признать, что в нашей стране подобные изменения пока в большей своей части находятся на уровне теоретических обсуждений и научных разработок, нежели в практической реализации. Это, по нашему мнению, вполне закономерно, поскольку любое серьёзное переустройство требует качественного осмысления. Главное, чтобы работа, направленная на перспективное переустройство, не прекращалась.

В этой связи следует сказать, что уже не один год обсуждается вопрос о возможности введения института следственных судей[1053]. Конечно, стоит признать, что обсуждения по введению данного института, на наш взгляд, слишком затянулись. Это даёт нам повод сомневаться в его реализации, но в то же время не должно служить основанием для прекращения исследований и выстраивания новых состязательных конструкций механизма применения мер пресечения. В рамках темы настоящего исследования хотелось бы отметить, что было бы опрометчивым не сообразовывать собственные авторские суждения о предлагаемом реформировании с политико-правовой реальностью, которая создается на наших глазах[1054]. Поэтому продолжением наших исследований будет освещение ряда рассматриваемых в последние годы инициатив развития уголовно-процессуального института мер пресечения и механизма их применения.

На международной научно-практической конференции «Новая теория уголовно-процессуальных доказательств», проходившей в Нижегородской академии МВД России, на обсуждение был представлен проект «Доктринальная

[1053] См.: Рудич В. В. Проекты новелл о следственном судье как субъекте, уполномоченном на применение существенных мер уголовно-процессуального принуждения / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // Российский следователь. 2015. № 17. С. 21–25.

[1054] Так, 18 декабря 2019 года заместитель председателя Верховного Суда Российской Федерации В. Давыдов, отмечая положительный международный опыт деятельности института следственных судей, предложил вернуться к обсуждению вопроса о возможности введения этого института в российской судебной системе. См.: Верховный суд предлагает вернуться к вопросу создания должности следственного судьи // Официальный сайт «ИТАР ТАСС». URL: https://tass.ru/obschestvo/7367831 (дата обращения: 18.12.2019).

модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации»[1055].

Полагаем, что авторам доктринальной модели в достаточной степени удалось изложить своё видение надлежащего процессуального кодекса, указав ряд принципиальных положений, затрагивающих и порядок применения мер пресечения. Безусловно, что предвидеть все нюансы и урегулировать все вопросы, которые могут возникнуть при применении мер пресечения, достаточно сложно. Но в то же время полагаем, что создание доктринальной модели хоть и осталось в настоящее время в рамках теории, всё же это заслуживающая внимания авторская попытка такой регулировки путём создания отдельного документа весьма серьёзного уровня.

На парламентских слушаниях 20 декабря 2016 г. по поводу 15-летия принятия УПК РФ, состоявшихся в Совете Федерации Федерального Собрания РФ, был затронут вопрос о том, что назрела необходимость принятия нового УПК[1056].

Полагаем, что подобную инициативу следует расценивать положительно, но создание нового УПК без проведения соответствующих реформ, о которых, в частности, говорится в настоящей работе, не приведёт к качественным структурным изменениям. Можно сколько угодно менять закон, однако проблема состоит не только в самом законе, но и в существующем устройстве нашего уголовного судопроизводства.

На парламентских слушаниях, состоявшихся 5 апреля 2017 г. в Совете Федерации Федерального Собрания РФ, во многом неожиданно для большинства представителей научного юридического сообщества произошло представление и первоначальное обсуждение подготовленного по заказу Центра стратегических разработок документа под названием «Уголовная политика: дорожная карта

[1055] См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней. М., 2015.

[1056] В Совете Федерации обсудили стратегию совершенствования уголовного правосудия // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ. URL: http://www.council.gov.ru/events/news/75374/ (дата обращения: 01.09.2019).

развития на период 2017–2025 гг.»[1057] (далее – дорожная карта). Его авторы полагали возможным в 2017–2018 гг. внести частные корректировки уголовно-процессуального законодательства, нацеленные на устранение «обвинительного уклона» в деятельности органов государственной власти, а в период с 2019 по 2025 гг. полагают возможным реализацию более серьезных мер. В первую очередь эти меры касаются деформализации судопроизводства, ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, введения принципа целесообразности, расширения дискреции прокурора, расширения полномочий адвокатов[1058].

По вопросу модернизации института мер пресечения в предлагаемой авторами дорожной карте отведен специальный раздел: «5.1.1. Меры пресечения». В нем высказаны мнения о возможном изменении уголовно-процессуальной политики применения мер пресечения в рамках действующего УПК РФ. В связи с этим планируется ввести ограничения в сфере применения меры пресечения в виде заключения под стражу рядом правовых положений:

а) «распространить безусловный запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу на преступления небольшой и средней тяжести, кроме случаев, указанных в ч. 1 ст. 108 УПК РФ»[1059];

б) «распространить безусловный запрет на применение этой меры пресечения на преступления любой иной категории тяжести, если они предусмотрены главами 19, 20, 21, 22, 23, 24 (выборочно), 25 (выборочно), 26, 28, 30, 31, 32 УК РФ и не были сопряжены при их совершении либо применением насилия или угрозой его применения (с сохранением исключительных случаев, указанных в ч. 1 ст. 108 УПК РФ)»[1060];

в) «дополнительно в отношении несовершеннолетних распространить запрет, установленный ч. 2 ст. 108 УПК РФ, на тяжкие преступления»[1061];

[1057] Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г. А. Есаков [и др.]. М., 2017. URL: https://www.csr.ru/uploads/2017/04/Report-CP.pdf (дата обращения: 01.01.2018).

[1058] См.: Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). С. 52, 54–55.

[1059] См.: Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). С. 58.

[1060] См.: Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). С. 58–59.

[1061] См.: Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). С. 59.

г) «ограничить предельный срок применения меры пресечения в виде заключения под стражу на стадии предварительного расследования (включая ознакомление с материалами дела) 24 месяцами, на судебной стадии – также 24 месяцами»[1062];

д) «при сохранении зачета домашнего ареста в соотношении 1 к 1 при назначении лишения свободы поменять исчисление заключения под стражу в зачет назначенного наказания в соотношении 1 к 2»[1063].

При этом предполагается, что предложения по сокращению случаев применения меры пресечения в виде заключения под стражу и переход на более распространенное применение таких мер пресечения, как домашний арест и залог, наряду с другими мерами уголовно-процессуального принуждения, создаст финансовые резервы для улучшения условий содержания осужденных. Также это будет содействовать возмещению причиненного преступлениями вреда, способствовать восстановлению нарушенных прав потерпевших и в целом даст позитивный экономический эффект[1064].

Анализируя данные инициативы, можно сделать вывод о том, что все ключевые позиции авторов дорожной карты в основном сводятся опять же к изменениям УПК РФ и внесению тех предложений, которые уже ранее выдвигались, например такие как ограничение срока содержания под стражей, а также возможное изменение уголовной политики[1065].

На наш взгляд, надо говорить не о возможном изменении уголовной политики, а об обязательном её изменении с целью проведения предлагаемых реформ. Эффективных реформ не будет, если не будет того главного стратегического пути и той главной идеологической воли, коими в этом случае и будет выступать уголовная политика.

[1062] См.: Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). С. 59.
[1063] См.: Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). С. 59.
[1064] См.: Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). С. 70.
[1065] В настоящей работе мы уже указывали на аналогичные предложения различных авторов по ограничению срока содержания под стражей.

Таким образом, ничего принципиально нового эксперты Центра стратегических инициатив не предложили. А указанные отдельные, половинчатые меры, на наш взгляд, успеха не принесут. В отличие от указанного проекта, наша позиция остаётся неизменной: необходимо менять не отдельные положения УПК РФ, а проводить в жизнь важные стратегические реформы всего уголовного судопроизводства, включая механизм применения мер принуждения по уголовным делам.

Остановимся еще на одном проекте судебной реформы. В соответствии с поручением Президента РФ от 14 июля 2016 г. № Пр-1347 «Столыпинским клубом» была разработана «Среднесрочная программа социально-экономического развития страны до 2025 года “Стратегия Роста”», составной частью которой был раздел, посвященный судебной реформе[1066].

Главным образом нас интересуют предложения в части реорганизации правовой формы применения мер пресечения по уголовным делам. Поэтому, прежде всего, обращает на себя внимание раздел «Реформа уголовного экономического законодательства»[1067]. Однако в данном документе нет ни одного сколько-нибудь значимого предложения о реформах, и все предложения ориентированы на защиту исключительно только одной группы лиц – предпринимателей (в ущерб интересам остальной части общества). Вся суть предложений, касающихся изменения порядка применения мер пресечения по уголовным делам по экономическим преступлениям, сводится к следующему:

[1066] Основными экспертными площадками при подготовке Программы стали: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Вольное экономическое общество, МГИМО. Всего в работе над программой приняли участие около 800 экспертов и ученых, представителей органов власти и предпринимательских объединений. 28 февраля 2017 г. ее внесли на рассмотрение Президенту РФ и Правительству РФ. См.: Среднесрочная программа социально-экономического развития страны до 2025 года «Стратегия Роста» // Столыпинский клуб. URL: http://stolypinsky.club/strategiya-rosta-3/ (дата обращения: 01.01.2018).

[1067] Приложение № 14 к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» // Столыпинский клуб. URL: http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/14.-UGOLOVKA-28.02.17-1.pdf (дата обращения: 01.01.2018).

а) установить ограничение для судей, принимавших решения на этапе дознания и предварительного следствия (например, об избрании меры пресечения), рассматривать уголовное дело по существу;

б) установить ограничение для судей, принимавших решения на этапе следствия и суда (например, об избрании меры пресечения), рассматривать уголовное дело по существу;

в) обязать правоохранительные органы получать согласие прокурора на обращение с ходатайством в суд об избрании меры пресечения;

г) приравнять нахождение года в следственном изоляторе к двум годам нахождения в колонии.

Это практически и есть основная суть предлагаемых данными разработчиками изменений. Как видно из указанных документов, стратегического видения путей изменения существующей системы применения мер пресечения в них не имеется.

В 2018 году членом Совета Федерации Федерального Собрания РФ А. В. Кутеповым предложен проект федерального закона «О внесении изменений в статью 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», направленный на расширение случаев запрета применения ареста[1068].

Данный законопроект устанавливает дополнительные ограничения по применению меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении следующих категорий лиц: «беременных женщин, женщин, имеющих малолетних детей, и мужчин, имеющих ребенка в возрасте до 14 лет и являющихся единственным родителем»[1069].

Предложенные изменения действующего уголовно-процессуального законодательства, по замыслу разработчиков, имеют своей целью защитить семью от необоснованного, нередко нецелесообразного разлучения детей и родителей

[1068] Арест беременных женщин должен быть возможен только в особых случаях // Piter.TV.URL:https://piter.tv/event/Arest_beremennih_zhenschin_dolzhen_bit_vozmozhen_tol_ko_v_osobih_sluchayah/ (дата обращения: 01.09.2019).

[1069] А. Кутепов: Арест граждан, имеющих детей до 14 лет, должен применяться в исключительных случаях // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 28.05.2018. URL: http://council.gov.ru/events/news/92842/ (дата обращения: 27.09.2019)

в стадии проводимого уголовного расследования и судебного разбирательства, когда родитель еще не признан виновным в совершении преступления.

Согласно данному законопроекту, заключение под стражу в отношении вышеуказанной категории лиц допускается в исключительных случаях, а именно:

- по подозрению (обвинению) в совершении особо тяжкого преступления;

- по подозрению (обвинению) в совершении преступления против жизни, здоровья, свободы, половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних;

- по подозрению (обвинению) в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205, 205^1, 205^2, 205^3, 205^4, 205^5, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ;

- при наличии обстоятельств, перечисленных в п. 1-4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ[1070].

Данный законопроект, на наш взгляд, имеет существенный порок. В частности, в случае принятия данного законопроекта имеются опасения, что предлагаемые изменения законодательства на практике приведут не к снижению, а к увеличению числа беременных женщин и других лиц, подпадающих под данные исключения, к которым при совокупном анализе оснований для заключения под стражу без применения оспариваемой нормы была бы избрана более мягкая мера пресечения.

Также следует отметить, что предлагаемый исчерпывающий перечень ситуаций, когда заключение под стражу в порядке исключения к рассматриваемой категории лиц допускается, не включает в себя ситуации, когда в интересах несовершеннолетнего и при наличии других оснований для избрания такой меры пресечения, как заключение под стражу, её применение являлось бы обоснованным, например, когда родитель совершает преступления против

[1070] См.: Материалы совещания в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, посвященного подготовке к внесению в Государственную Думу проекта федерального закона о расширении случаев применения домашнего ареста. М., 2018; А. Кутепов: Арест граждан, имеющих детей до 14 лет, должен применяться в исключительных случаях // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 28.05.2018. URL: http://council.gov.ru/events/news/92842/ (дата обращения: 27.09.2019).

интересов ребёнка, которые не указаны среди предлагаемых в законопроекте статей УК РФ (ст. 150, 150^2 и др.).

Судебно-следственной практике известны случаи, когда заключение под стражу применяется с учетом совершения лицом преступления в отношении членов своей семьи при совместном проживании. То есть, в том числе и для того, чтобы оградить несовершеннолетнего от риска преступных посягательств, необязательно связанных с угрозой жизни, здоровью, свободе, половой неприкосновенности со стороны обвиняемого (подозреваемого)[1071]. Таким образом, следует признать существенные недоработки предлагаемого законопроекта.

Серьезную озабоченность ситуацией, сложившейся в сфере применения мер пресечения, высказали участники круглого стола «Совершенствование механизма избрания и продления заключения под стражу, залога и иных мер пресечения», состоявшегося 18 июля 2019 г. в Совете Федерации Федерального Собрания РФ.

В частности, А. Карлин отметил, что избрание любой меры пресечения напрямую увязывается с размером наказания, которое может понести виновное лицо в случае вынесения обвинительного приговора. Если такая корреляция и имеется, то она носит менее жесткий, более вариативный характер. При этом он подчеркнул необходимость переработки действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики. В данном направлении видится большое поле деятельности для специализированных научных и образовательных учреждений с точки зрения совершенствования содержания и характера методических и других документов.

Следует отметить позицию, высказанную известным российским адвокатом Г. Резником, который указал на избыточность применения меры пресечения в виде заключения под стражу, что грубо нарушает ключевые конституционные принципы: уважения достоинства личности и презумпции невиновности. Решение проблемы он видит в усилении роли прокурора, а также в законодательном

[1071] См.: п. 6. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. 27 дек.; 2016. 1 июня.

закреплении нормы, которая четко бы говорила о том, что мера пресечения избирается по обоснованному подозрению. Но самое главное в позиции Г. Резника то, что он ратует за совершенствование механизма избрания меры пресечения, решение о применении которой должно приниматься в ходе «судебного мини-разбирательства», где осуществляется полный процесс доказывания, исследование доказательств, оценка доказательств на предмет допустимости, относимости и достоверности.

По-прежнему имеются и сторонники усиления следственной власти при избрании мер пресечения в отношении обвиняемых (подозреваемых). К примеру, А. Завалунов ратует за усиление независимости следователя в уголовном судопроизводстве, так как, по его мнению, имеется дисбаланс между полномочиями прокурора по осуществлению надзора за следствием и полномочиями руководителя следственного органа.

По итогам обсуждения проблем совершенствования механизма избрания и продления заключения под стражу, залога и иных мер пресечения были подготовлены следующие рекомендации:

- более активно использовать новую меру пресечения в виде запрета определенных действий, а также меру пресечения в виде домашнего ареста и залога как альтернативу такой мере пресечения, как заключение под стражу;

- изучить вопрос о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство с целью усиления надзорных компетенций прокуроров при избрании и продлении мер пресечения;

- принять дополнительные меры по усилению ведомственного процессуального контроля за законностью принимаемых решений об избрании и продлении мер пресечения[1072].

Итоги нашего анализа наводят на печальные размышления о том, что в ближайшее время принципиальных изменений в правовой организации применения мер пресечения по уголовным делам ожидать не приходится.

[1072] См.: А. Карлин: Проблема избрания меры пресечения требует серьезного комплексного изучения // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ. URL: http://council.gov.ru/events/committees/106639/ (дата обращения: 02.08.2019).

Тем не менее, как нами уже отмечалось выше, в теории процесс наработки новых идей о реформировании нашей уголовно-процессуальной системы не должен прекращаться. Рано или поздно он приведет к качественным изменениям научной парадигмы, а с ним и правовой доктрины. Полагаем, что наступит время и для практического применения состязательного проекта механизма применения мер пресечения.

В завершение можно сделать следующие выводы.

Переход к состязательной правовой организации судебного механизма применения мер пресечения возможен только через реформу досудебного производства, которая должна сопровождаться комплексом преобразований, о которых было сказано в настоящей диссертации.

Реализация указанных преобразований позволит создать принципиально новый правовой механизм применения исключительных и обеспечительных по своей правовой природе мер пресечения (мер уголовно-процессуального принуждения) в уголовном судопроизводстве. В целом судебная реформа должна быть завершена приведением досудебного производства в соответствие со стандартами состязательности и равенства сторон. В концептуальном плане это переход к состязательному типу уголовного процесса.

Однако, делая прогноз о перспективах реализации предлагаемых изменений, следует признать, что в большинстве своем они находятся в стадии теоретических обсуждений и научных разработок. Еще нет чётко обозначенных стратегических целей государства в уголовной и уголовно-процессуальной политике по реализации конкретных процессов модернизации всего уголовного судопроизводства, что отдаляет перспективы достижения положительных изменений. Предпринятые отдельные попытки, направленные на достижение каких-либо изменений, свидетельствуют об узких задачах, как правило не связанных с реализацией реально необходимых процессов. Однако наработка новых идей реформирования отечественной уголовно-процессуальной системы не должна прекращаться. В итоге этот процесс рано или поздно приведёт к качественным изменениям научной парадигмы, а с ним и правовой доктрины.

Тогда придет время и для практического применения обосновываемого нами механизма применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем основные итоги нашего исследования.

Осуществив сравнительный анализ комплекса научных представлений о сущности мер пресечения, системе мер пресечения, их соотношении с другими мерами правового принуждения, мы пришли к следующим выводам. Представление о том, что меры пресечения и наказания родственны в своем сущностном, исходном начале, определенным образом взаимосвязаны, испытывают влияние общих детерминант и в стратегическом плане укладываются в общую систему, составляет одну из основ учения об уголовно-процессуальном принуждении. В то же время в современном отечественном правовом учении о мерах уголовно-процессуального принуждения существует позиция, согласно которой прямая связь между мерами процессуального принуждения и наказанием отрицается. Следует поддержать данную позицию, которая соответствует и Конституции РФ, и общему смыслу российского уголовно-правового и уголовно-процессуального законодательства.

Обоснован тезис об отсутствии связи мер пресечения с обеспечением надлежащего поведения. Предложена авторская трактовка понятия универсальной цели применения мер пресечения, согласно которой универсальной целью применения мер пресечения является ограничение физической свободы действий подозреваемого, обвиняемого, направленное на пресечение его уклонения от следствия и суда на всём этапе производства по уголовному делу. Меры пресечения выступают средством разрешения основного вопроса уголовного дела о применении или неприменении уголовно-правовых норм (уголовного закона), обеспечивают принятие судебного решения о правоприменении (приговора), но не являются средством исполнения приговора или тем более – наказания.

Назначение мер пресечения и назначение уголовного судопроизводства взаимосвязаны. Нельзя не признать и того, что система мер пресечения, форма их применения находятся в прямой связи с другими элементами системы

противодействия преступности, типом уголовного процесса, с уголовно-процессуальной политикой и уголовной политикой государства в целом, с господствующей правовой доктриной, с формой государственного устройства и организацией ветвей власти. Сказанное полностью относится и к механизму применения мер пресечения.

В процессе решения задачи раскрытия системной связи механизма применения мер пресечения с типом уголовного процесса и существующей организацией предварительного расследования мы обосновали ряд принципиальных положений.

Исходным типологическим признаком современного российского уголовного процесса является всевластие следователя в ходе предварительного расследования преступлений, и в этом состоит первопричина несоответствия стандартам (международным) справедливого судебного разбирательства отечественной уголовно-процессуальной системы, включая такой ее элемент, как судебный контроль за применением мер пресечения. Поэтому в существующем отечественном уголовном процессе (хотя бы и с некоторыми вторичными признаками состязательности) судебный контроль за применением мер пресечения никогда не сможет стать вполне независимым и объективным, а обвинительный уклон у него, в свою очередь, неизбежен.

Информационная зависимость судебной власти от органа предварительного расследования не заканчивается досудебным производством. Такая зависимость носит глобальный характер: в судебных стадиях основным источником информации об обстоятельствах дела, включая те, которые служат основаниями и условиями для избрания мер пресечения, получаются судом также из материалов уголовного дела, сформированных следователем, дознавателем (и частично установленных в ходе судебного следствия).

Правовая организация применения мер пресечения должна быть максимально избавлена от давления следственных институтов и в первую очередь от следственной технологии формирования оснований уголовно-процессуальных решений.

Важной составляющей в любом типе правовой организации уголовно-процессуальной системы является информационно-коммуникативная модель установления фактов – оснований решений для применения закона. Все институты уголовно-процессуального права и доказательственного права в первую очередь «обслуживают» формирование основания уголовной ответственности, но равно и основания для избрания мер пресечения. Для каждого типа уголовного процесса присуща своя технология уголовно-процессуального доказывания по делу.

Можно говорить о двух основных типах уголовного процесса, двух альтернативных способах правовой – уголовно-процессуальной организации применения норм уголовного закона: инквизиционном (следственном) и состязательном (он же – обвинительный / исковой). Первый основан на доминировании «следственной власти», второй – на полновластии суда в принятии итоговых решений по делу и разработке оснований для таковых. Между ними есть смешанные разновидности процесса, каждая – с индивидуальным набором вторичных признаков (правовых стандартов), выражающих распределение полномочий между исполнительной и судебной властью в правовом механизме правоприменения.

Система мер пресечения и система правовых стандартов их применения складывается сообразно типу уголовного процесса. Именно тип процесса детерминирует правовой формат института избрания мер пресечения, и от него напрямую зависит организация правоприменительной деятельности.

Очевидные пороки сложившейся на практике существующей модели применения мер пресечения, такие как избыточная карательность, обвинительный уклон, феномен автоматического удовлетворения ходатайств органов предварительного расследования о применении мер пресечения, порождают недоверие общества к судебной системе, упреки в несправедливости государства.

Качественного изменения в практике избрания мер пресечения не добиться, если не реализовать принцип разделения обвинительной и судебной власти и

не поменять форму и содержание существующих между ними процессуальных отношений в процессе правоприменения.

Объективная историческая тенденция развития уголовно-процессуальных систем государств, принадлежащих к романо-германской правовой семье, такова: от частно-искового к инквизиционному (следственному), затем к смешанному типу, в котором судебные стадии реализуются в состязательной форме, и далее от смешанного типа – к состязательному (что иллюстрируется примером стран Латинской Америки). Эта объективная тенденция проявляется в перераспределении властных полномочий по применению мер пресечения от исполнительной власти к судебной. В состязательном типе уголовного процесса судебная и исполнительная власти вместе соучаствуют в применении мер пресечения, но каждая из них независима друг от друга: они выполняют различные функции, контролируют и сдерживают друг друга. Исполнительная власть обращается к судебной власти для рассмотрения вопроса о применении меры пресечения и затем исполняет судебное решение. Судебная власть устанавливает основание для применения меры пресечения в рамках состязательной судебной процедуры и равенства сторон на основе сведений (фактических данных), представленных сторонами и ставших доказательствами в ходе их исследования в рамках судебного заседания, а также выносит постановление об удовлетворении требования и, соответственно, о применении меры пресечения или об отказе в таковой. При этом в вопросы исполнения судебная власть входить не должна, ее задача – разрешить спор, принять решение в пользу той из сторон, чьи доказательства и позиция оказались убедительнее.

Для реализации права личности на защиту от правопритязания на избрание меры пресечения судебная процедура применения мер пресечения является оптимальной. Поэтому меры пресечения, ограничивающие конституционные права граждан, должны применяться только по решению следственного судьи или суда, в производстве которого находится дело. Остальные меры принуждения во время досудебного производства, как это и существует в настоящее время,

могут применяться во внесудебном порядке по решению прокурора либо органа, который проводит предварительное расследование.

Раскрывая системную связь механизма применения мер пресечения с технологией доказывания и порядком предъявления обвинения, мы пришли к следующим ключевым положениям.

Существующая следственная информационно-коммуникативная модель установления фактов оказывает решающее влияние и на принятие судом решения об избрании меры пресечения. Современный правовой стандарт доказывания в рамках судебного контроля за применением мер пресечения не предполагает проведения полноценного судебного следствия, следственных действий, прежде всего допросов лиц, на показаниях которых строится утверждение органа предварительного расследования о необходимости применения меры пресечения. Решение судьи основывается, как правило, на следственных материалах. Господство следственного стандарта доказывания обуславливает и обвинительную направленность решений судов об избрании мер пресечения.

Правоприменитель (следователь, прокурор, судья) ориентируются на следственную форму – протокол следственных действий, а не на протокол судебного следствия. Именно такая модель доказывания является общепринятой для современной уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой по любому юридически значимому вопросу, включая, разумеется, и вопрос о применении меры пресечения.

В следственной технологии уголовно-процессуального доказывания кроется причина наличия обвинительной (несправедливой) модели формирования оснований применения мер пресечения и несостоятельность судебного контроля за применением мер пресечения.

Уголовно-процессуальное доказывание должно осуществляться в рамках судебной процедуры. Доказательства должны формироваться в суде в условиях равных процессуальных возможностей и состязательности сторон из представленных сторонами сведений, обосновывающих их доводы. Досудебная подготовка сведений (фактических данных) сторонами обвинения и защиты

не может считаться деятельностью, порождающей готовые процессуальные доказательства.

С технологией уголовно-процессуального доказывания в конкретном типе уголовного процесса в конечном итоге связана определенная правовая организация установления оснований для избрания мер пресечения, включая систему правовых стандартов принятия судом правомерного решения о применении меры пресечения. Под основаниями для избрания мер пресечения надо понимать «процессуальное знание», то есть знание, достоверность которого доказывается благодаря соблюдению закона и правовых стандартов определенной законом процедуры. Правомерность решения об избрании меры пресечения также связана с положительным решением вопроса об обоснованности подозрения.

Институциональные изменения в уголовно-процессуальном праве, включая уголовно-процессуальный институт мер пресечения, связаны с переменами в модели доказывания. Современное учение о следственных уголовно-процессуальных доказательствах и доказывании подлежит замене на состязательную доктрину доказательственного права, согласно которой следователь как субъект стороны обвинения не должен формировать для суда готовые уголовно-процессуальные доказательства.

Надо признать своевременность постановки вопроса о превращении современного превентивного судебного контроля в элемент новой состязательной процедуры на стадии досудебного производства. Бесспорно, основным условием этих перемен должно являться достижение равенства сторон в возможностях доказывания: ходатайство об избрании меры пресечения должно подтверждаться не письменными следственными материалами, а сведениями из их первоисточников, предоставленных сторонами и непосредственно исследованными в суде с соблюдением принципа состязательности сторон.

Именно вопрос, связанный с ограничением конституционных прав граждан (применение мер пресечения), разрешаемый в судебной процедуре, и следует считать началом судопроизводства. В состязательном уголовном процессе любые действия обвинительной власти, сопряженные с ограничением прав личности,

должны находиться под контролем суда. Результатом судебной реформы должно стать и изменение порядка предъявления обвинения, процедура предъявления обвинения должна быть судебной. Необходимо заменить следственную модель обвинения судебной моделью.

С позиции универсальных правовых стандартов механизм применения мер пресечения можно считать вполне состоявшимся только тогда, когда обвинение будет предъявляться в судебном порядке, а доказательствами будут считаться сведения (фактические данные) представленные сторонами и нашедшие подтверждение в судебном заседании.

Понятие правового стандарта служит наиболее приемлемой научно-правовой конструкцией для развития представлений о том, каким должен быть механизм применения мер пресечения в состязательном уголовном процессе и прежде всего в его досудебной части.

Различие между стандартами в инквизиционном и в состязательном процессе заключается в том, кто наделен правом на участие в выработке стандарта и как он реализует свое полномочие. В следственном процессе – это монопольная деятельность правоохранительных органов, правоприменителя в широком смысле, в состязательном процессе – правовой стандарт вырабатывается судом с участием сторон, а это, в свою очередь, вовлекает в процесс формирования стандартов (правотворческий процесс) такой институт гражданского общества, как адвокатура.

Правовой стандарт становится средством правового регулирования тогда, когда его содержание становится неотъемлемой частью правопонимания и правоприменения. Это означает, что правовой стандарт должен стать частью правосознания судьи. По этой своего рода «когнитивной модели» судья принимает решение в типичной ситуации. И, соответственно, эти стандарты проявляются в судебных решениях, выражая, таким образом, опыт осмысления закона и практики его применения. Можно сказать, что правовые стандарты – это стереотипы правосознания правоприменителей.

Выработанные правовые стандарты должны приниматься как правильные, бесспорные, не требующие доказывания постулаты. Правовой стандарт «правит» участниками судебной процедуры применения мер пресечения, его сила в том, что участники убеждены в его правильности.

Несовершенство закона (его запаздывание, несовпадение с реалиями практики) исправляется правовым стандартом. Разумеется, если суд видит себя творцом права, то есть, когда он осознает в полной мере свою независимость.

Правовые стандарты применения мер пресечения являются правовыми стандартами соответствующего судебного процесса, который должен быть состязательным, гласным, с непосредственным исследованием доказательств, служащих средством установления оснований для избрания мер пресечения. Соблюдение правовых стандартов должно стать неотъемлемой содержательной частью обосновываемого нами механизма применения мер пресечения.

В рамках рассмотрения проблемы реализации прав участников судебной процедуры принятия решения о применении меры пресечения был сделан следующий вывод. В целом можно констатировать то, что не только на уровне законодательства, но и на уровне правоприменения заметно усиление правозащитного тренда. Суды все более внимательно исследуют вопросы, касающиеся соблюдения прав участников судопроизводства в ходе процедуры применения меры пресечения. Однако инерция следственных стандартов правоприменения сильна. Когнитивная модель поведения правоприменителей остается следственной, в отличие от законодательства она не может быть радикально изменена в короткие сроки. Трудно переломить традиционную антигуманную практику применения мер пресечения. Уголовно-процессуальная политика использования мер пресечения, по существу, не меняется на протяжении многих столетий несмотря на бурные исторические события.

Изучив особенности регулирования применения мер пресечения нормами международного права в контексте положений Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, решений ЕСПЧ, мы пришли к убеждению, что процедура применения мер пресечения должна быть максимально

состязательной, основываться на принципах справедливости и беспристрастности суда; сроки применения мер пресечения должны соответствовать требованиям разумности, продление срока такой меры пресечения, как содержание под стражей, возможно при условии чёткой обоснованности, исключающей применение другой, более мягкой, меры пресечения.

Изучив далее теоретические разработки и предложения по реформированию отечественного уголовного судопроизводства и процедуры применения мер пресечения, мы в итоге пришли к заключению, что не пересмотрев канонические основы советской теории уголовно-процессуального и уголовного права и в целом теории права, которые до сих пор не утратили своего влияния, невозможно выработать новую систему взглядов (идей), направленную на создание состязательного механизма применения мер пресечения в уголовном процессе. Пришло время отказаться от отслуживших свое канонов советской правовой школы и строить новую концепцию правовой организации применения мер пресечения в разумно организованном состязательном уголовном процессе.

Обосновывая теоретическую модель механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному типу уголовного процесса и определяя условия и содержательные элементы данного механизма, мы сформулировали ряд важных концептуальных положений.

Не факт совершения преступления, а процессуальный факт – соответствующее уведомление о подозрении в совершении преступления или постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого – порождает уголовно-процессуальные отношения и, соответственно, возможность применения мер пресечения.

Участниками уголовно-процессуального отношения, возникающего в связи с появлением достаточных данных о совершении преступления, являются, с одной стороны, следственные органы, а с другой – подозреваемый (обвиняемый).

Нет никаких уголовно-правовых феноменов, с которыми можно было бы связать возможность применения принуждения как формы наказания

к подозреваемому, обвиняемому – лицу, которое подразумевается невиновным и не подлежащим никакой уголовной ответственности, пока виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Такова логика презумпции невиновности – краеугольного камня состязательного правосудия (ст. 49 Конституции РФ).

Поэтому и меры пресечения, которые применяются к подозреваемому (обвиняемому), никак не связаны с уголовной ответственностью и не служат ее реализации, а выступают средством обеспечения уголовного преследования, при рассмотрении уголовного дела судом – средством обеспечения правосудия по уголовному делу с целью вынесения правомерного итогового решения.

Нельзя считать избрание мер пресечения элементом реализации уголовной ответственности; хотя применение мер пресечения входит в содержание уголовного преследования, образует его важнейшую составляющую и обеспечивает достижение его целей.

Разрабатывая конкретные меры по реорганизации уголовно-процессуального механизма применения мер пресечения, мы сформулировали и обосновали ряд предложений. Центральной деталью или рычагом, приводящим в движение судебный механизм применения мер пресечения, должен быть уголовный иск. Прокурор должен считаться единственным субъектом права на исковое требование о применении меры пресечения, предъявляемое следственному судье как с целью недопущения уклонения обвиняемого от уголовного преследования, так и с целью недопущения его уклонения от судебного рассмотрения обвинения по существу. Орган предварительного расследования – уголовного преследования – не должен самостоятельно вступать в процессуальные отношения с судебным органом по поводу применения мер пресечения. Его полномочия ограничиваются сбором и передачей прокурору материала, подтверждающего ходатайство об избрании меры пресечения. Разумеется, за полицией должно быть полномочие на задержание правонарушителя и его доставление в место предварительного заключения до

решения судом вопроса о применении меры пресечения. Деятельность органов предварительного расследования должна осуществляться в форме полицейского дознания.

Обоснованная нами теоретическая модель механизма применения мер пресечения и есть система сдержек и противовесов между обвинительной и судебной властью, которая определяет состязательную правовую организацию деятельности всех участников правоприменительного процесса. Указанный механизм должен объяснять то, как происходит применение УПК РФ, а в результате этого правоприменения происходит и реализация норм УК РФ к конкретным случаям совершения преступления.

Как часть единого целого – механизма правоприменения (уголовного и уголовно-процессуального закона) – механизм применения мер пресечения является инструментом противодействия преступности. Наряду с этим, данный правовой механизм обеспечивает и защиту прав и свобод человека, ставшего объектом уголовного преследования.

Теоретическая модель правовой организации применения мер пресечения как предмет науки может отличаться от правовой модели, реализованной в позитивном праве. Однако нормативистский метод, по нашему мнению, не является методом создания нового знания о механизме применения мер пресечения. Только отказавшись от нормативизма как способа, оправдывающего «полуследственную» модель правовой организации уголовно-процессуальной деятельности, возможно конструирование справедливой модели применения мер пресечения.

Анализ системной связи механизма применения мер пресечения с направлением развития уголовно-процессуальной политики и уголовной политики государства в целом позволил сформулировать следующие выводы.

Правовая организация применения всех мер правового принуждения (от наказания до мер уголовно-процессуального принуждения) существенно различается в следственном и состязательном типах процесса и

в принципиальном плане детерминируется проводимой государством уголовной политикой.

Современная уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения, воплощенная в правовых стандартах применения законодательства, является отражением противоречия современного российского уголовно-процессуального права: противоречия между базовой следственной моделью, лежащей в основе правовой организации досудебного производства, и собственно судопроизводством. Противоречивость современной уголовно-процессуальной политики проявляется и в сочетании разных правовых стандартов применения мер пресечения как по уголовным делам различных категорий, так и в отношении обвиняемых (подозреваемых) различных категорий. Подобная противоречивость современной уголовно-процессуальной политики свидетельствует об отсутствии чёткого стратегического курса.

Только смена эволюционным путем уголовно-процессуального строя и проведение комплексной реформы приведет к системным изменениям стандартов применения судами мер пресечения. Невозможно реформировать существующий институт судебного контроля за применением мер пресечения в изоляции от продолжения судебной реформы, реформы предварительного расследования, в том числе введения института следственного судьи. Это необходимая предпосылка для создания качественно новой, более справедливой, обеспечивающей права личности правовой организации применения мер пресечения в ходе уголовного судопроизводства.

В рамках диссертационного исследования были разработаны конкретные предложения по изменению и дополнению российского уголовно-процессуального законодательства. В уголовно-процессуальном кодексе следует закрепить в качестве мер пресечения, применяемых по решению судебного органа: залог, домашний арест, запрет определённых действий – с согласия обвиняемого и без его согласия. При наличии согласия обвиняемого на применение требуемой обвинителем меры пресечения судебный орган должен

иметь право принять решение о применении меры пресечения в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

В УПК РФ следует предусмотреть возможность комбинирования мер пресечения, применяемых по решению судебного органа, таких как залог, запрет определённых действий, домашний арест, с другими мерами пресечения в качестве альтернатив заключению под стражу. При этом по степени тяжести эти меры пресечения могут быть простыми или квалифицированными, то есть отягощенными дополнительными ограничениями и (или) обязательствами для обвиняемого или нет.

Результатом настоящего исследования является авторская теоретическая модель механизма применения мер пресечения. А также в рамках проведенного исследования обоснован системный подход к конструированию новой модели правоприменения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства, обеспечивающему эффективную судебную процедуру применения мер пресечения на основе равенства и состязательности сторон.

Таким образом, все задачи, поставленные в диссертационном исследовании, выполнены, обозначенная цель достигнута.

Представленные в данной работе предложения могут быть использованы в выработке рекомендаций по устранению недостатков в существующем механизме применения мер пресечения, а также в деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда по принятию решений о применении мер пресечения.

Анализ результатов обобщения правоприменительной практики и разработанные в связи с этим рекомендации могут найти свое применение при решении задачи совершенствования уголовно-процессуального закона с целью соблюдения стандартов справедливого судебного разбирательства при рассмотрении вопроса о применении меры пресечения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята 12 декабря 1993 всенародным голосованием : (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. − URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.12.2019).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : (ред. от 23 апр. 2019 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. − URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.02.2019).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : (ред. от 1 апр. 2019 г. ; с изм. и доп. от 17 апр. 2019 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.12.2019).

4. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон РФ от 31.05.2002 № 63-ФЗ : (ред. от 29 июля 2017 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 23.11.2019).

5. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон РФ от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ (ред.

от 07 февр. 2011 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2010. − № 1. − Ст. 4 ; 2011. − № 7. − Ст. 900.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон РФ от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ : (ред. от 03 июля 2016 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99174/ (дата обращения: 27.06.2017).

7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон РФ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ : (ред. от 29 мая 2019 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 23.11.2019).

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон РФ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 03 июля 2016 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122864/ (дата обращения: 27.06.2017).

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон РФ от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ : (ред. от 03 июля 2016 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138322/ (дата обращения: 27.06.2017).

10. О внесении изменения в статью 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон РФ от 11 февраля 2013 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2013. − № 7. − Ст. 608.

11. О внесении изменения в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон РФ от 4 июня 2014 г. № 141-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2014. − № 23. − Ст. 2926.

12. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : федеральный конституционный закон РФ от 14декабря 2015 г. № 7-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2015. − № 51 (часть I). − Ст. 7229.

13. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федеральный закон РФ от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2016. − № 27 (часть II). − Ст. 4256.

14. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федеральный закон РФ от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2018. − № 17. − Ст. 2421.

15. О внесении изменений в статью 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон РФ от 6 марта 2019 г. № 21-ФЗ // Российская газета. − 2019. − 11 марта.

16. О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 315-ФЗ // Российская газета. − 2019. − 7 августа.

17. О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений : постановление Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3 (ред. от 04 сент. 2012 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2011. − № 4. − Ст. 608 ; 2012. − № 37. − Ст. 5002.

18. Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве : приказ

Генерального прокурора РФ от 27 ноября 2007 г. № 189 (ред. от 08 мая 2018 г.) // Законность. − 2008. − № 2 ; 2018. − № 7.

19. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генерального прокурора РФ от 28 декабря 2016 г. № 826 // Законность. − 2017. − № 3.

20. Приказ Следственного департамента МВД России № 55 от 26 октября 2011 г. «Об организации ведомственного контроля при рассмотрении материалов доследственной проверки в порядке ст. 140-145 УПК РФ о преступлениях экономической и коррупционной направленности». Документ опубликован не был.

Международно-правовые акты

21. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом [№ 1] (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2001. − № 2. − Ст. 163

22. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. − 1994. − № 12.

23. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью : утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября1985 г. // Советская юстиция. − 1992. − № 9−10. − С. 39.

24. Хартия основных прав Европейского Союза : принята в г. Ницце 07.12.2000 [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ: информ.-правовое обеспечение. – Электрон. дан. – М., 2019. – URL: https://base.garant.ru/2564518/ (дата обращения: 21.12.2019).

25. Декларация прав и свобод человека и гражданина : принята Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. − 1991. − № 52. − Ст. 1865.

26. Договор государств-участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц (Москва, 10 декабря 2010 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2016. − № 39. − Ст. 5619.

Нормативные правовые акты, утратившие силу, исторические документы

27. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X - XX веков. В 9-ти томах. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. Чистякова О. И. − М. : Юрид. лит., 1985. − С. 54−62.

28. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X - XX веков. В 9-ти томах. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. Чистякова О. И. − М. : Юрид. лит., 1985. − С. 97−129.

29. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X - XX веков. В 9-ти томах. Т. 3 : Акты Земских соборов / под общ. ред. Чистякова О. И. − М. : Юрид. лит., 1985. − С. 83−257.

30. Указ от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» // Российское законодательство X - XX веков. В 9-ти томах. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. Чистякова О. И. − М. : Юрид. лит., 1986. − С. 397−399.

31. Артикул воинский от 25 апреля 1715 г. // Российское законодательство X - XX веков. В 9-ти томах. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. Чистякова О. И. − М. : Юрид. лит., 1986. − С. 408−425.

32. Краткое изображение процесса или судебных тяжб от 25 апреля 1715 г. // Российское законодательство X - XX веков. В 9-ти томах. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. Чистякова О. И. − М. : Юрид. лит., 1986. − С. 327−365.

33. Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения, с принадлежащими к тому приложениями. − М. : Печатан при Сенате, 1767. − 118 с. − URL: https://www.prlib.ru/item/428545 (дата обращения: 10.10.2017).

34. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Том XXXV. Отделение первое. 1860 г. − СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. − 962 с.

35. Свод Законов Российской Империи [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система : Классика российского права. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://civil.consultant.ru/code/ (дата обращения: 01.01.2018).

36. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X - XX веков. В 9-ти томах. Т. 8 : Судебная реформа / под общ. ред. Чистякова О. И. − М. : Юрид. лит., 1991. − С. 120−252.

37. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X - XX веков. В 9-ти томах. Т. 8 : Судебная реформа / под общ. ред. Чистякова О. И. − М. : Юрид. лит., 1991. − С. 32−83.

38. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // СУ РСФСР. − 1917. − № 4. − Ст. 50.

39. Положение о военных следователях : утв. приказом Реввоенсовета Республики от 30 сентября 1919 г. № 1595 // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917-1954 гг. Сборник документов. / под ред. С. А. Голунского. − М.: Госюриздат, 1955. − 635 с.

40. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25.05.1922 // СУ РСФСР. − 1922. − № 20−21. − Ст. 230.

41. Закон СССР от 16 августа 1938 г. «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. − 1938. − № 11.

42. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. − 1959. − № 1. − Ст. 15.

43. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. − 1960. − № 40. − Ст. 592.

44. Приказ Генерального прокурора РФ от 2 июня 2011 г. № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» (утратил силу) // Законность. − 2011. − № 11.

Нормативные правовые акты зарубежных государств

45. Конституция Федеративной Республики Бразилия от 5 октября 1988 г. [Электронный ресурс] // Сайт Бразилия сегодня. − Электрон. дан. − URL: http://brasil-russia.ru/wp-content/uploads/2014/01/конституция-Бразилии-на-русском.pdf (дата обращения: 01.01.2019).

46. Федеральная Конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г. [Электронный ресурс] // Правительство Швейцарии : официальный сайт. − Электрон. дан. − URL: https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19995395/201809230000/101.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

47. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // ИС «Юрист». − Электрон. дан. − URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=31;-57 (дата обращения: 01.10.2018).

48. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Кодексы Украины. − Электрон. дан. − URL: https://kodeksy.com.ua/ka/upku-2012.htm (дата обращения: 01.01.2018).

49. Schweizerische Strafprozessordnung (Strafprozessordnung, StPO) vom 5.10.2007 : (Stand am 1. März 2019) // URL: https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20052319/index.html (дата обращения: 20.05.2019).

Правоприменительная практика

50. Дело «Александр Макаров (Aleksandr Makarov) против Российской Федерации» : (жалоба № 15217/07) : постановление ЕСПЧ от 12 марта 2009 г. // Российская хроника Европейского Суда. − 2010. − № 1.

51. Дело «Алексанян (Aleksanjan) против Российской Федерации» : (жалоба № 46468/06) : постановление ЕСПЧ от 22 декабря 2008 г. // Российская хроника Европейского Суда. − 2011. − № 1.

52. Дело «Ананьев и другие (Ananyev and Others) против Российской Федерации» : (жалобы № 42525/07 и 60800/08) : постановление ЕСПЧ от 10 января 2012 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. − 2012. − № 8. − С. 7, 96−152.

53. Дело «Василий Васильев (Vasiliy Vasilyev) против Российской Федерации» : (жалоба № 16264/05) : постановление ЕСПЧ от 19 февраля 2013 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. − 2014. − № 3.

54. Дело «Величко (Velichko) против Российской Федерации» : (жалоба № 19664/07) : постановление ЕСПЧ от 15 января 2013 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. − 2013. − № 12. − С. 98–114.

55. Дело «Вермюлен (Vermeulen) против Бельгии» : (жалоба № 58/1994) : постановление ЕСПЧ от 20 февраля 1996 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57985 (дата обращения: 21.08.2017).

56. Дело «Гусинский (Gusinskiy) против Российской Федерации» : (жалоба № 70276/01) : постановление ЕСПЧ от 19 мая 2004 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. − 2005. − № 2. − С. 60−76.

57. Дело «Де Куббер (De Cubber) против Бельгии» : (жалоба № 9186/80) : постановление ЕСПЧ от 26 октября 1984 г. [Электронный ресурс] //

Официальный сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57465 (дата обращения: 01.01.2017).

58. Дело «Де Хаэс (De Haes) и Гийселс (Gijsels) против Бельгии» : (жалоба № 9186/80) : Постановление ЕСПЧ от 11 марта 1999 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58015 (дата обращения: 21.08.2017).

59. Дело «Долгова (Dolgova) против России» : (жалоба № 11886/05) : постановление ЕСПЧ от 2 марта 2006 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. − 2006. − № 8. − С. 5, 75–86.

60. Дело «Игнатов (Ignatov) против Российской Федерации» : (жалоба № 27193/02) : постановление ЕСПЧ от 24 мая 2007 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. − 2007. − № 10.

61. Дело «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации» : (жалоба № 8921/05) : постановление ЕСПЧ от 3 февраля 2011 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. − 2011. − № 9.

62. Дело «Кадубек (Kadubec) против Словакии» : (жалоба № 27061/95) : постановление ЕСПЧ от 25 августа 1998 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58235 (дата обращения: 23.08.2018).

63. Дело «Калашников (Kalashnikov) против России» : (жалоба № 47095/99) : постановление ЕСПЧ от 15 июля 2002 г. // Европейский суд по правам человека. Первые решения по жалобам из России (сборник документов). − М., 2004. − С. 88−115.

64. Дело «Кляхин (Klyakhin) против Российской Федерации» : (жалоба № 46082/99) : постановление ЕСПЧ от 30 ноября 2004 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. − 2005. − № 7.

65. Дело «Корчуганова (Korchuganova) против Российской Федерации» : (жалоба № 75039/01) : постановление ЕСПЧ от 8 июня 2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. − 2006. − № 11.

66. Дело «Курт (Kurt) против Турции» : (жалоба № 24276/94) : постановление ЕСПЧ от 25 мая 1998 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. − М., 2000. − С. 509–533.

67. Дело «Кэмпбелл (Campbell) и Фелл (Fell) против Соединенного Королевства» : (жалобы № 7819/77 и 7878/77) : постановление ЕСПЧ от 28 июня 1984 г. // Европейский суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. Т. 1. − М., 2000. − С. 447–449.

68. Дело «Лабита (Labita) против Италии» : (жалоба № 26772/95) : постановление ЕСПЧ от 06 апреля 2000 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.08.2017).

69. Дело «Лазороски (Lazoroski) против Бывшей югославской Республики Македония» : (жалоба № 4922/04) : постановление ЕСПЧ от 08 октября 2009 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-94861 (дата обращения: 01.01.2018).

70. Дело «Лебедев (Lebedev) против Российской Федерации» : (жалоба № 4493/04) : постановление ЕСПЧ от 25 октября 2007 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-82973 (дата обращения: 21.08.2017).

71. Дело «Линд (Lind) против Российской Федерации» : (жалоба № 25664/05) : постановление ЕСПЧ от 6 декабря 2007 г. // Российская хроника Европейского Суда. − 2008. − № 3.

72. Дело «Мамедова (Mamedova) против Российской Федерации» : (жалоба № 7064/05) : постановление ЕСПЧ от 1 июня 2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. − 2006. − № 12.

73. Дело «Мхитарян (Mkhitaryan) против Российской Федерации» : (жалоба № 46108/11) : постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2013 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. − 2014. − № 3.

74. Дело «Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства» : (жалоба № 18731/91) : постановление ЕСПЧ от 28 октября 1994 г. // Европейский суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. Т. 2. − М., 2000. − С. 32–53.

75. Дело «Нахманович (Nakhmanovich) против Российской Федерации» : (жалоба № 55669/00) : постановление ЕСПЧ от 02 марта 2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. − 2006. − № 9.

76. Дело «ОАО “Нефтяная компания Юкос” (ОАО “Neftyanaya kompaniya Yukos”) против Российской Федерации» : (жалоба № 14902/04) : постановление ЕСПЧ от 20 сентября 2011 г. // Российская хроника Европейского Суда. − 2012. − № 3.

77. Дело «Оджалан (Ocalan) против Турции» : (жалоба № 46221/99) : постановление ЕСПЧ от 12 мая 2005 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-69022 (дата обращения: 21.08.2017).

78. Дело «Панченко (Panchenko) против Российской Федерации» : (жалоба № 45100/98) : постановление ЕСПЧ от 08 февраля 2005 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. − 2005. − № 9.

79. Дело «Пелевин (Pelevin) против Российской Федерации» : (жалоба № 38726/05) : постановление ЕСПЧ от 10 февраля 2011 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. − 2011. − № 11.

80. Дело «Перес (Perez) против Франции» : (жалоба № 47287/99) : постановление ЕСПЧ от 12 февраля 2004 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61629 (дата обращения: 21.08.2017).

81. Дело «Пероте Пеллон (Perote Pellon) против Испании» : (жалоба № 45238/99) : постановление ЕСПЧ от 25 июля 2002 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60637 (дата обращения: 23.08.2018).

82. Дело «Пьерсак (Piersack) против Бельгии» : (жалоба № 8692/79) : постановление ЕСПЧ от 01 октября 1982 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. Т. 1. − М., 2000. − С. 417–421.

83. Дело «Пятков (Pyatkov) против Российской Федерации» : (жалоба № 61767/08) : постановление ЕСПЧ от 13 ноября 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-114522 (дата обращения: 23.08.2017).

84. Дело «Сан Леонард Бэнд Клаб (San Leonard Band Club) против Мальты» : (жалоба № 77562/01) : постановление ЕСПЧ от 29 июля 2004 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.08.2017).

85. Дело «Сейдович (Sejdovic) против Италии» : (жалоба № 56581/00) : постановление ЕСПЧ от 1 марта 2006 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.08.2017).

86. Дело «Сираклар (Siraklar) против Турции» : постановление ЕСПЧ от 28 октября 1998 г. [Электронный ресурс] // Process-net: портал уголовно-процессуального права. − Электрон. дан. − URL: http://sergei-nasonov.narod.ru/links2.html (дата обращения: 01.01.2016).

87. Дело «Смирновы (Smirnova) против Российской Федерации» : (жалобы № 46133/99 и 48183/99) : постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г. // Бизнес-адвокат. − 2003. − № 20.

88. Дело «Степуляк (Stepuleac) против Молдавии» : (жалоба № 8207/06) : постановление ЕСПЧ от 06 ноября 2007 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. − 2008. − № 5.

89. Дело «Томанн (Thomann) против Швейцарии» : (жалоба № 17602/91) : постановление ЕСПЧ от 10 июня 1996 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57996 (дата обращения: 01.01.2018).

90. Дело «Фей (Fey) против Австрии» : (жалоба № 14396/88) : постановление ЕСПЧ от 24 февраля 1993 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57808 (дата обращения: 01.01.2018).

91. Дело «Фокс, Кэмбэлл и Хартли (Fox, Campbell and Hartley) против Соединенного Королевства» : (жалобы № 12244/86; 12245/86; 12383/86) : постановление ЕСПЧ от 30 августа 1990 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57721 (дата обращения: 21.08.2017).

92. Дело «Хаускилдт (Hauschildt) против Дании» : (жалоба № 10486/83) : постановление ЕСПЧ от 24 мая 1989 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57500 (дата обращения: 01.01.2017).

93. Дело «Ходорковский (Khodorkovskiy) против Российской Федерации» : (жалоба № 5829/04) : постановление ЕСПЧ от 31 мая 2011 г. // Российская хроника Европейского Суда. − 2012. − № 3.

94. Дело «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации» : (жалоба № 59696/00) : постановление ЕСПЧ от 26 октября 2006 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. − 2007. − № 11. − С. 13−41.

95. Дело «Худоеров (Khudoyorov) против Российской Федерации» : (жалоба № 6847/02) : постановление ЕСПЧ от 08 ноября 2005 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. − 2006. − № 7.

96. Дело «Царьков (Tsarkov) против Российской Федерации» : (жалоба № 16854/03) : постановление ЕСПЧ от 16 июля 2009 г. [Электронный ресурс] // Правосудие. − Электрон. дан. − URL: http://www.pravosudie.biz/342896 (дата обращения: 01.01.2016).

97. Дело «Энглерт (Englert) против Германии» : (жалоба № 10282/83) : постановление ЕСПЧ от 25 августа 1987 г. [Электронный ресурс] // Официальный

сайт ЕСПЧ. − Электрон. дан. − URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57480 (дата обращения: 21.08.2017).

98. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ С. М. Казанцева относительно постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 23-П // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2015. − № 30. − Ст. 4660.

99. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П // Российская газета. −1998. −14 июля.

100. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234, и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2004. − № 27. − Ст. 2804.

101. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой ст. 232, части четвертой ст. 248 и части первой ст. 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда г. Нижнего Новгорода : постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П // Собрание законодательства Российской Федерации. − 1999. − № 17. − Ст. 2205.

102. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2003. − № 51. − Ст. 5026.

103. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и

четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2015. − № 30. − Ст. 4658.

104. По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа : постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // Российская газета. − 2005. − 22 июля.

105. По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» : постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П // Собрание законодательства Российской Федерации. − 1999. − № 14. − Ст. 1749.

106. По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2000. − № 27. − Ст. 2882.

107. По делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина : постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2015. − № 30. − Ст. 4660.

108. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2013. − № 28. − Ст. 3881.

109. По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4–П // Российская газета. − 2005. − 1 апр.

110. По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова : постановление Конституционного Суда РФ от 14 марта 2002 г. № 6–П // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2002. − № 12. − Ст. 1178.

111. По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // Российская газета. − 2005. − 20 мая.

112. По делу о проверке конституционности частей четвертой, пятой и шестой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан П. В. Янчева, В. А. Жеребенкова и М. И. Сапронова : определение Конституционного Суда РФ от 25.12.1998 № 167-О // Собрание законодательства Российской Федерации. − 1999. − № 1. − Ст. 230.

113. По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина : постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 г. № 14-П // Собрание законодательства Российской Федерации. − 1996. − № 26. − Ст. 3185.

114. По делу о проверке положений Конституции Республики Алтай : постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2000. − № 25. − Ст. 2728.

115. По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина : постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 12-П [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ: информ.-правовое обеспечение. – Электрон. дан. – М., 2019. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71803858/ (дата обращения: 21.02.2019).

116. По жалобам граждан Л. Д. Вальдмана, С. М. Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2003 г. № 446-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. − 2004. − № 3.

117. По жалобе гражданина Горского Анатолия Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 ч. 2 ст. 231 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2004 г. № 132-О // Российская газета. − 2004. − 9 июня.

118. По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2004 г. № 44-О // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2004. − № 14. − Ст. 1341.

119. По жалобе гражданина Коваля Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 47 и 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2003 г. № 173-О // Российская газета. − 2003. − 10 июля.

120. По жалобе гражданина Передерия Максима Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 47 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2004 г. № 359-О // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2004. − № 52. − Ст. 5586.

121. По жалобе гражданина на Краюшкина Евгения Васильевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2004 г. № 360-О // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2004. − № 52. − Ст. 5587.

122. По жалобе гражданки Семеновой Лилии Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2004 г. № 119-О // Собрание законодательства Российской Федерации. − 2004. − № 23. − Ст. 2333.

123. По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Торкова Андрея Авенировича частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2008 г. № 733-О-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. − 2009. − № 1.

124. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.05.2003 № 153п03пр «О нарушении судом требований статей 97, 99 и 108 УПК РФ при рассмотрении ходатайств об избрании обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу» // Бюллетень Верховного Суда РФ. − 2004. − № 12. − С. 17−18.

125. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу "Фурсенко против России" от 24 апреля 2008 г. // Обзор постановлений и решений Европейского Суда по правам человека по российским жалобам за апрель 2008 г. [Электронный ресурс] // Европейская конвенция о защите прав человека : право и практика. − Электрон. дан. − URL: http://www.echr.ru/documents/doc/2466517/2466517.htm (дата обращения: 01.01.2016).

126. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. − М. : Развитие правовых систем. − 2016 − №5 − 117 с.

127. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Макаренко Анатолия Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 6 статьи 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2005 г. № 293-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55422/ (дата обращения: 21.08.2017).

128. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей : определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ:

информ.- правовое обеспечение. – Электрон. дан. – М., 2019. – URL: https://base.garant.ru/1790938/ (дата обращения: 21.02.2019).

129. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Гренко Артема Ивановича, Дмитриева Николая Владимировича и Левкина Александра Сергеевича на нарушение их конституционных прав частями второй и третьей статьи 109 и частью третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2012 г. № 1852- О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. − 2013. − № 2.

130. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А. Ю. Сахаровского на нарушение его конституционных прав статьей 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27 октября 2015 г. № 2587-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=445102#03008285648009734 (дата обращения: 21.08.2017).

131. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абубакирова Хусаина Шарониевича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2004 г. № 300-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. − 2005. − № 1.

132. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голубева Павла Борисовича на нарушение конституционных прав его несовершеннолетнего сына частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 1009- О- О [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ: информ.-правовое обеспечение. – Электрон. дан. – М., 2019. –

URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1692637/ (дата обращения: 21.02.2019).

133. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Городецкого Владимира Павловича на нарушение его конституционных прав частью первой 1 статьи 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1484-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=402578#02673481261338373 (дата обращения: 21.08.2017).

134. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Доможирова Виктора Николаевича на нарушение его конституционных прав рядом положений уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 2741-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=413908#04681331636118018 (дата обращения: 21.08.2017).

135. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дунаева Леонида Михайловича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 1054-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152575/ (дата обращения: 21.08.2017).

136. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефименко Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2005 г. № 372-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5707 /

(дата обращения: 21.03.2018)

137. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ибрагимова Гюльоглана Ханоглан оглы на нарушение его конституционных прав статьями 97 и 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 250-О-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=187721#07205162248277446 (дата обращения: 21.08.2017).

138. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Искандарова Миршата Наилевича на нарушение его конституционных прав пунктом 10 части первой статьи 308 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 г. № 293-О-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78425/ (дата обращения: 21.03.2 018)

139. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ: информ.-правовое обеспечение. – Электрон. дан. – М., 2019. – URL: https://base.garant.ru/1785218/ (дата обращения: 21.02.2019).

140. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2005 № 330-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55927/ (дата обращения: 21.08.2017).

141. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Муругова Евгения Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. № 28-О-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. − URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=252107#003649652083624311 (дата обращения: 21.02.2019).

142. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Игоря Борисовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2004 г. № 253-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. − 2004. − № 6.

143. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Переверзева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 19 марта 2009 г. № 384-О-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. − URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=96876#08553830354994427 (дата обращения: 26.08.2019).

144. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Самаева Андрея Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2007 г. № 800-О-О [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ: информ.-правовое обеспечение. – Электрон. дан. – М., 2019. – URL: https://base.garant.ru/1785219/ (дата обращения: 21.02.2019).

145. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Старцева Владимира Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью

первой статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № 1350-О [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. − Электрон. дан. − URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision240304.pdf (дата обращения: 01.01.2017).

146. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ховалыга Валерия Сарыг-Ооловича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 468-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. − 2005. − № 3.

147. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шалдина Виктора Михайловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 61, частью первой статьи 63, пунктом 2 части пятой статьи 355, частями первой и четвертой статьи 406, частью первой статьи 407 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 20 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 804-О-О // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. − 2008. − № 2.

148. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшина Владимира Борисовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 и частями первой и второй статьи 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2009 г. № 1636-О-О [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ: информ.-правовое обеспечение. – Электрон. дан. – М., 2019. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1694184/ (дата обращения: 21.02.2019).

149. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Березовского городского суда Свердловской области о проверке конституционности части 2 статьи 91, части 3 и пункта 3 части 7 статьи 108 Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 417- О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 2. – С. 97.

150. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса судьи Московского областного суда Н.В. Григорьевой : определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 1997 г. № 87-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1997 – № 5.

151. О внесении дополнения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 года № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 15 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010 – № 8.

152. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 23 // Российская газета. − 2016. − 1 июня.

153. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 // Российская газета. − 2016. 6 апр.

154. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 24.05.2016) // Российская газета. – 2013. − 27 дек. ; 2016. − 1 июня.

155. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 // Российская газета. − 2016. − 24 нояб.

156. О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 22 (утратило силу) // Российская газета. − 2009. − 11 нояб. ; 2014. − 7 февр.

157. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 (ред. от 01.06.2017) // Российская газета. − 2004. − 25 марта ; 2006. − 20 дек. ; 2007. − 20 янв. ; 2008. − 26 дек. ; 2009. − 14 янв. ; 2010. − 30 дек. ; 2012. − 17 фев. ; 2015. − 10 июля ; 2017. − 24 мая ; 2017. − 9 июня.

158. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 // Российская газета. − 2013. − 05 июля.

159. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Российская газета. − 2003. − 2 дек. ; 2013. − 13 марта.

160. О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 33 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. − № 1.

161. О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств : постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 июля 2012 г. № 110-П12 [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ: информ.-правовое обеспечение. – Электрон. дан. – М., 2019. – URL: https://base.garant.ru/70222180/ (дата обращения: 21.02.2019).

162. Кассационное определение Верховного суда Республики Мордовия от 1 ноября 2007 г. по делу № 33-2072/57 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: https://sudact.ru/regular/doc/JcM5mqAi5OH0/ (дата обращения: 01.01.2016).

163. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2005 г. по делу № УК 74-о05-58 [Электронный ресурс] // Судебная система Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_33374.htm (дата обращения: 01.01.2015).

164. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 10 декабря 2009 г. № 66-О09-219 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.01.18).

165. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 апреля 2011 г. № 49-011-39 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.01.18).

166. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 14-010-5 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 22.01.18).

167. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30 ноября 2005 г. № 81-о05-10310 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 22.01.18).

168. Кассационное определение Московского городского суда от 12 декабря 2012 г. № 22-16665 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 22.01.18).

169. Кассационное определение Рязанского областного суда от 30 марта 2011 г. по делу № 33-563 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты

Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://sudact.ru/regular/doc/r3UEr3paSzlu/ (дата обращения: 01.01.2016).

170. Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29 августа 2012 г. по делу № 22-5849/12 [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ: информ.-правовое обеспечение. – Электрон. дан. – М., 2018. – URL: https://base.garant.ru/35379133/ (дата обращения: 21.03.2018).

171. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18 января 2018 г. по делу № 5-АПУ17-137 [Электронный ресурс] // Законы, кодексы, нормативные и судебные акты. − Электрон. дан. − URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18012018-n-5-apu17-137/ (дата обращения: 01.03.2018 г.).

172. Апелляционное постановление Астраханского областного суда от 10 июля 2017 г. по делу № 22-1596/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 22.01.18).

173. Апелляционное постановление Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 15 марта 2016 г. по делу № 22К-203/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: https://sudact.ru/regular/doc/qdpEjlU7FiQR/ (дата обращения: 01.01.2017).

174. Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 7 июля 2017 г. по делу № 22к-554/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: https://sudact.ru/regular/doc/MtRrPyUDQSW8/ (дата обращения: 27.09.2019).

175. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Коми от 15 мая 2015 г. по делу № 22-1053/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: https://sudact.ru/regular/doc/mFPlhK5gpiJq/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=%E2%84%96+22-1053%2F2015+&regular-

lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=&_=1569762836499&regular-judge= (дата обращения: 27.09.2019).

176. Апелляционное постановление Верховного суда Удмуртской Республики от 14 января 2016 г. по делу № 22-172/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: https://sudact.ru/regular/doc/qZ0GCWbgqqQ4/ (дата обращения: 01.01.2017).

177. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 6 июня 2016 г. по делу № 22-3156/16 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2018).

178. Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 07 июля 2017 г. по делу № 22к-1012/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: https://sudact.ru/regular/doc/xYD7Pg4nSTJZ/ (дата обращения: 01.10.2018).

179. Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 07 июля 2017 г. по делу № 22к-1014/2017 [Электронный ресурс] // Судебные решения Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/28108320/extended (дата обращения: 01.01.2018).

180. Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 декабря 2015 г. по делу № 10-18107/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2018).

181. Апелляционное постановление Московского городского суда от 06 марта 2018 г. по делу № 10-3915/2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.02.2019).

182. Апелляционное постановление Московского городского суда от 01 февраля 2016 г. по делу № 10-1200/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2018).

183. Апелляционное постановление Московского городского суда от 01 февраля 2016 г. по делу № 10-1252/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2018).

184. Апелляционное постановление Московского городского суда от 11 января 2018 г. по делу № 10-285/2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.02.2019).

185. Апелляционное постановление Московского городского суда от 14 октября 2015 г. по делу № 10-14261/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.10.2018).

186. Апелляционное постановление Московского городского суда от 14 января 2016 г. по делу № 10-0138/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.10.2018).

187. Апелляционное постановление Московского городского суда от 18 января 2016 г. по делу № 10-358/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.10.2018).

188. Апелляционное постановление Московского городского суда от 18 апреля 2018 г. по делу № 10-6958/2018 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. − Электрон. дан. − URL: https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/26f2eb1b-bf88-45dc-8cbd-5b9f6aeb9095 (дата обращения: 27.09.2019).

189. Апелляционное постановление Московского городского суда от 18 декабря 2017 г. по делу № 10-21635/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.10.2018).

190. Апелляционное постановление Московского городского суда от 2 июля 2014 г. по делу № 10-8702/2014 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2017).

191. Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 января 2016 г. по делу № 10-371/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.10.2018).

192. Апелляционное постановление Московского городского суда от 24 декабря 2013 г. по делу № 10-13835/2014 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2017).

193. Апелляционное постановление Московского городского суда от 26 марта 2018 г. по делу № 10-5130/2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.03.2019).

194. Апелляционное постановление Московского городского суда от 28 февраля 2019 г. № 10-3776/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 23.10.2019).

195. Апелляционное постановление Московского городского суда от 28 февраля 2019 г. № 10-3998/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 23.10.2019).

196. Апелляционное постановление Московского городского суда от 28 февраля 2019 г. по делу № 10-3993/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 23.10.2019).

197. Апелляционное постановление Московского городского суда от 29 апреля 2015 г. по делу № 10-5456/15 [Электронный ресурс] //

КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2017).

198. Апелляционное постановление Московского городского суда от 30 июля 2014 г. по делу № 10-10256/2014 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2017).

199. Апелляционное постановление Московского городского суда от 11 октября 2018 г. по делу № 10-18021/2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.03.2019).

200. Апелляционное постановление Московского городского суда от 21 июля 2014 г. № 10-9760/2014 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.03.2019).

201. Апелляционное постановление Московского городского суда от 26 декабря 2018 г. № 10-23208/2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2019. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 23.10.2019).

202. Апелляционное определение Московского городского суда от 10 апреля 2013 г. № 10-1913 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2017).

203. Апелляционное определение Московского городского суда от 29 июля 2013 г. по делу № 10-6764/13 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского городского суда. − Электрон. дан. – URL: https://www.mos-gorsud.ru/fastsearch?q=10-6764/13%20&page=1 (дата обращения: 01.01.2017).

204. Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 21 декабря 2015 г. // Архив Борского городского суда Нижегородской области за 2015 г.

205. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 07 июля 2017 г. по делу № 22-3799/17 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: https://sudact.ru/regular/doc/tzTfyB9Yck68/ (дата обращения: 01.01.2018).

206. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 14 сентября 2016 г. по делу № 22-5681/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2017).

207. Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 11 июля 2017 г. по делу № 22-3805/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: https://sudact.ru/regular/doc/n7IKMZCIaul4/ (дата обращения: 27.09.2019).

208. Апелляционное определение Свердловского областного суда по делу № 22-6723/2019 от 16.09.2019 г. на приговор Железнодорожного районного суда от 19.06.2019 г. по уголовному делу № 1-17/2019. // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга за 2019 г.

209. Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции по уголовным делам Верховного суда Республики Дагестан от 23 марта 2017 г. по делу № 22к-1072/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: https://sudact.ru/regular/doc/IJazn0CtUxHw/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+22%D0%BA-1072%2F2017+&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1569764695326 (дата обращения: 27.09.2019).

210. Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции по уголовным делам Верховного суда Республики Дагестан от 07 июля 2017 г. по делу № 22к-1072/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. – URL: http://sudact.ru/regular/doc/IJazn0CtUxHw/ (дата обращения: 01.01.2018).

211. Апелляционное постановление судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 7 июля 2017 г. по делу № 22к-543/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. – URL: http://sudact.ru/regular/doc/QjVp66NOI0QX/ (дата обращения: 01.01.2018).

212. Апелляционное постановление Тверского областного суда от 12 февраля 2016 г. по делу № 22К-504/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/0BNABeFRwhN1/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+22-504%2F2016&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=20&regular-area=1071&regular-court=&regular-judge=&_=1570043122545 (дата обращения: 01.09.2019).

213. Апелляционное постановление Тверского областного суда от 12 февраля 2016 г. по делу № 22-505/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/FcRGS3AmftYP/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%9622-505%2F2016+&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=20&regular-area=1071&regular-court=&regular-judge=&_=1570043390319 (дата обращения: 01.09.2019).

214. Апелляционное постановление Тульского областного суда от 23 ноября 2017 г. по делу № 22–2365 [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ: информ.- правовое обеспечение. – Электрон. дан. – М., 2019. – URL: https://base.garant.ru/1790938/ (дата обращения: 21.02.2019).

215. Апелляционное определение Самарского областного суда от 11 июля 2017 г. по делу №22-4202/2017 [Электронный ресурс] // Судебные решения и практика. − Электрон. дан. – URL: https://actysudov.ru/act?name=7711644-reshenie-po-delu-224202-2017 (дата обращения: 27.09.2019).

216. Апелляционное определение судебной коллегии Верховного суда Республики Мордовия от 25 июля 2014 г. по делу № 22-1196/2014 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/PyZjIQgHQtx7/ (дата обращения: 27.09.2019).

217. Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 04 декабря 2017 г. по делу № 33А-4780/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.10.2018).

218. Вопрос о продлении срока содержания под стражей подлежит рассмотрению с участием подсудимого : определение Верховного Суда РФ от 08.04.2010 № 56-О10-19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 11.

219. Постановление Бабушкинского районного суда г. Москвы от 14 февраля 2019 г. № 3/2-0126/2019 (о продлении срока содержания под стражей в отношении обвиняемого Д.) [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. − Электрон. дан. – URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/services/cases/criminal-materials/details/d233542e-6607-4e95-9d6a-66ee6b4fce01 (дата обращения: 01.09.2019).

220. Постановление Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 30 января 2019 г. по делу № 3/1-0014/2019 (об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого М. А. Г.) [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. − Электрон. дан. – URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/dorogomilovskij/services/cases/criminal-materials/details/a8eb991e-5394-4c59-a153-abf9acd68a06 (дата обращения: 01.09.2019).

221. Постановление Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 25 июля 2017 г. по уголовному делу № 1-1/2017 // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга за 2017 г.

222. Постановление Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 15 августа 2018 г. по уголовному делу № 1-17/0017 // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга за 2017 г.

223. Постановление Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 10 февраля 2015 г. по уголовному делу № 121842006 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга за 2015 г.

224. Постановление Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 12 февраля 2016 г. по уголовному делу № 122114012 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга за 2016 г.

225. Постановление Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 15 февраля 2014 г. по уголовному делу № 130202108 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга за 2014 г.

226. Постановление Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 09 ноября 2016 г. по уголовному делу № 161319014 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга за 2016 г.

227. Постановление Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 06 июня 2013 г. по уголовному делу № 130003077 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга за 2013 г.

228. Постановление Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 20 мая 2015 г. об отказе в ходатайстве об изменении меры пресечения в отношении Е. С. Д. // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга за 2015 г.

229. Постановление Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 30 мая 2014 г. об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении Б. Т. Р. меры пресечения в виде заключения под стражу // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга за 2014 г.

230. Постановление Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 11 сентября 2013 г. о продлении срока задержания обвиняемой О. В. Г. на 72 часа // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга за 2013 г.

231. Постановление Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 14 сентября 2013 г. об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении О. В. Г. меры пресечения в виде заключения под стражу // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга за 2013 г.

232. Постановление Президиума Владимирского областного суда от 09 октября 2017 г. по делу № 44у-65/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.10.2018).

233. Постановление Тимирязевского районного суда г. Москвы от 06 февраля 2019 г. № 3/1-0016/2019 (об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого С.) [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. − Электрон. дан. – URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/timiryazevskij/services/cases/criminal-materials/details/0de0910b-bb4b-403a-b6b3-a3dcd6524b93 (дата обращения: 01.09.2019).

234. Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга по уголовному делу № 1-17/2019 от 19.06.2019 г. // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга за 2019 г.

235. Надзорное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 апреля 2011 г. по делу № 5-Д 11-29 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.10.2018).

236. Надзорное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2011 г. по делу № 5 -Д 11-63 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2018. − URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.10.2018).

237. Уголовное дело № 1-17/2019 // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга за 2019 г.

238. Уголовное дело № 1-267 // Архив Ленинского районного суда г. Перми за 2015 г.

239. Уголовное дело № 140317108 // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга за 2018 г.

240. Уголовное дело № 1-431 // Архив Семеновского районного суда Нижегородской области за 2015 г.

241. Уголовное дело № 1-451/2015 // Архив Ленинского районного суда г. Нижний Новгорода за 2015 г.

242. Уголовное дело № 150924004 // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга за 2018 г.

243. Уголовное дело № 160142001 // Архив Кировского районного суда г. Екатеринбурга за 2016 г.

244. Уголовное дело № 22-6432/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. – URL: http://sudact.ru (дата обращения: 21.08.2019).

245. Уголовное дело № 22-6484/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. – URL: http://sudact.ru (дата обращения: 21.08.2019).

246. Уголовное дело № 22-6544/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. – URL: http://sudact.ru (дата обращения: 21.08.2019).

247. Уголовное дело № 22-6656/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. − Электрон. дан. – URL: http://sudact.ru (дата обращения: 21.08.2019).

Монографии

248. Аверин, А. В. Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей: проблемы теории и практики / А. В. Аверин; под ред. М. И. Байтина. − Саратов : Сарат. гос. акад. права, 2003. − 305 с.

249. Агутин, А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании : монография / А. В. Агутин. – М. : ИД «Юр-ВАК», 2004. − 545 с.

250. Азаров, А. Права человека : международные и российские механизмы защиты / А. Азаров, В. Ройтер, К. Хюфнер. – М. : Моск. школа прав человека, 2003. − 560 с.

251. Азаров, В. А. Функции судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России : монография / В. А. Азаров, И. Ю. Таричко. − Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2004. − 379 с.

252. Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства : монография / под ред. Н. С. Мановой. – М. : Проспект, 2016. − 192 с.

253. Александров, А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. / А. И. Александров. − СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. − 559 с.

254. Александров, А. С. Язык уголовного судопроизводства. / А. С. Александров. − Нижний Новгород : Нижегор. правовая акад., 2001. − 143 с.

255. Александров, А. С. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путём противодействия преступности в сфере экономики / А. С. Александров, И. А. Александрова. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 607 с.

256. Александров, А. С. Субсидиарный уголовный иск : монография / А. С. Александров, В. Е. Гущев. − Нижний Новгород : Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1999. − 102 с.

257. Александрова, И. А. Современная правовая политика противодействия преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : монография / И. А. Александрова, А. С. Александров. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 609 с.

258. Алексеев, А. И. Российская уголовная политика : продление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – М. : Норма, 2006. − 143 с.

259. Алексеев, Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. − Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. − 251 с.

260. Алексеева, Л. Б. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Л. Б. Алексеева, А. М. Ларин, М. С. Строгович ; отв. ред. В. М. Савицкий. – М. : Наука, 1979. − 319 с.

261. Алексеева, Л. Б. Предупреждение судебных ошибок, обусловленных обвинительным уклоном, в деятельности судов первой и кассационной инстанций / Л. Б. Алексеева, Н. В. Радутная. – М. : [б. и.], 1989. − 74 с.

262. Алиев, Т. Т. Уголовно-процессуальное доказывание: участие обвиняемого и защитника; собирание, проверка и оценка доказательств; ходатайства и жалобы / Т. Т. Алиев, Н. А. Громов, Л. В. Макаров. – М. : Книга сервис, 2002. − 128 с.

263. Андреева, О. И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект) / О. И. Андреева, И. Ю. Таричко; под ред. М. К. Свиридова. − Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. − 138 с.

264. Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. − М. : Юрлитинформ. − 2016. − 384 с.

265. Арсеньев, В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе / В. Д. Арсеньев. – М. : Юрид. лит., 1964. − 179 с.

266. Бабаев, М. М. Проблемы российской уголовной политики : монография / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Проспект, 2014. − 291 с.

267. Бабенко, В. Н. Судебная система России: история и современность / В. Н. Бабенко. – М. : ИНИОН РАН, 2005. − 236 с.

268. Байтин, М. И. Государство и политическая власть / М. И. Байтин. − Саратов, 1972. − 239 с.

269. Балакшин, В. С. Оценка допустимости доказательств в Российском уголовном процессе : монография / В. С. Балакшин. – М. : Юрлитинформ, 2016. − 382 с.

270. Барабаш, А. С. Публичное начало российского уголовного процесса / А. С. Барабаш. − СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. − 417 с.

271. Барабаш, А. С. Метод российского уголовного процесса / А. С. Барабаш, А. А. Брестер. – СПб. : Юридический центр-Пресс, 2013. − 218 с.

272. Барабаш, А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А. С. Барабаш. − СПб. : Юридический центр, 2005. − 254 с.

273. Баранов, В. М. Юридический отказ (теория, практика, техника) : монография / В. М. Баранов, М. В. Баранова, И. П. Гладышева. − Нижний Новгород : Изд-во Нижегор. акад. МВД России, 2011. − 656 с.

274. Баршев, Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я. И. Баршев. − М. : ЛексЭст, 2001. − 240 с.

275. Бахта, А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования : монография / А. С. Бахта. − Хабаровск : Дальневосточный юридический ин-т МВД РФ, 2010. − 372 с.

276. Безлепкин, Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя / Б. Т. Безлепкин. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. − 288 с.

277. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккария ; пер. и вступ. ст. М. М. Исаева. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. − 464 с.

278. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве : монография / А. Р. Белкин. − М. : Норма, 2005. − 528 с.

279. Боруленков, Ю. П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты) : монография / Ю. П. Боруленков; под науч. ред. проф. В. Н. Карташова. − М. : Юрлитинформ, 2014. − 392 с.

280. Босхолов, С. С. Основы уголовной политики. Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты / С. С. Босхолов. – М. : ЮрИнфоР, 1999. − 293 с.

281. Булатов, Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б. Б. Булатов. − Омск : Ом. акад. МВД России, 2003. − 320 с.

282. Бущенко, А. П. Практика Европейского Суда по правам человека. Вып. 1 : Статья 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод / А. П. Бущенко. – М. : Спарк, 2001. − 215 с.

283. Васильева, Е. Г. Меры уголовно-процессуального принуждения : монография / Е. Г. Васильева; науч. ред. З. Д. Еникеев. − Уфа : РИО БашГУ, 2003. − 137 с.

284. Вершинина, С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения : монография. / С. И. Вершинина. − М. : Юрлитинформ, 2017. − 367 с.

285. Ветрова, Г. Н. Уголовно-процессуальная ответственность / Г. Н. Ветрова ; отв. ред. А. М. Ларин. – М. : Наука, 1987. − 112 с.

286. Владимиров, Л. Е. Уголовный законодатель, как воспитатель народа / Л. Е. Владимиров. − М. : т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1903. − 244 с.

287. Галкин, Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон / Б. А. Галкин. − М. : Госюриздат, 1962. − 255 с.

288. Гегель, В. Ф. Философия права / В. Ф Гегель. − М. : Мысль, 1990. − 524 с.

289. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Избранные произведения : в 2 т. Т. 2. / Т. Гоббс. − М. : Мысль, 1964. − 748 с.

290. Горский, Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд. − Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. − 303 с.

291. Гриненко, А. В. Конституционные основы досудебного уголовного процесса в Российской Федерации / А. В. Гриненко. – М. : Компания Спутник+, 2000. − 258 с.

292. Гришин, С. П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты) / С. П. Гришин. − М. : Юрлитинформ, 2008. − 467 с.

293. Грошевой, Ю. М. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие / Ю. М. Грошевой. − Харьков : Вища школа : Изд-во при Харьковском гос. ун-те, 1986. − 183 с.

294. Гуткин, И. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе: лекция / И. М. Гуткин. – М. : [б. и.], 1963. − 43 с.

295. Давлетов, А. А. Программа уголовного судопроизводства : монография / А. А. Давлетов, Н. В. Азарёнок. − М. : Юрлитинформ, 2009. − 203 с.

296. Дедов, Д. И. Соразмерность ограничения свободы предпринимательства / Д. И. Дедов. − М. : Юристъ, 2002. – 187 с.

297. Дементьев, В. В. Экономика как система власти : монография / В. В. Дементьев. − Донецк : Каштан, 2003. − 403 с.

298. Деришев, Ю. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : монография / Ю. В. Деришев, В. В. Николюк. − Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2003. − 198 с.

299. Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию : монография / Т. Бочаров [и др.]. − Санкт-Петербург : Ин-т проблем правоприменения, 2016. − Ч. 1. − 110 с.

300. Дикарев, И. С Диспозитивность в уголовном процессе России / И. С. Дикарев; под ред. А. П. Кругликова. − Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. − 162 с.

301. Добровольская, Т. Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики) / Т. Н. Добровольская. − Москва : Юрид. лит., 1971. − 199 с.

302. Доказывание в уголовном процессе : традиции и современность / под ред. В. А. Власихина. − Москва : Юристъ, 2000. − 271 с.

303. Еникеев, З. Д. Применение мер пресечения по уголовным делам (в стадии предварительного расследования) / З. Д. Еникеев. − Уфа : Изд-во Башк. ун- та, 1988. − 84 с.

304. Еникеев, З. Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения / З. Д. Еникеев. − Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. − 104 с.

305. Еникеев, З. Д. Социальная ценность и эффективность мер уголовно-процессуального пресечения / З. Д. Еникеев. − Уфа : БГУ, 1979. − 88 с.

306. Жижиленко, А. А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств : [Дис.] / А. А. Жижиленко. − Петроград : тип. "Правда", 1914. − 676 с.

307. Заключение под стражу и его альтернативы в уголовном судопроизводстве : монография / О. А. Зайцев, А. О. Зайцев, В. И. Качалов [и др.]. − Москва : Русайнс, 2019. − 171 с.

308. Зарубаева, Е. Ю. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в правовой системе России : институционально-сравнительное исследование : монография / Е. Ю. Зарубаева. − М. : Изд-во УДМУ МГАВТ, 2003. − 124 с.

309. Зинатуллин, З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Вопросы теории и практики / З. З. Зинатуллин. − Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1981. − 136 с.

310. Зусь, Л. Б. Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства / Л. Б. Зусь − Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1984. − 145 с

311. Иеринг, Р. Цель в праве / Р. Иеринг. − Санкт-Петербург : Н. В. Муравьев, 1881. − Т. 1. − 412 с.

312. Исаев, И. А. История России: правовые традиции / И. А. Исаев − М. : Юкис : ТОО «Стройсервис», 1995. − 319 с.

313. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. − М. : Статут, 2012. − 368 с.

314. Калашникова, Н. Я. Гарантия права обвиняемого на защиту при изменении обвинения и наказания / Н. Я. Калашникова. − М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. − 144 с.

315. Капинус, Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : монография / Н. И. Капинус. – М. : Буквовед, 2007. − 416 с.

316. Квачевский, А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года : теорет. и практ. руководство / А. Квачевский. – СПб. : тип. Ф. С. Сущинского, 1869. − Ч. 3. − 642 с.

317. Кистяковский, А. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда / А. Кистяковский. − СПб. : Наука, 1868. − 196 с.

318. Коврига, З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З. Ф. Коврига. − Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. − 175 с.

319. Ковтун, Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России / Н. Н. Ковтун. − Нижний Новгород : Нижегор. правовая акад., 2002. − 331 с.

320. Колбая, Г. Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства / Г. Н. Колбая. − М. : Юрид. лит., 1975. − 152 с.

321. Колоколов, Н. А. Актуальные проблемы защиты прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе: в призме результатов мониторинга 2008–2009 гг. / Н. А. Колоколов. − М. : Юрист, 2009. − 367 с.

322. Колоколов, Н. А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования / Н. А. Колоколов. − М. : Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. − 303 с.

323. Колоколов, Н. А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе / Н. А. Колоколов. – М. : Юрист, 2008. − 415 с.

324. Кони, А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 6. / А. Ф. Кони. – М. : Юрид. лит., 1968. − 695 с.

325. Корнуков, Б. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / Б. М. Корнуков. − Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1978. − 137 с.

326. Коршунов, Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики / Н. М. Коршунов. – М. : Норма : Инфра-М, 2011. − 240 с.

327. Кропачев, Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система / Н. М. Кропачев. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. − 260 с.

328. Кудин, Ф. М. Принуждение в уголовном судопроизводстве / Ф. М. Кудин. − Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. − 136 с.

329. Кузьмин-Караваев, В. Д. Пресечение способов уклонения от следствия и от суда / В. Д. Кузьмин-Караваев. − СПб. : Сенатская типография, 1902. − 38 с.

330. Кухта, А. А. Доказывание истины в уголовном процессе : монография / А. А. Кухта. − Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2009. − 569 с.

331. Куцова, Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе / Э. Ф. Куцова. − М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. − 114 с.

332. Лазарева, В. А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу : монография / В. А. Лазарева. – М. : Юрлитинформ, 2010. − 168. с.

333. Лесников, Г. Ю. Уголовная политика Российской Федерации: проблемы теории и практики : монография / Г. Ю. Лесников. – М. : Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. − 200 с.

334. Лившиц, Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе / Ю. Д. Лившиц. − М. : Юрид. лит., 1964. − 138 с.

335. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика : монография / Н. А. Лопашенко. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. − 339 с.

336. Лукаш, Ю. А. Полный справочник подозреваемого в уголовном преступлении / Ю. А. Лукаш. – М. : АСТ: Астрель; Владимир : ВКТ, 2009. – 416 с.

337. Лукьянова, Е. Г. Глобализация и правовая система России (основные направления развития) / Е. Г. Лукьянова. – М. : Изд-во Норма, 2006. − 110 с.

338. Лупинская, П. А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве / П. А. Лупинская. – М. : [б. и.], 1972. − 79 с.

339. Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы / П. А. Лупинская. – М. : Юрид. лит., 1976. − 167 с.

340. Люблинский, П. И. Неприкосновенность личности / П. И. Люблинский. − Петроград : Муравей, 1917. − 30 с.

341. Люблинский, П. И. Новая теория уголовного процесса / П. И. Люблинский. − Петроград : Сенатская типография, 1916. − 44 с.

342. Люблинский, П. И. Основания судейского усмотрения в уголовных делах / П. И. Люблинский. − СПб. : Сенат. тип., 1904. − 34 с.

343. Люблинский, П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия / П. И. Люблинский. – СПб. : Сенат. тип., 1906. − 701 с.

344. Ляхов, Ю. А. Новая уголовно-процессуальная политика / Ю. А. Ляхов − Ростов н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 1992. − 93 с.

345. Макиавелли, Н. Государь // Жизнь Николо Макиавелли / сост. Ю. В. Артемьева. – СПб. : Лениздат. 1993. − 288 с.

346. Маркс, К. Сочинения : в 50 т. Т. 13. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. − 771 с.

347. Маркс, К. Сочинения : в 50 т. Т. 19. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. − 670 с.

348. Маркс, К. Сочинения : в 50 т. Т. 25. / К. Маркс, Ф. Энгельс. − М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. − Ч. 1. − 545 с.

349. Машовец, А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты :

монография / А. О. Машовец; под ред. А. Д. Прошлякова. − М. : Юрлитинформ, 2016. − 451 с.

350. Мельников, В. Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства / В. Ю. Мельников. − М. : Юриспруденция, 2006. − 586 с.

351. Мельников, М. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации : монография / М. Ю. Мельников. − М. : Юриспруденция, 2006. − 586 с.

352. Мизулина, Е. Б. Технология власти: уголовный процесс. / Е. Б. Мизулина ; отв. ред. М. Ю. Мизулин. − Ярославль : [б. и.], 1992. − 123 с.

353. Мизулина, Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства / Е. Б. Мизулина. − Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 1991. − 148 с.

354. Миньковский, Г. М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе / Г. М. Миньковский. − М. : Госюриздат, 1956. − 115 с.

355. Михайлов, В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе / В. А. Михайлов. − М. : Право и Закон, 1996. − 304 с.

356. Михайловская, И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость / И. Б. Михайловская. − М. : Проспект, 2008. − 128 с.

357. Михайловская, И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) / И. Б. Михайловская. − М. : Проспект, 2003. − 142 с.

358. Михайловский, И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование / И. В. Михайловский. − Томск : типо-лит. П. И. Макушина, 1905. − 336 с.

359. Мотовиловкер, Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Вопросы факта и права / Я. О. Мотовиловкер. − Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. − 152 с.

360. Муравьев, К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография / К. В. Муравьев. − Омск : ОмА МВД России, 2017. − 226 с.

361. Муратова, Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики / Н. Г. Муратова. − Казань : Казан. гос. ун-т, 2004. − 345 с.

362. Нажимов, В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса / В. П. Нажимов. − Калининград : Калинингр. ун-т, 1977. − 92 с.

363. Нафиев, С. Х. Европейские стандарты обеспечения конституционных прав личности при расследовании преступлений / С. Х. Нафиев, А. Л. Васин. − Казань : Магариф, 1998. − 223 с.

364. Николайчик, Н. И. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования / Н. И. Николайчик, Е. А. Матвиенко. − Минск : Изд-во БГУ, 1969. − 190 с.

365. Новицкий, В. А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения / В. А. Новицкий. − Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2002. − 581 с.

366. Павлушина, А. А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития / А. А. Павлушина ; под ред. В. М. Ведяхина. − Самара : Изд-во Сам. гос. экон. акад., 2005. − 478 с.

367. Пастухов, П. С. Теоретическая модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : монография / П. С. Пастухов. − М. : Московская академия экономики и права, 2014. − 296 с.

368. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин ; отв. ред. И. Б. Михайловская − М. : Наука, 1989. − 252 с.

369. Петрухин, И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию : монография / И. Л. Петрухин. − М. : Проспект, 2009. − 191 с.

370. Петрухин, И. Л. Правосудие: время реформ / И. Л. Петрухин. − М. : Наука, 1991. − 208 с.

371. Петрухин, И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение: общ. концепция. Неприкосновенность личности / И. Л. Петрухин; отв. ред. И. Б. Михайловская. − М. : Наука, 1985. − 239с.

372. Пиюк, А. В. Проблемы применения упрощённых форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса / А. В. Пиюк. − Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. − 208 с.

373. Платон. Законы // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. / общ. ред. А. Ф. Лосева [и др.] ; пер. с дренегреческого А. Н. Егунова [и др.]. – М. : Мысль, 1994. – 830 с.

374. Поздняков, М. Л. Смысл и двусмысленность обвинительного уклона // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / М. Л. Поздняков ; под ред. В. В. Волкова. − М. : Статут, 2012. − 366 с.

375. Полянский, Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н. Н. Полянский. − Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1956. − 271 с.

376. Полянский, Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса / Н. Н. Полянский. − М. : Кооп. изд-ское т-во «Право и жизнь», 1927. − 127 с.

377. Постклассическая онтология права / под общ. ред. И. Л. Честнова. − СПб. : Алетейя, 2016. − 684 с.

378. Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности : монография / В. С. Балакшин [и др.] ; под общ. ред. В. М. Бозрова. − М. : Юрлитинформ, 2016. − 301 с.

379. Пудовочкин, Ю. Е. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств / Ю. Е. Пудовочкин, С. С. Пирвагидов. − СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. − 295 с.

380. Рахунов, Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности / Р. Д. Рахунов. − М. : Госюриздат, 1961. − 277 с.

381. Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения / под общ. ред. А. А. Тарасова. − М. : Юстиция, 2015. − 246 с.

382. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство / Н. Н. Розин. − СПб : Право, 1916. − 603 с.

383. Россинский, С. Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве : монография / С. Б. Россинский. − М. : Проспект, 2015. − 209 с.

384. Рудич, В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе : монография / В. В. Рудич. − М. : Юрлитинформ, 2018. − 413 с.

385. Рудич, В. В. Современная уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения : монография / В. В. Рудич. − Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. юридического ун-та, 2016. − 90 с.

386. Рыжаков, А. П. Допрос: основания и порядок производства / А. П. Рыжаков. − М. : Дело и Сервис, 2014. − 192 с.

387. Савгирова, Н. М. Меры пресечения и иные меры процессуального принуждения : лекция по уголовному процессу для студентов вечернего и очного обучения / Н. М. Савгирова. − М. : [б. и.], 1960. − 25 с.

388. Семухина, О. Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовых систем / О. Б. Семухина. − Томск : Изд-во науч.-техн. лит., 2002. − 92 с.

389. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса / А. В. Смирнов. – СПб. : Наука, 2000. − 224 с.

390. Смирнов, А. В. Состязательный процесс / А. В. Смирнов. – СПб. : Альфа, 2001. − 320 с.

391. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / под ред. В. М. Савицкого. − М. : Наука, 1979. − 319 с.

392. Соловьев, А. Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии) : науч.-практ. пособие / А. Б. Соловьев. – М. : Юрлитинформ, 2003. − 264 с.

393. Соловьев, А. Б. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России / А. Б. Соловьев, М. Е. Токарева. – М. : Юрлитинформ, 2010. − 302 с.

394. Соловьев, А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса : науч.-практ. пособие для следователей / А. Б. Соловьев. – М. : Юрлитинформ, 2002. − 155 с.

395. Сперанский, И. А. Содержание и реализация принципов исправительно-трудового права / И. А. Сперанский. – Волгоград : Науч.-исслед. и редиздат. отд., 1969. – 69 с.

396. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под. ред. Т. Г. Морщаковой. − М. : Мысль, 2012. − 583 с.

397. Стецовский, Ю. И. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту / Ю. И. Стецовский, А. М. Ларин; отв. ред. В. П. Кашепов. − М. : Наука, 1988. − 316 с.

398. Судебный контроль в уголовном процессе / Давыдова И. А. [и др.] ; под ред. Колоколова Н. А. − 2-е изд., перераб. и доп. − М. : закон и право: ЮНИТИ, 2009. − 847 с.

399. Талинский, Э. Г. Соотношение предварительного и судебного следствия // Торжество ленинского учения о государстве и праве : Респ. науч. конф. 26-28 апр. 1971 г. Тезисы докл. и науч. сообщ. / Э. Г. Талинский. − Львов : Изд-во гос. ун-та им. Ивана Франко, 1971. − С. 251−253.

400. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. − М. : Юрид. лит., 1973. − 736 с.

401. Титаев, К. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность : монография / К. Титаев, М. Шклярук. − М. : Норма, 2016. − 191 с.

402. Ткачёва, Н. В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России : монография / Н. В. Ткачева. − Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2004. − 191 с.

403. Толстой, Ю. К. К теории правоотношения / Ю. К. Толстой. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. − 87 с.

404. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа / А. К. Горбуз, М. А. Краснов, Е. А. Мишина [и др.]. − СПб. : Норма., 2010 − 480 с.

405. Туманов, В. А. Европейский Суд по правам человека / В. А. Туманов. − М. : Норма, 2001. − 304 с.

406. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска / И. А. Александрова [и др.]. − Нижний Новгород : Нижегородская акад. МВД России, 2007. − 224 с.

407. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд. − М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2005. − 849 с.

408. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. − М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. − 383 с.

409. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. − М. : Юр. лит., 1974. − 340 с.

410. Химичева, О. В. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда : монография / О. В. Химичева, Ю. Б. Плоткина. − М. : Юрлитинформ, 2012. − 229 с.

411. Химичева, Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : монография / Г. П. Химичева. − М.: Экзамен, 2003. − 352 с.

412. Чашин, А. Н. Уголовно-процессуальные меры принуждения / А. Н. Чашин. − М. : Дело и Сервис, 2012. − 78 с.

413. Черниченко, С. В. Международное право : современные теоретические проблемы / С. В. Черниченко. − М. : Междунар. отношения, 1993. − 294 с.

414. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. − М. : Норма, 2008. − 238 с.

415. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. − М. : Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 240 с.

416. Шейфер, С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти / С. А. Шейфер. − М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. − 191 с.

417. Шпилев, В. Н. Участники уголовного процесса / В. Н. Шпилев. − Минск : Изд-во БГУ, 1970. − 176 с.

418. Шумилин, С. Ф. Полномочия следователя: система и механизм реализации / С. Ф. Шумилин. − Белгород : БелЮИ МВД России, 2003. − 131 с.

419. Элькинд, П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд − Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. − 172 с.

420. Элькинд, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П. С. Элькинд. − Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. −143 с.

421. Якуб, М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М. Л. Якуб. – М. : Юрид. лит., 1981. − 144 с.

422. Harris, J. W. Legal Philosophies / J. W. Harris. − New York, 1980. – 282 p.

Научные статьи и сборники конференций

423. Абдрахманов, Р. С. Эффективность принципа состязательности / Р. С. Абдрахманов // Российский судья. − 2003. − № 6. − С. 10−11.

424. Аверков, В. М. Теоретические проблемы унификации / В. М. Аверков // Московский журнал международного права. − 2000. − № 3. − С. 69−82.

425. Автономов, А. С. Автореферат учебного пособия «Ювенальная юстиция» / А. С. Автономов // Вопросы ювенальной юстиции. − 2009. − № 4. − С. 3−7.

426. Азаревич, Д. Общее всем право судебного преследования правонарушений / Д. Азаревич // Журнал гражданского и уголовного права. −1893. − № 2. − С. 3−32.

427. Азаренок, Н. В. Должен ли судья при решении вопроса об избрании меры пресечения проверять квалификацию преступления? / Н. В. Азаренок, А. А. Давлетов // Российский судья. − 2017. − № 1. − С. 33−37.

428. Азаренок, Н. В. Пределы ознакомления защиты с материалами, представленными в суд для решения вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу / Н. В. Азаренок, А. А. Давлетов // Российский следователь. − 2016. − № 15. − С. 8−12.

429. Азаров, В. А. Предварительное и судебное следствие в контексте типологической характеристики уголовного процесса России / В. А. Азаров // Научный вестник Омской академии МВД России. − 2008. − № 2. − С. 50−51.

430. Азаров, В. А. Соотношение предварительного и судебного следствия по УПК Российской Федерации / В. А. Азаров // Вестник Томского государственного университета. − 2008. − № 311. − С. 102−104.

431. Александров, А. С. Залог как мера пресечения: условия и порядок применения / А. С. Александров // Уголовный процесс. − 2010. − № 6. − С. 50−57.

432. Александров, А. С. Институт следственной власти в России: краткая история возникновения, развития и дегенерации / А. С. Александров // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. − 2016. − № 2 (34). − С. 405−411.

433. Александров, А. С. К вопросу о смысле правового предписания, содержащегося в части 1.1. статьи 108 УПК РФ / А. С. Александров // Вестник Сибирского юридического института МВД России. − 2010. − № 3. − С. 16−19.

434. Александров, А. С. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы / А. С. Александров, И. А. Александрова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. − 2013. − № 1. − С. 5 −19.

435. Александров, А. С. «Обвинительность» должна быть обвинительной, а «состязательность» состязательной // Уголовный процесс. Проблемные лекции / Под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. − М. : Издательство Юрайт, 2013 − С. 197−218.

436. Александров, А. С. О методологических следствиях, вызываемых терминологическими причинами (из опыта прочтения текста УПК РФ) / А. С. Александров // Правоведение. − 2005. − № 5. − С. 6−18.

437. Александров, А. С. Перекрёстный допрос в суде: примеры успешной практики / А. С. Александров // Уголовный процесс. − 2019. − № 4. − С. 22–31.

438. Александров, А. С. Понятие и сущность уголовного иска / А. С. Александров // Государство и право. − 2006. − № 2. − С. 38−44.

439. Александров, А. С. Проблемы применения ареста в отношении предпринимателей / А. С. Александров // Уголовный процесс. − 2011. − № 1. − С. 62−69.

440. Александров, А. С. Путь институциональной реформы предварительного расследования / А. С. Александров, М. Л. Поздняков // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. − 2014. − № 1. − С. 78−82.

441. Александров, А. С. Следственный комитет России и институциональная реформа предварительного расследования / А. С. Александров, М. Л. Поздняков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. − 2014. − № 1. − С. 24−28.

442. Александров, А. С. Принципы уголовного судопроизводства / А. С. Александров // Правоведение. − 2003. − № 5. − С. 162−178.

443. Александрова, И. Уголовный процесс как форма образования «уголовного права» на наказание преступника / И. Александрова, А. Ляпунова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. − 2016. − № 2. − С. 414−418.

444. Александрова, И. А. Приложения. Уголовная политика. Реферативный обзор // Уголовное право. Общая часть. Преступление : академический курс :

в 10 т. Т. 3 : Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н. А. Лопашенко. − М. : Юрлитинформ, 2016. − С. 459.

445. Андреева, О. И. Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе / О. И. Андреева // Вестник Томского государственного университета. − 2012. − № 358. − С. 46−49.

446. Андреева, О. И. Проблемы избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу (по материалам Томской области) / О. И. Андреева // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии : материалы круглого стола (Москва, 13 ноября 2003 г.). – М.: Проспект, 2004. − С. 157−161.

447. Андреева, О. И. Решение вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу: проблемы правоприменения / О. И. Андреева // Журнал российского права. − 2005. − № 2. − С. 73−76.

448. Апостолова, Н. Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения / Н. Н. Апостолова // Российская юстиция. − 2019. − № 3. − С. 23–25.

449. Арьянова, Д. А. Концепция власти Карла Маркса / Д. А. Арьянова // Молодой учёный. − 2010. − № 12 (23). − С. 69.

450. Бабаев, М. М. Криминология и уголовная политика / М. М. Бабаев // Юристъ-Правоведъ. − 2012. − № 2. − С. 17−19.

451. Багмет, А. М. Анализ целесообразности введения института следственного судьи в уголовное судопроизводство / А. М. Багмет // Российский следователь. − 2005. − № 11. − С. 6−8.

452. Багмет, А. М. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователяна стадии возбуждения уголовного дела / А. М. Багмет // Уголовный процесс: от прошлого к будущему : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 21 марта 2014 г.) : в 2 ч. – М. : Акад. Следств. комитета РФ, 2014. − Ч. 1. − С. 12−17.

453. Багмет, А. М. О мерах по оптимизации полномочий следственных подразделений / А. М. Багмет // Российская юстиция. − 2015. − № 1. − С. 48−50.

454. Багмет, А. М. Сильное следствие и его противники / А. М. Багмет, Ю. А. Цветков // LexRussica. − 2015. − № 4. − С. 60−70.

455. Багмет, А. М. Кому мешает следственная власть? / А. М. Багмет, Ю. А. Цветков // Российский следователь. − 2016. − № 23. − С. 3−9.

456. Баженов, С. Состояние законности при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений, совершаемых предпринимателями / С. Баженов // Право и экономика. − 2017. − № 8. − С. 17−25.

457. Барабаш, А. С. Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание / А. С. Барабаш // Российский юридический журнал. − 2016. − № 4. − С. 117−131.

458. Барабаш, А. С. Прокурорский надзор за предварительным следствием: возвращение к основам / А. С. Барабаш // Законность. − 2011. − № 4. − С. 5−10.

459. Беляев, М. В. О некоторых условиях принятия справедливых судебных решений в уголовном судопроизводстве / М. В. Беляев // Мировой судья. − 2018. − № 5. − С. 33−39.

460. Беляев, Н. А. В. И. Ленин об убеждении и принуждении в социалистическом обществе / Н. А. Беляев, В. Г. Смирнов // Научная сессия, посвященная 90-летию со дня рождения В. И. Ленина : тезисы докладов сессии юридических наук. − Л. : Изд-во ЛГУ, 1960. − С. 18.

461. Блищенко, И. П. Некоторые проблемы советской науки международного права / И. П. Блищенко // Советское государство и право. − 1991. − № 3. − С. 134−142.

462. Божьев, В. П. Применение норм уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дел частного обвинения / В. П. Божьев // Советская юстиция. − 1992. − № 22. − С. 15−16.

463. Божьев, В. П. Состязательность на предварительном следствии / В. П. Божьев // Законность. − 2004. − № 1. − С. 3−6.

464. Бойко, А. И. Геополитика, идеология, преступность, правоохранительная деятельность / А. И. Бойко // Северо-Кавказский юридический вестник. − 2012. − № 4. − С. 98−108.

465. Бойков, А. Д. Проблемы уголовно-процессуального доказывания в свете задач координации научных исследований / А. Д. Бойко // Проблемы надежности доказывания в советском уголовном процессе. − М., 1984. − С. 47−49.

466. Бойков, А. Д. Судебная реформа: обретения и просчеты / А. Д. Бойков // Государство и право. − 1994. − № 6. − С. 13−22.

467. Боруленков, Ю. П. Следственный судья как «слабое звено» уголовно-процессуального познания / Ю. П. Боруленков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. − 2015. − № 3. − С. 9−21.

468. Боташев, Р. А. Проблемы совершенствования процессуального порядка заключения под стражу в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения / Р. А. Боташев // Общество и право. − 2010. − № 3. − С. 200−205.

469. Быков, В. М. Каким быть аппарату власти следственной? / Н. С. Манова, В. М. Быков // Аппарат власти следственной / под ред. Н. А. Колоколова. − М.: Юрлитинформ. − 2016. − С. 53−58.

470. Вагизов, Р. Г. Международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека: нормативно-правовая основа международной системы защиты прав человека / Р. Г. Вагизов // Российская юстиция. − 2008. − № 5. − С. 34−36.

471. Васильева, Т. Ю. Состязательность как способ установления объективной истины / Т. Ю. Васильева // Российский судья. − 2016. − № 3. − С. 61−64.

472. Венгеров, А. Б. Несущие конструкции правового государства (разрозненные заметки о советском обществе) / А. Б. Венгеров // Право и власть. Человек, право, государство. Человек, закон и правосудие. – М. : Прогресс, 1990. − С. 96−112.

473. Власова, Н. А. Ретроспективный анализ развития следственного аппарата в России / Н. А. Власова, В. Н. Шамаров // Вестник Екатерининского института. − 2014. − № 1. − С. 35−40.

474. Волошин, В. М. К вопросу о сущности и свойствах международно-правового стандарта применения меры пресечения в виде заключения под стражу

/ В. М. Волошин, А. О. Зайцев // Международное уголовное право и международная юстиция. − 2017. − № 5. − С. 19−22.

475. Гаврилов, Б. Новеллы уголовного процесса на фоне криминальной статистики / Б. Гаврилов // Российская юстиция. − 2003. − № 10. − С. 5−9.

476. Гаврилов, Б. Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее / Б. Я. Гаврилов // Российская юстиция. − 2018. − № 1. − С. 37−41.

477. Гаджиев, Г. А. Непосредственное применение судами конституционных норм / Г. А. Гаджиев // Российская юстиция. − 1995. − № 12. − С. 24−27.

478. Генрих, Н. В. Императивные и диспозитивные способы регулирования уголовно-правовых отношений / Н. В. Генрих // Общество и право. − 2010. − № 3. − С. 107−117.

479. Глотова, С. В. Особенности международного уголовного судопроизводства (на примере Международного уголовного суда) / С. В. Глотова // Российский юридический журнал. − 2011. − № 3. − С. 99−110.

480. Головинская, И. В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения / И. В. Головинская // Современное право. − 2016. − № 3. − С. 90−96.

481. Головко, Л. В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия / Л. В. Головко // Уголовное судопроизводство. − 2014. − № 2. − С. 9−16.

482. Головко, Л. В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права / Л. В. Головко // Государство и право. − 2002. − № 5. − С. 51–61.

483. Головко, Л. В. Реформа уголовного процесса во Франции / Л. В. Головко // Государство и право. − 2001. − № 8. − С. 89−98.

484. Головко, Л. В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений / Л. В. Головко // Вестник гражданского права МГУ. − 2010. − № 6. − С. 6−34.

485. Голубок, С. А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту / С. А. Голубок // Известия вузов. Правоведение. − 2007. − № 1. − С. 112−124.

486. Горшенков, Г. Н. Концептуальная власть и антикоррупционное движение в стране / Г. Н. Горшенков // Актуальные проблемы экономики и права. − 2013. − № 2. − С. 225−232.

487. Давлетов, А. А. Об оптимальном типе современного российского уголовного процесса / А. А. Давлетов // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». − 2011. − № 2. − С. 98−100.

488. Давлетов, А. А. О значении одного термина в судьбе современного уголовного процесса России / А. А. Давлетов // Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности : монография / под общ. ред. В. М. Егорова. − М., 2016. − С. 288−298.

489. Давлетов, А. А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно / А. А. Давлетов // Российская юстиция. − 2003. − № 8. − С. 16−18.

490. Давлетов, А. А. Системообразующие элементы уголовного судопроизводства / А. А. Давлетов // Российский юридический журнал. − 2012. − № 5. − С. 114−123.

491. Даев, В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в советском уголовном процессе / В. Г. Даев // Правоведение. − 1974. − № 1. − С. 64−73.

492. Демидов, И. Ф. Меры пресечения / И. Ф. Демидов // Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. − М. : Юрид. лит., 1989. − С. 504−521.

493. Деришев, Ю. В. Досудебное уголовное преследование по УПК РФ / Ю. В. Деришев // Государство и право. − 2004. − № 12. − С. 43−50.

494. Джамиев, М. Р. Правовая форма и содержание досудебного производства по уголовному делу: образ желаемого будущего / М. Р. Джамиев // Пробелы в российском законодательстве. − 2016. − № 5. − С. 186−190.

495. Джура, В. В. Международные стандарты осуществления правосудия в рамках гармонизации отечественного процессуального права / В. В. Джура // Сибирский юридический вестник. − 2013. − № 1. − С. 10−21.

496. Дикарев, И. С. Разрешение судом вопроса о мере пресечения при постановлении приговора / И. С. Дикарев // Мировой судья. − 2008. − № 11. − С. 23−25.

497. Дикарев, И. С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам / И. С. Дикарев // Российская юстиция. − 2016. − № 5. − С. 27−30.

498. Диков, Г. В. Право на свободу и меры пресечения в уголовном процессе – подходы Европейского Суда / Диков Г. В. // Журнал конституционного правосудия. − 2013. − № 5. − С. 22−29.

499. Долгушин, Д. А. Адвокат и его деятельность в процессе избрания меры пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу / Д. А. Долгушин // Общество и право. − 2009. − № 1. − С. 255−258.

500. Доля, Е. А. О собирании и формировании доказательств по УПК РФ / Е. А. Доля // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии : материалы круглого стола. 13 ноября 2003 года / отв. ред. Д. Л. Панин. − М., ТК Велби: Проспект Москва, 2004 − С. 125−130.

501. Дорошков, В. В. Настало время вновь обсудить положение потерпевшего в современном уголовном процессе / В. В. Дорошков // Мировой судья. – 2019. – №5. – С. 3−13.

502. Ендольцева, А. Г. Запреты, налагаемые на подозреваемого или обвиняемого в качестве меры пресечения: дискуссионные вопросы / А. Г. Ендольцева // Вестник экономической безопасности. − 2019. − № 1. − С. 64−67.

503. Ермолович, Я. Н. Совершенствование военно-уголовного законодательства как формы реализации военно-уголовной политики / Я. Н. Ермолович // Библиотека криминалиста. Научный журнал. − 2013. − № 3. − С. 27−44.

504. Ефимичев, С. П. Принцип состязательности и его реализация в уголовном судопроизводстве / С. П. Ефимичев, П. С. Ефимичев // Российский следователь. − 2005. − № 1. − С. 5−11.

505. Жданова, Е. В. Проблемы дознания по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков / Е. В. Жданова, Б. П. Целинский // Российский следователь. − 2004. − № 1. − С. 15−18.

506. Журкина, О. В. Личная свобода как объект преступления, предусмотренного ст. 127 Уголовного кодекса Российской Федерации / О. В. Журкина // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. − 2014. − № 6. − С. 248−250.

507. Зайцев, А. О. Международно-правовые стандарты относительно избрания меры пресечения в уголовном судопроизводстве / А. О. Зайцев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. − 2016. − Т. 16. − № 3. − С. 59−64.

508. Зайцев, А. О. О значении решений Европейского суда по правам человека для правовых стандартов правомерности заключения под стражу обвиняемого / А. О. Зайцев // Общество и право. − 2015. − № 4. − С. 62−67.

509. Зачинский, А. О начале государственного обвинения / А. Зачинский // Временник Демидовского юридического лицея. − Ярославль : Типо-литография Г. В. Фальк в Ярославле и Волчанинова в Москве, 1887. − Кн. 45. − С. 60−64.

510. Здоровцев, А. А. Система сдержек и противовесов как непосредственный элемент принципа разделения властей / А. А. Здоровцев, К. А. Зуев // Учёные заметки ТОГУ. − 2013. − Т. 4. − № 4. − С. 1182−1196. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2014/TGU_4_222.pdf (дата обращения: 01.01.2017).

511. Зинченко, И. А. Уголовная политика: понятие, проблемы и перспективы / И. А. Зинченко, А. Ю. Трапицын // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. − 2011. − № 9. − С. 86−92.

512. Зыков, Д. А. Понятие, формы и методы уголовно-правовой политики / Д. А. Зыков, А. В. Шеслер, С. С. Шеслер // Вестник Владимирского юридического института. − 2014. − № 1. − С. 86−92.

513. Зяблина, М. В. Современные проблемы обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на свободу и личную неприкосновенность / М. В. Зяблина // Российская юстиция. − 2016. − № 6. − С. 31−35.

514. Игнатенко, Г. В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем / Г. В. Игнатенко // Советское государство и право. − 1985. − № 1. − С. 73−84.

515. Игнатенко, Г. В. Постановление Пленума Верховного Суда России от 10 октября 2003 года и международно-правовые реалии / Г. В. Игнатенко, С. Ю. Марочкин // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. − 2004. − № 4. − С. 26−31.

516. Игнатова, Н. С. Судебная власть: прерогативы контроля над законодательной и исполнительной ветвями власти / Н. С. Игнатова // Конституционное и муниципальное право. − 2008. − № 2. − С. 25−28.

517. Ищенко, Е. П. О понятии и структуре уголовной политики / Е. П. Ищенко // Актуальные вопросы юриспруденции. Вестник института: преступление, наказание, исправление. − 2009. − № 5. − С. 9−13.

518. Ищенко, П. П. Ключевые проблемы уголовного судопроизводства / П. П. Ищенко, Е. П. Ищенко // Lex russica. − 2016. − № 9. − С. 230−241.

519. Калиновский, К. Б. Законность применения меры пресечения в целях исполнения приговора в российском уголовном процессе / К. Б. Калиновский // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф. − Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2006. − С. 192−195.

520. Калиновский, К. Б. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормативные предпосылки в действующем российском законодательстве / К. Б. Калиновский // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции : сб. ст. / под ред. В. В. Волкова. – М. : Норма, 2015. − С. 93−103.

521. Калиновский, К. Б. Обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения / К. Б. Калиновский // Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: соблюдение прав и свобод человека и гражданина : сб. ст. по материалам круглого стола (2 ноября 2016 г.) / под общ. ред. А. В. Шишлова. − СПб. : ИД «Петрополис», 2017. − С. 36−57.

522. Каминская, В. И. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве / В. И. Каминская // Советское государство и право. 1968. − № 10. − С. 28−35.

523. Каплунов, А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения / А. И. Каплунов // Государство и право. − 2004. − № 12. − С. 10−17.

524. Карамышева, О. В. Позиции ЕСПЧ по вопросам ареста и ОРД: практика 2013 года / О. В. Карамышева // Уголовный процесс. − 2014. − № 3 (111). − С. 14−23.

525. Каретников, А. С. Ознакомление стороны защиты с материалами, обосновывающими основания избрания судом меры пресечения в виде содержания под стражей / А. С. Каретников, К. А. Арзамасцева // Законность. − 2012. − № 3. − С. 30−35.

526. Карнеева, Л. М. Особенности пределов доказывания при принятии некоторых процессуальных решений в стадии предварительного следствия / Л. М. Карнеева, Г. М. Миньковский // Вопросы предупреждения преступности. − Вып. 4. – М. : Юрид. лит., 1966. − С. 83−109.

527. Качалова, О. В. Механизм обеспечения обоснованности заключения под стражу: изменения продолжаются / О. В. Качалова // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. − М. : Развитие правовых систем, 2019. − № 5. − С. 103−112.

528. Кириллова, Н. П. Теоретические и практические проблемы судебного контроля в российском законодательстве / Н. П. Кириллова // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной

конференции. − Санкт-Петербург ; Москва : Междунар. ассоц. содействия правосудию, 2012. − С. 49–51. − Электрон. версия печат. публ. − URL: http://www.iuaj.net/sites/default/files/penal_jastice_2012.pdf (дата обращения: 29.09.2019).

529. Клименко, Ю. Г. Свобода как правовая категория: к вопросу о многообразии понятий / Ю. Г. Клименко // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. − 2006. − № 4 (44). − С. 455–459.

530. Ковтун, Н. Н. Институт специализированных следственных судей: к дискуссии о векторах законодательной воли / Н. Н. Ковтун // Российский журнал правовых исследований. − 2015. − № 2. − С. 174–183.

531. Ковтун, Н. Н. Иерархия источников российского уголовно-процессуального права / Н. Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство: теория и практика : научно-практическое пособие / под ред. Н. А. Колоколова. − М. : Издательство Юрайт, 2015. − С. 164–186.

532. Ковтун, Н. Н. О понятии и содержании термина «судебный следователь» (следственный судья) / Н. Н. Ковтун // Российский судья. − 2010. − № 5. − С. 15−20.

533. Ковтун, Н. Н. О предрешенности внутреннего убеждения судей в судебно-контрольных производствах и стадиях уголовного судопроизводства России : вопрос тактики или стратегии судебной проверки / Н. Н. Ковтун // Научные труды Московской академии экономики и права. Вып. № 24. – М. : МАЭП, 2009. − С. 265–286.

534. Ковтун, Н. Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса / Н. Н. Ковтун // Государство и право. − 1998. − № 6. − С. 59−63.

535. Ковтун, Н. Н. Предмет судебного следствия в судебно-контрольных производствах / Н. Н. Ковтун // Уголовный процесс. 2007. − № 3. − С. 14−19.

536. Ковтун, Н. Н. Судебно-правовая реформа требует, прежде всего, определенности в терминах / Н. Н. Ковтун // Вестник Нижегородской академии МВД России. − 2010. − № 1. − С. 125−129.

537. Колоколов, Н. А. В поисках модели уголовного процесса: предварительное расследование – «новое», проблемы – «старые» / Н. А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. − 2018. − № 2. − С. 3–8.

538. Колоколов, Н. А. Глава 52 УПК РФ: новое в законе / Н. А. Колоколов // Уголовный процесс. − 2007. − № 6. − С. 30–37.

539. Колоколов, Н. А. Правозащитная роль суда в уголовном процессе России и Европы: общее и особенное / Н. А. Колоколов // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. − Нижний Новгород : Ин-т «Открытое общество», 2003. − С. 399−403.

540. Колоколов, Н. А. Процессуальная самостоятельность следователя: взгляд судьи Верховного суда РФ / Н. А. Колоколов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. Вып. 6 : сборник научно-практических трудов / под ред. А. И. Бастрыкина. – М. : Акад. Следств. комитета РФ, 2014. − С. 354−357.

541. Колоколов, Н. Арест в суде: проблемы правового регулирования и практической реализации / Н. Колоколов // Законность. − 1998. − № 5. − С. 23–27.

542. Колосова, И. М. Правовая концепция гарантии независимости адвокатской деятельности / И. М. Колосова, Р. Н. Дусаев, А. С. Воробьев // Адвокатская практика. − 2018. − № 1. − С. 8–12.

543. Колосович, С. А. Некоторые проблемы реализации принципа состязательности в досудебном производстве / С. А. Колосович, С. И. Пономаренко // Проблемы состязательного правосудия : сб. науч. тр. − Волгоград : ВолГУ, 2005. − С. 55−62.

544. Колосовский, В. В. О соотношении квалификации «с запасом», обвинительного уклона и квалификационных ошибок / В. В. Колосовский // Российский юридический журнал. −2011. − № 3. − С. 186−190.

545. Конин, В. В. Избрание и продление срока содержания под стражей в российском уголовном судопроизводстве и стандарты Европейского Суда / В. В. Конин // Адвокат. − 2010. − № 12. − С. 23−30.

546. Конин, В. В. Проблемные вопросы доказывания при избрании строгих мер пресечения / В. В. Конин // Адвокат. − 2016. − № 8. − С. 14−20.

547. Коновалова, И. А. Российское законодательство и международные нормы в области предупреждения правонарушений несовершеннолетних / И. А. Коновалова // Административное и муниципальное право. − 2008. − № 6. − С. 65−72.

548. Корма, В. Д. Следственное познание как объект междисциплинарного исследования / В. Д. Корма, В. А. Образцов // Lex russica. − 2018. − № 12. − С. 90−100.

549. Корма, В. Д. Следственное познание как объект междисциплинарного исследования / В. Д. Корма, В. А. Образцов // Lex russica. − 2019. − № 2. − С. 92−106.

550. Корнуков, В. М. Проблемы объективации оснований применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве / В. М. Корнуков, С. И. Вершинина // Законы России : опыт, анализ, практика. − 2018. − № 5. − С. 19−23.

551. Коробеев, А. Современное состояние уголовно-правовой политики России и проблемы действия уголовного закона во времени / А. Коробеев // Уголовное право. − 2012. − № 5. − С. 89−91.

552. Коротков, А. П. Закономерности исторического развития и современные проблемы модернизации форм предварительного расследования / А. П. Коротков // Российский следователь. − 2010. − № 15. − С. 27−29.

553. Костенко, Р. В. Новое понимание сущности доказательств в науке российского уголовного процесса / Р. В. Костенко // Библиотека криминалиста. Научный журнал. − 2013. − № 4. − С. 170–183.

554. Крипиневич, С. С. Подготовка к рассмотрению судьей ходатайства о применении меры пресечения в ходе досудебного производства / С. С. Крипиневич // Мировой судья. − 2018. − № 9. − С. 27–35.

555. Кругликов, А. О сущности и проблемах избрания судьей меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого / А. Кругликов, И. Дикарев // Уголовное право. − 2006. − № 1. − С. 88–90.

556. Кудин, Ф. М. Предмет уголовно-процессуального права и охранительная функция / Ф. М. Кудин // Применение норм процессуального права (процессуальные средства реализации уголовной ответственности). Межвузовский сборник научных трудов : науч. тр. СЮИ. − Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1977. − Вып. 57. − С. 31−51.

557. Кузнецов, А. П. Предмет и метод уголовной политики / А. П. Кузнецов // Пробелы в российском законодательстве. − 2008. − № 1. − С. 281−282.

558. Лазарева, В. А. Полицейское дознание как базовая модель упрощенного досудебного производства / В. А. Лазарева, Л. А. Ярыгина // Уголовное право. − 2016. − № 4. − С. 101−109.

559. Лапаева, В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) / В. В. Лапаева // Журнал российского права. − 2005. − № 7. − С. 13−23.

560. Ларин, А. М. Что будет с судебной реформой? (по поводу статьи А. Д. Бойкова «Судебная реформа – обретения и просчеты») / А. М. Ларин // Государство и право. − 1994. − № 10. − С. 138−143.

561. Ларин, А. М. Каким быть следственному аппарату / А. М. Ларин, В. М. Савицкий // Государство и право. − 1991. − № 1. − С. 30−39.

562. Ларкина, Е. В. Запрет определенных действий и предусмотренные им запреты в сочетании с залогом и домашним арестом: первые полгода применения / Е. В. Ларкина // Lex russica. − 2019. − № 4. − С. 129−138.

563. Лесников, Г. Ю. К вопросу о понятии уголовной политики / Г. Ю. Лесников // Российский следователь. − 2005. − № 6. − С. 25−29.

564. Лесников, Г. Ю. Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права / Г. Ю. Лесников // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Философия. Социология. Право. − 2008. − Т. 8. − № 4. − С. 73−76.

565. Лившиц, Ю. Д. Вопросы принципа состязательности в стадии предварительного расследования / Ю. Д. Лившиц, С. М. Даровских // Следователь. − 2002. − № 8. − С. 13−15.

566. Лонь, С. Л. Общеправовые теоретические категории и механизм уголовно-процессуального регулирования / С. Л. Лонь // Вопросы правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса : сб. ст. − Томск : Изд-во НТЛ, 2003. − С. 28–32.

567. Лопашенко, Н. А. Современная законопроектная работа в области реформации уголовного законодательства: состояние и тенденции / Н. А. Лопашенко // Актуальные проблемы юридической ответственности : материалы Межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. Р. Л. Хачатуров. − Тольятти : ВУиТ, 2003. − С. 131–144.

568. Лукашевич, В. З. Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ / В. З. Лукашевич, А. Б. Чичканов // Правоведение. − 2002. − № 2. − С. 102–109.

569. Люблинский, П. И. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия / П. И. Люблинский // Систематизированный комментарий к Уставу уголовного судопроизводства / под ред. М. Н. Гернета. − М. : Типография «КУЛЬТУРА», 1914. − С. 796–827.

570. Майоров, А. В. Противодействие преступности − приоритетное направление в уголовной политике государства / А. В. Майоров // Вопросы современной юриспруденции. − 2014. − № 34. − С. 128−132.

571. Макарейко, Н. В. К вопросу о соотношении насилия и государственного принуждения / Н. В. Макарейко // Вестник Нижегородской академии МВД России. − 2011. − № 1 (14). − С. 227−231.

572. Макарова, З. В. Специальное назначение и роль следователя в уголовном процессе / З. В. Макарова // Актуальные проблемы уголовного процесса в трудах профессора А. А. Чувилева : сб. ст. − Омск : Омская академия МВД России, 2011. − С. 62−68.

573. Малышева, Ю. В. Обоснованность российской практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в контексте правовой позиции Европейского Суда по правам человека / Ю. В. Малышева // Российская юстиция. − 2017. − № 8. − С. 67–70.

574. Манова, Н. С. Роль прокурора при решении судом вопроса о применении мер пресечения / Н. С. Манова, К. А. Рыгалова // Законность. − 2017. − № 12. − С. 6−10.

575. Марковичева, Е. В. Критерии определения предпринимательской деятельности при применении ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ / Е. В. Марковичева // Уголовное право. − 2015. − № 5. − С. 135−137.

576. Матусевич, Г. В. Институт возбуждения уголовного дела. История Развития / Г. В. Матусевич // Закон. − 2003. − № 9. − С. 90−93.

577. Мацкевич, И. М. Модернизация уголовной политики (к постановке проблемы) / И. М. Мацкевич // Современные проблемы уголовной политики : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. 1. / под ред. А. Н. Ильяшенко. − Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2012. − С. 3−13.

578. Машовец, А. О. Доказывание уголовного иска в состязательном судопроизводстве / А. О. Машовец // Общество и право. − 2013. − № 2. − С. 154−158.

579. Мерецкий, Н. Е. Условия развития состязательности сторон в уголовном судопроизводстве / Н. Е. Мерецкий // Российский следователь. − 2013. − № 11. − С. 24–27.

580. Мизулина, Е. Б. О технологической теории уголовного процесса / Е. Б. Мизулина // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и материалов. – М. : Юристъ, 2006. − С. 66–87.

581. Морщакова, Т. Г. Контрреформа: угроза и реальность / Т. Г. Морщакова // Сравнительное конституционное обозрение. − 2005. − № 63–64. − С. 61–68.

582. Муравьев, К. В. Точность предварительной юридической оценки содеянного и пределы судебного разбирательства в Уставе уголовного судопроизводства и современном праве / К. В. Муравьев // Актуальные проблемы российского права. − 2014. − № 5. − С. 906−913.

583. Мюллерсон, Р. А. О соотношении международного публичного, международного частного и национального права / Р. А. Мюллерсон // Советское государство и право. − 1982. − № 2. − С. 80−89.

584. Назаров, А. Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве / А. Д. Назаров // Актуальные проблемы российского права. − 2015. − № 9. − С. 149−154.

585. Назаров, А. Д. Следственные и судебные ошибки при заключении под стражу / А. Д. Назаров // Российская юстиция. − 2010. − № 4. − С. 39−43.

586. Наседкин, В. Оптимизация процедуры поддержания в судах ходатайств следственных органов – действенный способ повышения эффективности прокурорского надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства / В. Наседкин // Законность. − 2016. − № 3. − С. 3−4.

587. Насонова, И. А. О разумном сроке содержания лица под стражей в уголовном судопроизводстве / И. А. Насонова, Ю. К. Владимирова // Вестник Воронежского института МВД России. − 2017. − № 3. − С. 116−122.

588. Наумов, А. В. Уголовная политика в области назначения и исполнения наказания: противоречие между законодательным идеалом и практикой / А. В. Наумов // Актуальные вопросы юриспруденции. Вестник института: преступление, наказание, исправление. − 2009. − № 5. − С. 3−9.

589. Николюк, В. В. Актуальные вопросы применения меры пресечения в виде заключения под стражу в стадии исполнения приговора / В. В. Николюк // Уголовное судопроизводство. − 2015. − № 1. − С. 33−39.

590. Никонов, М. А. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ / М. А. Никонов // Уголовный процесс. − 2014. − № 4. − С. 50−61.

591. Нусбергер, А. Развитие прецедентного права Европейского Суда по правам человека на основе решений о России / А. Нусбергер // Право и политика. − 2005. − № 3. − С. 88−93.

592. Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства : материалы круглого стола (19 декабря 2017 г.) / М. В. Беляев, С. В. Бурмагин, А. А. Василенко [и др.] ; отв. ред. В. В. Ершов. − М., 2018. − 264 с.

593. Оганесян, С. М. Понятие международных стандартов прав человека / С. М. Оганесян // Международное публичное и частное право. − 2008. − № 2 (41). − С. 18−22.

594. Павлов, А. В. Задержание обвиняемого, находящегося в розыске, как альтернатива заочному аресту / А. В. Павлов // Уголовное право. − 2016. − № 1. − С. 105−111.

595. Панченко, П. Н. Стратегия законности и тактика компромисса в уголовном праве / П. Н. Панченко // Право. − 2014. − № 1. − С. 107−117.

596. Пертли, Л. Ф. Квалификация условий содержания лиц, лишенных свободы, на основе практики Европейского Суда по правам человека / Л. Ф. Пертли // Актуальные проблемы российского права. − 2015. − № 10. − С. 159−166.

597. Петров, П. К. Похищение человека и захват заложника – вопросы квалификации / П. К. Петров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». − 2008. − № 18 − С. 50−55.

598. Петроченков, А. Я. Актуальные проблемы судебной защиты прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста / А. Я. Петроченков // Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Судебная защита прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» 25−26 ноября 2010 г. − Нижегородский областной суд [и др.] ; отв. ред. :

В. Ф. Попов. − Нижний Новгород : Нижегородский коммерческий ин-т, 2011. − 333 с.

599. Петрухин, И. Л. От инквизиции – к состязательности / И. Л. Петрухин // Государство и право. − 2003. − № 7. − С. 28−36.

600. Петрухин, И. Л. Статья 5. Право на свободу и личную неприкосновенность // Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под ред. В. А. Туманова, Л. М. Энтина. − М., 2002. − С. 67−83.

601. Судебная власть. Научное издание / Т. Е. Абова, Е. Б. Абросимова, М. В. Боровский [и др.] ; отв. ред. И. Л. Петрухин − М. : ООО "ТК Велби", 2003. − 720 с.

602. Побегайло, Э. Ф. Концепция борьбы с преступностью и проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации / Э. Ф. Побегайло // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы : материалы XI Международной научно-практической конференции. – М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 57−62.

603. Погодин, С. Б. Проблемы правовой регламентации состязательности уголовного процесса / С. Б. Погодин // Российский судья. − 2004. − № 11. − С. 13−15.

604. Погодин, С. Действует ли принцип состязательности на досудебных стадиях? / С. Погодин, Р. Тугушев // Законность. − 2005. − № 3. − С. 44−47.

605. Поздняков, М. Л. Перспективы института следственных судей / М. Л. Поздняков // Уголовный процесс. − 2015. − № 6. − С. 22−29.

606. Поленина, С. В. Правовая политика – генерализующий фактор правотворчества / С. В. Поленина // Государство и право. − 2011. −№ 1. − С. 94−96.

607. Потапов, Д. В. О некоторых проблемах выстраивания отношений между участниками предварительного расследования в современном российском уголовном процессе / Д. В. Потапов // Охрана прав и свобод человека и

гражданина в сфере уголовного судопроизводства : материалы Междунар. науч.-практ. конф. −М. : ИП Вахитов А. В., 2016. − С. 366−372.

608. Радьков, В. П. Принципы советского уголовного процесса / В. П. Радьков // Уголовный процесс : учебник / под ред. М. А. Чельцова. − М., 1969. − С. 41–42.

609. Романов, С. В. О соотношении принципа состязательности сторон и права на справедливое судебное разбирательство в уголовном судопроизводстве / С. В. Романов // Вестник МГУ. Серия 11 : Право. − 2005. − № 3. − С. 76–88.

610. Россинский, С. Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25- летию Концепции судебной реформы РСФСР) / С. Б. Россинский // Законы России : опыт, анализ, практика. − 2016. − № 10. − С. 93−100.

611. Рудич, В. В. К вопросу о перекрёстном допросе / В. В. Рудич // Вестник Уральского института экономики управления и права. − 2018. − № 2. − С. 49−53.

612. Рудич, В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения / В. В. Рудич // Общество и право. − 2017. − № 2. − С. 161−165.

613. Рудич, В. В. К вопросу о совершенствовании превентивного судебного контроля за применением мер пресечения в ходе досудебного производства по уголовному делу / В. В. Рудич // Вестник Краснодарского университета МВД России. − 2015. − № 4. − С. 157−159.

614. Рудич, В. В. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / В. В. Рудич. // Общество и право: научно-практический журнал. – 2015. – № 1. – С. 197-202.

615. Рудич, В. В. Проекты новелл о следственном судье как субъекте, уполномоченном на применение существенных мер уголовно-процессуального принуждения / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // Российский следователь. − 2015. − № 17. − С. 21−25.

616. Рудич, В. В. Реализация международно-правового стандарта обоснованности подозрения при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу / В. В. Рудич // Вестник Томского государственного университета. − Право. − 2017. − № 25. − С. 113−120.

617. Рудич, В. В. Уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // Экономика. Предпринимательство. Окружающая Среда (ЭПОС). − 2015. − № 3. − С. 75−79.

618. Рудич, В. В. Участие потерпевшего в процедуре принятия судом решения об избрании меры пресечения / В. В. Рудич // Уголовный процесс. − 2016. − № 5. − С. 84−87.

619. Рудич, В. В. Участие потерпевшего в судебной процедуре принятия решения об избрании меры пресечения как гарантия законности и обоснованности постановления судьи / В. В. Рудич // Вестник Нижегородской академии МВД России. − 2016. − № 3. − С. 96−100.

620. Руднев, В. И. Рассмотрение в апелляционном порядке жалоб и представлений на решения судов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу / В. И. Руднев // Комментарии судебной практики. − М. : Инфра-М, 2016. − Вып. 21. − С. 169−180.

621. Рыжкова, И. А. Влияние усмотрения следователя на реализацию принципа уважения чести и достоинства личности / И. А. Рыжкова // Российский следователь. − 2016. − № 12. − С. 15−17.

622. Рябинина, Т. К. Следственный комитет или судебный следователь / Т. К. Рябинина // Уголовное судопроизводство. − 2011. − № 1. − С. − 17−21.

623. Рябцева, Е. В. Давайте будем последовательны в реформировании уголовного судопроизводства! (о соотношении прокурорского надзора и судебного санкционирования на предварительном следствии) / Е. В. Рябцева // Российская юстиция. − 2008. − № 8. − С. 57−59.

624. Савицкий, В. М. Уголовный процесс России на новом витке демократизации / В. М. Савицкий // Государство и право. − 1994. − № 6. − С. 96−107.

625. Садовникова, М. Н. Международные стандарты обращения с несовершеннолетними правонарушителями: некоторые терминологические проблемы, обзор основных нормативно-правовых актов / М. Н. Садовникова // Сибирский юридический вестник. − 2005. − № 4. − С. 55−61.

626. Сверчков, В. В. О необходимости формирования концептуальных основ освобождения от уголовной ответственности / В. В. Сверчков // Инновации в государстве и праве России. − Нижний Новгород : Изд-во Нижегор. гос. ун-та, 2009. − С. 416−419.

627. Сергеев, В. В. Профессиональные ошибки медицинских работников: проблемы правового обоснования / В. В. Сергеев // Медицинское право. − 2004. − № 4. − С. 18−24.

628. Смирнов, А. В. О деформализации уголовного преследования на досудебной подготовке дела / А. В. Смирнов // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов Всероссийского круглого стола (Санкт-Петербург, 3 ноября 2011 г.). − СПб. : Петрополис, 2012. − С. 211−216.

629. Смирнов, Г. К. О необходимости восстановления в УПК РФ объективной истины как цели доказывания / Г. К. Смирнов // Уголовный процесс. − 2012. − № 4. − С. 18−20.

630. Смирнов, М. В. Условия применения мер процессуального принуждения на предварительном следствии / М. В. Смирнов // Российский следователь. − 2003. − № 4. − С. 23−24.

631. Соболева, А. К. Каноны толкования в праве / А. К. Соболева // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. − Нижний Новгород : [б. и.], 2000. − С. 89−101.

632. Современные проблемы уголовной политики : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. 1. − Краснодар : ФГКОУ ВПО

«Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2011. − 338 с.

633. Соловьёв, А. А. Типология уголовного процесса РФ и её значение для формирования системы принципов / А. А. Соловьёв // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. − 2012. − Вып. 1 (105). − С. 247−254.

634. Соломатина, Е. А. Материалы оперативно-розыскной деятельности как доказательства, проблемы их использования / Е. А. Соломатина, А. В. Трощанович // Российский следователь. − 2018. − № 2. − С. 57−61.

635. Строгович, М. С. Принципы советского уголовного процесса / М. С. Строгович // Советское право. − 1927. − № 1 (25). − С. 92−111.

636. Строгович, М. С. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства и некоторые вопросы защиты в советском уголовном процессе / М. С. Строгович // Вопросы защиты по уголовным делам : сб. ст. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. − С. 45−67.

637. Сулейманов, Б. Б. Судебная реформа в России (исторические и теоретические аспекты) / Б. Б. Сулейманов // Актуальные проблемы российского права. − 2014. − № 12. − С. 2683−2689.

638. Табакова, М. А. Пробелы правового регулирования учета позиции прокурора при применении заключения под стражу в качестве меры пресечения / М. А. Табакова // Бизнес в законе. − 2012. − № 2. − С. 207−209.

639. Таран, А. С. Отвод адвоката судом на отдельных этапах производства по уголовному делу / А. С. Таран // Lex russica. − 2015. − № 10. − С. 103−114.

640. Тарасов, А. А. Основания процессуального принуждения и презумпция невиновности / А. А. Тарасов // Законы России: опыт, анализ, практика. − 2018. − № 5. − С. 37−41.

641. Таубер, Л. Я. Иск, обвинение и состязательное начало. (Процессуальные параллели) / Л. Я. Таубер // Вестник гражданского права. − 1917. − № 1. − С. 70−105.

642. Терехин, В. В. Стандарты допустимости судебных доказательств в состязательном уголовном процессе / В. В. Терехин // Юридическая наука и

практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. − 2016. − № 1 (33). − С. 188−193.

643. Тимошенко, А. А. Предъявление нового обвинения в ходе ознакомления с материалами уголовного дела: возможности преодоления формализма / А. А. Тимошенко // Законность. − 2016. − № 11. − С. 49−53.

644. Тиунов, О. И. Защита прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации в условиях интернационализации российского права и роль в этом процессе международных правовых стандартов / О. И. Тиунов // Международное публичное и частное право. − 2003. − № 2. − С. 14−22.

645. Тиунов, О. И. Международно-правовые стандарты как фактор глобализации правового пространства / О. И. Тиунов // Московский юридический форум «Глобализация, государство, право, XXI век». По материалам выступлений. − М. : Городец, 2004. − С. 156−166.

646. Толкаченко, А. А. Особый порядок судопроизводства − междисциплинарный институт / А. А. Толкаченко // Российская юстиция. − 2011. − № 8. − С. 36−40.

647. Третьяк, М. Постановление Пленума Верховного Суда о признаках преступлений против собственности в сфере предпринимательства / М. Третьяк // Законность. − 2015. − № 4. − С. 28−32.

648. Третьяков, И. Л. Уголовная политика в системе государственной политики / И. Л. Третьяков // Мир политики и социологии. − 2013. − № 10. − С. 17−32.

649. Трефилов, А. А. Соотношение принципов in dubio pro reo и in dubio pro duriore в уголовном процессе Швейцарии и России / А. А. Трефилов // Закон. − 2016. − № 3. − С. 117−123.

650. Трефилов, А. А. Судебный следователь в дореволюционной России: сравнительно-правовой аспект / А. А. Трефилов // Вестник Казанского юридического института МВД России. − 2012. − № 4. − С. 148−154.

651. Трофимов, В. В. Научные основы правовой политики / В. В. Трофимов // Правовая политика: от концепции к реальности. − М.: Юрист, 2004. − С. 31-35.

652. Трубникова, Т. В. Право на защиту: правовые позиции ЕСПЧ и их отражение в постановлении Пленума ВС РФ. Часть 1 / Т. В. Трубникова // Уголовный процесс. − 2015. − № 8. − С. 34–45.

653. Трубникова, Т. В. Право на защиту: правовые позиции ЕСПЧ и их отражение в постановлении Пленума ВС РФ. Часть 2 / Т. В. Трубникова // Уголовный процесс. − 2015. − № 9. − С. 82−91.

654. Трубникова, Т. В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения заключения под стражу в современном уголовном судопроизводстве РФ / Т. В. Трубникова // Вестник Томского государственного университета : Серия «Экономика. Юридические науки». – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. − № 279. − С. 81−83.

655. Трубникова, Т. В. Судебный контроль на досудебных стадиях судопроизводства: правовая природа и место в системе уголовного процесса / Т. В. Трубникова // Вестник Томского государственного университета : Серия «Экономика. Юридические науки». Приложение : «Материалы научных конференций, симпозиумов, школ, проводимых в ТГУ». – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. − № 4. − С. 49−51.

656. Трубчик, И. С. Практические вопросы реализации права на судопроизводство в разумный срок / И. С. Трубчик, А. В. Быков // Российский следователь. − 2017. − № 10. − С. 22−25.

657. Тутынин, И. Б. Обеспечение прав и интересов при применении мер процессуального принуждения имущественного характера / И. Б. Тутынин // Российская юстиция. − 2014. − № 9. − С. 29−32.

658. Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001–2011 гг. : сб. науч. ст. / Л. Б. Алексеева, Г. Н. Ветрова, Л. М. Карнозова [и др.] ; под ред. И. Б. Михайловской. – М. : Проспект, 2012. − 176 с.

659. Ушаков, А. С. О понятии «применения меры пресечения» в уголовном процессе / А. С. Ушаков // Вестник уральского юридического института МВД России. − 2016. − № 1. − С. 22−25.

660. Фомин, М. А. Обвинительный уклон судьи: способы противодействия / М. А. Фомин // Уголовный процесс. − 2011. − № 10. − С. 68–75.

661. Фуко, М. Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко ; пер. с франц. С. Ч. Офертаса ; под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. − М. : Праксис, 2002. − 384 с.

662. Халиулин, А. Г. Заключение под стражу: законность и необходимость / А. Г. Халиулин // Уголовный процесс. − 2008. − № 7. − С. 60−64.

663. Халиуллин, А. Г. Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок / А. Г. Халиуллин // Законы России: опыт, анализ, практика. − 2008. − № 11. − С. 3− 8.

664. Хапаев, И. М. История становления и развития законодательства и практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу (XIX–XX вв.) / И. М. Хапаев // Актуальные проблемы российского права. − 2014. − № 10 (47). − С. 2310−2315.

665. Химичева, О. В. Судебный следователь или следственный судья? / О. В. Химичева // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений) : Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – М. : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. − Ч. 2. − С. 392−398.

666. Хорошев, Я. Е. Подготовка государственных обвинителей к введению суда присяжных в районных судах / Я. Е. Хорошев // Законность. − 2017. − № 1. − С. 3−5.

667. Цветков, Ю. А. Мнение доцента Ю. А. Цветкова / Ю. А. Цветков // Аппарат власти следственной / под общей ред. Н. А. Колоколова. − М., 2016. − С. 198–222.

668. Цветков, Ю. А. «Улыбка без кота» или что останется от предварительного следствия? / Ю. А. Цветков // Уголовное судопроизводство. − 2016. − № 2. − С. 18–23.

669. Цоколова, О. И. Проблемы совершенствования оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу / О. И. Цоколова // Российский следователь. − 2005. − № 5. − С. 8−13.

670. Чельцов, М. А. Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма / М. А. Чельцов // Вопросы судоустройства и судопроизводства в новом законодательстве СССР : сб. ст. / под ред. С. А. Голунского. – М. : Госюриздат, 1959. − С. 54−94.

671. Чердынцева, И. А. Типы уголовного процесса: история и современность / И. А. Чердынцева // Вестник Омского университета. Серия «Право». − 2005. − № 3. − С. 258−261.

672. Чувилев, А. А. Взаимодействие уголовно-процессуального и оперативно-розыскного права / А. А. Чувилев // Ученые, научные школы и идеи. Юбилейный сборник научных трудов. – М. : Изд-во Моск. юрид. ин-та МВД России, 1995. – С. 49-56.

673. Чувилев, А. А. Соотношение оперативно-розыскного и уголовно-процессуального права / А. А. Чувилев // Право. – 1997. – № 1. – С. 26-29.

674. Шварц, О. А. Еще раз об объективной истине и активной роли суда в уголовном процессе / О. А. Шварц // Актуальные проблемы российского права. − 2014. − № 4. − С. 603–609.

675. Шейфер, С. А. Предварительное и судебное следствие по УПК РФ : проблемы соотношения / С. А. Шейфер // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому уголовно–процессуальному кодексу Российской Федерации : материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Самара, 18–19 декабря 2002 г.). − Самара : Самарский государственный университет, 2003. − С. 31–41.

676. Шейфер, С. А. Прокурорская и следственная власть: сущность и проблемы взаимоотношения / под ред. Н. А. Колоколова. // Уголовное судопроизводство : в 3 т. Т. 2. – М. : Юрайт, 2016. − С. 8−26.

677. Шестак, В. А. Современные особенности привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / В. А. Шестак // Российская юстиция. − 2017. − № 10. − С. 24−27.

678. Шмыгалева, П. В. Порядок избрания домашнего ареста как гарантия защиты прав человека и гражданина / П. В. Шмыгалева // Юридическая мысль. – 2009. – № 6. – С.146-150.

679. Штода, И. С. Государственно-правовое принуждение в контексте модернизации системы социального управления в современной России: теоретико-методологическое измерение / И. С. Штода // Юристъ-Правоведъ. − 2013. − № 3. − С. 116−119.

680. Шумилин, С. Ф. Проблема обвинительного уклона в механизме реализации полномочия следователя на привлечение в качестве обвиняемого и способ ее решения / С. Ф. Шумилин // Российский следователь. − 2010. − № 6. − С. 8−11.

681. Щегловитов, И. Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства / И. Г. Щегловитов // Журнал Министерства юстиции. − 1903. − № 9. − С. 95−153.

682. Щелконогова, Е. В. Участие России в Совете Европы и вытекающие из этого правовые последствия / Е. В. Щелконогова // Российский судья. − 2006. − № 10. − С. 45−47.

683. Щерба, С. П. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу / С. П. Щерба, А. В. Попова // Законность. − 2016. − № 1. − С. 22−26.

684. Юткина, С. М. О сущности государственного принуждения / С. М. Юткина // Юристъ-Правоведъ. − 2015. − № 1. (68). − С. 130−133.

685. Якимович, Ю. К. О необходимости дифференциации уголовного

судопроизводства / Ю. К. Якимович // Приоритетные направления развития правового государства. − Барнаул : Изд-во ААЭП, 2008. − С. 160−161.

686. Яковлев, А. От права Силы к силе Права / А. Яковлев // Наше наследие. − 1990. − № IV. − С. 1−3.

687. Якубина, Ю. П. К вопросу о процессуальном порядке возмещения расходов на адвоката / Ю. П. Якубина // Адвокатская практика. − 2017. − № 4. − С. 23−26.

688. Ярцев, Р. В. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в сфере применения мер пресечения: реалии и тенденции / Р. В. Ярцев // Вестник ОГУ. − 2011. − № 3 (122). − С. 170−184.

689. Huber, B. Developments of Criminal Law in Europe: an Overview / B. Huber // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. − Volume 1 (1993) : Issue 1 (Jan 1993) − P. 57−80.

690. Riedel, E. Standards and Sources. Farewell to the Exclusivity of the Sources Triad in International Law / E. Riedel // EJIL. − 1991. − № 2. − P. 58−85.

Учебники, учебные и справочные пособия

691. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. В. Баглай. – М. : Норма, 2001. − 776 с.

692. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве в 2 ч. Часть 1 : учебное пособие для вузов / А. Р. Белкин. − 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2019. − 184 с.

693. Бойко, А. И. Уголовная политика : учебное пособие / А. И. Бойко. − Ростов-на-Дону : Ростовский гос. экономический университет «РИНХ», 2008. −190 с.

694. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 13 : Имидоэфиры − Историческая школа / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, О. О. Петрушевского. – СПб. : Типо-литография И. А. Ефрона, 1894. − 480 с.

695. Вандышев, В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части : учебник / В. В. Вандышев. – М. : Волтерс Клувер, 2010. − 720 с.

696. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс : учебное пособие / С. И. Викторский. − М. : Казен. ж.-д. тип. Моск. узла, 1911. − 357 с.

697. Владимиров, Л. Е. Учение об уголовных доказательствах : учебное пособие / Л. Е. Владимиров. − Тула : Автограф, 2000. − 462 с.

698. Губаева, Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т. В. Губаева. – М. : Норма, 2003. − 160 с.

699. Гуценко, К. Ф. Уголовный процесс западных государств / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головко, Б. А. Филимонов. – М. : Зерцало-М, 2002. − 528 с.

700. Давлетов, А. А. Основы уголовно-процессуального познания / А. А. Давлетов. − Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. − 152 с.

701. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4 : Р−Я / В. И. Даль − М. : РИПОЛ классик, 2006. − 672 с.

702. Доктринальная модель уголовно–процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней / А. С. Александров, И. А. Александрова [и др.]. – М. : Юрлитинформ, 2015. − 304 с.

703. Духовской, М. В. Русский уголовный процесс : издание для студентов / М. В. Духовской. − М. : типо-лит. Г. И. Простакова, 1905. − 472 с.

704. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6 / отв. ред. Н. Б. Топорнин. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1997. − 160 с.

705. Еникеев, З. Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты по уголовным делам : учебное пособие / З. Д. Еникеев. − Уфа : БГУ, 1978. − 72 с.

706. Еникеев, М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учебник / М. И. Еникеев. – М. : Норма, 2005. − 640 с.

707. Есипов, В. В. Очерк русского уголовного права: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Часть общая / В. В. Есипов. – СПб. : Тип. Н. В. Васильева, 1898. − 402 с.

708. Зинатуллин, З. З. Уголовно-процессуальные функции : учебное пособие / З. З. Зинатуллин, Т. З. Зинатуллин. − Ижевск : Детектив-информ, 2002. − 240 с.

709. Игнатов, А. Н. Курс российского уголовного права : в 2 т. Т. 1 : Общая часть / А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. − М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2001. − 549 с.

710. Калиновский, К. Б. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. − СПб. : Питер, 2005. − 698 с.

711. Калиновский, К. Б. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. – М. : КНОРУС, 2008. – 704 с.

712. Калиновский, К. Б. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. − 752 с.

713. Калиновский, К. Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств : учеб. пособие / К. Б. Калиновский. − Петрозаводск : Изд-во Петрозав. гос. ун-та, 2000. − 45 с.

714. Калиновский, К. Б. Уголовный процесс. Краткий курс. 2-е изд. / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский − СПб.: Питер, 2009. − 304 с.

715. Карнеева, Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе : учебное пособие / Л. М. Карнеева. − Волгоград : ВСШ, 1988. − 65 с.

716. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под ред. В. А. Туманова, Л. М. Энтина. – М. : Норма, 2002. − 336 с.

717. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / под общ. ред. В. М. Лебедева. – М. : Норма, 2014. − 815 с.

718. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. И. Радченко. – М. : Юрайт, 2006. − 1123 с.

719. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Я. Сухарева. − М. : Норма, 2002. − 896 с.

720. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. – М. : Юрайт, 2014. − 1087 с.

721. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь / А. Конт-Спонвиль ; пер. с фр. Е. В. Головиной. − М. : Этерна, 2012. – 752 с.

722. Кудрявцева, А. В. Теория доказывания в юридическом процессе : учебное пособие / А. В. Кудрявцева. − Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2006. − 234 с.

723. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. − М. : Юрид. лит., 1989. − 640 с.

724. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. – М. : Статут, 2016. − 1282 с.

725. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. – М. : Статут, 2015. − 1280 с.

726. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. – М. : Статут, 2017. − 1280 с.

727. Лыгин, Н. Я. Международно-правовые стандарты и конституционная законность в российской судебной практике : науч.-практ. пособие / Н. Я. Лыгин, В. Н. Ткачев. − Москва : Статут, 2012. − 526 с.

728. Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2005. − 759 с.

729. Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. – М. : Юрид. лит., 1990. − 672 с.

730. Мотовиловкер, Я. О. Предмет советского уголовного процесса : учебное пособие / Я. О. Мотовиловкер. − Ярославль : [б. и.], 1974. − 95 с.

731. Орлов, Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе : науч.-практ. пособие / Ю. К. Орлов. – М. : Проспект, 2000. − 138 с.

732. Познышев, С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев. – М. : Г. А. Леман, 1913. − 337 с.

733. Потапов, В. Д. Новый порядок обжалования решений по уголовным делам: научно-практический комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» / В. Д. Потапов ; под ред. О. А. Зайцева. − Москва : ЭкООнис, 2012. − 171 с.

734. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. – М. : Юрайт, 2009. − 780 с.

735. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: в 2 ч. Ч. 1. / В. М. Лебедев [и др.] ; под ред. В. М. Лебедева. – М. : Юрайт, 2016. − 231 с.

736. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: в 2 ч. Ч. 2. / В. М. Лебедев [и др.] ; под ред. В. М. Лебедева. – М. : Юрайт, 2016. − 395 с.

737. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики / под ред. В. М. Лебедева. – М. : Юрайт, 2013. − 824 с.

738. Радько, Т. Н. Основные функции социалистического права : учебное пособие / Т. Н. Радько. − Волгоград : Высш. следств. школа МВД СССР, 1970. − 142 с.

739. Россинский, С. Б. Уголовный процесс : учебник / С. Б. Россинский. – М. : Эксмо, 2009. − 736 с.

740. Рязановский, В. А. Единство процесса : учебное пособие / В. А. Рязановский. − М. : Городец, 2005. − 80 с.

741. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. 1. Судоустройство. / В. К. Случевский. – М. : Зерцало, 2008. − 400 с.

742. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под ред. А. В. Смирнова. − СПб. : Питер, 2003. − 848 с.

743. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. − Москва : Кнорус, 2008. − 704 с.

744. Советский уголовный процесс : учебник / Белозеров Ю. Н. [и др.] ; под ред. Б. А. Викторова. – М. : Юрид. лит., 1975. − 559 с.

745. Советский уголовный процесс : учебник / Блинов В. М [и др.] ; под ред. Д. С. Карева. – М. : Юрид. лит., 1975. − 568 с.

746. Советский уголовный процесс: учебник / Галкин Б. А. [и др.] ; под ред. Д. С. Карева. – М. : Высш. шк., 1968. − 552 с.

747. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. − 703 с.

748. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1 / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. − 469 с.

749. Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. – М. : Юристъ, 2003. − 592 с.

750. Томин, В. Т. Словарь-инструментарий для исследования проблем, связанных с взаимодействующим влиянием правоохранительной и массово-коммуникативной систем на преступность и виктимность молодежи и несовершеннолетних. / В. Т. Томин, Д. В. Сочнев. − 3-е изд., перераб. и доп. − Нижний Новгород : ГИПП, 1999. – 116 с.

751. Трубникова, Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации : учебное пособие / Т. В. Трубникова. − Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. − 223 с.

752. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебное пособие / под ред. В. К. Дуюнова. − М. : Инфра-М, 2015. − 299 с.

753. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 т. Т. 3 : Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н. А. Лопашенко. − М. : Юрлитинформ, 2016. − 751 с.

754. Уголовное судопроизводство: в 3 т. Т. 2 / под ред. Н. А. Колоколова. – М. : Юрайт, 2016. − 305 с.

755. Уголовное судопроизводство: теория и практика : научно-практическое пособие / под ред. Н. А. Колоколова. − М. : Юрайт, 2011. − 1038 с.

756. Уголовно-процессуальное право : учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. – М. : Юрайт, 2012. − 1016 с.

757. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. – М. : Юристъ, 2004. − 800 с.

758. Уголовный процесс / под ред. А. Н. Алексеева. − М.: Юрист,1995. − 556 с.

759. Уголовный процесс : учебник / отв. ред. А. П. Кругликов. – М. : Норма : Инфра-М, 2015. − 688 с.

760. Уголовный процесс : учебник / отв. ред. Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, П. С. Элькинд. – М. : Юрид. лит., 1972. − 584 с.

761. Уголовный процесс : учебник / Белозеров Ю. Н. [и др.] ; под общ. ред. Б. А. Викторова. – М. : Юрид. лит., 1970. − 487 с.

762. Уголовный процесс : учебник / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. – М. : Волтерс Клувер, 2011. − 1056 с.

763. Уголовный процесс : учебник / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. – М. : Издательство Юрайт, 2015. − 545 с.

764. Советский уголовный процесс : учебник / под ред. М. А. Чельцова − 4- е изд., испр. и перераб. − М. : Госюриздат, 1962. − 503 с.

765. Уголовный процесс : учебник / под ред. М. А. Чельцова. − М.: Юрид. лит., 1969. − 463 с.

766. Уголовный процесс России : учебник / науч. ред. В. Т. Томин. − М. : Юрайт, 2003. − 821 с.

767. Уголовный процесс Российской Федерации / отв. ред. А. П. Кругликов. − М. : Проспект, 2009. − 728 с.

768. Уголовный процесс Российской Федерации : учебник / отв. ред. А. П. Кругликов. − М. : Проспект, 2010. − 727 с.

769. Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции / под. ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. − М. : Юрайт, 2014. − 575 с.

770. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. − М. : Юрайт, 2013. − 799 с.

771. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. − М. : Юрайт, 2015. − 799 с.

772. Уголовный процесс : в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. − М. : Юрайт, 2016. − 351 с.

773. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. П. А. Лупинской. − М. : Юристъ, 1995. − 544 с.

774. Уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева. − М. : Спарк, 2002. − 704 с.

775. Уголовный процесс : учебник для иностранных слушателей вузов МВД СССР / под ред. В. П. Божьева. − М. : Акад. МВД СССР, 1989. − 415 с.

776. Устав уголовного судопроизводства : систематизированный комментарий / под ред. М. Н. Гернета. − М. : Типография А. И. Мамонтова, 1914. − Вып. 3. − 944 с.

777. Фельдштейн, Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству / Г. С. Фельдштейн. − М. : Типо-лит. В. Рихтер, 1915. − 433 с.

778. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 1 / И. Я. Фойницкий. − СПб. : Альфа, 1996. – 552 с.

779. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2 / И. Я. Фойницкий. − СПб. : Альфа, 1996. − 607 с.

780. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. − СПб. : Сенатская типография, 1910. − 400 с.

781. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. − СПб. : Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1912. − 579 с.

782. Хартия Европейского Союза об основных правах: коммент. / под ред. С. Ю. Кашкина. − М. : Юриспруденция, 2001. − 203 с.

783. Цоколова, О. И. Заключение под стражу и содержание под стражей на предварительном следствии : пособие / О. И. Цоколова, С. И. Щерба. − М. : ВНИИ МВД России, 1996. − 70 с.

784. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс : учебник для юридических институтов / М. А. Чельцов. − М. : Юрид. лит.,1962. − 503 с.

785. Юридическая конфликтология / под ред. В. Н. Кудрявцева. − М. : Изд- во ИГиП РАН, 1995. − 316 с.

786. Якубович, Н. А. Теоретические основы предварительного следствия : учебное пособие / Н. А. Якубович. − М. : НИиРИО ВШ МВД СССР, 1971. − 142 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

787. Абшилава, Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Абшилава Георгий Валерьянович. – М., 2012. − 551 с.

788. Белоусов, А. Е. Вопросы теории и практики применения мер уголовно-процессуального принуждения по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Белоусов Александр Евгеньевич. − Ижевск, 1995. − 18 с.

789. Вершинина, С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Вершинина Светлана Ивановна. − Тольятти, 2017. − 452 с.

790. Вишневская, О. В. Состязательная деятельность защитника на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Вишневская Ольга Владиславовна. − Ижевск, 2004. − 25 с.

791. Галоганов, Е. А. Реализация в деятельности адвоката принципа состязательности уголовного судопроизводства в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.11 / Галоганов Евгений Алексеевич. – М., 2009. − 190 с.

792. Давыдов, П. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Давыдов Платон Михайлович. – Л., 1953. − 18 с.

793. Ерохина, О. С. Участие следователя в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ерохина Ольга Сергеевна. – М., 2014. − 22 с.

794. Зайцев, А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводства : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Зайцев Александр Олегович. − М., 2017. − 201 с.

795. Иванов, С. И. Уголовная политика Российской Федерации: политолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Иванов Сергей Валерьевич. − Екатеринбург, 2006. − 27 с.

796. Карабанов, А. Б. Политико-правовые взгляды Зигмунда Фрейда : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Карабанов Алексей Борисович. – М., 2001. − 273 с.

797. Козлова, А. Н. Публичность как принцип уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Козлова Анастасия Николаевна. − М., 2007. − 33 с.

798. Ковтун, Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России : дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Ковтун Николай Николаевич – Н. Новгород, 2002. – 520 с.

799. Колоскова, С. В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России : доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Колоскова Светлана Владимировна. − Нижний Новгород, 2013. − 250 с.

800. Конева, С. И. Судебные допросы в уголовном процессе : доказательственные значения и порядок проверки: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Конева Снежана Ивановна. − Нижний Новгород, 2013. − 265 с.

801. Макарейко, Н. В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности : теоретические и прикладные проблемы : автореф. д-ра … юрид. наук : 12.00.01 / Макарейко Николай Владимирович. − Нижний Новгород, 2016. − 68 с.

802. Малина, Е. А. Заключение под стражу в российском уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Малина Елена Александровна. − Краснодар, 2001. − 184 с.

803. Мизулина, Е. Б. Уголовный процесс : концепция самоограничения государства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Мизулина Елена Борисовна. – М., 1993. − 32 с.

804. Миронова, Е. В. Производство по решению вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу в судебных стадиях российского уголовного процесса : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Миронова Евгения Валериевна. − Томск, 2010. − 296 с.

805. Нарбикова, Н. Г. Меры пресечения, связанные с ограничением свободы : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Нарбикова Наталья Геннадьевна. − Челябинск, 2005. − 22 с.

806. Отчерцова, О. В. Проблемы реализации принципа состязательности в деятельности адвоката-защитника на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Отчерцова Ольга Викторовна. − М., 2017. − 248 с.

807. Рудич, В. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве : теоретический и прикладной аспект : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Рудич Валерий Владимирович. – М., 2013. − 274 с.

808. Семенцов, В. А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Семенцов Владимир Александрович. − Екатеринбург, 2006. − 58 с.

809. Сидоренко, Э. Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Сидоренко Элина Леонидовна. – М., 2013. − 54 с.

810. Сумачев, А. В. Диспозитивность в уголовном праве : теоретико-прикладной аспект : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Сумачев Алексей Витальевич. − Екатеринбург, 2006. − 51 с.

811. Терехин, В. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты) : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Терехин Владимир Вячеславович. − Нижний Новгород, 2016. − 510 с.

812. Терских, А. И. Компромисс в российском уголовном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Терских Анна Ильинична. − Екатеринбург, 2013. − 29 с.

813. Фетищева, Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Фетищева Лидия Михайловна. − Нижний Новгород, 2016. − 247 с.

814. Хмельницкая, Т. В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Хмельницкая Татьяна Владимировна. − Нижний Новгород, 2016. − 214 с.

815. Царёва, Ю. В. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России : доктрина, юридическая техника, правоприменительная практика : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Царева Юлия Викторовна. − Нижний Новгород, 2018. − 323 с.

816. Шпилев, В. Н. Сущность, содержание и формы советского уголовного судопроизводства : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Шпилев Вениамин Николаевич. − Минск, 1983. − 375 с.

Информационные, аналитические, статистические и иные материалы, электронные ресурсы

817. Совершенствование механизма избрания и продления заключения под стражу, залога и иных мер пресечения : круглый стол. 18.07.2019 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://council.gov.ru/events/committees/106639/ (дата обращения: 02.08.2019).

818. А. Кутепов: Арест граждан, имеющих детей до 14 лет, должен применяться в исключительных случаях [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://council.gov.ru/events/news/92842/ (дата обращения: 27.09.2019).

819. Арест беременных женщин должен быть возможен только в особых случаях [Электронный ресурс] // Piter.TV. − Электрон. дан. − URL: https://piter.tv/event/Arest_beremennih_zhenschin_dolzhen_bit_vozmozhen_tol_ko_v_osobih_sluchayah/ (дата обращения: 01.09.2019).

820. Багмет, А. М. Следователь – судья на досудебной стадии [Электронный ресурс] / А. М. Багмет // Аналитический портал «Отрасли права». − Электрон. дан. − URL: http://отрасли-права.рф/article/2636 (дата обращения: 01.09.2019).

821. Барщевский, М. Сверим правописание. Как избавиться от обвинительного уклона в судах / М. Барщевский, Т. Морщакова // Российская газета. − 2013. − 24 сент.

822. Белкин, А. Р. Допустимость насилия в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] / А. Р. Белкин // Международная ассоциация содействия правосудию. − Электрон. дан. − URL: https://www.iuaj.net/node/973 (дата обращения: 01.01.2019).

823. В Совете Федерации обсудили стратегию совершенствования уголовного правосудия [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета

Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://www.council.gov.ru/events/news/75374/ (дата обращения: 01.09.2019).

824. Верните прокурора / Паничева А. [и др.] // Российская газета. − 2008. − 20 мая.

825. Верховный суд предлагает вернуться к вопросу создания должности следственного судьи [Электронный ресурс] // Официальный сайт «ИТАР ТАСС». − Электрон. дан. − URL: https://tass.ru/obschestvo/7367831 (дата обращения: 18.12.2019).

826. Волков, В. Опыт судебных реформ в России: искусство оставить все, как было : лекция [Электронный ресурс] / В. Волков // Официальный сайт Европейского университета в Санкт- Петербурге. − Электрон. дан. − URL: https://eu.spb.ru/forthcoming-events/18084-opyt-sudebnykh-reform-v-rossii-iskusstvo-ostavit-vse-kak-bylo (дата обращения: 01.01.2018).

827. Встреча Президента В. В. Путина с бизнес-омбудсменом Б. Ю. Титовым [Электронный ресурс] // Первое антикоррупционное СМИ. − Электрон. дан. − URL: https://pasmi.ru/archive/234335 (дата обращения: 01.04.2019).

828. Выступление Президента России В. В. Путина на расширенной коллегии Генпрокуратуры РФ 19 марта 2019 г. [Электронный ресурс] // Первое антикоррупционное СМИ. − Электрон. дан. − URL: http://www.pasmi.ru/archive/230930 (01.04.2019).

829. Головко, Л. В. Институт следственных судей: американизация путем манипуляции [Электронный ресурс] / Л. В. Головко // РАПСИ. 2015. − Электрон. дан. − URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html (дата обращения: 01.01.2017).

830. Головко, Л. В. Следственные судьи или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса? [Электронный ресурс] / Л. В. Головко // Официальный сайт Издательской группы «Закон». 2015. − Электрон. дан. − URL: https://zakon.ru/blog/2015/3/16/sledstvennye_sudi_ili_ochere

dnoj_raund_amerikanizacii_rossijskogo_ugolovnogo_processa (дата обращения: 01.01.2017).

831. Государственный аппарат принуждения [Электронный ресурс] // Электронное хранилище учебных материалов. − Электрон. дан. − URL: http://edu.tltsu.ru/er/book_view.php?book_id=1fe6&page_id=25951 (дата обращения: 01.01.2018).

832. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476 (дата обращения: 02.08.2019).

833. Докажите, ваша честь // Российская газета. − 2015. − 13 янв.

834. Доклад Совета Европы «Prisons in Europe 2005-2015» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Европы. − Электрон. дан. − URL: http://wp.unil.ch/space/space-i/prisons-in-europe-2005-2015/ (дата обращения: 27.01.2019)

835. Заявление руководителей Ассоциации защиты бизнеса и объявление о создании единого залогового фонда [Электронный ресурс] // Первое антикоррупционное СМИ. − Электрон. дан. − URL: https://pasmi.ru/archive/230930 (дата обращения: 01.04.2019).

836. Интервью А. Буксмана Российской газете // Российская газета. − 2010. − 28 янв.

837. Калиновский, К. Б. Дискуссионные вопросы содержания уголовно-процессуальных норм о применении меры пресечения для исполнения приговора [Электронный ресурс] / К. Б. Калиновский // Международная ассоциация содействия правосудию. − Электрон. дан. − URL: https://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php? name=Pages&go=page&pid=95 (дата обращения: 01.10.2018).

838. Кашкарова, И. Н. Практика обжалования решений Совета адвокатской палаты субъекта РФ о применении к адвокату мер дисциплинарного взыскания [Электронный ресурс] / И. Н. Кашкарова // Мониторинг правоприменения СПбГУ. − Электрон. дан. − URL: http://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zawita

-chesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii/item/438-praktika-obzhalovaniya-reshenij-soveta-advokatskoj-palaty-sub-ekta-rf-o-primenenii-k-advokatu-mer-distsiplinarnogo-vzyskaniya (дата обращения: 30.03.2019).

839. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М. : Республика, 1992. − 111 с.

840. Лазарева, В. А. Под стражу без оснований? / В. А. Лазарева // Юридическая газета. − 2011. − № 16.

841. Макарин, А. В. Теория и история политических институтов [Электронный ресурс] / А. В. Макарин, А. И. Стребков // Электронная библиотека Textbooks.studio. − СПб., 2008. − Электрон. дан. − URL: https://textbooks.studio/teoriya-politiki-uchebnik/teoriya-istoriya-politicheskih.html (дата обращения: 01.01.2018).

842. Маркин: в России 0,4 % оправдательных приговоров [Электронный ресурс] // Би- би- си. 2015. − Электрон. дан. − URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2015/01/150120_markin_acquittal_rate_court_russia (дата обращения: 01.10.2017).

843. Материалы совещания в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, посвященного подготовке к внесению в Государственную Думу проекта федерального закона о расширении случаев применения домашнего ареста. – М., 2018.

844. Мизулина, Е. Б. Выступления на парламентских слушаниях на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Шмыгалева Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия» [Электронный ресурс] / Е. Б. Мизулина // Стенограмма парламентских Шмыгалева слушаний на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия». 20 декабря 2016 г. − Электрон. дан. − URL: http://council.gov.ru/media/files/IHEoJTBnnXWxACFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf (дата обращения: 01.10.2017).

845. Морщакова, Т. Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации [Электронный ресурс] / Т. Г. Морщакова // Международная ассоциация содействия правосудию − Электрон. дан. − URL: http://www.iuaj.net/node/1718#comment-1092 (дата обращения: 01.01.2017).

846. Никонов, М. А. Меры пресечения: 5 главных проблем и их решение [Электронный ресурс] / М. А. Никонов // Legal.report. − 2016. − 29 марта. − Электрон. дан. − URL: https://legal.report/author/mery-presecheniya-5-glavnyh-problem-i-ih-reshenie (дата обращения: 01.01.2018).

847. О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса: рекомендация № R (85) 11 Комитета министров Совета Европы : принята 28 июня 1985 г. // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. − М., 1998. − С. 114−116.

848. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : проект Постановления Пленума Верховного Суда РФ // Архив Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации за 2016 г.

849. Обвиняемым смягчили ознакомление [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. − 2017. − 25 авг. − Электрон. дан. − URL: https://www.kommersant.ru /doc/3392263 (дата обращения: 30.08.2017).

850. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. − 2017. − № 9.

851. Обзор судебной практики рассмотрения судами Республики Мордовия ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продления срока содержания под стражей, за период с 1 июля 2002 г. по 1 сентября 2002 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного

Суда Республики Мордовия. − Электрон. дан. − URL: http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=sud (дата обращения: 01.01.2010).

852. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2017 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Москва, 2018. С. 10. − Электрон. дан. − URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYu_2017.pdf (дата обращения: 27.09.2019).

853. Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права обвиняемого на разумные Шмыгалева сроки нахождения под стражей в ожидании суда (за период с 1 января 2008 г. по 30 октября 2017 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: https://www.vsrf.ru/documents/international_practice/26331/ (дата обращения: 21.02.2019).

854. Обобщение судебной практики об избрании судами Владимирской области меры пресечения в виде заключения под стражу, продления срока содержания под стражей в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [Электронный ресурс] // Официальный сайт Владимирского областного суда. − Электрон. дан. − URL: http://oblsud.wld.sudrf.ru/modules.php?name=bsr (дата обращения: 01.01.2010).

855. Обобщение судебной практики по соблюдению следственными органами сроков представления в суд материалов с постановлениями о возбуждении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении сроков содержания под стражей [Электронный ресурс] // Официальный сайт Калининградского областного суда. − Электрон. дан. − URL: http://www.kaliningradcourt.ru/kos/practic/criminal/common/index.php (дата обращения: 01.01.2010).

856. Обобщение судебной практики рассмотрения ходатайств органов следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ), продлении срока содержания под стражей (ст. 109 УПК РФ). − Уфа, 2012.

857. Обобщение судебной практики рассмотрения ходатайств органов следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ), продлении срока содержания под стражей (ст. 109 УПК РФ) с 1 января по 30 июня 2010 г. / Верховный Суд Республики Башкортостан. − Уфа, 2010.

858. Орлов, П. Президиум Ассоциации юристов России провел масштабное обсуждение реформы МВД / П. Орлов // Российская газета. − 2010. − 28 янв.

859. Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации − Электрон. дан. − URL: http://www.genproc.gov.ru/stat/data/ (дата обращения: 27.09.2019).

860. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 6 месяцев 2019 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-1-2019.xls (дата обращения: 29.12.2019).

861. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 28.09.2019).

862. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/F1-svod_1-2017.xls (дата обращения: 28.09.2019).

863. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/F1-svod-2016.xls (дата обращения: 28.09.2019).

864. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/F1-ug_pr-vo_1_inst-2015.xls (дата обращения: 28.09.2019).

865. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2014 г. [Электронный ресурс] // Шмыгалева Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2014/f__N__1_2014.xls (дата обращения 28.09.2019).

866. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2013/f_1-ugolovnoe_pr-vo_po_1_instantsii_za_2013.xls (дата обращения: 28.09.2019).

867. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2012 г. Раздел 4. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.− Электрон. дан. − URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/forma_1_-_2012_god.xls (дата обращения: 28.09.2019).

868. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2011 г. Раздел 4. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской

Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/F_stat_2011.zip (дата обращения: 28.09.2019).

869. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2010 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://cdep.ru/userimages/F-2010.zip (дата обращения: 28.09.2019).

870. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2015 и 2016 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 24.10.2017).

871. Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 20 февраля 2019 г. // Российская газета. − 2019. − 21 февр.

872. Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 3 декабря 2015 г. // Парламентская газета. − 2015. − 4−10 дек.

873. Послание Президента Российской Федерации Д. А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. // Российская газета. − 2009. −13 нояб.

874. Постановления суда о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей : методические рекомендации: утверждены Постановлением Президиума Свердловского областного суда от 06 августа 2014 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.08.2017).

875. Приложение № 14 к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» [Электронный ресурс] // Столыпинский клуб. − Электрон. дан. − URL: http://stolypinsky.club/wp-

content/uploads/2017/03/14.-UGOLOVKA-28.02.17-1.pdf (дата обращения: 01.01.2018).

876. Путин, В. В. Вступительное слово на Заседании рабочей группы по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Официальный сайт Президента России. − Электрон. дан. − URL: http://kremlin.ru/events/president/news/51556 (дата обращения: 01.01.2017).

877. Путин, В. В. Вступительное слово на расширенном заседании коллегии МВД 15 марта 2016 г. [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Официальный сайт Президента России. − Электрон. дан. − URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515 (дата обращения: 01.01.2017).

878. Резонансно! Дело замглавы свердловского УФССП Сидоровой связано с банкротством экс-депутата Госдумы Язева [Электронный ресурс] // Ведомости Урал. 31.05.2019. − Электрон. дан. − URL: http://vedomosti-ural.ru/news/73827/?ya_rss=1 (дата обращения: 01.06.2019).

879. Сведения об адвокатуре в Российской Федерации (Сводный отчет) 12 месяцев 2017 года [Электронный ресурс] // Официальный Министерства юстиции РФ. − Электрон. дан. − URL: https://minjust.ru/ru/2017/svedeniya-ob-advokature-v-rossiyskoy-federacii (дата обращения: 29.12.2019).

880. Сводный отчет по Минюсту России по адвокатуре в Российской Федерации (за 2018 г.) [Электронный ресурс] // Официальный Министерства юстиции РФ. − Электрон. дан. − URL: https://minjust.ru/ru/2018/svedeniya-ob-advokature-v-rossiyskoy-federacii (дата обращения: 29.12.2019).

881. Сводный отчет по Минюсту России по адвокатуре в Российской Федерации (за 6 месяцев 2019 г.) [Электронный ресурс] // Официальный Министерства юстиции РФ. − Электрон. дан. − URL: https://minjust.ru/sites/default/files/fpsr_svedeniya_ob_advokature_v_rossiyskoy_federacii_svodnyy_otchet_141_1906.xls (дата обращения: 29.12.2019).

882. Смирнов, А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] / А. В. Смирнов //

Международная ассоциация содействия правосудию. − 2015. − Электрон. дан. − URL: http://www.iuaj.net/node/1723 (дата обращения: 01.01.2017).

883. Смирнов, А. В. Вокруг института следственных судей: манипуляции с «американизацией» и «объективной истиной» [Электронный ресурс] / А. В. Смирнов // РАПСИ. 2015. − Электрон. дан. − URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150323/273371872.html (дата обращения: 01.01.2017).

884. Смирнов, А. В. Тезисы о программе судебной реформы [Электронный ресурс] / А. В. Смирнов // Международная ассоциация содействия правосудию. − Электрон. дан. − URL: http://www.iuaj.net/node/2023 (дата обращения: 01.01.2019).

885. Смирнов, А. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета [Электронный ресурс] / А. Смирнов // РАПСИ. 2014. − Электрон. дан. − URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html (дата обращения: 01.01.2017).

886. Совещание по вопросам реализации крупных инвестиционных проектов в Дальневосточном федеральном округе [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. − Электрон. дан. − URL: http://kremlin.ru/events/president/news/55286 (дата обращения: 01.09.2017).

887. Справка по результатам обобщения практики применения в качестве меры пресечения заключения под стражу (статья 108 УПК РФ) районными (городскими) судами Сахалинской области в 2008 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Сахалинского областного суда. − Электрон. дан. − URL: http://oblsud.sah.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud (дата обращения: 01.01.2010).

888. Справка по результатам обобщения практики рассмотрения судами Калининградской области в 2008 году ходатайств о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу (статья 108 УПК РФ) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Калининградского областного суда. − Электрон. дан. − URL: http://www.kaliningradcourt.ru/kos/practic/criminal/common/index.php (дата обращения: 01.01.2010).

889. Справка по результатам обобщения судебной практики применения судами Саратовской области в отношении обвиняемых (подозреваемых) мер пресечения в виде заключения под стражу и залога [Электронный ресурс] // Официальный сайт Саратовского областного суда. − Электрон. дан. − URL: http://oblsud.sar.sudrf.ru/ modules.php?name=docum_sud&rid=9 (дата обращения: 01.01.2010).

890. Справка по результатам практики рассмотрения в 2013–2014 гг. апелляционных жалоб на избрание и продление мер пресечения в виде заключения под стражу домашнего ареста и залога. Пензенский областной суд [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. − Электрон. дан. − М., 2017. − URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 27.06.2017).

891. Среднесрочная программа социально-экономического развития страны до 2025 года «Стратегия Роста» [Электронный ресурс] // Столыпинский клуб. − Электрон. дан. − URL: http://stolypinsky.club/strategiya-rosta-3/ (дата обращения: 01.01.2018).

892. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве : принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings/ (дата обращения: 01.01.2018).

893. Статистическая информация [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФСИН России. − Электрон. дан. − URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao /statistika/ (дата обращения: 01.08.2019).

894. Стенограмма парламентских слушаний на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия». 20 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. − Электрон. дан. − URL: http://council.gov.ru/media/files /IHEoJTBnnXWxACFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf (дата обращения: 01.10.2017)

895. Судебная реформа. Приложение № 13 к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» [Электронный ресурс] // Столыпинский клуб. 2017. − Электрон. дан. − URL: http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/13.-SUDY-28.02.17.pdf (дата обращения: 01.01.2018).

896. Обзор постановлений и решений Европейского Суда по правам человека по российским жалобам за апрель 2008 г. [Электронный ресурс] // Европейская конвенция о защите прав человека: право и практика. − Электрон. дан. − URL: http://www.echr.ru/documents/doc/2466517/2466517.htm (дата обращения: 01.01.2016).

897. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) [Электронный ресурс] / Г. А. Есаков [и др.]. Москва, 2017. − Электрон. дан. − URL: https://www.csr.ru/uploads/2017/04/Report-CP.pdf (дата обращения: 01.01.2018).

898. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : проект, подготовленный Министерством юстиции Российской Федерации // Российская юстиция − 1994. − № 11.

899. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : проект, подготовленный Главным правовым управлением при Президенте Российской Федерации // Российская юстиция. − 1994. − № 9.

900. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : проект, подготовленный Научно-исследовательским институтом укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации. – М., 1994.

Приложение № 1

Результаты анкетирования судей

Анкетирование проведено в период с января 2017 г. по январь 2019 г. Количество респондентов составило 63 человека.

Вопросы	**Варианты ответов**	**Итоги (в %)**
1. Есть ли связь института мер пресечения с общей правовой организацией производства по уголовным делам?	да, прямая связь	38
	косвенная (непрямая) связь	50
	связи нет	8
	иное (поясните)	1
	затрудняюсь ответить	3
2. Какова, на Ваш взгляд, типовая организация современного российского уголовного процесса?	состязательная	14
	смешанного типа (сочетание элементов состязательности и следственности)	65
	следственная	18
	досудебное производство является следственным	60
	иное (поясните)	9
	затрудняюсь ответить	2
3. Есть ли состязательность и равноправие сторон в судебном контроле за применением мер пресечения в уголовном процессе в ходе предварительного расследования?	в полной мере судебный контроль состязателен, и в нем есть равноправие сторон	70
	есть только формально, в реальности они отсутствуют	10
	иное (поясните)	14
	затрудняюсь ответить	6
4. Являются ли судьи независимыми в российском уголовном процессе и свободными в принятии своих решений – о мерах пресечения в том числе?	да	72
	нет	6
	частично	16
	иное (поясните)	4
	затрудняюсь ответить	2
5. Судья в судебном заседании при рассмотрении ходатайства органа предварительного расследования об избрании меры пресечения должен быть активен?	судья активен и не связан позицией сторон	84
	активен в том, что касается проверки утверждений и доказательств сторон	20
	судья должен придерживаться пассивной линии в доказывании	6
	иное	12
	затрудняюсь ответить	4
6. Деятельность судьи при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения	установить объективную истину	44
	вынести такое постановление по мере пресечения, которое не будет отменено	80

(продления срока) направлена на то, чтобы:	вышестоящей инстанцией	
	предоставить каждой стороне реальную возможность для отстаивания правомерными способами своих признаваемых законом интересов	66
	обеспечить ведение расследования по делу и раскрытие преступления	34
	не допустить совершение обвиняемым новых преступлений;	10
	создать условия для исполнения приговора и исполнения наказания	22
	убедиться в обоснованности требования о применении меры пресечения согласно статьям 97, 99 УПК	82
	проверить обоснованность подозрения	80
	сформировать внутреннее убеждение, позволяющее принять решение по мере пресечения	86
	иное	6
	затрудняюсь ответить	4
7. Считаете ли Вы, что современный судебный контроль за применением мер пресечения является эффективным?	да, вполне	68
	нет	10
	в определенной мере	10
	другое (поясните)	8
	затрудняюсь ответить	4
8. В случае критичного ответа на вышеприведенный вопрос, отметьте из числа предлагаемых вариантов тот (или те), где указывается причина (причины), снижающие эффективность судебного контроля за мерами пресечения или вообще обесценивающими его:	следственный тип процесса, в котором доминирует следственная власть	16
	отсутствие состязательности в досудебном производстве и в процессе вообще	18
	следственная технология формирования уголовно-процессуальных доказательств	28
	зависимость судей от исполнительной власти	4
	низкий уровень правовой культуры правоприменителей	36
	специфика устройства (авторитарная) российской государственной власти	8
	недемократический политико-правовой режим	2
	плохая историческая правовая традиция	22
	уровень социально-экономического развития (бедность населения)	28
	пассивность адвокатов, низкий уровень защиты	20
	традиционная – патерналистская модель отношений власти и населения	10
	иное (укажите)	12
	затрудняюсь ответить	6

9. Надо ли повышать роль прокурора в процедурах применения мер пресечения?	да	64
	нет	18
	иное	12
	затрудняюсь ответить	6
10. Если да, то, какие меры Вы считаете необходимым предпринять?	получение согласия прокурора на постановление следователя о возбуждении ходатайства перед судом об избрании меры пресечения (продлении срока)	42
	выдача прокурором заключения на ходатайство и предоставление его в суд	46
	введение прокурорского санкционирования вместо судебного разрешения	0
	введение порядка дачи прокурором санкций на применение тех мер пресечения, которые не требуют судебного разрешения	6
	иное (укажите)	6
11. Целесообразно ли возвратиться к ранее существовавшей – прокурорской модели санкционирования мер пресечения и отказаться от существующего – превентивного судебного контроля за правомерностью мер пресечения?	нет, не надо	92
	да, санкция прокурора лучше	0
	иное (укажите)	2
	затрудняюсь ответить	6
12. Будет ли полезным для отечественной уголовно-процессуальной системы введение следственных судей в качестве субъектов судебного контроля за применением мер пресечения?	да	67
	нет	17
	иное (укажите)	6
	затрудняюсь ответить	10
13. Если да, то выберите модель следственного судьи, которая наиболее импонирует Вам:	следственные судьи должны быть образованы на уровне субъектов федерации, и их юрисдикция должна распространяться только на уголовные дела о преступлениях в сфере экономической деятельности	14
	следственные судьи должны быть созданы на уровне административно-территориального деления (городов, районов)	82
	следственный судья должен быть аналогом судебного следователя и выполнять функцию следствия наряду с функцией судебного контроля	4
	иное (укажите)	2
	затрудняюсь ответить	4
14. Какова причина того, что на практике подписка о невыезде и заключение под стражу обычно выступают альтернативой друг другу при решении вопроса о применении	привычка	16
	малая эффективность других мер пресечения	51
	специфика контингента, представители которого становятся обвиняемыми по	11

меры пресечения, а остальные меры пресечения применяются ввиду невозможности применения первых двух?	уголовным делам	
	иное (укажите)	11
	затрудняюсь ответить	11
15. Надо ли менять в УПК имеющуюся систему мер пресечения?	да	20
	нет	60
	иное (укажите)	8
	затрудняюсь ответить	12
15.1. Если да, то, что надо сделать?	отказаться от подписки о невыезде как меры пресечения	14
	отказаться от поручительства во всех его проявлениях (статьи 103-105 УПК РФ) как меры пресечения	28
	отказаться от запрета применять одновременно две меры пресечения или комбинировать их элементы (домашний арест и залог, например)	12
	отказаться от правового стандарта, согласно которому по уголовному делу обязательно в отношении подозреваемого (обвиняемого) применяется одна из мер пресечения	18
	сделать обязательством о явке обвиняемого альтернативой мере пресечения	20
	ввести новую или новые меры пресечения (укажите - какую (какие))	12
	иное (укажите)	8
	затрудняюсь ответить	0
16. Присуще ли институту мер пресечения свойство исключительности?	да	78
	нет	6
	иное	14
	затрудняюсь ответить	2
16.1. Если да, то в чем состоит эта исключительность (выберите один или несколько предлагаемых вариантов ответов):	принуждение применяется к лицу, которое еще не признано виновным в совершении преступления	84
	происходит фактическая реализация уголовной ответственности	6
	исключительность ситуации, когда они подлежат применению, а именно: наличие реальной угроза нормальному ходу процесса по уголовному делу	46
	иное (укажите)	4
17. Каково назначение (цели) мер пресечения?	обеспечить надлежащее поведение обвиняемого в процессе и исключить с его стороны противодействие	62
	гарантировать участие обвиняемого в судебном разбирательстве и вынесение правосудного приговора	80
	цели мер пресечения определены исключительно статьей 97 УПК	90
	меры пресечения обсуживают достижение целей процесса	78

	на практике меры пресечения (угроза их применения) используются и с целью оказания давления на обвиняемого – получения показаний, изменения им позиции	6
	применение меры пресечения (заключение под стражу) с целью обеспечения безопасности обвиняемого	6
	иное (укажите)	0
18. Зависит ли выбор меры пресечения от предполагаемой меры уголовной ответственности за преступление, в котором обвиняется лицо?	да	62
	нет	28
	иное	8
	затрудняюсь ответить	2
19. Учитывается ли тяжесть преступления при выборе правоприменителем меры пресечения	это главное обстоятельство, определяющее выбор меры пресечения	5
	это одно из прочих учитываемых обстоятельств	90
	не учитывается	0
	другое (укажите)	5
	затрудняюсь ответить	0
20. Связаны ли меры пресечения с наказанием, уголовной ответственностью?	нет, не связаны никак	13
	меры пресечения обеспечивают реализацию мер уголовной ответственности и (или) исполнение наказания	56
	меры пресечения можно считать особыми средствами уголовно-правового воздействия	11
	какая-то связь мер пресечения и уголовной ответственностью есть	9
	меры пресечения являются элементом реализации уголовной ответственности в рамках возникшего уголовно-правового отношения между государством и лицом, совершившим преступление	0
	предложите свой вариант ответа	9
	затрудняюсь ответить	2
21. Обуславливает ли применение меры пресечения факт совершения преступления обвиняемым (подозреваемым)?	да	90
	нет	0
	иное (укажите)	5
	затрудняюсь ответить	5
22. Какой должна быть степень доказанности факта совершения инкриминируемого подозреваемому (обвиняемому) преступления на момент избрания меры пресечения (в виде заключения под стражу):	отсутствие разумных сомнений в виновности подозреваемого в совершении инкриминируемого ему преступление	15
	несомненная доказанность подозрения	80
	достаточно степень вероятности доказанности подозрения	20
	доказанность обвинения	0
	иное (укажите)	8
	затрудняюсь ответить	0

23.Есть разница в уровне доказанности оснований меры пресечения в ходе досудебного производства и в суде?	да	66
	нет	20
	иное (укажите)	12
	затрудняюсь ответить	2
24. Какое значение для формирования внутреннего убеждения имеет для Вас ознакомление с материалами прилагаемые к ходатайству об избрании (продлении срока) меры пресечения) перед судебным заседанием?	изучение материалов уголовного дела, прилагаемых к постановлению, не оказывает никакого влияния на формирование внутреннего убеждения	10
	некоторым образом формируется предварительное мнение об обстоятельствах дела, обоснованности подозрения и основаниях меры пресечения	68
	внутреннее убеждение о необходимости применения меры пресечения складывается именно при изучении материалов уголовного дела	12
	иное (поясните)	6
	затрудняюсь ответить	4
25. Основным источником информации об обстоятельствах дела для Вас являются:	письменные материалы уголовного дела	48
	доказательства, представленные и исследованные в ходе судебного заседания в устной форме	71
	и то, и другое	92
	иное (поясните)	4
	затрудняюсь ответить	3
26. Надо ли закрепить в Кодексе стандарт доказанности факта совершения преступления подозреваемым (обвиняемым) при избрании меры пресечения в ходе досудебного производства?	такой правовой стандарт уже существует по УПК РФ	10
	надо в УПК РФ нормативно закрепить такой стандарт и дать его определение	65
	его невозможно сформулировать	6
	судья сам вправе определить необходимую степень доказанности подозрения	12
	иной вариант (поясните, если можете)	4
	затрудняюсь ответить	3
27. Почему судьи удовлетворяют большинство ходатайств органов предварительного расследования об избрании (продлении срока) меры пресечения?	это не так	26
	потому что для этого действительно есть основания	83
	есть обвинительный уклон у судей	13
	сторона защиты пассивна	18
	существующий процессуальный порядок обуславливает зависимое положение суда от стороны обвинения	7
	такая сложилась традиция	4
	затрудняюсь ответить	2

28. Имеют ли место судебное следствие и доказывание в процедуре судебного контроля при избрании меры пресечения?	да, в ходе судебного заседания при рассмотрении судом ходатайства о применении меры пресечения проводится судебное доказывание по правилам главы 37 УПК	62
	это бывает крайне редко	20
	судебного следствия в его виде не бывает	17
	иное (укажите)	1
	затрудняюсь ответить	0
29. Проводятся ли следственные действия в рамках процедуры судебного контроля?	да	72
	нет	21
	иное	6
	затрудняюсь ответить	1
29.1. Какие следственные действия проводятся рассмотрении судом вопроса о применении меры пресечения, то укажите, какие это были следственные действия?	допросы а) обвиняемого, подозреваемого б) свидетелей в) потерпевшего г) других лиц	81 94 27 12 8
	оглашение протоколов, других документов, полученных органом предварительного расследования	86
	оглашение стороной защиты материалов, полученных адвокатом самостоятельно	9
	проведение экспертизы	0
	предъявление вещественных доказательств	6
	другое	7
	затрудняюсь ответить	2
30. Что Вы понимаете под основаниями применения мер пресечения?	обстоятельства, указанные в статьях 97, 99 УПК РФ	76
	доказательства, подтверждающие эти обстоятельства	24
	и то, и другое	72
	иное	2
	затрудняюсь ответить	0
31. Могут ли быть в качестве оснований применения меры пресечения использоваться результаты ОРД?	да, но только после процессуальной проверки в ходе предварительного расследования	80
	да, путем проверки в судебном заседании	85
	да, они доводятся иногда до сведения судьи во внепроцессуальном порядке	5
	иное	5
	затрудняюсь ответить	0

32. Были в вашей практике случаи внепроцессуального согласования позиции с прокуратурой или органом предварительного расследования по поводу подлежащей избранию меры пресечения?	нет	79
	да	11
	иное (укажите)	6
	затрудняюсь ответить	4
33. Укажите причину или причины, по которым суды отказывают (могут отказать) в удовлетворении ходатайств органов предварительного расследования об избрании (продлении срока) меры пресечения?	отсутствие или недостаточность материалов, подтверждающих обоснованность подозрения	80
	отсутствие или недостаточность материалов, подтверждающих обоснованность применения меры пресечения	90
	ошибки в оформлении процессуальных документов: а) постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения (продления срока), б) процессуальных документов, призванных подтвердить обоснованность ходатайства	12 14 17
	доказательства стороны защиты, опровергающие ходатайство	12
	позиция потерпевшего	10
	противоречия между следователем и прокурором	10
	иное (укажите)	12
	затрудняюсь ответить	0
34. Насколько значим фактор состояния здоровья обвиняемого при избрании меры пресечения?	да, значим, и всегда проверяется	69
	проверяется тогда, когда есть для этого основания	27
	по заявлению стороны защиты	23
	другой вариант	4
	затрудняюсь ответить	0
35. Как вы оцениваете активность сторон в судебном заседании при рассмотрении вопроса о применении меры пресечения?	высокую	58
	низкую	19
	достаточную	23
	иное	0
	затрудняюсь ответить	0
36. Считаете ли Вы деятельность прокуроров в судебном заседании эффективной?	да	50
	отчасти да	29
	нет	20
	иное	1
	затрудняюсь ответить	0
37. Считаете ли Вы эффективной деятельность следователей (других представителей органа предварительного расследования) эффективной в судебном заседании?	да	20
	отчасти да	31
	нет	25
	иное	18
	затрудняюсь ответить	6

38. Как вы оцениваете эффективность действий защитников в судебной процедуре?	они делают все что могут, чтобы отстоять интересы	28
	более вредят, чем помогают подзащитному	12
	бесполезно	4
	достаточно эффективно	62
	иное	6
	затрудняюсь ответить	8
39. Считаете ли Вы правильным наделение следователя (другого должностного лица органа предварительного расследования) правом на обжалование в вышестоящий суд постановления судьи по ходатайству об избрании меры пресечения?	да	7
	нет	85
	затрудняюсь ответить	8
40. Бывают ли разногласия в суде между прокурором и представителем органа предварительного расследования при рассмотрении ходатайства о мере пресечения?	нет	80
	бывают редко	11
	достаточно часто позиции следователя и прокурора расходятся	5
	иное	4
	затрудняюсь ответить	0
41. Злоупотребляют ли защитники (обвиняемые) правами при разрешении в суде вопроса о применении меры пресечения?	да, часто	34
	редко	19
	нет	37
	иное	6
	затрудняюсь ответить	4
42. Ваше отношение к норме, предоставляющей обвиняемому, в отношении которого применен арест, право на получение помощи нотариуса и все вытекающие из этого действия (допуск нотариуса в СИЗО, общение с обвиняемым, работа с документами, совершение сделок и пр.)?	положительное	27
	отрицательное	71
	затрудняюсь ответить	2
42.1. Если да, то выскажите свое мнение о том, кто должен разрешать этот вопрос:	должен ли этот вопрос решать суд при принятии решения о мере пресечения (заключение под стражу, домашний арест и пр.)	14
	этот вопрос должен самостоятельно решаться органом, в чьем производстве находится дело	68
	иное	12
	затрудняюсь ответить	6
43.Ваше отношение к созданию особого порядка применения мер пресечения при ведении уголовных дел в отношении лиц, обвиняемых в	положительное	64
	отрицательное	23
	запрет на взятие под стражу (ч. 1.1 статьи 108 УПК) субъектов предпринимательской	48

совершении предпринимательских преступлений против собственности?	деятельности обоснован и справедлив	
	иное	11
	затрудняюсь ответить	4
44. Является ли текущая уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения оптимальной?	да	78
	нет	9
	иное	11
	затрудняюсь ответить	2
44.1.Если нет, то поясните, что надо в ней изменить	исключить изъятия из общего порядка применения мер пресечения и уравнять всех перед законом и судом	40
	больше применять меры пресечения, не связанные с лишением свободы	70
	надо менять всю процессуальную систему вместе с институтом мер пресечения	7
	иное	4
	затрудняюсь ответить	2
45. Является ли существующий тип уголовного процесса оптимальным для современного этапа социально-экономического, государственно-правового и духовно-культурного развития страны?	да	75
	нет	9
	иное	4
	затрудняюсь ответить	12
46. Каким должен быть отечественный процесс?	выражать национальную правовую специфику	67
	отвечать духовным ценностям российского народа	16
	соответствовать универсальным правовым стандартам (в частности – европейскому стандарту «справедливого судебного разбирательства»)	38
	иное	6
	затрудняюсь ответить	4

Приложение № 2

Результаты анкетирования сотрудников органов прокуратуры

Анкетирование проведено в период с января 2017 г. по январь 2019 г. Количество респондентов составило 78 человек.

Вопросы	**Варианты ответов**	**Итоги (в %)**
1. Есть ли связь института мер пресечения с общей правовой организацией производства по уголовным делам?	да, прямая связь	53
	есть непрямая связь	31
	связи нет	5
	иное (поясните)	6
	затрудняюсь ответить	5
2. Какова, на Ваш взгляд, типовая организация современного российского уголовного процесса?	состязательная	14
	смешанного типа (сочетание элементов состязательности и следственности)	52
	следственная	24
	досудебное производство является следственным	67
	иное (поясните)	8
	затрудняюсь ответить	10
3. Есть ли состязательность и равноправие сторон в судебном контроле за применением мер пресечения в уголовном процессе в ходе предварительного расследования?	в полной мере судебный контроль состязателен, и в нем есть равноправие сторон	44
	есть только формально, в реальности они отсутствуют	18
	иное (поясните)	16
	затрудняюсь ответить	22
4. Являются ли судьи независимыми в российском уголовном процессе и свободными в принятии своих решений – о мерах пресечения в том числе?	да	35
	нет	12
	частично	47
	иное (поясните)	5
	затрудняюсь ответить	1
5. В чем Вы видите свою цель в судебной процедуре решения вопроса об избрании меры пресечения?	установление оснований для меры пресечения	63
	обеспечение производства по делу	78
	противодействие преступности	36
	раскрытие преступления, изобличение обвиняемого, в виновности которого вы уверены	47
	соблюдение законности	28
	обеспечение принятия судом правомерного постановления	33

	выполнение функции обвинения	38
	обеспечение прав обвиняемого	41
	защита потерпевшего	6
	другое (поясните)	3
	затрудняюсь ответить	0
6. Суд при осуществлении судебного контроля активен?	да	70
	нет	8
	иное	2
	затрудняюсь ответить	20
7. На что направлена активность суда?	в пользу стороны обвинения	36
	в пользу стороны защиты	42
	для установления истины и справедливости	38
	принятие правомерного решения	94
	у судьи свой интерес	11
	иное	3
	затрудняюсь ответить	2
8. Считаете ли Вы, что современный судебный контроль за применением мер пресечения является эффективным?	да, вполне	62
	нет	6
	в определенной мере	22
	другое (поясните)	8
	затрудняюсь ответить	2
9. В случае критичного ответа на вышеприведенный вопрос, отметьте из числа предлагаемых вариантов тот (или те), где указывается причина (причины), снижающие эффективность судебного контроля за мерами пресечения или вообще обесценивающими его:	следственный тип процесса, в котором доминирует следственная власть	36
	отсутствие состязательности в досудебном производстве и в процессе вообще	16
	следственная технология формирования уголовно-процессуальных доказательств	8
	зависимость судей от исполнительной власти	21
	низкий уровень правовой культуры правоприменителей	18
	специфика устройства (авторитарная) российской государственной власти	2
	недемократический политико-правовой режим	4
	плохая историческая правовая традиция	17
	уровень социально-экономического развития (бедность населения)	26
	пассивность адвокатов, низкий уровень защиты	21
	традиционная – патерналистская модель отношений власти и населения	8
	иное (укажите)	3
	затрудняюсь ответить	4
10. Считаете ли Вы свою деятельность при осуществлении судебного контроля при избрании меры пресечения в судебном заседании эффективной?	да	67
	нет	12
	иное	11
	затрудняюсь ответить	10

11. Какие факторы затрудняют деятельность прокурора при разрешении судом ходатайств органов предварительного расследования об избрании мер пресечения?	несовершенство уголовно-процессуального закона	39
	противодействие защиты	15
	позиция потерпевшего	4
	большая нагрузка, мешающие подготовиться к участию в суде	42
	низкое качество предварительного расследования	35
	позиция судей	16
	недостаточная профподготовка прокурора	7
	плохое знание дела	15
	иное	13
	затрудняюсь ответить	6
12. Надо ли повышать роль прокурора в процедурах применения мер пресечения?	да	8
	нет	82
	иное	3
	затрудняюсь ответить	7
13. Если да, то, какие меры Вы считаете необходимым предпринять?	получение согласия прокурора на постановление следователя о возбуждении ходатайства перед судом об избрании меры пресечения (продлении срока)	57
	выдача прокурором заключения на ходатайство и предоставление его в суд	39
	введение прокурорского санкционирования вместо судебного разрешения	7
	введение порядка дачи прокурором санкций на применение тех мер пресечения, которые не требуют судебного разрешения	9
	иное (укажите)	3
	затрудняюсь ответить	2
14. Целесообразно ли возвратиться к ранее существовавшей – прокурорской модели санкционирования мер пресечения и отказаться от существующего – превентивного судебного контроля за правомерностью мер пресечения?	нет, не надо	91
	да, санкция прокурора лучше	8
	иное (укажите)	0
	затрудняюсь ответить	1
15. Будет ли полезным для отечественной уголовно-процессуальной системы введение следственных судей в качестве субъектов судебного контроля за применением мер пресечения?	да	38
	нет	24
	иное (укажите)	8
	затрудняюсь ответить	30
16. Если да, то выберите модель следственного судьи, которая наиболее импонирует Вам:	следственные судьи должны быть образованы на уровне субъектов федерации, и их юрисдикция должна распространяться только на уголовные дела о преступлениях в сфере экономической деятельности	31
	следственные судьи должны быть созданы на уровне административно-	50

	территориального деления (городов, районов)	
	следственный судья должен быть аналогом судебного следователя и выполнять функцию следствия наряду с функцией судебного контроля	3
	иное (укажите)	4
	затрудняюсь ответить	12
17. Какова причина того, что на практике подписка о невыезде и заключение под стражу обычно выступают альтернативой друг другу при решении вопроса о применении меры пресечения, а остальные меры пресечения применяются ввиду невозможности применения первых двух?	привычка	29
	малая эффективность других мер пресечения	32
	специфика контингента, представители которого становятся обвиняемыми по уголовным делам	28
	иное (укажите)	4
	затрудняюсь ответить	7
18. Надо ли менять в УПК имеющуюся систему мер пресечения?	да	13
	нет	81
	иное (укажите)	4
	затрудняюсь ответить	2
19. Если да, то, что надо сделать?	отказаться от подписки о невыезде как меры пресечения	5
	отказать от поручительства во всех его проявлениях (статьи 103-105 УПК РФ) как меры пресечения	6
	отказаться от запрета применять одновременно две меры пресечения или комбинировать их элементы (домашний арест и залог, например)	18
	отказаться от правового стандарта, согласно которому по уголовному делу обязательно в отношении подозреваемого (обвиняемого) применяется одна из мер пресечения	29
	сделать обязательством о явке обвиняемого альтернативой мере пресечения	31
	ввести новую или новые меры пресечения (укажите - какую (какие))	9
	иное (укажите)	7
	затрудняюсь ответить	5
20. Присуще ли институту мер пресечения свойство исключительности?	да	57
	нет	11
	иное	9
	затрудняюсь ответить	23
21. Если да, то в чем состоит эта исключительность (выберите один или несколько предлагаемых вариантов ответов)	принуждение применяется к лицу, которое еще не признано виновным в совершении преступления	80
	происходит фактическая реализация уголовной ответственности	6
	исключительность ситуации, когда они	24

	подлежат применению, а именно: наличие реальной угроза нормальному ходу процесса по уголовному делу	
	иное (укажите)	4
	затрудняюсь ответить	5
22. Каково назначение (цели) мер пресечения?	обеспечить надлежащее поведение обвиняемого в процессе и исключить с его стороны противодействие	67
	гарантировать участие обвиняемого в судебном разбирательстве и вынесение правосудного приговора.	41
	цели мер пресечения определены исключительно статьей 97 УПК	72
	меры пресечения обсуживают достижение целей процесса;	37
	на практике меры пресечения (угроза их применения) используются и с целью оказания давления на обвиняемого – получения показаний, изменения им позиции	4
	применение меры пресечения (заключение под стражу) с целью обеспечения безопасности обвиняемого	0
	иное (укажите)	2
	затрудняюсь ответить	3
23. Зависит ли выбор меры пресечения от предполагаемой меры уголовной ответственности за преступление, в котором обвиняется лицо?	да	54
	нет	8
	иное	35
	затрудняюсь ответить	3
24. Учитывается ли тяжесть преступления при выборе правоприменителем меры пресечения	это главное обстоятельство, определяющее выбор меры пресечения	56
	это одно из прочих учитываемых обстоятельств	27
	не учитывается	0
	другое (укажите)	9
	затрудняюсь ответить	8
25. Связаны ли меры пресечения с наказанием, уголовной ответственностью?	нет, не связаны никак	73
	меры пресечения обеспечивают реализацию мер уголовной ответственности и (или) исполнение наказания	28
	меры пресечения можно считать особыми средствами уголовно-правового воздействия	9
	какая-то связь мер пресечения и уголовной ответственностью есть	13

	меры пресечения являются элементом реализации уголовной ответственности в рамках возникшего уголовно-правового отношения между государством и лицом, совершившим преступление	8
	предложите свой вариант ответа	3
	затрудняюсь ответить	5
26. Обуславливает ли применение меры пресечения факт совершения преступления обвиняемым (подозреваемым)?	да	86
	нет	0
	иное (укажите)	8
	затрудняюсь ответить	6
27. Какой должна быть степень доказанности факта совершения инкриминируемого подозреваемому (обвиняемому) преступления на момент избрания меры пресечения (в виде заключения под стражу):	отсутствие разумных сомнений в виновности подозреваемого в совершении инкриминируемого ему преступление	7
	несомненная доказанность подозрения	11
	достаточно степень вероятности доказанности подозрения	36
	доказанность обвинения	6
	иное (укажите)	7
	затрудняюсь ответить	33
28. Есть разница в уровне доказанности оснований меры пресечения в ходе досудебного производства и в суде?	да	43
	нет	43
	иное (укажите)	10
	затрудняюсь ответить	4
29. Надо ли закрепить в Кодексе стандарт доказанности факта совершения преступления подозреваемым (обвиняемым) при избрании меры пресечения в ходе досудебного производства?	такой правовой стандарт уже существует по УПК РФ	36
	надо в УПК РФ нормативно закрепить такой стандарт и дать его определение	24
	его невозможно сформулировать	7
	судья сам вправе определить необходимую степень доказанности подозрения	13
	иной вариант (укажите)	5
	затрудняюсь ответить	15
30. Имеют ли место судебное следствие и доказывание в процедуре судебного контроля при избрании меры пресечения?	да, в ходе судебного заседания при рассмотрении судом ходатайства о применении меры пресечения проводится судебное доказывание по правилам главы 37 УПК	37
	это бывает крайне редко	41
	судебного следствия в его виде не бывает	9
	иное (укажите)	5
	затрудняюсь ответить	8
31. Проводятся ли следственные действия в рамках процедуры судебного контроля?	да	44
	нет	31
	иное	13

	затрудняюсь ответить	12
31.1. Если Вы были участником следственных действий или присутствовали при их проведении при рассмотрении судом вопроса о применении меры пресечения, то укажите, какие это были следственные действия?	допросы а) обвиняемого, подозреваемого б) свидетелей в) потерпевшего г) других лиц	83 90 10 6 6
	оглашение протоколов, других документов, полученных органом предварительного расследования	97
	представление путем оглашения стороной защиты материалов, полученных адвокатом самостоятельно	12
	проведение экспертизы	1
	предъявление вещественных доказательств	17
	другое	5
	затрудняюсь ответить	8
32. Что Вы понимаете под основаниями применения мер пресечения?	обстоятельства, указанные в статьях 97, 99 УПК РФ	63
	сведения, подтверждающие эти обстоятельства	38
	и то, и другое	21
	иное	0
	затрудняюсь ответить	7
33. Могут ли быть в качестве оснований применения меры пресечения использоваться результаты ОРД?	да, но только после процессуальной проверки в ходе предварительного расследования	83
	да, путем проверки в судебном заседании	7
	да, они доводятся иногда до сведения судьи во внепроцессуальном порядке	3
	иное	6
	затрудняюсь ответить	1
34. Укажите причину или причины, по которым суды отказывают (могут отказать) в удовлетворении ходатайств органов предварительного расследования об избрании (продлении срока) меры пресечения?	отсутствие или недостаточность материалов, подтверждающих обоснованность подозрения	31
	отсутствие или недостаточность материалов, подтверждающих обоснованность применения меры пресечения	80
	ошибки в оформлении процессуальных документов: а) постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения (продления срока), б) процессуальных документов, призванных подтвердить обоснованность ходатайства	12 4 42

	доказательства стороны защиты, опровергающие ходатайство	6
	позиция потерпевшего	3
	противоречия между следователем и прокурором	1
	иное (укажите)	4
	затрудняюсь ответить	3
35. Насколько значим фактор состояния здоровья обвиняемого при избрании меры пресечения?	да, значим, и всегда проверяется	72
	проверяется тогда, когда есть для этого основания	89
	по заявлению стороны защиты	13
	другой вариант	2
	затрудняюсь ответить	0
36. Считаете ли Вы обязательным применять меру пресечения в отношении каждого обвиняемого?	да	83
	нет	10
	иное	4
	затрудняюсь ответить	3
37. Если, да, то поясните свою позицию, указав один или несколько из предложенных вариантов	так принято на практике	68
	мера пресечения, даже психологического характера, оказывает дисциплинирующее воздействие на обвиняемого	83
	избрание меры пресечения создает условие для применения более строгой меры пресечения, в случае неправомерного поведения обвиняемого	41
	такова позиция руководства	3
	иное	7
	затрудняюсь ответить	5
38. Бывают ли разногласия в суде между прокурором и представителем органа предварительного расследования при рассмотрении ходатайства о мере пресечения?	нет	65
	бывают редко	17
	достаточно часто позиции следователя и прокурора расходятся	9
	иное	4
	затрудняюсь ответить	5
39. Считаете ли Вы правильным наделение следователя (другого должностного лица органа предварительного расследования) правом на обжалование в вышестоящий суд постановления судьи по ходатайству об избрании меры пресечения?	да	5
	нет	93
	нет мнения на этот счет	2

40. Как вы оцениваете эффективность действий защитников в судебной процедуре?	они делают все что могут, чтобы отстоять	49
	более вредят, чем помогают подзащитному	21
	бесполезно	16
	достаточно эффективно	4
	иное	9
	не берусь оценить	1
41. Злоупотребляют ли защитники (обвиняемые) правами при разрешении в суде вопроса о применении меры пресечения?	да, часто делают это	72
	редко	13
	нет	14
	иное	1
	затрудняюсь ответить	0
42. Ваше отношение к норме, предоставляющей обвиняемому, в отношении которого применен арест, право на получение помощи нотариуса и все вытекающие из этого действия (допуск нотариуса в СИЗО, общение с обвиняемым, работа с документами, совершение сделок и пр.)?	положительное	7
	отрицательное	84
	не было пока таких случаев	87
	были ходатайства, но отказано в удовлетворении	10
	нотариус был допущен, и сделки совершались	4
	затрудняюсь ответить	7
43. Как вы относитесь к созданию особого порядка применения мер пресечения при ведении уголовных дел в отношении лиц, обвиняемых в совершении предпринимательских преступлений против собственности?	положительно	35
	отрицательно	30
	запрет на взятие под стражу (ч. 1.1 статьи 108 УПК) субъектов предпринимательской деятельности обоснован и справедлив	25
	иное	7
	затрудняюсь ответить	19
44. Является ли текущая уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения оптимальной?	да	67
	нет	12
	иное	12
	затрудняюсь ответить	9
45. Если нет, то поясните, что надо в ней изменить	исключить изъятия из общего порядка применения мер пресечения и уравнять всех перед законом и судом	20
	больше применять меры пресечения, не связанные с лишением свободы	60
	надо менять всю процессуальную систему вместе с институтом мер пресечения	14
	иное	4
	затрудняюсь ответить	2
46. Является ли существующий тип уголовного процесса оптимальным для современного этапа социально-экономического, государственно-	да	78
	нет	17
	иное	5

правового и духовно-культурного развития страны?	затрудняюсь ответить	0
47. Каким должен быть отечественный процесс?	выражать национальную правовую специфику	78
	отвечать духовным ценностям российского народа	51
	соответствовать универсальным правовым стандартам (в частности – европейскому стандарту «справедливого судебного разбирательства»)	32
	иное	3
	затрудняюсь ответить	3
48. Надо ли проводить реформу предварительного расследования?	да	12
	нет	74
	иное	2
	затрудняюсь ответить	12

Приложение № 3

Результаты анкетирования

сотрудников органов предварительного расследования

Анкетирование проведено в период с января 2017 г. по январь 2019 г. Количество респондентов составило 193 человека.

Вопросы	**Варианты ответов**	**Итоги (в %)**
1. Есть ли связь института мер пресечения с общей правовой организацией производства по уголовным делам?	да, прямая связь	30
	есть непрямая связь	51
	связи нет	4
	иное (поясните)	7
	затрудняюсь ответить	8
2. Какова, на Ваш, взгляд типовая организация современного российского уголовного процесса?	состязательная	9
	смешанного типа (сочетание элементов состязательности и следственности)	44
	следственная	36
	досудебное производство является следственным	89
	иное (поясните)	5
	затрудняюсь ответить	3
3. Есть ли состязательность и равноправие сторон в судебном контроле за применением мер пресечения в уголовном процессе в ходе предварительного расследования?	в полной мере судебный контроль состязателен, и в нем есть равноправие сторон	58
	есть только формально, в реальности они отсутствуют	19
	иное (поясните)	13
	затрудняюсь ответить	10
4. Являются ли судьи независимыми в российском уголовном процессе и свободными в принятии своих решений – о мерах пресечения в том числе?	да	33
	нет	19
	частично	31
	иное (поясните)	5
	затрудняюсь ответить	12
5. Суд при осуществлении судебного контроля активен?	да	56
	нет	22
	иное	20
	затрудняюсь ответить	2
6. На что направлена активность суда?	в пользу стороны обвинения	16
	в пользу стороны защиты	6
	для установления истины и справедливости	42
	законности	38
	у судьи свой интерес	10
	иное	17
	затрудняюсь ответить	8
7. Считаете ли Вы, что современный судебный контроль за применением	да	62
	нет	5

мер пресечения является эффективным?	в определенной мере	22
	другое (поясните)	7
	затрудняюсь ответить	4
8. В случае критичного ответа на вышеприведенный вопрос, отметьте из числа предлагаемых вариантов тот (или те), где указывается причина (причины), снижающие эффективность судебного контроля за мерами пресечения или вообще обесценивающими его:	следственный тип процесса, в котором доминирует следственная власть	52
	отсутствие состязательности в досудебном производстве и в процессе вообще	26
	следственная технология формирования уголовно-процессуальных доказательств	13
	зависимость судей от исполнительной власти	18
	низкий уровень правовой культуры правоприменителей	22
	специфика устройства (авторитарная) российской государственной власти	19
	недемократический политико-правовой режим	7
	плохая историческая правовая традиция	9
	уровень социально-экономического развития (бедность населения)	11
	пассивность адвокатов, низкий уровень защиты	15
	традиционная – патерналистская модель отношений власти и населения	6
	иное (укажите)	6
	затрудняюсь ответить	8
9. Надо ли повышать роль прокурора в процедурах применения мер пресечения?	да	8
	нет	82
	иное	3
	затрудняюсь ответить	7
10. Если да, то, какие меры Вы считаете необходимым предпринять? Выберите варианты ответов из числа предлагаемых:	получение согласия прокурора на постановление следователя о возбуждении ходатайства перед судом об избрании меры пресечения (продлении срока)	28
	выдача прокурором заключения на ходатайство и предоставление его в суд	33
	введение прокурорского санкционирования вместо судебного разрешения	21
	введение порядка дачи прокурором санкций на применение тех мер пресечения, которые не требуют судебного разрешения	6
	другое	12
11. Целесообразно ли возвратиться к ранее существовавшей – прокурорской – модели санкционирования мер пресечения и	нет, не надо	81
	да, санкция прокурора лучше	16
	иное (укажите)	1

отказаться от существующего – превентивного – судебного контроля за правомерностью мер пресечения?	затрудняюсь ответить	2
12. Будет ли полезным для отечественной уголовно-процессуальной системы введение следственных судей в качестве субъектов судебного контроля за применением мер пресечения?	да	27
	нет	38
	иное (укажите)	11
	затрудняюсь ответить	24
13. Если да, то выберите модель следственного судьи, которая наиболее импонирует Вам:	следственные судьи должны быть образованы на уровне субъектов федерации, и их юрисдикция должна распространяться только на уголовные дела о преступлениях в сфере экономической деятельности	15
	следственные судьи должны быть созданы на уровне административно-территориального деления (городов, районов)	31
	следственный судья должен быть аналогом судебного следователя и выполнять функцию следствия наряду с функцией судебного контроля	11
	другое (укажите)	9
	затрудняюсь ответить	34
14. Какова причина того, что на практике подписка о невыезде и заключение под стражу обычно выступают альтернативой друг другу при решении вопроса о применении меры пресечения, а остальные меры пресечения применяются ввиду невозможности применения первых двух?	привычка	41
	малая эффективность других мер пресечения	39
	специфика контингента, представители которого становятся обвиняемыми по уголовным делам	17
	иное (укажите)	2
	затрудняюсь ответить	1
15. Надо ли менять в УПК имеющуюся систему мер пресечения?	да	12
	нет	73
	иное (укажите)	5
	затрудняюсь ответить	10
15.1. Если да, то, что надо сделать?	отказаться от подписки о невыезде как меры пресечения	8
	отказаться от поручительства во всех его проявлениях (статьи 103-105 УПК РФ) как меры пресечения	14
	отказаться от запрета применять одновременно две меры пресечения или комбинировать их элементы (домашний арест и залог, например)	31
	отказаться от правового стандарта, согласно которому по уголовному делу обязательно в отношении подозреваемого (обвиняемого)	39

	применяется одна из мер пресечения	
	сделать обязательством о явке обвиняемого альтернативой мере пресечения	23
	ввести новую или новые меры пресечения (укажите - какую (какие))	7
	иное (укажите)	3
	затрудняюсь ответить	0
16. Присуще ли институту мер пресечения свойство исключительности?	да	46
	нет	17
	иное	27
	затрудняюсь ответить	10
16.1. Если да, то в чем состоит эта исключительность (выберите один или несколько предлагаемых вариантов ответов)	принуждение применяется к лицу, которое еще не признано виновным в совершении преступления	22
	происходит фактическая реализация уголовной ответственности	17
	исключительность ситуации, когда они подлежат применению, а именно: наличие реальной угроза нормальному ходу процесса по уголовному делу	25
	иное (укажите)	7
	затрудняюсь ответить	29
17. Каково назначение (цели) мер пресечения? Выберете вариант (или варианты) ответов из числа предложенных или укажите свой ответ:	обеспечить надлежащее поведение обвиняемого в процессе и исключить с его стороны противодействие	48
	гарантировать участие обвиняемого в судебном разбирательстве и вынесение правосудного приговора.	39
	цели мер пресечения определены исключительно статьей 97 УПК	31
	меры пресечения обсуживают достижение целей процесса;	81
	на практике меры пресечения (угроза их применения) используются и с целью оказания давления на обвиняемого – получения показаний, изменения им позиции	13
	применение меры пресечения (заключение под стражу) с целью обеспечения безопасности обвиняемого	3
	иное (укажите)	5
	затрудняюсь ответить	0
18. Зависит ли выбор меры пресечения от предполагаемой меры уголовной ответственности за преступление, в котором обвиняется лицо?	да	67
	нет	6
	иное	18
	затрудняюсь ответить	9
19. Учитывается ли тяжесть преступления при выборе правоприменителем меры	это главное обстоятельство, определяющее выбор меры пресечения	57
	это одно из прочих учитываемых	28

пресечения	обстоятельств	
	не учитывается	0
	другое (укажите)	7
	затрудняюсь ответить	8
20. Связаны ли меры пресечения с наказанием, уголовной ответственностью?	нет, не связаны никак	73
	меры пресечения обеспечивают реализацию мер уголовной ответственности и (или) исполнение наказания	28
	меры пресечения можно считать особыми средствами уголовно-правового воздействия	9
	какая-то связь мер пресечения и уголовной ответственностью есть	13
	меры пресечения являются элементом реализации уголовной ответственности в рамках возникшего уголовно-правового отношения между государством и лицом, совершившим преступление	8
	предложите свой вариант ответа	3
	затрудняюсь ответить	7
21. Обуславливает ли применение меры пресечения факт совершения преступления обвиняемым (подозреваемым)?	да	92
	нет	0
	иное (укажите)	7
	затрудняюсь ответить	1
22. Какой должна быть степень доказанности факта совершения инкриминируемого подозреваемому (обвиняемому) преступления на момент избрания меры пресечения (в виде заключения под стражу):	отсутствие разумных сомнений в виновности подозреваемого в совершении инкриминируемого ему преступление	7
	несомненная доказанность подозрения	22
	достаточно степень вероятности доказанности подозрения	27
	доказанность обвинения	9
	иное (укажите)	12
	затрудняюсь ответить	23
23. Есть разница в уровне доказанности оснований меры пресечения в ходе досудебного производства и в суде?	да	43
	нет	44
	иное (укажите)	9
	затрудняюсь ответить	4
24. Надо ли закрепить в Кодексе стандарт доказанности факта совершения преступления подозреваемым (обвиняемым) при избрании меры пресечения в ходе досудебного производства?	такой правовой стандарт уже существует по УПК РФ	29
	надо в УПК РФ нормативно закрепить такой стандарт и дать его определение	9
	его невозможно сформулировать	14
	судья сам вправе определить необходимую степень доказанности подозрения	28

	иной вариант (укажите)	9
	затрудняюсь ответить	11
25. Имеют ли место судебное следствие и доказывание в процедуре судебного контроля при избрании меры пресечения?	да, в ходе судебного заседания при рассмотрении судом ходатайства о применении меры пресечения проводится судебное доказывание по правилам главы 37 УПК	62
	это бывает крайне редко	16
	судебного следствия в его виде не бывает	12
	иное (укажите)	8
	затрудняюсь ответить	2
26. Проводятся ли следственные действия в рамках процедуры судебного контроля?	да	12
	нет	61
	иное	18
	затрудняюсь ответить	9
26.1. Если Вы были участником следственных действий или присутствовали при их проведении при рассмотрении судом вопроса о применении меры пресечения, то укажите, какие это были следственные действия?	допросы а) обвиняемого, подозреваемого б) свидетелей в) потерпевшего г) других лиц	91 89 16 18 7
	оглашение протоколов, других документов, полученных органом предварительного расследования	96
	представление путем оглашения стороной защиты материалов, полученных адвокатом самостоятельно	67
	проведение экспертизы	0
	предъявление вещественных доказательств	7
	другое	5
	затрудняюсь ответить	8
27. Что Вы понимаете под основаниями применения мер пресечения?	обстоятельства, указанные в статьях 97, 99 УПК РФ	55
	сведения, подтверждающие эти обстоятельства	26
	и то, и другое	82
	иное	3
	затрудняюсь ответить	7
28. Могут ли быть в качестве оснований применения меры пресечения использоваться результаты ОРД?	да, но только после процессуальной проверки в ходе предварительного расследования	68
	да, путем проверки в судебном заседании	13
	да, они доводятся иногда до сведения судьи во внепроцессуальном порядке	9

	иное	6
	затрудняюсь ответить	4
29. Укажите причину или причины, по которым суды отказывают (могут отказать) в удовлетворении ходатайств органов предварительного расследования об избрании (продлении срока) меры пресечения?	отсутствие или недостаточность материалов, подтверждающих обоснованность подозрения	73
	отсутствие или недостаточность материалов, подтверждающих обоснованность применения меры пресечения	68
	ошибки в оформлении процессуальных документов: а) постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения (продления срока), б) процессуальных документов, призванных подтвердить обоснованность ходатайства	39 7 27
	доказательства стороны защиты, опровергающие ходатайство	18
	позиция потерпевшего	8
	противоречия между следователем и прокурором	7
	иное (укажите)	14
	затрудняюсь ответить	3
30. Насколько значим фактор состояния здоровья обвиняемого при избрании меры пресечения?	да, значим, и всегда проверяется	11
	проверяется тогда, когда есть для этого основания	82
	по заявлению стороны защиты	29
	другой вариант	9
	затрудняюсь ответить	4
31. Считаете ли Вы обязательным применять меру пресечения в отношении каждого обвиняемого?	да	93
	нет	6
	иное	1
	затрудняюсь ответить	0
32. Если, да, то поясните свою позицию, указав один или несколько из предложенных вариантов	так принято на практике	58
	мера пресечения, даже психологического характера, оказывает дисциплинирующее воздействие на обвиняемого	73
	избрание меры пресечения создает условие для применения более строгой меры пресечения, в случае неправомерного поведения обвиняемого	28
	такова позиция руководства	17
	иное	6

	затрудняюсь ответить	3
33. Считаете ли Вы правильным наделение следователя (другого должностного лица органа предварительного расследования) правом на обжалование в вышестоящий суд постановления судьи по ходатайству об избрании меры пресечения?	да	21
	нет	74
	нет мнения на этот счет	5
34. Как вы оцениваете эффективность действий защитников в судебной процедуре?	они делают все что могут, чтобы отстоять	16
	более вредят, чем помогают подзащитному	39
	бесполезно	7
	достаточно эффективно	22
	иное	3
	не берусь оценить	13
35. Злоупотребляют ли защитники (обвиняемые) правами при разрешении в суде вопроса о применении меры пресечения?	да, часто	60
	редко	24
	нет	6
	иное	8
	затрудняюсь ответить	2
36. Ваше отношение к норме, предоставляющей обвиняемому, в отношении которого применен арест, право на получение помощи нотариуса и все вытекающие из этого действия (допуск нотариуса в СИЗО, общение с обвиняемым, работа с документами, совершение сделок и пр.)?	положительное	7
	отрицательное	84
	не было пока таких случаев	87
	были ходатайства, но отказано в удовлетворении	10
	нотариус был допущен, и сделки совершались	4
	затрудняюсь ответить	7
37. Как вы относитесь к созданию особого порядка применения мер пресечения при ведении уголовных дел в отношении лиц, обвиняемых в совершении предпринимательских преступлений против собственности?	положительно	15
	отрицательно	78
	запрет на взятие под стражу (ч. 1.1 статьи 108 УПК) субъектов предпринимательской деятельности обоснован и справедлив	13
	иное	18
	затрудняюсь ответить	31
38. Является ли текущая уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения оптимальной?	да	47
	нет	28
	иное	8
	затрудняюсь ответить	17
38.1. Если нет, то поясните, что надо в ней изменить	исключить изъятия из общего порядка применения мер пресечения и уравнять всех перед законом и судом	34
	больше применять меры пресечения, не связанные с лишением свободы	49
	надо менять всю процессуальную систему вместе с институтом мер пресечения	9
	иное	4

	затрудняюсь ответить	4
39. Является ли существующий тип уголовного процесса оптимальным для современного этапа социально-экономического, государственно-правового и духовно-культурного развития страны?	да	80
	нет	16
	иное	3
	затрудняюсь ответить	1
40. Каким должен быть отечественный процесс?	выражать национальную правовую специфику	58
	отвечать духовным ценностям российского народа	26
	соответствовать универсальным правовым стандартам (в частности – европейскому стандарту «справедливого судебного разбирательства»)	33
	иное	11
	затрудняюсь ответить	17
41. Надо ли проводить реформу предварительного расследования?	да	27
	нет	61
	иное	7
	затрудняюсь ответить	5

Приложение № 4

Результаты анкетирования адвокатов

Анкетирование проведено в период с января 2017 г. по январь 2019 г. Количество респондентов составило 82 человека.

Вопросы	**Варианты ответов**	**Итоги (в %)**
1. Есть ли связь института мер пресечения с общей правовой организацией производства по уголовным делам?	да, прямая связь	73
	косвенная (непрямая) связь	15
	связи нет	6
	иное (поясните)	3
	затрудняюсь ответить	3
2. Какова, на Ваш взгляд, типовая организация современного российского уголовного процесса?	состязательная	4
	смешанного типа (сочетание элементов состязательности и следственности)	51
	следственная	30
	досудебное производство является следственным	95
	иное (поясните)	2
	затрудняюсь ответить	3
3. Есть ли состязательность и равноправие сторон в судебном контроле за применением мер пресечения в уголовном процессе в ходе предварительного расследования?	в полной мере судебный контроль состязателен, и в нем есть равноправие сторон	20
	есть только формально, в реальности они отсутствуют	72
	иное (поясните)	4
	затрудняюсь ответить	4
4. Являются ли судьи независимыми в российском уголовном процессе и свободными в принятии своих решений – о мерах пресечения в том числе?	да	12
	нет	72
	частично	11
	иное (поясните)	2
	затрудняюсь ответить	3
5. В чем Вы видите свою цель в процедуре решения вопроса об избрании меры пресечения?	защита интересов подзащитного, улучшение его положения	63
	оспаривание ходатайства органа предварительного расследования о применении меры пресечения	78
	установление смягчающих обстоятельств, имевших место в действительности	73
	обеспечение принятия судом правомерного постановления	17
	создание условий для освобождения от уголовной ответственности	9

	освобождение обвиняемого от применения к нему меры пресечения любыми средствами	13
	другое (поясните)	6
	затрудняюсь ответить	2
6. Суд при осуществлении судебного контроля активен?	да	69
	нет	15
	иное	8
	затрудняюсь ответить	8
7. На что направлена активность суда?	в пользу стороны обвинения	68
	в пользу стороны защиты	2
	для установления истины и справедливости	12
	принятие правомерного решения	8
	у судьи свой интерес	28
	иное	6
	затрудняюсь ответить	2
8. Считаете ли Вы, что современный судебный контроль за применением мер пресечения является эффективным?	да, вполне	27
	нет	54
	в определенной мере	13
	другое (поясните)	4
	затрудняюсь ответить	2
9. В случае критичного ответа на вышеприведенный вопрос, отметьте из числа предлагаемых вариантов тот (или те), где указывается причина (причины), снижающие эффективность судебного контроля за мерами пресечения или вообще обесценивающими его:	следственный тип процесса, в котором доминирует следственная власть	75
	отсутствие состязательности в досудебном производстве и в процессе вообще	60
	следственная технология формирования уголовно-процессуальных доказательств	55
	зависимость судей от исполнительной власти	40
	низкий уровень правовой культуры правоприменителей	45
	специфика устройства (авторитарная) российской государственной власти	25
	недемократический политико-правовой режим	15
	плохая историческая правовая традиция	20
	уровень социально-экономического развития (бедность населения)	25
	пассивность адвокатов, низкий уровень защиты	5
	традиционная – патерналистская модель отношений власти и населения	20
	иное (укажите)	2
	затрудняюсь ответить	0
10. Считаете ли Вы свою деятельность в	да	54

рамках осуществления судебного контроля за избранием меры пресечения?	нет	27
	иное	14
	затрудняюсь ответить	5
11. Какие факторы затрудняют деятельность адвоката при разрешении судом ходатайств органов предварительного расследования об избрании мер пресечения?	несовершенство уголовно-процессуального закона	48
	законное противодействие прокурора, следователя	8
	сложившаяся система принятия решений о мерах пресечения	42
	обвинительный уклон суда	56
	недостаток ресурсов, времени для подготовки к процедуре	6
	недостаток профессионализма	3
	иное	4
	затрудняюсь ответить	3
12. Надо ли повышать роль прокурора в процедурах применения мер пресечения?	да	8
	нет	82
	иное (укажите)	3
	затрудняюсь ответить	7
13. Если да, то, какие меры Вы считаете необходимым предпринять? – выберите варианты ответов из числа предлагаемых:	получение согласия прокурора на постановление следователя о возбуждении ходатайства перед судом об избрании меры пресечения (продлении срока)	57
	выдача прокурором заключения на ходатайство и предоставление его в суд	39
	введение прокурорского санкционирования вместо судебного разрешения	7
	введение порядка дачи прокурором санкций на применение тех мер пресечения, которые не требуют судебного разрешения	9
	другое	3
	затрудняюсь ответить	2
14. Будет ли полезным для отечественной уголовно-процессуальной системы введение следственных судей в качестве субъектов судебного контроля за применением мер пресечения?	да	46
	нет	22
	иное (укажите)	3
	затрудняюсь ответить	29
15. Если да, то выберите модель следственного судьи, которая наиболее импонирует Вам:	следственные судьи должны быть образованы на уровне субъектов федерации, и их юрисдикция должна распространяться только на уголовные дела о преступлениях в сфере экономической деятельности	31
	следственные судьи должны быть созданы на уровне административно-территориального деления (городов, районов)	60
	следственный судья должен быть аналогом судебного следователя и выполнять	5

	функцию следствия наряду с функцией судебного контроля	
	иное (укажите)	2
	затрудняюсь ответить	2
16. Какова причина того, что на практике подписка о невыезде и заключение под стражу обычно выступают альтернативой друг другу при решении вопроса о применении меры пресечения, а остальные меры пресечения применяются ввиду невозможности применения первых двух?	привычка правоохранителей	26
	малая эффективность других мер пресечения	19
	специфика контингента, представители которого становятся обвиняемыми по уголовным делам	41
	предложите свой вариант ответа	9
	затрудняюсь ответить	5
17. Надо ли менять в УПК имеющуюся систему мер пресечения?	да	58
	нет	20
	иное (укажите)	9
	затрудняюсь ответить	13
18. Если да, то, что надо сделать?	отказаться от подписки о невыезде как меры пресечения	10
	отказаться от поручительства во всех его проявлениях (статьи 103-105 УПК РФ) как меры пресечения	10
	отказаться от запрета применять одновременно две меры пресечения или комбинировать их элементы (домашний арест и залог, например)	50
	отказаться от правового стандарта, согласно которому по уголовному делу обязательно в отношении подозреваемого (обвиняемого) применяется одна из мер пресечения	55
	сделать обязательством о явке обвиняемого альтернативой мере пресечения	70
	ввести новую или новые меры пресечения (укажите - какую (какие))	10
	иное (укажите)	5
	затрудняюсь ответить	5
19. Зависит ли выбор меры пресечения от предполагаемой меры уголовной ответственности за преступление, в котором обвиняется лицо?	да	27
	нет	36
	иное	20
	затрудняюсь ответить	17
20. Связаны ли меры пресечения с наказанием, уголовной ответственностью?	нет, не связаны никак	31
	меры пресечения обеспечивают реализацию мер уголовной ответственности и (или) исполнение наказания	21
	меры пресечения можно считать особыми средствами уголовно-правового воздействия	4
	какая-то связь мер пресечения и уголовной ответственностью есть	17
	меры пресечения являются элементом реализации уголовной ответственности в рамках возникшего уголовно-правового	4

	отношения между государством и лицом, совершившим преступление	
	предложите свой вариант ответа	8
	затрудняюсь ответить	15
21. Обуславливает ли применение меры пресечения факт совершения преступления обвиняемым (подозреваемым)?	да	66
	нет	10
	иное (укажите)	18
	затрудняюсь ответить	6
22. Какой должна быть степень доказанности факта совершения инкриминируемого подозреваемому (обвиняемому) преступления на момент избрания меры пресечения (в виде заключения под стражу):	отсутствие разумных сомнений в виновности подозреваемого в совершении инкриминируемого ему преступление	6
	несомненная доказанность подозрения	22
	достаточно степень вероятности доказанности подозрения	50
	доказанность обвинения	17
	иное (укажите)	3
	затрудняюсь ответить	2
23. Надо ли закрепить в Кодексе стандарт доказанности факта совершения преступления подозреваемым (обвиняемым) при избрании меры пресечения в ходе досудебного производства?	такой правовой стандарт уже существует по УПК РФ	18
	надо в УПК РФ нормативно закрепить такой стандарт и дать его определение	40
	его невозможно сформулировать	17
	судья сам вправе определить необходимую степень доказанности подозрения	7
	иной вариант (поясните, если можете)	8
	затрудняюсь ответить	10
24. Имеют ли место судебное следствие и доказывание в процедуре судебного контроля при избрании меры пресечения?	да, в ходе судебного заседания при рассмотрении судом ходатайства о применении меры пресечения проводится судебное доказывание по правилам главы 37 УПК	33
	это бывает крайне редко	29
	судебного следствия в его виде не бывает	25
	иное (укажите)	13
	затрудняюсь ответить	0
25. Проводятся ли следственные действия в рамках процедуры судебного контроля?	да	43
	нет	41
	иное	6
	затрудняюсь ответить	10
26. Если Вы были участником следственных действий или присутствовали при их проведении при рассмотрении судом вопроса о применении меры пресечения, то укажите, какие это были следственные действия?	допросы а) обвиняемого, подозреваемого б) свидетелей в) потерпевшего г) других лиц	90 90 15 5 15
	оглашение протоколов, других документов, полученных органом предварительного расследования	90
	представление путем оглашения стороной защиты материалов, полученных адвокатом	20
	проведение экспертизы	0

	предъявление вещественных доказательств	10
	другое	5
	затрудняюсь ответить	10
27. Что Вы понимаете под основаниями применения мер пресечения?	обстоятельства, указанные в статьях 97, 99 УПК РФ	49
	доказательства, подтверждающие эти обстоятельства	41
	и то, и другое	8
	иное	2
	затрудняюсь ответить	0
28. Могут ли быть в качестве оснований применения меры пресечения использоваться результаты ОРД?	да, но только после процессуальной проверки в ходе предварительного расследования	63
	да, путем проверки в судебном заседании	17
	да, они доводятся иногда до сведения судьи во внепроцессуальном порядке	9
	иное	7
	затрудняюсь ответить	4
29. Укажите причину или причины, по которым суды отказывают (могут отказать) в удовлетворении ходатайств органов предварительного расследования об избрании (продлении срока) меры пресечения?	отсутствие или недостаточность материалов, подтверждающих обоснованность подозрения	43
	отсутствие или недостаточность материалов, подтверждающих обоснованность применения меры пресечения	88
	ошибки в оформлении процессуальных документов: а) постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения (продления срока), б) процессуальных документов, призванных подтвердить обоснованность ходатайства	9 3 54
	доказательства стороны защиты, опровергающие ходатайство	13
	позиция потерпевшего	2
	противоречия между следователем и прокурором	4
	иное (укажите)	6
	затрудняюсь ответить	5
30. Насколько значим фактор состояния здоровья обвиняемого при избрании меры пресечения?	да, значим, и всегда проверяется	43
	проверяется тогда, когда есть для этого основания	86
	по заявлению стороны защиты	72
	другой вариант	6
	затрудняюсь ответить	3

31. Считаете ли Вы правильным наделение следователя (другого должностного лица органа предварительного расследования) правом на обжалование в вышестоящий суд постановления судьи по ходатайству об избрании меры пресечения?	да	3
	нет	97
	нет мнения на этот счет	0
32. Как вы оцениваете эффективность действий адвокатов-защитников в судебной процедуре избрания мер пресечения?	они делают все что могут, чтобы отстоять интересы	96
	более вредят, чем помогают подзащитному	4
	бесполезно	62
	достаточно эффективно	12
	иное	4
	не берусь оценить	0
33. Злоупотребляют ли защитники (обвиняемые) правами при разрешении в суде вопроса о применении меры пресечения?	да, часто	3
	редко	6
	нет	90
	иное	1
	затрудняюсь ответить	0
34. Ваше отношение к норме, предоставляющей обвиняемому, в отношении которого применен арест, право на получение помощи нотариуса и все вытекающие из этого действия (допуск нотариуса в СИЗО, общение с обвиняемым, работа с документами, совершение сделок и пр.)?	положительное	47
	отрицательное	11
	не было пока таких случаев	17
	были ходатайства, но отказано в удовлетворении	17
	нотариус был допущен, и сделки совершались	7
	затрудняюсь ответить	1
35. Как вы относитесь к созданию особого порядка применения мер пресечения при ведении уголовных дел в отношении лиц, обвиняемых в совершении предпринимательских преступлений против собственности?	положительно	61
	отрицательно	7
	запрет на взятие под стражу (ч. 1.1 статьи 108 УПК) субъектов предпринимательской деятельности обоснован и справедлив	72
	иное	9
	затрудняюсь ответить	4
36. Является ли текущая уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения оптимальной?	да	14
	нет	83
	иное	2
	затрудняюсь ответить	1
37. Если нет, то поясните, что надо в ней изменить	исключить изъятия из общего порядка применения мер пресечения и уравнять всех перед законом и судом	7
	больше применять меры пресечения, не связанные с лишением свободы	85

	надо менять всю процессуальную систему вместе с институтом мер пресечения	43
	иное	5
	затрудняюсь ответить	3
38. Является ли существующий тип уголовного процесса оптимальным для современного этапа социально-экономического, государственно-правового и духовно-культурного развития страны?	да	18
	нет	74
	иное	4
	затрудняюсь ответить	4
39. Каким должен быть отечественный процесс?	выражать национальную правовую специфику	28
	отвечать духовным ценностям российского народа	6
	соответствовать универсальным правовым стандартам (в частности – европейскому стандарту «справедливого судебного разбирательства»)	67
	иное	8
	затрудняюсь ответить	10